Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

А. И. Родимцев

Твои, Отечество, сыны

ОТ АВТОРА

Еще много лет писатели, историки, военные специалисты будут открывать все новые волнующие страницы героической эпопеи — Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Как участник этой войны с первых ее дней и до окончательного разгрома фашистских армий, считаю своим долгом поделиться с читателем воспоминаниями о военных событиях, которые мне пришлось пережить.

Эта книга повествует о наиболее тяжелом для советскою народа периоде о первых месяцах Великой Отечественной войны. В книге нет вымышленных героев. Ее персонажи — верные сыны и дочери великого советского народа, показавшие в борьбе за свободу и независимость нашей Родины незабываемые примеры самоотверженности, мужества и отваги.

В те суровые дни первый натиск немецко-фашистских полчищ приняли на себя наши пограничники; вслед за ними в сражение вступили регулярные части Красной Армии.

Наше соединение за время войны прошло девять тысяч километров трудного ратного пути, из них не менее шести тысяч — в упорных кровопролитных боях. В каждом сражении солдаты и офицеры проявляли самоотверженность, бесстрашие и высокий патриотизм.

Внезапность нападения и перевес в силе в первые месяцы войны содействовали продвижению гитлеровских войск на восток, в глубь нашей страны.

Известно, что кровавая гитлеровская агрессия стала возможной лишь потому, что США и Англия после первой мировой войны щедро финансировали и вскормили германский империализм и милитаризм. Реакционные круги западноевропейских государств, стремясь разрешить глубокие противоречия, раздиравшие в то время империалистический лагерь, хотели добиться осуществления своих целей за счет первой страны социализма. Поэтому они настойчиво подталкивали фашистскую Германию к войне против СССР.

Но внутренние противоречия империалистических государств оказались настолько сильны, что клика Гитлера решила обеспечить свой европейский тыл, прежде чем двинуть войска против Советского Союза. Таким образом, вторая мировая война началась как война между двумя соперничающими империалистическими группировками.

При содействии небезызвестных мюнхенцев фашисты после «аншлюса» Австрии поочередно захватили Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Францию, Югославию и Грецию. Одновременно с оккупацией этих стран фашистская Германия подчинила своему влиянию Италию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Финляндию. Она сумела воспользоваться и ресурсами формально нейтральных стран — Испании, Португалии, Турции, а также Швеции и Швейцарии.

Все это усилило военный потенциал фашистской Германии: на гитлеровские армии работала промышленность почти всего европейского континента.

За всю свою историю Советская Родина не видела такого сильного, коварного и злобного врага, как германский фашизм, который ставил целью порабощение народов и физическое уничтожение миллионов людей.

Боевые действия против Советского Союза начали заранее отмобилизованные и сосредоточенные у наших западных границ 190 вражеских дивизий при поддержке 4980 боевых самолетов, около 4000 танков и штурмовых орудий, 47 200 орудий и минометов.

К началу июля 1941 года фашистским армиям удалось захватить Литву, большую часть Латвии, Западную Белоруссию и часть Западной Украины.

В это тревожное и суровое время наша Коммунистическая партия развернула гигантскую работу по мобилизации сил для отпора агрессору, по перестройке всей жизни советских людей на военный лад, послала в армию тысячи коммунистов и комсомольцев. Центральный Комитет направил на руководящую военную работу виднейших деятелей партии, многих секретарей крайкомов, обкомов и других партийных работников.

Сплоченные партией, вдохновленные личным примером коммунистов в ожесточенных оборонительных боях наши войска наносили врагу все более чувствительный урон, уничтожая его живую силу и технику.

Гитлеровские генералы были убеждены, что, начав вторжение на территорию Советского Союза в июне, они к осени дойдут до Урала, а затем приступят к осуществлению своих дальнейших планов завоевания мирового господства. Напутствуемые бесноватым фюрером, они рассчитывали молниеносно нанести нашей Родине смертельный удар. Но не тут-то было! Уже через два месяца после вторжения в Советскую страну Гитлер вынужден был отказаться от

навязчивой идеи с ходу захватить Москву. 21 августа 1941 года он потребовал от своих военачальников сначала захватить Ленинград, Донбасс, и только после этого двигаться на Москву.

На путях к Москве, Ленинграду, Киеву, Харькову, Донбассу, Крыму, Кавказу, Дону и Волге фашисты лишились доброй половины своего вооружения; их дивизии поредели. В боях гитлеровцы потеряли тысячи лучших солдат и офицеров, сотни танков, самолетов, орудий, минометов, автомашин.

Мне довелось принимать непосредственное участие в отражении вражеской агрессии, командуя 5-й воздушно-десантной бригадой. Бои за Киев, Конотоп, Харьков, Тим, Щигры — славные страницы ее боевого пути.

Стойкость советских воинов и всенародная сплоченность, проявленные при обороне столицы Украины, поразили гитлеровских генералов. Неспроста некоторые немецкие военные историки писали, что первые разногласии и стане Гитлера начались во время боев за Киев, в результате неудач немецко-фашистских войск.

С волнением вспоминаю те тревожные дни Киева, когда толпы добровольцев стекались к военкоматам, когда стихийные митинги возникали на улице Ленина и на Крещатике, когда столица Украины, как и вся великая Советская страна, перестраивалась на военный лад.

По зову партии 200 тысяч киевлян добровольно вступили в ряды Красной Армии; в их числе были 16 тысяч коммунистов и 40 тысяч комсомольцев. Свыше 300 тысяч человек стали воинами отрядов народного ополчения и истребительных батальонов, действовавших на территории Киева и области. Свыше 4 тысяч человек сражались в партизанских отрядах в тылу войск врага, которые рвались к Киеву.

Воины Красной Армии, народные ополченцы и партизаны проявили в боях с ненавистным врагом беззаветное мужество и отвагу.

Величайшую из всех битв в истории человечества выиграли мы, советские люди, наши Вооруженные Силы, одержавшие победу над несметными полчищами врага. Нам ли бояться угроз со стороны битых фашистских генералов и их американских хозяев теперь, когда силы наши удесятерились, когда мы имеем все новейшие виды вооружения, небывалые по своей мощности, в количестве, достаточном для того, чтобы разгромить любого агрессора, когда существует могучее содружество социалистических государств, оказывающее все более сильное воздействие на ход мировой истории.

Пусть знают любители военных авантюр: мы не хотим войны, но если они осмелятся напасть на нас, мы, воины страны Советов,

строители коммунизма, выполним свой священный долг перед Родиной, сметем с лица земли любого врага.

Хочется думать, что эти записи окажутся полезными нашей славной молодежи, совершающей великие дела в построении самого совершенного и справедливого общества — коммунизма, помогут ей заглянуть в богатый духовный мир советских воинов, отстоявших социалистические завоевания трудящихся. Славная история советского народа не может не вызывать гордости за нашу Армию, не может не породить стремления еще более самоотверженно служить Родине, партии, великому делу Ленина.

Выражаю сердечную благодарность фронтовым товарищам, которые помогли восстановить и полнее донести рассказ о нашем боевом пути — Ю. К. Андрийцу, В. А. Борисову, М. Ф. Потапову, И. А. Самчуку, А. Д. Харитонову, П. А. Пасечнику и М. С. Школьнику.

Немного биографии. Солдатская служба. Школа имени ВЦИК. Испания. Военная академия имени М. В. Фрунзе. Командир 5-й воздушно-десантной бригады.

Как бы далеко ни отодвинулись в прошлое военно-политические события 1941–1945 годов, они не перестанут привлекать к себе внимание читателя. Поэтому воспоминания наших военачальников, генералов и офицеров, непосредственных участников битв против гитлеровских орд, имеют большое познавательное и воспитательное значение для самых широких кругов советского народа. Одновременно такие воспоминания являются ценным фактическим материалом и для историков Великой Отечественной войны.

Мне хочется надеяться, что и мои записки, начатые на Южном фронте, пронесенные через Киев, Харьков, Тим, Волгоград и завершенные в Праге, в дни разгрома остатков немецко-фашистских войск в Чехословакии, окажутся в известной степени полезными для нашего читателя.

Я, конечно, не ставлю своей задачей изложить все этапы и перипетии сложного пути вверенного мне соединения. В каждом боевом эпизоде советские воины являли примеры самоотверженности, бесстрашия и высокого патриотизма, и поэтому каждое из этих сражений может быть достойно солидной, волнующей книги. Я останавливаю внимание только на тех эпизодах, которые наиболее памятны мне как непосредственному участнику великой битвы.

В жизни каждого человека наступает период, когда хочется оглянуться на пройденный путь, сравнить день нынешний и день

минувший, взвесить пережитое. И если прожита она не бесцельно, в такой жизни, будь это рядовой солдат или полководец, всегда найдется много поучительного.

Мемуары принято начинать с биографических данных. Но «анкетный раздел», касающийся моего детства, очень скуден. По сути, я почти не помню детства, так как слишком рано, совсем мальчонкой, стал единственной опорой семьи.

Родился я в далеком глухом селе Шарлык бывшей Оренбургской губернии в семье крестьянина-бедняка. Наше село окружала бескрайняя плодородная степь, на которой зрели обильные урожаи. Однако мне еще ребенком довелось узнать, что и эти немерянные тысячи десятин земли, и заповедные, богатые рыбой озера, и бесчисленные стада коров и овец, и табуны лошадей, и даже колодцы у дорог в степи, — всё было отмечено знаком «чужое», все принадлежало помещикам и кулакам.

Собственной земли отец не имел, и все его «хозяйство» являла собой хилая лошаденка, купленная у проезжего барышника за гроши. Запрягать свою Сивку отцу почти не приходилось: с весны и до поздней осени он батрачил у богатых мужиков, а они в нашем «иноходце» не нуждались.

Уход за Сивкой был поручен мне. Я водил ее в ночное, чистил, купал холил и радовался, что в старой кляче иногда словно бы пробуждалась молодость и она трусила за табуном рысцой.

В далекое наше село отзвуки больших событий докатывались медленно и глухо. Помню шумную, праздничную сходку бедноты. Красный флаг над зданием волости. Пышный красный бант на груди у отца. Серьезный, сосредоточенный вид, с каким он чистил и смазывал добытую где-то старенькую винтовку…

В суровую пору гражданской войны белогвардейцам надолго удалось отрезать Оренбургскую губернию от советской территории. В селе что ни день появлялись все новые атаманы. Особенно свирепствовала банда Дутова. После ее налетов многие семьи оплакивали родных.

Кулаки запомнили, что батрак Илья Родимцев, безземельщина, голь перекатная, держал на сходке революционную речь, выражая уверенность в победе Красной Армии. Они выдали Родимцева дутовцам… Какой-то пьяный, расхлябанный атаман, немытый, нечесаный, ворвался в черную избу батрака, как врываются в осажденную крепость. Но, увидев бледных, оборванных детишек, изможденную мать, преждевременно поседевшего отца, остановился.

Возможно, что даже у бандита шевельнулось чувство жалости. Он спрятал наган и кивнул своим подручным:

— Расстрел отменяется… Но шомполов, для острастки, не считать!

Зверски истерзанный белобандитами, отец умер через несколько дней после пытки. Я остался единственным кормильцем семьи.

Тягостно и горько было мне идти в услужение к богатею, который, я знал это, выдал моего отца, но слезы матери и благословение усталой ее руки были для меня приказом. Я оставил семью, школу, товарищей и нанялся в батраки.

Незабываемым остался для меня тот день, когда в наше село в сиянии солнца и в громе духового оркестра, рассыпая цокот подков, широким развернутым строем хлынула красная конница. Я сам не помнил, как очутился рядом с могучим буланым рысаком, как уцепился за стремя усача-кавалериста, а он, смеясь, наклонился и легко подхватил меня с земли, усадив перед собою на луку седла… Красные конники остановились в Шарлыке на отдых, и я ходил за бойцами по пятам, с замиранием сердца прислушиваясь к их разговорам.

Манящая даль военных походов отныне стала моей детской мечтой. Но почему же эта мечта не приходила раньше? Ведь и раньше не раз на улицах нашего села гарцевали вооруженные конники. Однако при появлении белоказаков Шарлык словно бы вымирал, только священник, староста и тройка бородатых богачей выходили на площадь к церкви с хлебом и солью на полотенце. А теперь ликовал весь народ, и мне было понятно, что эти люди с оружием, обветренные и пропахшие дымом атак, несли народу на остриях своих клинков свободу и счастье.

Вот почему крестьянки делились с ними последним куском хлеба. Старики, сидя на завалинках домов, угощали их махоркой и доверчиво вели долгие разумные беседы. Кузнец без устали день и ночь ковал их лошадей. Учительница спешила к ним со стопой книг, и они встречали ее почтительно и слушали, как примерные школьники. Даже мальчишки чувствовали себя в кругу этих суровых воинов своими людьми и, конечно, с готовностью выполняли их поручения.

Я мечтал стать красным кавалеристом, чтобы так же лихо позванивать шпорами, носить длинную, с золоченой рукоятью саблю, бесстрашно мчаться в атаку на врага на горячем скакуне, чтобы и меня встречали в селах с радостью, как родного…

Однако я знал, что до призыва в Красную Армию мне еще долго ждать. Трудно мне было в первые годы батрачества, когда кулаки

чувствовали себя на селе значительной силой и беспощадно эксплуатировали сезонных рабочих. Постепенно коммунисты Шарлыка укрощали хищные аппетиты богатеев, привлекали их к строгой ответственности за издевательство над батраками.

Я стал выступать на сельских собраниях, и хозяин, еще недавно грозивший мне кнутом, вдруг удивительно переменился: он уверял каждого встречного, что не чает во мне души. Все же, когда наступил срок, я был очень рад разлуке с этим «благодетелем».

Осенью 1927 года я предстал перед призывной комиссией, очень опасаясь, как бы меня не забраковали. Я нарочно выпячивал перед врачами грудь, напрягал мускулы, старался ступать тяжело и вразвалку: вот, мол, какая силенка, — полы подо мной дрожат! Но физический труд, знакомый мне с детства, зной и стужа достаточно закалили меня, и врачи в один голос сказали: годен.

Как-то очень быстро все это произошло: я не успел сказать о своем страстном желании служить в кавалерии, и уже был назначен в караульную роту. Просить о другом назначении мне показалось неудобным. Что ж, рота — так рота, можно и в пехоте стать примерным бойцом.

С этого дня и началась моя настоящая биография, а все предшествующее было только подготовкой к самостоятельной жизни.

В армии передо мной раскрылись возможности учебы. Я с жадностью набросился на книги, отдавая им каждую свободную минуту, слушал и конспектировал лекции, пристрастился к газетам, увлекся географией и авиацией, стал мечтать о парашютном спорте.

В те годы парашютизм в нашей стране, этот спорт отважных и сильных, приобрел грандиозный размах. В Осоавиахим, возникший в 1925 году, вступило около трех миллионов человек. Клубы и парашютные станции Осоавиахима привлекли огромные массы молодежи. Я тоже был захвачен этим бурным потоком: с завистью поглядывал на значок парашютиста, которым были отмечены некоторые мои сверстники, и мне не терпелось испытать свою выдержку и волю.

Несколько позже, когда довелось совершить свои первые пять прыжков с парашютом с самолета ТБ-3, мне, тоже вручили желанный значок, и я считал его чуть ли не высшей наградой.

Два года действительной службы в армии были для меня доподлинным и разносторонним курсом житейского университета. Уже в первые дни службы я понял, как мало дала мне сельская школа и какую огромную, сложную задачу выдвигает передо мной жизнь:

стать образованным человеком.

Я решил учиться с настойчивостью и упорством, на какие только чувствовал себя способным; однако мне постоянно казалось, что и вчера, и сегодня сделано мало, что можно и нужно сделать значительно больше.

В армии я вступил в комсомол, а звание комсомольца налагало на меня новые обязанности, которые тоже сводились к дальнейшей учебе. Эти два года действительной службы не прошли для меня даром: я нашел свое призвание, свой путь в жизни. Теперь я не мыслил себя вне рядов Красной Армии, с которой сроднился навсегда.

Романтическая мечта детства стать красным кавалеристом не оставляла меня. Как видно, первые признаки призвания проявляются очень рано. Не отцовская ли Сивка была повинна в этом? Нет, пожалуй, во мне еще было живо то неизгладимое впечатление силы и радости, какое я испытал в детстве при виде красной конницы, хлынувшей, будто живая лавина, в наш маленький Шарлык.

По окончании действительной службы я выдержал экзамены в школу имени ВЦИК. Меня зачислили на кавалерийское отделение. Так сбылась мечта моего детства: я — красный конник, будущий командир.

Еще мальчонкой я считал себя отличным наездником, да так говорили обо мне и первые авторитеты в нашем Шарлыке. Однако теперь мне пришлось учиться заново: мою манеру ездить и управлять конем командир назвал «веселым кустарничеством».

Военному делу я учился с огромным интересом: оно поглощало меня всего; в джигитовке и рубке я быстро добился немалых успехов, хотя и приходилось не раз побывать под конем. Впрочем, для молодого, физически развитого спортсмена подобные неприятности были нипочем, — они лишь накаляли азарт, воспитывали силу и ловкость.

Но особенно меня увлекало изучение важнейших операций периода первой мировой и гражданской войн: каждая строка воспоминаний участников легендарных рейдов конницы Буденного звучала для меня как песня. В школе имени ВЦИК я вступил в партию Ленина и после трех лет упорной учебы был назначен командиром пулеметного взвода. Продолжая заниматься в общеобразовательной школе командного состава, я по-прежнему отдавал чтению каждую свободную минуту; изучал историю, литературу, военные мемуары русских и иностранных полководцев.

Меня, однако, не привлекала перспектива стать кабинетным

специалистом: все свои знания я старался передать бойцам своего подразделения, воспитывая в них чувство долга, непоколебимую преданность Родине и партии, высокую дисциплину, настойчивость в боевой и политической подготовке. Я понимал, как важно постоянно вникать в каждую мелочь жизни и быта солдата, беречь его и заботиться о нем, чтобы воин видел в своем командире не только строгого, требовательного руководителя, но и чуткого, отзывчивого товарища.

На боевых учениях курсанты моего подразделения не раз показывали образцы находчивости, смелости, совершенного владения боевой техникой, умения быстро ориентироваться в обстановке боя, и для меня это было наградой за те усилия, которые я вкладывал в свою работу.

Когда мятежная банда генерала Франко, опираясь на военную помощь немецких и итальянских фашистов, поощряемая американскими и английскими реакционными правителями, выступила против законного правительства республиканской Испании, тысячи людей доброй воли из многих стран мира встали на защиту Испанской Республики. Борцы за справедливое дело создали интернациональные бригады. Я тоже загорелся желанием внести свой посильный вклад в борьбу трудового испанского народа. По зову сердца я прибыл в Испанию.

Сражаясь в рядах Испанской республиканской армии, впервые воочию увидел звериный облик фашизма, его циничную сущность, подлость и ложь.

Война в Испании многому меня научила, наполнила смертельной ненавистью к фашистским псам, болью осталась в сердце за растерзанную и поруганную трудовую Испанию.

Много трудностей довелось перенести мне на испанской земле, но я никогда не был неженкой и белоручкой и помнил солдатскую истину, что трудности существуют для того, чтобы их преодолевать.

Участвуя в боях за Мадрид, под Теруэлем, помогая бойцам испанской Народной армии овладевать современным стрелковым оружием, закупленным Испанской Республикой в СССР, я крепко сдружился с этими славными воинами, в среде которых бодрость духа и веселый нрав ценились так же высоко, как и отвага.

Впервые фашистских интервентов я увидел под Мадридом, когда в начале 1937 года итальянский экспедиционный корпус появился вблизи испанской столицы.

Вместе с командиром 1-й регулярной бригады майором Энрике

Листером я участвовал в атаке на захваченный фашистами монастырь Серро де лос Анхелес и уже в этом первом боевом крещении на испанской земле оценил могучую силу интернациональной спайки борцов за Республику.

Запомнился мне и этот бой, когда стремительной атакой мы вышибли фашистов из траншей, и отважный Листер, сражавшийся в передовой цепи, и синяя ночь после боя, когда усталые воины собрались у костра, — зазвучал патефон, и наша русская песня полилась над притихшей землей.

Испанские воины пели «Каховку», и было радостно слышать знакомую песню, словно донесенную с Днепра, — она стала выражением нашей скрепленной кровью дружбы.

Но особенно памятными остались для меня бои у Гвадалахары, где нам довелось скрестить оружие с хваленными итало-фашистскими дивизиями «Литторно», «Божья воля», «Черное пламя» и «Черные перья».

Противник располагал здесь внушительными на то время силами. Кроме перечисленных дивизий, в его корпус входили две смешанные итало-испанские бригады, артиллерийская группа в составе восьми артиллерийских дивизионов и четырех зенитных батарей, бронетанковая группа, мотопулеметная рота, огнеметно-химические роты, до 1300 автомашин, 160 мотоциклов, 120 боевых самолетов.

Перед нами стоял злобный и отлично вооруженный враг, заранее уверенный в своем успехе. Командование противника не случайно избрало для решающего удара на Мадрид именно Гвадалахарское направление. По рельефу и дорожной сети этот район был исключительно удобен для наступления и позволял ввести в действие все рода войск.

Не имея возможности подробно рассказать в этих записках о войне в Испании, я все же коротко остановлюсь на Гвадалахарской операции, так как она явилась для меня серьезным боевым «семинаром». Опыт современной войны, приобретенный в Испании, пригодился мне в сражениях на полях Украины.

Когда 9 марта 1937 года, ранним утром, после мощной артиллерийской подготовки и налета авиации, итало-фашистская пехота перешла в наступление у местечка Мирабуэно, я находился в батальоне, который его оборонял.

Надо сказать, что фашистское командование знало слабые места обороны 12-й республиканской дивизии, состояние и расположение войск, и артиллерия фашистов вела почти прицельный огонь по

штабам республиканских батальонов, по важным огневым точкам.

Фашистская пехота шла в атаку с устрашающими воплями; со свистом и улюлюканьем. Авиация противника непрерывно наносила бомбовые удары по нашим войскам. Это подбадривало фашистское воинство, и оно лезло на наш рубеж, что называется, напролом.

Позже, когда наша артиллерия и танки обрушили на дивизию «Черные перья» сокрушительный огонь и с нее действительно полетели перья, фашисты мгновенно присмирели. Куда девалась их недавняя прыть! С тех дней мне запомнилась эта особенность фашистских вояк: в случае успеха они были хвастливы и нахальны, в случае неудачи — злобны и трусливы.

Прибыв к советнику фронта, я до мельчайших подробностей информировал его о положении оборонявшейся 12-й республиканской дивизии. Вся тяжесть боя легла на республиканские танки и батальон имени Димитрова. Лишь к вечеру с помощью частей 11-й интернациональной бригады нам удалось остановить продвижение фашистов на этом участке фронта.

Вскоре я был направлен к командиру 11-й бригады немцу-коммунисту Гансу Кале для оказания помощи в организации взаимодействия всех родов войск и выяснения обстановки на поле боя.

Здесь, на НП бригады, засыпанном комьями земли от снарядных разрывов, мы наблюдали, как многочисленная колонна итальянских танков планомерно и неторопливо развертывалась для атаки, а затем двинулась на наш оборонительный рубеж.

Ведя на ходу огонь, пехотные цепи фашистов быстро приближались к линии обороны республиканцев и на ближнем к нам участке ворвались в окопы.

Впервые я увидел, как воюют фашисты: они добивали раненых бойцов Республики, поднимали их на штыки, истошно славили «дуче» и вопили о своей победе.

Впрочем, вопили рано: из засады на поле боя выдвинулась группа наших танков, и несколько машин противника запылали дымным огнем. Сломав цепи, пехота противника стала откатываться, отползать, а танковый взвод лейтенанта Эрнеста Фёрреро усердно «утюжил» фашистов и расстреливал их в упор.

Когда «Черные перья» начинали атаку, командиры их подразделений лихо шли впереди цепей с обнаженными клинками. Миновали какие-то минуты, и эти бравые вояки пустились наутек. Немногим из них удалось уйти: частью они были перебиты, частью взяты в плен.

В последующих боях, когда мне самому довелось косить фашистов из станкового пулемета, я меньше всего обращал внимание на их крикливые угрозы — после меткой очереди они моментально трезвели и теряли апломб.

Во время пребывания в Испании мне приходилось встречаться с командиром 12-й интернациональной бригады — легендарным генералом Лукачем. Венгерский писатель-коммунист Матэ Залка, носивший это имя, остался в моей памяти человеком наивысшей доблести и отваги. Такую же беззаветную храбрость проявляли прославленные командиры Листер и Модесто, которых я не раз видел в бою.

На переднем крае, на самых опасных участках фронта воины с ликованием встречали пламенную Долорес Ибаррури, и минуты, когда я беседовал с нею, остались мне памятны на всю жизнь: женщина большого обаяния и неукротимой воли, она была высоким примером для других.

Запомнились мне и встречи с Михаилом Кольцовым, и с американским писателем, то веселым, то задумчивым Эрнестом Хемингуэем, — у нас была одна цель — победа над вероломной фашистской кликой.

Разгром итальянского экспедиционного корпуса на гвадалахарском направлении, позорное бегство с поля боя сотен и тысяч фашистских вояк, пленение множества отъявленных головорезов «дуче» и Франко, торжество трудового народа Испании в дни той значительной победы, — все это ныне стало лишь страницей истории, но страницей поучительной и вдохновенной.

Для меня она была особенно поучительной. Теперь я располагал опытом современной войны. Возвратясь на Родину, я снова засел за учебу. Нужно было совершенствовать свои знания, чтобы стать на две головы выше офицера любой империалистической армии.

Удостоенный высокого звания Героя Советского Союза, я не успокоился на достигнутом — решил продолжать учебу и был несказанно рад, когда меня зачислили в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

В мае 1941 года, после окончания Военной академии и годичных курсов при штурманской Академии имени Н. Е. Жуковского, я был назначен командиром 5-й воздушно-десантной бригады, входившей в состав 3-го воздушно-десантного корпуса Одесского военного округа.

Казалось бы, еще не так давно, будучи рядовым солдатом, я мечтал о службе в воздушно-десантных войсках. На всю жизнь памятными

остались мне первые прыжки с парашютом, ощущение полета и высоты, гордая радость, испытанная под шелковым куполом в поднебесье.

А теперь, оказывается, я перевыполнил свою мечту: стал одним из командиров наших молодых воздушно-десантных войск, служба в которых считалась среди военных ответственной и почетной.

В те дни я был совершенно счастлив. Во-первых, мне предстояло служить с отлично подготовленными бойцами — цветом нашей советской молодежи. Во-вторых, я впервые получил возможность проявить себя на самостоятельной работе, проверить и уточнить тот боевой опыт, которым располагал.

Перед отъездом к месту службы в Главном управлении кадров Красной Армии полковник П. Е. Свиридов сообщил мне, что самую опытную и боеспособную войсковую часть, по его мнению, представляла 212-я воздушно-десантная бригада: ее бойцы и командиры имели на счету по 100 и даже по 200 прыжков с парашютом, а командир, полковник И. И. Затевахин, совершил не менее 300 прыжков.

Неплохо отозвался полковник Свиридов и о 6-й бригаде. Правда, ее солдаты в парашютном спорте не были достаточно натренированы, однако командир, участник хасанских событий и финляндско-советского конфликта, полковник Виктор Желудев пользовался репутацией человека смелого и энергичного.

После беседы с полковником Свиридовым у меня осталось впечатление, что первостепенное значение он придавал главным образом специальной подготовке парашютиста: чем больше количество прыжков, тем лучше, надежнее солдат. Однако тем, как должен действовать парашютист после приземления, например в тылу врага, по-видимому, мало кто занимался. Я решил по прибытии уделить особое внимание задачам ведения боя воздушно-десантными войсками-после приземления.

Итак, в дорогу! Мне очень не терпелось поскорее увидеть своих красноармейцев. Колеса вагона размеренно отсчитывали километры, и в четком их перестуке мне слышалось: «юго-запад… юго-запад…» Не чаял я, не думал, что над нашими западными границами уже нависла грозовая туча войны и что в скором времени она должна была пролиться ливнями металла и крови.

Знакомство с боевыми друзьями. Увлечение парашютным делом. Самолет-разведчик. У генерал-полковника Черевиченко. Тревожные признаки.

К новому месту службы я прибыл 17 мая 1941 года и, так как в городе находился штаб 3-го воздушно-десантного корпуса, сразу же направился к его начальнику, подполковнику А. Ф. Коссенюку.

Принял меня полковник приветливо, дружески поздравил с назначением на должность и сообщил, что моя 5-я бригада уже сформирована. Бойцы и младшие командиры прибыли в нее из стрелковых подразделений, но в основном, офицерском составе были опытные парашютисты: каждый из них имел на счету от пятидесяти до сотни прыжков.

По штатам довоенного времени бригада состояла из 4-х отдельных парашютно-десантных батальонов, отдельного артиллерийского дивизиона, школы младшего комсостава, отдельной разведывательной самокатной роты, отдельной зенитно-пулеметной роты, отдельной роты связи.

Вооружением, необходимой материальной частью и парашютами бригада была полностью обеспечена.

Приятные сообщения приятно слушать. Я был очень доволен этой информацией и, не медля, познакомился с офицерами штаба бригады.

Этот день помнится мне так отчетливо, словно он промелькнул только вчера. Первым представился начальник оперативного отделения, невысокий, несколько медлительный, высоколобый Иван Самчук. В его открытом лице со сдвинутыми бровями, в холодноватом взгляде серых глаз, в резкой складке у губ угадывались сдержанная энергия и решительность. И он действительно оказался таким — смелым, решительным, готовым взяться за любое трудное дело и довести его до конца.

Начальника штаба бригады майора Владимира Борисова я хорошо знал по совместной учебе в Академии имени М. В. Фрунзе. Сдержанный, корректный, улыбчивый, он и раньше нравился мне пытливостью ума, острой наблюдательностью и разносторонностью знаний.

Начальник политотдела бригады старший политрук Григорий Марченко, комиссар бригады Федор Чернышев, заместитель по тылу Юрий Андриец, начальник отделения по кадрам Павел Шапошников, помощник начальника оперативного отделения Алексей Колесник, начальник санитарной службы Иван Охлобыстин составляли, как мне подумалось с первых минут знакомства, отличный офицерский коллектив, дисциплинированный и дружный.

Позже я убедился, что это первое впечатление не было ошибочным: каждый из них в битвах за Родину проявил высокую

самоотверженность и отвагу. Но в день знакомства небо над нами было ясное и синее, с полей доносилось медовое дыхание хлебов, и никто из нас не знал, не думал о том, что близко отсюда, за чертой западной границы, бесчисленные войска противника напряженно ждут условного сигнала, чтобы обрушиться на наши пашни, села и города шквалом разрушения и смерти.

В эти удивительно ясные, погожие дни бригада планомерно и деловито развертывала учебу. Все в этой учебе было направлено на отличное освоение специальной дисциплины: кропотливо и до мельчайших деталей отрабатывались порядок укладки парашюта, посадка парашютистов в самолет, последовательность совершения прыжка и т. п. Понятно, что самым уважаемым офицером в бригаде был инструктор по парашютному делу. Товарищи дружески именовали его «завнебом». Приверженность и страсть к профессии всегда обеспечивают успех в учебе. Эту простую истину я усвоил на собственном опыте, и теперь меня радовало трудолюбие моих парашютистов, их мужество и тот волевой накал, который легко было почувствовать в окружении уверенной в себе, жизнерадостной молодежи.

Даже офицеры, хорошо подготовленные в оперативно-тактическом отношении для управления подразделениями и частями сухопутных войск в бою, теперь, оказавшись среди воздушных десантников, по-юношески увлеклись парашютным делом. Все их время было поглощено подготовкой к прыжкам, самими прыжками, задачей десантирования подразделений.

В чем заключалась эта задача? Главное в ней было: удачно совершить прыжок и собраться в назначенном районе. У меня невольно возникал вопрос: а дальше? Этот вопрос возник еще в Москве, в беседе с полковником Свиридовым, но тогда он лишь промелькнул в сознании, а теперь, в конкретной обстановке, становился значительным и тревожным.

Невольно вспоминалась мне далекая Испания. Что, если бы мои солдаты и офицеры внезапно оказались в тех условиях, отлично владея только специальной подготовкой? Для ведения боя с опытным и сильным противником одного умения прыгать с парашютом, конечно, было недостаточно. Ведь после приземления парашютист превращается в обычного пехотинца, который должен искусно владеть своим оружием, использовать естественные выгоды местности, тактически правильно действовать на ней, отлично стрелять, быстро зарываться в землю, решительно и со знанием дела атаковать

противника. Ему предстоит совершать форсированные марши в составе подразделения или части с готовностью немедленно вступить в бой, организовать оборону захваченного объекта или рубежа, применять самые разнообразные приемы и способы борьбы с противником.

Я созвал офицеров и поставил задачу овладения всеми видами боевой подготовки: тактической, строевой, физической, огневой, инженерной и противохимической.

От меня не могло укрыться, что некоторые из них были озадачены и разочарованы: пожалуй, им казалось, будто я пытаюсь превратить воздушно-десантные войска в обычную пехоту. Однако я твердо знал, что это правильный путь, и единственное, о чем сожалел позже, что на этом пути время позволило нам так немного сделать.

Во время учений утром 18 июня 1941 года в районе города Джанкой были сброшены с парашютами командиры и штабы 212-й и 6-й воздушно-десантных бригад… Я со своим штабом прибыл в этот район поездом. На следующий день начальник штаба корпуса подполковник Коссенюк сделал обстоятельный разбор учения. Как я и ожидал, подполковник построил свой доклад на вопросах десантирования штабов… О ведении оборонительного боя и управления войсками он обронил только два-три слова, так как бой фактически не проводился.

Шагая со мной по степи и словно выражая мои мысли, майор Борисов сказал:

— Видели, как собираются воевать наши десантники? Оказывается, для них самое главное — совершить прыжок и собраться в назначенном месте. Я тоже, Александр Ильич, теперь невольно задаю себе вопрос: а что же дальше?

Он усмехнулся:

— По-видимому, в дальнейшем все должно пойти само собой. Однако я согласен с вами, что практика подготовки наших парашютистов слишком узка.

— Я говорил об этом, Владимир Александрович, подполковнику Коссенюку. Он выслушал меня довольно рассеянно…

— Все же, что он ответил? — с интересом спросил Борисов.

— Он сказал, что впереди у нас еще много времени. Упущенное, дескать, можно наверстать. Впрочем, не знаю и с уверенностью не могу сказать, действительно ли у нас так много времени? Что касается нашей бригады, то мы перестроим учебу немедленно.

— Я понимаю, — заметил Борисов. — Тревога чувствуется даже в

воздухе… Хотя бы этот самолет… Почему он вдруг появился в районе учений?

— Как, разве и вы заметили чужой самолет? Право, я был удивлен, что на него никто не обратил внимания.

— Могу доложить подробно, — сказал Борисов. — Военный самолет-разведчик с румынскими опознавательными знаками появился с запада в девять ноль-ноль в тот момент, когда наши десантники приземлились. Идя на значительной высоте, самолет сделал несколько кругов над Джанкоем и удалился в западном направлении…

Занятый множеством дел, я тоже вскоре забыл об этом самолете и вспомнил лишь на следующий день в беседе с командующим Одесским военным округом генерал-полковником Черевиченко.

Подъезжая к зданию округа, я обратил внимание, что у его подъездов собралось много офицеров в полевой форме, с чемоданами в руках. Молодой капитан, которого я спросил, зачем он явился в штаб, ответил смущенно:

— Подняли по тревоге… Часть уже куда-то уехала, а мы ожидаем распоряжений. Товарищи поговаривают: может быть, война? Но с кем? Я думаю, предстоят штабные учения.

Генерал-полковник Черевиченко, подтянутый, стройный брюнет, принял меня просто и радушно. В течение пяти минут он разрешил все вопросы материального обеспечения бригады, выделил инженерное имущество и грузовые автомашины.

— Вам, Александр Ильич, — сказал он дружески, — я выделяю легковую машину. Можете командировать в округ представителя и получить ее. Сейчас вам придется много передвигаться, везде поспевать. Бригада должна усиленно заняться боевой подготовкой в условиях наиболее приближенных к военному времени.

— Разве имеются сигналы, что скоро будет война?

Черевиченко задумался.

— Для вас, конечно, не секрет, — сказал он, — что фашисты продолжительное время сосредоточивают войска у нашей западной границы. Как-то в их печати промелькнуло сообщение, что эти перемещения носят обычный характер: выезд в лагеря, замена одних частей другими, перебазировка для отдыха и прочее. Восточная граница Германии, ввиду договора тысяча девятьсот тридцать девятого года, наиболее, мол, спокойна, и здесь солдаты и офицеры безмятежно могут отдохнуть.

— Но вчера над Джанкоем появился иностранный самолет-разведчик. Какая наглость! И безнаказанно улетел…

— В последнее время нашу воздушную границу все чаще нарушают иностранные самолеты-разведчики. В основном, немецкие.

— Почему мы их не сбиваем?

Командующий округом посмотрел мне в глаза.

— Когда речь идет о возможности возникновения войны, — сказал он, — о судьбах миллионов людей, недопустимо поддаваться провокации. Гнев всегда плохой советчик. Нужно иметь железную выдержку и стойкость. Если войну с фашистской Германией не удастся предотвратить, — ее нужно хотя бы оттянуть и за это время укрепить нашу военную мощь. Англо-американо-французские правящие круги давно пытаются столкнуть нас с Германией. Для них желательно, чтобы и мы, и немцы истекали кровью в этой войне, а они диктовали бы свою волю… Гитлер не отказался от своих бредовых планов мирового господства. Но если бы мы ввязались в войну с Германией год-два назад, как ликовали бы заправилы англо-американо-французского блока! Они стремятся загребать жар чужими руками. Для нас же, для нашей партии и народа, мир — священное понятие. Однако, если придется воевать, будем биться насмерть!

Сосредоточенно-спокойный, Черевиченко стоял у окна и задумчиво смотрел вдаль. Таким и запомнился он мне навсегда.

С чувством внутренней напряженности и тревоги я возвратился в часть. Явных признаков резкого изменения обстановки не было, но предчувствие чего-то недоброго упорно нарастало. Я старался успокоить себя тем, что личные предположения могут быть ошибочны. И румынский воздушный разведчик, и командиры, поднятые по тревоге в штабе округа, — эти факты могли быть и несущественными.

Впечатления от поездки в штаб округа вскоре заслонились конкретными делами, жизнью бригады. После учений в Крыму я видел, как много предстояло сделать, чтобы бригада стала образцовой. То, что уже было сделано, могло считаться лишь началом.

В первые часы войны. Длительным марш. Командующий фронтом. На оборонительном рубеже. Мы вступаем в бой за Киев.

22 июня утром я, как обычно, пришел в штаб бригады. Тот день мне запомнился до мельчайших подробностей, хотя в обстановке штаба не произошло никаких перемен. Вт и сейчас вижу просторную, светлую комнату в три окна, большую карту Украины на стене, над картой — портрет Ленина. Мерно постукивают часы. Молчат

телефонные аппараты.

Оперативный дежурный, стройный, сероглазый капитан, почти бросается мне навстречу. Я успеваю заметить, как дрожат его губы и нервно подергивается бровь.

— Сегодня в четыре часа утра немецко-фашистские войска нарушили государственную границу СССР…

Я сразу же останавливаюсь, как от толчка в грудь, некоторое время молча смотрю на дежурного офицера. Чувствую, как замирает сердце, словно я падаю с большой высоты.

…Война полыхала уже несколько часов, и пограничные войска героически сражались с передовыми полчищами врага, вторгшимися на нашу землю.

С нетерпением ждал распоряжений из штаба корпуса. Но телефон молчал. Равнодушно постукивали настольные часы. Несколько раз порывался снять трубку телефона и опускал руку. Но все же не выдержал, позвонил подполковнику Коссенюку. Он только что вернулся из Одессы.

— Сейчас разберусь с делами, — глухо ответил он. — Вроде бы что-то новое есть из Москвы. Узнаю, потом позвоню вам.

Через несколько минут в кабинет вошли батальонный комиссар Чернышев и начальник штаба бригады майор Борисов.

За короткое время совместной службы я привык видеть их занятыми делами, оживленными, веселыми и энергичными, а теперь они шагнули через порог и замерли в непривычном, тяжелом молчании. Мне был понятен их немой вопрос: «Что делать, с чего начинать этот необычный день? Ведь теперь дорога каждая минута!» Но я молчал, не находя ответа. Неотступная мысль сверлила мозг: «Война… Идут сражения… Пограничники отбивают атаки. Противник, наверное, сосредоточил огромные силы и движется на восток».

Федор Чернышев заговорил первым, голос его дрожал от негодования, дыхание перехватило:

— Поймите мое положение комиссара! Только вчера в батальоне капитана Симкина я беседовал с личным составом, комментировал пакт о ненападении…

— Мне кажется, Федор Филиппович, — заметил я Чернышеву, — не следует так волноваться. Бойцы и командиры бригады поймут вас правильно. Ложь и предательство — неотъемлемые «принципы» фашизма. Это и нужно объяснить людям. Перед нами хитрый, коварный, вероломный враг, без совести, без стыда и чести. Я не раз

убеждался в этом во время войны в Испании. Нам, командирам, теперь, как никогда, нужны бодрость духа, внутренняя собранность, готовность драться. Запомните, не просто воевать, именно драться, сражаться насмерть, до полной победы!

Решили созвать совещание всех командиров и комиссаров частей и подразделений.

Позвонил подполковник Коссенюк и передал поступившее из Москвы распоряжение:

— разъяснить всему личному составу цели и задачи войны с гитлеровской Германией;

— немедленно принять меры к рассредоточению частей в таких районах, где можно было бы замаскироваться от наблюдения с воздуха и избежать неоправданных потерь;

— пересмотреть программу боевой подготовки в сторону резкого сокращения ее. Главное — подготовка всего личного состава к десантированию…

Из этих указаний следовало, что бригада остается на месте. Надолго ли?

На огромном протяжении от Черного до Баренцова моря и где-то неподалеку от нас развертывались напряженные бои. Мы, воздушные десантники, тоже рвались в бой, однако нам было приказано по-прежнему заниматься учебой. Мы понимали: близок и наш черед. Каждый знал, что это учеба перед боем.

Внешне в первые дни войны в жизни бригады как будто не произошло крутых перемен. Лишь более напряженно шло обучение. Люди стали собраннее, строже. Все жили скупыми вестями с фронта, а эти вести были горьки.

Несмотря на занятость боевыми учениями, десантники томились обстановкой тихого степного городка. Мне было понятно то нетерпение, с каким они рвались в бой, их чувство горечи и досады, какое и я испытывал, слушая очередные сводки Совинформбюро… Диктор сообщал: «Наши войска оставили Проскуров… Наши войска оставили…» Сердце замирало от гнева и боли.

Вечером 9 июля подполковник Коссенюк вызвал меня в штаб корпуса. В его кабинете я застал полковников Затевахина и Желудева, которые командовали двумя другими бригадами. Заметно усталый, с красными от бессонницы глазами, Коссенюк, поднимаясь мне навстречу, сказал:

— Получен приказ о переброске корпуса в район Борисполь — Бровары. С какой целью нас перебрасывают, мне пока еще неизвестно.

По-видимому, на киевском направлении складывается тяжелая обстановка. Думаю, что и мы наконец-то начнем воевать. Не исключено, что нам придется драться за столицу Украины.

— Я уверен, что нас используют по назначению, — заметил полковник Затевахин. — Столько времени готовить парашютистов и бросить их в бой как стрелковые войска? Для нас, конечно, найдется другая задача.

Я сказал откровенно, что рад приказу. Бесконечно сидеть в этом городке, слушать радиосводки и бессильно сжимать кулаки, сколько же это могло продолжаться? Хорошо, что настало и наше время встать в боевые порядки и драться за каждую пядь родной земли.

Совещание было кратким. Для моей бригады требовалось три эшелона, и первый из них должен был отправиться в ночь на 11 июля. Подполковник Коссенюк понимал, что мне было жаль оставлять парашютное хозяйство бригады: верилось, что это хозяйство могло пригодиться. Было решено, что я возьму половину снаряжения, остальное сдам на склады. Никто из нас не думал в те минуты, что через несколько дней гитлеровцы захватят город.

По-разному складываются военные судьбы, и никому не дано увидеть свой житейский путь на годы вперед. Конечно, я был далек от мысли, что два с половиной года спустя — и какое это было время! — в марте 1944-го фронтовые дороги снова приведут меня в знакомый городок и гвардейский корпус будет сражаться под моим командованием за его освобождение.

В литературе о войне много страниц посвящено первому боевому крещению. Ожесточенный налет вражеской авиации, которому мы подверглись на станции, для меня лично не был первым уроком. Но для бригады этот налет оказался суровым боевым крещением; и оно продолжалось свыше двух-часов…

С рассветом шестерки «юнкерсов», непрерывно чередуясь, с воем пикировали на эшелоны и привокзальные строения: вагоны, телеграфные столбы, казалось, метались и корчились от взрывов в неистовом шквале пожаров.

Меня поразило спокойное мужество наших железнодорожников: ни один из этих штатских людей не покинул своего поста, деловито и быстро они отцепили горевшие вагоны, заменили их другими, подали вместо маневрового мощный паровоз.

Бомбежка продолжалась с нарастающей силой. Противник не жалел запасов годами накопленных бомб, а мне было до боли обидно, что бригада почти не имела зенитных средств: несколько счетверенных установок и крупнокалиберных пулеметов мы распределили на три эшелона для прикрытия их в пути.

Чувствуя себя безнаказанными, гитлеровские «асы» окончательно обнаглели: они снижались над станцией и, тщательно выбирая цели, вели пулеметный обстрел. Однако стоило одному «юнкерсу» задымиться от нашего группового ружейного огня, как остальные шарахнулись в сторону от эшелона.

Я знал их повадки, это сочетание наглости и расчета на психическое подавление противника. Но несколько позже, беседуя с бойцами и офицерами в пути, убедился, что «психического эффекта» гитлеровцы в нашей бригаде не достигли. Единственное, что приводило в ярость бойцов — безнаказанность фашистских летчиков. Впервые со всей отчетливостью я понял, что значит следовать воинским эшелоном через крупные железнодорожные станции без зенитного прикрытия. Нас бомбили и обстреливали чуть ли не на каждой станции и полустанке. Путь до Киева мы должны были преодолеть за 10–12 часов, а следовали трое суток. Особенно яростные

бомбежки ожидали нас на станциях Адобаш, Карустино, Смела, Городище, Яготин. Что, кроме ответного ружейно-пулеметного огня, могли мы противопоставить врагу?..

Я ни на минуту не забывал, что в эшелоне со мною следуют необстрелянные новички и что, пожалуй, каждый из них представлял войну совсем по-другому. Они вслух мечтали об атаках, о схватках с фашистами лицом к лицу, но на этом бесконечном пути нашим оружием являлись лишь терпение, выдержка и стойкость, и нужно отдать должное офицерам бригады, они подавали бойцам отличный пример.

Мне никогда не забыть пылающие степи Украины, подожженные фашистскими зажигательными бомбами хлеба, едкую горечь ветра, толпы беженцев на дорогах, свежие могилки среди воронок от бомб… Минутами не верилось, что все это правда, — и малые детишки, устало бредущие с матерями по знойной степи на восток, и груды пожарищ в ясном просторе, и черные, витые смерчи дыма над вокзалами, и распахнутые двери покинутых домов…

Но это была действительность, от которой сердце обливалось кровью и жаркий туман застилал глаза…

Наконец-то мы прибыли в Борисполь! Странным, безмятежно мирным показался мне этот городок со стройными тополями, белыми домиками, группой молодежи у кинотеатра, с открытыми магазинами и ларьками. За короткое время, проследовав несколько станций; мы словно перенеслись в другой мир, где люди еще не слышали ни свиста бомб, ни рокота пулеметов, ни стонов раненых, ни шквалов бушующего огня.

Наши эшелоны были поставлены на запасные пути, и, поручив руководить выгрузкой начальнику штаба Борисову, я направился с адъютантом в штаб Юго-Западного фронта, который находился в пригороде Киева — Броварах.

Начальник оперативного отдела фронта полковник Иван Христофорович Баграмян (ныне Маршал Советского Союза) принял нас тотчас, внимательно выслушал и представил командующему фронтом генерал-полковнику Михаилу Петровичу Кирпоносу. Я был уверен, что увижу очень утомленного человека, подавленного тяжелыми заботами, неопределенностью положения и нашими неудачами на фронте. Однако командующий был спокоен и уравновешен. Он шагнул навстречу, крепко пожал нам руки. У него был прямой, пристальный взгляд. Китель с Золотой Звездой Героя Советского Союза, и генеральскими петлицами (тогда еще не носили

погон) плотно облегал широкоплечую фигуру. Я сразу почувствовал, что перед нами волевой и решительный военачальник, — это угадывалось в каждом его слове, в каждом сдержанном жесте.

Командующий коротко рассказал нам о сложившейся обстановке на фронте, а потом подчеркнул, что наш корпус предполагается использовать по прямому назначению, то есть как воздушно-десантное соединение. Подойдя к столу, он сделал какую-то запись в блокноте.

— Но имейте в виду, если в Киеве обстановка ухудшится, вам придется драться за нашу украинскую столицу бок о бок с пехотой-матушкой.

Обернувшись к большой, висевшей на стене карте, он указал на Замостье и Житомир.

— Решающие события развернулись сейчас на направлении Замостье — Житомир, где действуют первая танковая группа и большая часть сил шестой армии противника. Теперь все зависит от того, где нам удастся остановить фашистов. Прежде всего остановить. Для нас совершенно недостаточно только обороняться. Необходимо бороться активно, наступательно.

Затем Кирпонос кратко ознакомил нас с ходом боев на этом направлении с первого дня войны. Вот суть того, что мы услышали: утром 22 июня две наши стрелковые дивизии, расположенные на границе, после внезапного артиллерийского налета и авиационной обработки были атакованы танковой и шестью пехотными дивизиями противника. Под напором превосходящих сил наши дивизии, понеся потери, отступили на 15–20 километров к востоку. 23 июня гитлеровское командование начало вводить в бой соединения 48-го и 3-го моторизованных корпусов. Непрерывные контрудары наших войск в районе Бердичева и восточнее Новоград-Волынска задержали наступление 3-го моторизованного корпуса. К вечеру 11 июля танковая дивизия противника была остановлена у Киевского укрепленного района, а соединения 48-го моторизованного корпуса задержаны в районе Бердичева.

Генерал-полковник отвернулся от карты, медленно прошел по комнате из угла в угол.

— Так обстоят наши дела на фронте. Более подробно вас ознакомит с ними начальник штаба Пуркаев или начальник оперативного отдела полковник Баграмян.

Поняв, что разговор окончен, мы простились с командующим. Откровенность, с какой он говорил о нашем тяжелом положении на фронте, и одновременно его уверенность и энергия подчеркивали, что

это военачальник новой, советской школы, генерал, коммунист с несгибаемой верой в победу правого дела. Я ушел в приподнятом настроении, частица его уверенности передалась и мне. Было приятно видеть, что в его штабе царила атмосфера деловитого подъема, собранности и размеренного напряженного труда.

Через несколько минут я уже получал боевую задачу от начальника штаба фронта генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева. Отметив на карте два направления, он сказал:

— Вы займете оборону по берегу реки Тетерев и прикроете дороги Иванков — Киев и Иванков — Остер. Северо-восточнее Иванкова сдерживающие бои сейчас ведут войска двадцать седьмого стрелкового корпуса. Свяжитесь с его командиром. До прибытия частей и штаба третьего воздушно-десантного корпуса в район Борисполя будете находиться в оперативном подчинении штаба фронта. Короче говоря, некоторое время будете в резерве фронта.

Выслушав доклад о личном составе бригады и ее материально-техническом обеспечении, генерал Пуркаев спросил:

— Так значит, привезли с собой тысячу семьсот парашютов? А где же ваша артиллерия, товарищ полковник?

Я ответил, что положенная по штату артиллерия доставлена полностью, а парашюты взяты на случай, если придется десантироваться.

Пуркаев рассмеялся.

— Десантироваться! Да сейчас такая обстановка, товарищ Родимцев, что и без прыжков очень легко можно оказаться в тылу противника. Некоторые из наших частей и даже соединений уже находятся в окружении. А вы собираетесь прыгать… Для этого сейчас не время. Вам следовало бы иметь побольше вооружения и боеприпасов, особенно артиллерии и автоматического оружия!

Спохватившись, что перешел на резкий тон, он закончил мягче:

— Ладно. Чем располагаете на сегодня, тем и придется воевать.

16 июля мы погрузились на автомашины и покинули Борисполь. Уже на следующий день бригада приступила к постройке оборонительных сооружений у Иванкова. Все население маленького городка вышло на помощь.

Пришли даже старики, деловитые и уверенные в том, что их прежний военный опыт пригодится. Школьники чувствовали себя участниками войны и трудились наравне со взрослыми. Бригада как бы слилась с народом, и это, безусловно, укрепляло ее силы.

Но сражаться с врагом на этом рубеже нам не пришлось. Бригаду

было приказано отвести, так как обстановка в Киеве становилась все более напряженной.

Забегая несколько вперед, скажу, что в начале августа 1941 года 29-й и 55-й армейские корпуса противника подошли к Киевскому укрепленному району, прорвали его и овладели населенными пунктами Мышеловка, Жуляны. Бои разгорелись в районе Святошино и в Голосеевском лесу. Особенно яростной была схватка за здание сельскохозяйственного института.

На этом участке фронта парашютисты 3-го воздушно-десантного корпуса и, в частности, нашей воздушно-десантной бригады вступили в первый бой.

Неприятная встреча. Полковник Потехин. Получаем боевую задачу. Командный состав бригады. Перед боем в лесу.

В полдень 7 августа начальник оперативного отдела фронта полковник Иван Христофорович Баграмян вызвал меня к телефону и передал приказ командующего фронтом. В соответствии с этим приказом бригада включалась в состав 37-й армии, осуществляющей оборону Киева. Я должен был немедленно поднять бригаду по тревоге и направить ее в Киев, на Крещатик, а сам явиться к командующему армией за получением боевого приказа.

Признаться, я не ожидал такого развития событий. Хотя совсем недавно командующий фронтом сказал мне, что, возможно, парашютистам придется драться за столицу Украины рядом с пехотинцами, я думал, что речь шла о наших оборонительных рубежах на подступах к городу. А теперь, оказывается, я должен был направить бригаду в самый центр Киева. Неужели здесь предстояло разгореться битве?

Дорожа каждой минутой, я отдал соответствующее распоряжение начальнику штаба Борисову.

Автомашин хватило только на два батальона и артиллерию; остальные подразделения и бригадную школу пришлось направить из Иванкова в Киев пешим порядком. Во время боевой тревоги сказалась хорошая выучка командиров и бойцов: через несколько минут бригада находилась на марше.

Пока части двигались назначенным маршрутом, мы с комиссаром бригады Чернышевым поспешили в штаб 37-й армии, где получили боевое распоряжение войти в оперативное подчинение к командиру 147-й дивизии.

Вечерело, и разыскивать ночью штаб 147-й стрелковой дивизии было бы напрасной тратой сил. Поэтому мы решили сначала разыскать штаб своей бригады.

В полночь, очень усталые, мы нашли его в обширном парке, неподалеку от завода «Большевик». Начальник штаба Борисов доложил мне, что вся бригада сосредоточена здесь же, так как в районе Крещатика слишком «тесно».

В парке было темно и тихо, пахло тополиной листвой и сырой землей. Я лег под деревом немного отдохнуть, однако, несмотря на тяжелую усталость, долго еще не мог уснуть. Беспокоила мысль: все ли предусмотрено мною на утро? Борисову отдано распоряжение разыскать к рассвету штаб 147-й стрелковой дивизии и готовить бригаду к боевым действиям — выдать по норме, на все виды вооружения, боеприпасы, на одни сутки сухой паек, проверить экипировку солдат и офицеров… Кажется, все. Завтра утром я вместе с начальником оперативного отделения Иваном Самчуком и капитаном Алексеем Питерских явлюсь к полковнику Потехину, командиру 147-й стрелковой дивизии, которому оперативно подчинена наша бригада… Каково положение дел на фронте и особенно в той полосе, где нам предстоит действовать?

Возникало много тревожных вопросов, и все они были важны. Лишь вчера знакомый офицер рассказывал мне, что видел пойманных вражеских лазутчиков. Нахальные физиономии… Они показали, что с наступлением темноты наиболее рьяные гитлеровцы из 29-го армейского корпуса, ведущего наступление на этом участке фронта, пробираются к нам в тыл с заданием сеять панику; запускают десятки разноцветных ракет и открывают пальбу из автоматов. Впрочем, подобный «фейерверк» я наблюдал еще по пути в Борисполь. Ясно, что вся эта «пиротехника» рассчитана на слабонервных, а болтунам и паникерам недолго было посеять слух, будто Киев окружен… Нет, в своих солдатах и офицерах я был уверен. Они не растеряются. Если понадобится, мы будем драться до последнего. Мы выстоим!

Не спалось. Я встал и тихонько пошел по аллее парка, посвечивая под ноги электрическим фонариком. Зеленый луч мягко скользил по гравию и таял в трех шагах. На плечо мне с тихим шорохом слетел кленовый лист. Я взял его и разгладил на ладони, широкий, холодноватый, с крупными прожилками. Вспомнилось, что в детстве я слышал примету: если лист сам ложится на одежду, это к получению письма… Как далека теперь моя женушка Катеринка! И когда я получу от нее письмо? Расстояние между нами будто не увеличилось и

одновременно с началом войны выросло неизмеримо… Тут я поймал себя на мысли: а не сентиментальны ли твои размышления, полковник, перед боем?..

Позже, пережив многое в боях, я понял, что человек всегда остается человеком. Нашему воину, солдат он или генерал, обстрелянный или новичок, никогда не изменяет человечность: чувства дружбы, любви, сострадания, отзывчивости, доброты. Даже в огненном гневе, в безмолвии штыковых атак наш воин несет в себе эти чувства, и они помогают ему в бою, потому что убить палача, поджигателя, насильника, фашиста — дело любви и доброты.

А сейчас воины спали спокойным сном. Я слышал их ровное дыхание. Спите, милые. Завтра мы вместе встретим свою судьбу, и, если она обернется против нас, мы будем ломать ее и переделывать, пока не подчиним себе.

Я прилег рядом с двумя солдатами и только забылся, как сверлящий свист авиабомбы разбудил меня. Самолеты противника проходили над парком волна за волной. Где-то неподалеку резко хлопали выстрелы зениток. В посветлевшем небе таяли розовые от восхода шары разрывов. Потом над парком, подобно порыву ветра, пронесся тяжелый снаряд. Артиллерия противника начала обстрел Киева.

8 августа вместе с начальником оперативного отделения Иваном Самчуком и начальником разведотделения штаба бригады капитаном Алексеем Питерских мы явились к полковнику Потехину, командиру 147-й стрелковой дивизии, штаб которой был расположен в одном из парков на юго-западной окраине города.

Неторопливый, вдумчивый, полковник встретил меня приветливо и сразу же перешел к делу. Обстановка под Киевом была известна ему до мельчайших подробностей, и он изложил ее так обстоятельно, что никаких неясностей у меня не оставалось.

Положение на фронте и в той полосе, где должны были вступить в бой наши десантники, было тяжелым. Наиболее вышколенные и уже имеющие большой военный опыт части 29-го армейского корпуса противника просочились в Голосеевский лес. За ними пытались прорваться основные силы. Это создавало угрозу окружения Киева с юго-востока. А потому нашей первой боевой задачей было очистить лес от фашистских автоматчиков, выбить гитлеровцев из здания сельскохозяйственного института, а затем вести наступление на Мышеловку и Пирогово.

Я сказал об этом полковнику. Он удивленно взглянул на меня.

— Именно такова ближайшая задача бригады. Однако давайте проедем за город, к высотке, с которой видна вся местность, где идут бои.

Машина быстро помчалась в сторону Голосеевского леса. На окраине города мы взошли на высотку. Взгляду открылся лесной массив. Над густой зеленью соснового молодняка, над полянами то и дело возникали вспышки снарядных разрывов. Однако трудно было разобраться, где находятся наши, а где противник. Тем не менее нами было определено, в каком направлении бригаде предстоит вести наступление.

Я предложил избрать эту высотку наблюдательным пунктом, и полковник согласился. После этого он сообщил мне, что бригаду будут поддерживать в наступлении два артиллерийских полка, а для организации взаимодействия к нам будет прислан командир артиллерийской группы, которому хорошо известна обстановка на этом участке.

Кроме того, нас могла поддерживать по заявкам и артиллерия Пинской военной флотилии.

В этой обстановке для нас было очень важно, что соседями слева являются десантники 2-й воздушно-десантной бригады под командованием полковника К. И. Ломако, уже имевшие боевой опыт, а справа — одна из частей 147-й дивизии.

Не задерживаясь больше на высотке, я оставил здесь для оборудования наблюдательного пункта капитана Питерских и поспешил навстречу бригаде. Первую колонну встретил в центре города, на углу Крещатика и улицы Ленина.

Четким, размеренным шагом шли бойцы, лица их была сосредоточенны и серьезны. Рота за ротой, батальон за батальоном двигались они навстречу нарастающему грохоту боя.

А город, уже тронутый суровым дыханием войны, по-прежнему был прекрасен. На его широких бульварах и скверах высоко вздымались стройные тополя, задумчиво и грустно шелестели могучие каштаны, на клумбах и на газонах у здания оперного театра гневно пламенели алые цветы…

Почему-то мне запомнилось множество мелких подробностей.

Вот, бережно поддерживая балконы, спокойно смотрят вдаль, сквозь время, каменные кариатиды; вот вражеская бомба обрушила угол пятиэтажного дома, и на изогнутых прутьях арматуры, на верхнем этаже, повисла детская коляска; вот на бульваре Шевченко снарядом снесена вершина тополя, и обезглавленное дерево высится

над озабоченной своими делами толпой как символ ее страданий…

Обугленные пожарами дома, черные глазницы окон… Еще совсем недавно эти окна сияли светом: люди за их проемами спокойно трудились, отдыхали, читали книги, праздновали рождения, радовались подрастающей детворе, изобретали, мечтали о счастье…

А теперь какая-то косматая старушка с плачем рылась в пепле пожарища да четкий шаг солдат отдавался в сумрачных пустотах. Война — это страшно, это неизмеримые страдания и гибель миллионов ни в чем не повинных людей. Но мы не нападали первыми. Мы не хотели войны. И если враг, подлый и беспощадный, нанес нашей матери-Родине такую горькую обиду, — мы, советские солдаты, сумеем за нее постоять.

Во второй половине дня части бригады сосредоточились на южной окраине Киева. Я вызвал начальника штаба, командиров батальонов и начальников служб, чтобы поставить перед ними боевую задачу. Только они собрались, как противник открыл по высотке артиллерийский и минометный огонь. Тут я заметил, что некоторые наши командиры, еще не обстрелянные, стали припадать к земле.

— Бросьте, товарищи, «кланяться», это даже верующим не помогает! — пошутил я. — Никакой опасности нет и не будет до самой смерти…

Подчас удивительно действие шутки: люди как-то неуловимо преобразились. Противник продолжал обстрел высотки, два снаряда разорвались неподалеку от нас, но я видел: лица командиров были спокойны, в осанке, в движениях — деловитая уверенность, будто на учениях.

Вот начальник штаба Владимир Александрович Борисов, склонившись над картой, изучает район будущих боев… Ни карандаш в его правой руке, ни угол карты — в левой — не вздрагивают. Хорошо, Владимир Александрович! Ты уже похож на бывалого воина… А вот начальник нашего оперативного отделения, коренастый крепыш Иван Самчук. Ему не больше двадцати пяти. Он делает в блокноте какие-то пометки, и лицо его ясно и безмятежно, как при обычной работе.

Мне представляются очень важными эти минуты, когда солдат или офицер впервые слышит над головой свист вражеского металла. Конечно же, я против глупого риска, против удалого позирования перед врагом. Времена такого позирования в «каре» остались в далеком прошлом. А в век автоматического оружия смелость воина обязательно множится на осмотрительность, выучку и расчет. И все же

от этого первого крещения огнем в дальнейшей судьбе воина зависит очень многое: он как бы обретает самого себя, веру в свое мужество и волю.

Я наблюдал и за другими офицерами: в группе политработников стояли комиссар бригады Федор Чернышев и начальник политотдела Григорий Марченко. Оба они чему-то улыбались.

Опрятно и даже щеголевато выглядел начальник бригадной школы старший лейтенант Геннадий Михайлов. Стройный, подтянутый, он не забыл подшить чистый подворотничок.

О Михайлове впоследствии говорили, что, идя в атаку, он интересуется прежде всего двумя вопросами: начищены ли у бойцов пуговицы и свежие ли подворотнички?

В этой шутке, впрочем, слышалась похвала: в боевых условиях не каждый умеет заботиться и о своей внешности, и об одежде. А качество это для офицера и солдата — необходимое. Тут нужна большая собранность, самодисциплина, которыми и отличался наш начальник школы.

Была у Михайлова еще одна замечательная черта характера: в любой обстановке он оставался веселым и бодрым, и его жизнерадостность передавалась подчиненным. Когда в скором времени Михайлову и его курсантам довелось пережить нелегкое испытание, я думаю, что и эта черточка в характере командира помогала им.

— Итак, товарищи, — сказал я офицерам, — ночью нам предстоит атаковать и отбросить гитлеровцев, проникших в Голосеевский лес и занявших сельхозинститут. Ясно, что в лесу действуют не отдельные автоматчики врага, — здесь наступают его организованные части. Поэтому бойцов следует настраивать не на прочесывание леса, а на схватку в ночном бою с организованным противником.

Сложна ли наша задача? Не скрою, задача сложна. В чем же ее особенности? Их много: во-первых, в лесу трудно организовать наблюдение за полем боя. Во-вторых, трудно ориентироваться на местности и отыскивать нужные нам цели. В-третьих, для наших артиллеристов усложняется возможность наносить огневые удары по противнику. В-четвертых, это первое боевое крещение наших бойцов, да еще ночью и в сложной обстановке. Ясно, что им придется преодолевать лесные завалы и минно-взрывные заграждения. Пусть люди будут осторожны.

Дороги, просеки и поляны враг будет прикрывать огнем стрелкового оружия. И это следует учесть. Однако опыт войны уже

показал, что немцы избегают сражений в лесу: здесь они боятся всяких неожиданностей. Поэтому лес и ночь — наши союзники, и чем больше ружейно-пулеметного огня, чем больше грохота и шума, тем вернее, что враг побоится: он смел, когда его войск втрое больше наших, когда на его стороне преимущество в технике.

Я пожал командирам руки.

— Идите в свои подразделения. Действовать смело и решительно. Мы выиграем бой.

Да, я верил, что выиграем.

Перед атакой. Гитлеровцы отступают. Дядя и племянница. Ценные сведения. «Машенька из Мышеловки».

8 августа 1941 года… Я назначил атаку на 21 час 15 минут. В напряженной подготовке к наступлению время пронеслось очень быстро. Все командиры, штабные офицеры и политработники уже давно прибыли в батальоны и успели разъяснить бойцам значение поставленной перед бригадой задачи.

За десять минут до начала атаки вся артиллерия 147-й стрелковой дивизии должна была обрушить на противника свою огневую мощь. Владимир Борисов с нетерпением поглядывал на часы.

— Вот и звезды уже сверкают в небе, — проговорил он в раздумье. — А ноченька, будто в песне, темна…

До огневого налета нашей артиллерии оставалось тридцать минут.

Мне показалось, что теперь стрелка часов стала двигаться очень медленно. Потом она будто и совсем остановилась.

— Интересно бы знать, — продолжал Борисов, — не догадываются ли немцы, что им готовится сюрприз?..

— Уверен, что не догадываются. Они открыли бы огонь по этой части леса из всех своих орудий, пулеметов, минометов, но — слышите? — только автоматные очереди кое-где строчат, да отдельные орудия постреливают.

— Значит, убеждены, что у нас нет сил для ночной атаки. Посему могут спокойно отдохнуть. А утречком, наверное, собираются двинуться на штурм города.

Он снова взглянул на часы:

— Десять минут остается… Знаете, мне одна мысль покоя не дает: не верится, что линия фронта вплотную подошла к Ленинграду, Смоленску, Одессе, Киеву, что всякие там гудерианы по нашим полям гарцуют. Ночью, случается, проснусь и долго собираюсь с мыслями:

нет, неужели все это правда?

— В отношении Киева через три минуты убедитесь…

Он вскинул руку, неотрывно глядя на часы.

— Время… Сейчас, товарищ полковник, 21 час 04 минуты…

Едва он произнес эту фразу, в небо взвились три красные ракеты, и, еще не успели они погаснуть, грянула, зарокотала, застонала залпами артиллерия 147-й. Стоголосое лесное эхо подхватило грохот разрывов, ураганом заревело над позициями врага. Перекрывая оружейные залпы, затрещали пулеметы. В багровых вспышках пламени было видно, как гнулись и рушились деревья и, подобно стаям всполошенных птиц, над ними металась взвихренная листва.

Вслед за огневым валом батальоны первого эшелона, во главе с командирами и комиссарами, ринулись в атаку.

— За Родину!

— За Киев!..

— Смерть фашистам!..

— Ур-ра!..

Гитлеровцы ответили беспорядочной стрельбой из автоматов, пулеметов и отдельных орудий. Нет, они не ожидали такого уничтожающего отпора. В некоторых подразделениях немцев началась паника. Позже я узнал от пленных, что они сочли себя окруженными и потому вели огонь по своим. Наступательный порыв наших бойцов в этой ночной атаке был неудержим. Враг был смят и, отбиваясь, стал отступать. К утру противник был отброшен от Киева на 2–3 километра. Первый батальон капитана Ильи Симкина очистил от гитлеровцев часть Голосеевского леса и захватил одно из зданий сельхозинститута.

Развивая наступление, второй батальон вышел к утру своими ротами правее сельхозинститута, где встретил организованное сопротивление противника.

Так, приготовившись праздновать взятие Киева, противник был вынужден перейти к обороне. Многих солдат и офицеров не досчитались гитлеровцы в ту ночь в своих рядах. Мы взяли и несколько десятков пленных, и мне впервые срочно понадобился переводчик.

Комиссар, Федор Чернышев, предусмотрел и это. Где-то в Броварском лесу, в истребительном батальоне киевских дружинников, он разыскал сероглазого, лобастого парня, который, как оказалось, неплохо владел немецким.

Я глянул на незнакомца: сухощав, строен, с четкими, волевыми

чертами лица, но и солдатская гимнастерка, и фуражка, и сапоги явно не по мерке, с чужого плеча.

— Откуда вы прибыли?

Он улыбнулся:

— В рабочий истребительный батальон прибыл прямо из… лаборатории. А к вам — из батальона.

— Что это за лаборатория?

— Академии наук УССР…

— Но ведь все сотрудники Украинской Академии наук, насколько мне известно, эвакуированы.

— Так точно, товарищ полковник. Однако я остался, Считаю, что в эту грозную пору должен быть в строю.

— Что ж, разделяю вашу уверенность, Звание имеете?

— Кандидат наук…

— А воинское?

— Надеюсь заслужить в боях.

Мысленно я поблагодарил комиссара: этот ученый-солдат с первого взгляда внушал доверие. Коммунист, кандидат наук, Митрофан Васильевич Пасечник действительно оказался человеком волевым, дисциплинированным, смелым. Позже мы доверяли ему ответственные боевые задания, и он выполнял их не за страх — за совесть. А сейчас, не откладывая дела, мы приступили к допросу пленных.

Дюжий немец говорил растерянно, подняв горе очи, словно призывая в свидетели небеса.

— Я прошагал половину Европы, и солдаты противника всегда бежали от меня. А теперь я был вынужден бежать. Да, я задыхался от бега и не могу вспомнить, где потерял свой автомат…

Я сказал этому рыжему немцу Мюллеру, что теперь-то он сможет отдышаться. А его дружкам еще придется тренироваться в беге. Настанет день, и все они побегут с нашей земли и первым побежит их шелудивый фюрер…

Другой пленный, обер-лейтенант, с лицом монаха-иезуита и глазами фанатика, высказался надменно:

— Я понимаю, — говорил он по-русски, — что ваш контрудар — это жест отчаяния. Вы бросили в бой своих летчиков. Потеряв самолеты от бомбардировок нашей авиации, вы решили не щадить и военных пилотов. Что ж, они дрались умело и отважно, однако ведь это ваш золотой фонд?

Я сказал ему, что в моем соединении нет ни одного летчика и что

Геббельс лжет, вопя по радио, будто наша авиация уничтожена. Эти басни ему понадобились, чтобы приободрить свое воинство и оправдать неудачи. Обер-лейтенант задумался, а потом быстро спросил:

— Скажите, у вас много таких солдат?

— О, достаточно!..

Он порывисто вздохнул.

— Мне грустно это слышать, господин полковник…

Я приказал выстроить пленных на опушке леса, подошел к их шеренге и сказал:

— Все вы толкуете об одном: будто здесь, в лесу, против вас сражались советские летчики. Теперь вы убедились, что это — десантники. Расскажите об этом по радио своим генералам: пусть они перестанут врать. И еще скажите, что никто не мучит вас, не угрожает расстрелом. Просто вас запугивали фашистские агитаторы, чтобы вы не сдавались в плен.

Пленные молчали, никто из них не подошел к радиоустановке. Впрочем, я и не рассчитывал, что среди них найдется приверженец правды. Одни опасались за судьбы своих родных; другие под влиянием фашистской пропаганды, даже находясь в плену, пытались вести себя высокомерно. С течением времени, когда они поняли, что «дранг нах Остен» не является увеселительной прогулкой и что многим из них не унести с нашей земли ног, поведение этих «представителей высшей расы» резко изменилось. Поднимая вверх руки, они дружно кричали: «Гитлер — капут» и «русс — хорошо!» Но в те дни на окраине Киева каждый из них верил в свою победу.

Я не заметил, когда в комнату вошел комиссар бригады Федор Филиппович Чернышев. Он крепко пожал мне руку, похлопал переводчика по плечу.

— Какое радостное утро, Александр Ильич!.. Здорово! Наша бригада блестяще прошла первое боевое испытание и одержала первую победу… Видели, как немцы драпали?

Он внимательно заглянул мне в лицо.

— Вы за эту ночь будто помолодели. Не было ни минуты для сна и отдыха, однако сознание победы, как видно, — чудотворное средство. Итак, на участке сельхозинститута наши еще захватили пленных. Дело дошло до рукопашной, и в схватке особенно отличился младший политрук Ржечук. Но противник спешно подбросил сюда свежие силы и пытается контратаковать. Вам уже известно, что командир первого батальона капитан Симкин тяжело ранен?

Я знал об этом и знал, что ранен и комиссар батальона Хавкин. Донесение из первого батальона было получено мною перед рассветом, и я сразу же направил туда командиром Ивана Самчука, а комиссаром — старшего политрука Марченко. Хотя в течение всей ночи наше внимание было приковано к действиям батальонов первого эшелона, мы не могли знать, что происходит в эти минуты на переднем крае, где именно продолжается бой, есть ли у нас соседи и какова у них обстановка… Сейчас я с нетерпением ждал донесения об этом от Ивана Самчука.

Дальнейшие события разворачивались со все нарастающим напряжением. Противник решил любой ценой захватить утраченные позиции. Он предпринял несколько мощных контратак, но все они были отбиты нашими десантниками. Не отошли ни на шаг и наши соседи — 6-я и 212-я воздушно-десантные бригады нашего корпуса.

Теперь бойцы моей бригады почувствовали себя еще увереннее. Да и дела пошли веселее. Мы стали вести наступление при поддержке артиллеристов и минометчиков, при полном с ними взаимодействии. Меткий огонь по фашистским позициям вела, поддерживая нас, корабельная артиллерия Пинской флотилии.

Особенно отрадно было нам постоянно чувствовать внимание, заботу, помощь народа Украины, видеть его самоотверженную готовность сражаться плечом к плечу с воинами родной Красной Армии. Юноши, девушки, люди пожилые, даже старики и малые ребята упрашивали бойцов и командиров дать им оружие и принять в строй. Жители окрестных сел и поселков, стремясь оказать нам помощь, нередко рисковали и собственной жизнью и жизнью своих детей.

В ночь на 9 августа из поселка Мышеловка к нам через линию фронта пробрались пожилой рабочий и его шестнадцатилетняя племянница Машенька. Было удивительно, как удалось им пройти невредимыми через боевые порядки гитлеровцев? Их оборона была настолько плотной, войск на этом участке сосредоточено так много, что и мышь, казалось, не смогла бы незамеченной проскользнуть. А эти двое, отлично зная местность, ползя по канавам, по овражкам, в клочья изодрав одежду, в кровь исцарапав руки и лица, смогли пересечь фронт.

Сначала они были доставлены к нашему разведчику — капитану Алексею Питерских. Он побеседовал с ними и привел ко мне. Дядя девочки — крепкий, коренастый мужчина лет сорока пяти, небритый, взлохмаченный, с густой сединой на висках. Он был без фуражки,

босой, в синей косоворотке и черных, изорванных на коленях брюках. Косоворотка тоже висела на нем клочьями, а из царапин на шее, на щеке и подбородке сочилась кровь. Что привлекло мое внимание? Его глаза. Они смотрели так ясно и радостно, что я невольно подумал: такие глаза не могут лгать.

Девочка, еще подросток, смуглая и хрупкая, в ситцевом платьице, без косынки и тоже босая, старалась держаться поближе к дяде, но смотрела на меня и на капитана с доверчивостью ребенка.

— Что побудило тебя пойти на такой риск, Машенька? — спросил я, почему-то с первого взгляда поверив этим людям.

Она сунула руку за вырез платьица и подала мне какую-то книжечку.

— Побудило… вот это.

Я взял из ее руки книжечку, развернул. Это был комсомольский билет.

Кирилл Андреевич Соловей рассказал, что живет он в пригороде Мышеловки и много лет работал на Корчеватском кирпичном заводе. Для него было полной неожиданностью увидеть в родном поселке клятых басурманов. Он знал, что фронт проходил не так уж далеко от Мышеловки, но был уверен, что наши отгонят врага, и спокойно лет спать. А утром на единственной улице поселка замелькали зеленые мундиры. Тогда он твердо решил перейти линию фронта, к своим, и сказал об этом племяннице. Машенька с радостью согласилась: матери у нее уже давно не было, отец уехал к родственникам в село и не возвратился, а бросить хату в такое время не жалко. Но, поразмыслив, она сказала дяде:

— С чем же мы придем к нашим? С пустыми руками? Нет, так не годится. Сначала мы должны узнать, какие здесь немецкие части остановились, много ли у них пушек, пулеметов, танков… Поэтому нужно задержаться в Мышеловке на два-три дня…

Потом они стали рассказывать наперебой, как с 6 на 7 и с 7 на 8 августа, после внезапного удара наших войск, немцы, охваченные паникой, стали перебрасывать с позиции, что была южнее сельхозинститута, всю свою артиллерию, минометы, машины с боеприпасами к Мышеловке.

Сведения, доставленные добровольными разведчиками — Машенькой и ее дядей, для нас были очень ценны. Теперь мы знали, какие именно части 29-го армейского корпуса противника были перед фронтом бригады и приблизительно их численность в районе Мышеловки, вооружение и прочее. Вскоре наша артиллерия точно

накрыла новые огневые позиции врага.

Через неделю, из-за плохого здоровья, Кирилл Соловей вынужден был уехать в тыл, а Машенька попросилась к нам в медсанбат. Вскоре она стала опытной и смелой медсестрой, и многие воины обязаны ей жизнью. В бригаде ее прозвали «Машенькой из Мышеловки», и, помнится, бойкая, веселая девушка всегда улыбалась этому прозвищу.

С нами она прошла почти весь трудный боевой путь, выпавший на долю бригады, участвовала в сражениях за Конотоп, Харьков, Тим, в генеральной битве на Волге, в наступательных боях за Украину. Ей многое довелось пережить, но я никогда не видел ее в растерянности или унынии, — эта маленькая киевлянка научилась воевать.

Предыстория битвы. Подполковник Александр Коссенюк. Ошибка капитана Никифорова. Капитан Питерских захватывает «языка». Подготовка к бою. Мы отбиваем атаки. Ура, курсанты!

Сведения разведки собираются по крупице, и нужна большая, напряженная работа, чтобы из этих крупиц возникла четкая картина вражеских военных замыслов, намеченных операций, сил, призванных эти операции осуществить.

При той вероломной внезапности, с какой гитлеровская Германия начала войну против СССР, нашему командованию было особенно важно знать, какие силы брошены противником на советскую территорию для осуществления захватнических планов германского фашизма и куда нацелен их главный удар.

Вскоре всем нам, командирам соединений, стало известно, что для наступления на Украине гитлеровцы развернули группу армий «Юг» под командованием фельдмаршала фон Рундштедта в составе 6-й, 11-й, 17-й полевых армий, танковой группы фашистских войск, 3-й и 4-й румынских армий и венгерского корпуса. На Украину двинулись 57 отлично вооруженных и обученных вражеских дивизий, с авиационным прикрытием в 1300 боевых самолетов.

Главный удар противник наносил в направлении Дубно — Житомир — Киев силами группы армий «Юг», в составе 6-й армии, которой командовал генерал Рейхенау, и 1-й танковой группы генерала Клейста.

Эта группировка имела задание — молниеносно прорваться в Киев, захватить все переправы через Днепр, а затем, развивая наступление вдоль правого берега Днепра, окружить и уничтожить войска Красной Армии, находящиеся на Правобережье.

Известно, что в дни, когда гитлеровская клика готовила нападение на Советский Союз, и в самый час нападения войска Красной Армии находились в летних лагерях, проводя обычные учения мирного времени. Внезапность нападения и темп наступления врага, рассчитанный на «блицкриг», не позволили войскам Киевского особого военного округа привести себя в полную боевую готовность, и они оказались в тяжелом положении.

Однако, несмотря на очень сложную обстановку первых дней войны, войска Киевского особого военного округа, переименованного в Юго-Западный фронт, мужественно сражались против превосходящих сил противника.

В районах Владимира-Волынского, Луцка, Дубно и Ровно развернулись ожесточенные бои, в результате которых наступление фашистских армий на восток было задержано на 8–10 дней.

Вражеской группировке на Юго-Западном фронте противостояли войска нашей 5-й армии (командующий генерал-майор танковых войск М. И. Потапов) и 6-й армии (командующий генерал-лейтенант И. Н. Музыченко). Войсками округа командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос.

Хотя на оборонительных рубежах западных районов Украины продвижение фашистских дивизий было задержано, положение наших войск оставалось исключительно тяжелым. Поэтому Ставка Верховного Командования приказала командующему Юго-Западным фронтом отвести войска на рубеж укрепленных районов бывшей государственной границы 1939 года и организовать здесь мощную оборону.

Ведя непрерывные арьергардные бои, войска фронта с 1 по 15 июля занимали новые позиции. Но пока они отходили, на этот рубеж, фашистским танковым и моторизованным соединениям удалось вклиниться в расположение наших войск на стыке 5-й и 6-й армий… 8 июля они ворвались в Новоград-Волынский; 9 июля — захватили Житомир; в ночь с 10 на 11 июля передовые части 3-го моторизованного корпуса 1-й танковой группы противника вышли на рубеж речки Ирпень.

Попытки противника с ходу форсировать Ирпень были отбиты подразделением нашего 4-го отдельного стрелкового полка, 2-го Киевского артиллерийского училища и частями укрепленного района. Решительный отпор защитников Киева на речке Ирпень, контрудары 6-й армии в районе Бердичева и 5-й армии в районе Коростеня по флангам прорвавшейся вражеской группировки заставили фашистское

командование приостановить наступление.

Для защитников Киева эта вынужденная остановка врага означала многое. Они выигрывали время для усиления обороны города. Боевые успехи наших войск высоко поднимали моральный дух у населения столицы и уходивших на фронт воинов.

В те дни был значительно усилен гарнизон войск Киевского укрепленного района, широко развернуто сооружение оборонительных рубежей. На помощь защитникам города прибывали свежие пополнения, а 16 июля наш 27-й стрелковый корпус контратаковал из района Малин — Бородянка 3-й моторизованный корпус противника и в последующих боях сковал на этом участке фронта еще три вражеские дивизии.

Не считаясь с потерями, противник напряженно готовился к захвату столицы Украины и переправ через Днепр. Эта задача была поручена 6-й гитлеровской армии. Но в районе Коростеня успешно действовала наша 5-я армия, сумевшая сковать до 13 немецких дивизий. Здесь развернулись ожесточенные бои, и к 24 июля фашистам удалось потеснить войска нашей 5-й армии. Теперь, подтянув 29-й армейский корпус, гитлеровцы предприняли еще одну попытку ворваться в город и выбить наши войска.

Однако к этому времени в Киевском укрепленном районе были дополнительно сооружены две полосы обороны, о которые разбились неоднократные атаки врага.

1 августа крупные части противника решили прорвать линию обороны Белгородка — Ходосивка. И эта атака была отбита.

3 августа противник после артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление вдоль шоссе Вита-Почтовая — Киев. Воины наших 147-й и 175-й стрелковых дивизий дрались до последней возможности, предпочитая отступлению смерть. И все же противнику удалось выйти на рубеж Юровка — Гатное — Хотив — Лесники, прорвать нашу оборону на стыке двух дивизий.

Командующий Юго-Западным фронтом срочно перебросил сюда 3-й воздушно-десантный корпус. 6 августа бои в южной части укрепленного района приняли особенно ожесточенный характер, и населенные пункты Гатное, Хотив, Лесники по несколько раз переходили из рук в руки.

На следующий день, 7 августа, на участке Хотив — Гатное противник ввел в бой свежую 299-ю пехотную дивизию с задачей прорваться в район клуб им. Фрунзе — Голосеево. Было понятно, что противник надеялся выйти кратчайшим путем к днепровским мостам.

Однако здесь в контратаку против гитлеровцев перешли наша 206-я стрелковая дивизия и 6-я воздушно-десантная бригада. После ожесточенного боя им удалось не только остановить врага, но и потеснить его на юг.

Для воинов нашей 5-й воздушно-десантной бригады эти маневры, сражения и боевые эпизоды были краткой предысторией тех событий, участницей которых она становилась на Киевском оборонительном рубеже. Здесь ей предстояли суровые испытания.

В полдень 9 августа на мой наблюдательный пункт прибыл исполняющий обязанности командира корпуса подполковник А. Ф. Коссенюк. Не так давно я виделся с ним во время учений в районе Джанкоя. Но тогда он выглядел озабоченным и усталым, а теперь передо мной стоял подтянутый, деловитый командир. От него веяло здоровьем и энергией. Я подумал: как все же по-разному знакомые мне офицеры вступили в войну — одни заметно растерялись, другие замкнулись, ушли в себя, третьи загорелись отвагой и произносили страстные речи, а этот, уравновешенный и деловитый, был похож на опытного мастерового, который получил важное задание, осмотрелся, примерился и уже был уверен, что выполнит его.

Он крепко пожал, мне руку, вынул изо рта задымлённую трубку и, улыбаясь глазами, спросил:

— Ну, как живем-можем, Александр Ильич?

— Пока нормально. Понемногу пощипываем берлинских индюков…

Он тряхнул головой.

— Видел. Значит, первым испытанием десантников доволен?

Я сказал откровенно, что в первом бою, в сложных условиях, в лесу да еще ночью они проявили высокий порыв и смелость.

Широко и резко шагая, Коссенюк прошелся по узенькой площадке из конца в конец, остановился, раскурил трубку.

— Да, славные ребята. О них уже дошли слухи до штаба фронта. Член Военного совета дивизионный комиссар Рыков приказал передать вам, чтобы вы, Александр Ильич, и комиссар бригады Чернышев всех, кто отличился в этих боях, представили к правительственным наградам.

Он мягко прикоснулся к моей руке; глаза его смотрели молодо и мечтательно.

— Только подумать, Саша… такой организованный противник, — обстрелян, обучен, до зубов вооружен, уже изготовился ринуться на

штурм города, — и вдруг на четыре, на пять километров отброшен от Киева, вынужден зарываться в землю! Говоря просто, Саша, гитлеровцы тут впервые ощутительно получили по зубам. Уже снята артиллерийская блокада города… А теперь наша задача — отбросить 29-й армейский корпус противника за Киевский укрепленный район.

Я сказал, что эта задача ясна и, судя по первым боям, выполнима, однако бригада нуждается в пополнении офицерским составом. Коссенюк насторожился:

— Что? Велики потери?..

— Пожалуй, втрое меньше, чем у противника, но могли бы быть еще меньшими. Офицеры — народ молодой, горячий, и боевого опыта — считанные часы. Вместо того, чтобы управлять подразделениями, сами рвутся вперед… Командир и комиссар первого батальона ранены, а комиссар второго батальона — Попов — убит. Кроме того, выбыли из строя три командира рот и пять командиров взводов.

Он задумался на минуту, снова прошел по площадке, покачивая могучими плечами, попыхивая трубкой.

— Что ж. Это — война… Пленные немцы говорят, что они потеряли здесь не менее батальона. Офицеров и пополнение рядового состава пришлем. А теперь — желаю успеха. Мне еще нужно побывать в других соединениях. При первой возможности прикачу к вам…

У него была привычка смотреть прямо в глаза собеседнику, и взгляд его, с отблеском улыбки, был внимателен и добр.

Я ждал его в расположении бригады через два-три дня, через неделю. Он не приехал. Он героически погиб в бою на западной окраине Киева.

Обозленное неудачами под Киевом, гитлеровское командование пригрозило своим солдатам и офицерам, что каждый из них, кто посмеет отступать, будет расстрелян. Об этом мы узнали от немца, захваченного в плен.

В ночь с 11 на 12 августа капитану Алексею Питерских, с которым в разведку ходил и наш кандидат наук Митрофан Пасечник, удалось захватить «языка».

Этот эпизод достоин того, чтобы о нем рассказать подробней. Капитан Питерских был человеком отчаянной отваги. Активный и деятельный по натуре, Питерских ценил задания по степени опасности, сопутствующей выполнению: чем серьезней опасность, тем решительнее брался за дело капитан..

Готовясь к операции, он тщательно подбирал товарищей, и, я думаю, выбор его на этот раз не случайно пал на нашего переводчика — Митрофана Пасечника. Пасечник отлично знал Киев и его окрестности, владел немецким языком и за короткое время успел доказать, что не теряется в сложных обстоятельствах.

Ночью они подползли прямо к окопам немцев и вырвали «языка», что называется, из боевых порядков противника. Случай был редкостный, и о нем долго потом говорили в бригаде, — действительно, отчаянная отвага способна творить чудеса!

Перепуганный до смерти пленный оказался весьма осведомленным: он рассказал, что гитлеровское командование решило 13 августа под прикрытием огня и авиации двинуться одновременно вдоль двух дорог на Киев. Главный удар враг намеревался нанести в направлении Хотив — Киев.

Здесь мы подготовили гитлеровцам достойную встречу.

Командир дивизии полковник Савва Потехин знал, что 13 утром противник перейдет в полосе нашей бригады в наступление, поэтому он приказал нам временно перейти к обороне, хорошо зарыться в землю, организовать систему огня всех видов оружия. Для прочной противотанковой обороны он обещал прислать нам к вечеру взвод 45-миллиметровых пушек.

Получив еще ряд указаний, я принял решение построить боевой порядок бригады в два эшелона, с выделением сильного резерва. На дорожном направлении Пирогово — Киев оставался первый батальон капитана Симкина. Этот батальон уже имел опыт почти непрерывного четырехдневного боя. Его мы усиливали двумя 76-миллиметровыми орудиями.

На выгодном рубеже главного дорожного направления Хотив — Киев оборону должна была занять бригадная школа курсантов, усиленная батареей 45-миллиметровых орудий.

Записывая мои распоряжения и поглядывая на карту, начальник

штаба Борисов спросил:

— Как быть со вторым батальоном? Ясно, что еще до наступления противник ударит по этому участку.

— Хитрить так хитрить, Владимир Александрович! Мы снимем и уведем батальон. Пускай немцы впустую тратят снаряды.

Он не понял.

— Оставить рубеж?

— Да, 13 августа ночью вывести, с соблюдением тишины, батальон в мой резерв. На старом месте оставить незначительную группу бойцов. Пусть не маскируются: противник должен думать, что мы занимаем оборону. А утром 13 августа, с началом артиллерийской подготовки немцев, эти бойцы должны покинуть окопы, уйти в тыл и присоединиться к батальону.

Борисов засмеялся:

— Ловко! Значит, немцы будут молотить пустое место?.. Хорошо.

Наш третий батальон мы перевели ночью на выгодный рубеж, уступом справа за бригадной школой. Таким образом, оборона выглядела довольно глубокой и сильной, и оставалось лишь укрепить ее в инженерном отношении, правильно организовать систему огня. Все это нужно было сделать ночью, незаметно для противника.

Готовилось большое сражение, а в такие часы забываешь об усталости, даже об ужине и сне.

Четвертый батальон капитана Зайцева я берег для ввода в бой. Своего начштаба и неустанного Борисова послал в помощь начальнику школы Михайлову. Используя естественные заграждения, они укрепили на этом участке оборону. В течение ночи курсанты надежно зарылись в землю, и к утру на пути противника выросла серьезная преграда.

Начальника разведки Алексея Питерских я не видел с вечера и уже тревожился о нем. Этот смелый, находчивый, никогда не унывающий офицер добывал для штаба бригады исключительно ценные сведения. Он ходил в разведку то с младшим политруком Ржечуком, то с переводчиком Пасечником, то с двумя-тремя отобранными им бойцами, пробирался в боевые порядки гитлеровцев, приводил «языка».

Питерских, как говорили наши офицеры, «исключительно везло». Но за этим «везением» крылись хладнокровный расчет, высокое самообладание и мужество.

Если он отсутствовал несколько часов подряд, у меня не было сомнения, что Алексей действует на переднем крае.

И на этот раз я не сомневался, что бывалый разведчик вернется к утру, коротко, четко изложит добытые сведения, а потом, улыбнувшись, скажет, что у него имеются веские подтверждения этих данных, и кивнет бойцам, а те введут в блиндаж еще одного перепуганного до смерти гитлеровца.

Стройный, красивый, с открытым волевым лицом, с веселым взглядом из-под густых бровей, в свободные минуты, беседуя с товарищами; он снова, словно невзначай, вспомнит о своем родном Владивостоке, городе, который он так любил…

Но ни в эту ночь, ни утром свидеться с Алексеем Питерских мне не довелось.

Я заметил, как, сняв трубку и отозвавшись на вызов, вдруг побледнел молодой телефонист, и расслышал, как дрогнул его голос.

— Товарищ полковник… беда… Начальник разведки Питерских…

Я бросился к телефону.

— Что?

Докладывали из первого батальона. Возвращаясь из расположения противника, Алексей Питерских погиб в неравной схватке.

Я осторожно положил телефонную трубку. Это была тяжелая утрата. И хотя смерть стала привычной в этом лесу, мне еще долго не верилось, что Алеша Питерских не вернется.

Вскоре я узнал от полковника Потехина, что 13 августа правее нас перейдет в наступление двумя полками 147-я дивизия.

— Возможно, — сказал Потехин, — что вашей бригаде придется принять на себя главный удар противника.

Не скрою, эта фраза, оброненная словно невзначай, будто речь шла о чем-то самом обычном, усилила мою бессонницу. Все-таки курсанты — воины очень молодые. Не дрогнут ли они? Ведь на них пойдут самые отпетые фашистские головорезы. Да и танки враг использует здесь наверняка: местность вполне подходящая… И все же в глубине души я верил, что ребята устоят. Эту уверенность разделяли Марченко и Чернышев: они не раз собирали в эти дни коммунистов и комсомольцев и тесно сблизились со своими бойцами.

Когда на рассвете немецкая авиация группами по 10–12 самолетов двинулась поэшелонно бомбить Киев, я понял, что пленный немец сказал правду: гитлеровцы собрались наступать. С минуты на минуту следовало ожидать начала их артиллерийской подготовки. Я предупредил об этом войска и доложил в штабы дивизии и корпуса.

Действительно, минут через десять после первого налета немецких самолетов на Киев загремели вражеские гаубицы и пушки, захлопали

минометы. Потом после короткой артподготовки из зеленого подлеска одновременно выкатилось несколько танков и бронетранспортеров с десантом автоматчиков и, видимо для пущего устрашения, даже с фашистским флагом над одной из машин. Танки мчались на больших скоростях, ведя на ходу беспорядочный огонь. Окутанные вихрями пыли и дыма, громоздкие машины устремились к переднему краю нашей обороны, прямо к тому участку, где окопались курсанты.

Батареи противника снова открыли огонь, и, право, весело было наблюдать, как весь он сосредоточился на совершенно безлюдном месте, на линии окопов второго батальона, заблаговременно покинутых бойцами.

По-видимому, эти фашистские танкисты и эти десантники с пауком на тряпке еще были под хмелем легких побед и не рассчитывали на сколько-нибудь серьезное сопротивление. Они намеревались с ходу ворваться в Киев…

Я внимательно наблюдал за движением танков и бронетранспортеров, которые вскоре подошли совсем близко к нашим позициям, продолжая вести огонь.

Странно, пушки наших курсантов молчали.

«Что же они там медлят?» — с тревогой подумал я, уверенный, что снаряды врага легли не по боевым порядкам школы. Именно сейчас наступила та решающая минута, когда должны были грянуть наши 45-миллиметровые пушки.

— Вызовите «Волну», — сказал я телефонисту. — Начальника штаба Борисова немедленно к телефону…

Однако моему телефонисту «Волну» не пришлось вызывать. Весь придорожный откос, занятый обороной нашей школы, казалось, дрогнул от залпа. Застрочили пулеметы и автоматы, сметая вихрем огня с брони машин фашистских десантников. В этом непрерывном грохоте стрелкового оружия, словно отсчитывая такты, звонко и отчетливо били противотанковые пушки.

Я видел, как сначала первый, потом второй танк, потом бронетранспортер застыли на месте. В панике покидали их уцелевшие десантники и экипажи, пытаясь спастись. Вскоре я насчитал семь подбитых вражеских машин.

Неуклюже разворачиваясь, а то и пятясь задом, уцелевшие танки противника спешили возвратиться на исходные рубежи. На их броне я не заметил ни одного вражеского десантника. Было похоже: эти корабли прибыли сюда, чтобы сбросить под огонь свой живой груз, а потом налегке укатить восвояси.

С нежностью думал я о наших курсантах, о боевом их командире — старшем лейтенанте Михайлове, который в эти минуты, наверное, подстегивал чистый подворотничок… И невольно вспомнились слова великого поэта: «Есть упоение в бою»…

Вскоре по телефону доложил обстановку Михайлов. Телефонный провод донес до меня и его взволнованность, и радость.

— Каковы потери? — спросил я, выслушав краткий доклад.

— Трое убитых и девять раненых.

— Как обстоит дело с боеприпасами?

— Маловато.

— Передайте мое указание Андрийцу: немедленно обеспечить боеприпасами все ведущие бой подразделения.

Немного помедлив, я спросил:

— А теперь скажите, уважаемый начальник школы, почему вы так долго не открывали огня?

— Дело очень простое, товарищ полковник, — отозвался он смущенно. — Мы схитрили малость… Думаем: пускай подойдут, подлые душонки, поближе: не промахнемся. И не промахнулись!

— Молодцы… Однако смотрите не зазнавайтесь. На войне одна упущенная минута может слишком дорого обойтись. Главное: по-прежнему будьте начеку. Гитлеровцы обозлены до предела: еще бы, такую пощечину получить! Они могут повторить атаку. На всякий случай посылаю вам для усиления группу автоматчиков с ручным пулеметом.

— Большое спасибо, товарищ полковник… Это как раз и нужно! Все мои курсанты благодарят.

Я положил трубку. «Меня благодарят курсанты»… У него это вырвалось так неподдельно. Милый, хороший человек! Да ведь это же мои курсанты, и я такой же, как вы, солдат, коммунист, брат и товарищ каждому из вас, и Родина у нас одна, и боль за ее страдания, и заветная мечта о победе.

…Из первого батальона, где находились Иван Самчук и старший политрук Марченко, донесли, что все атаки противника отбиты. Особенно сильный бой разгорелся на правом фланге батальона. Гитлеровцы несколько раз бросались в атаку и отползали, оставляя на поле боя десятки убитых и раненых.

Лишь отдельным группам немецких солдат удалось прорваться за передний край обороны на левом фланге батальона. Но и они были тут же уничтожены контратаками наших десантников.

День 14 августа был для бригады горьким днем. Мы почти

полностью потеряли роту бойцов второго батальона, и это случилось по вине её командира капитана П. Никифорова, который заплатил за свою ошибку жизнью.

Вот как это произошло: после артиллерийской подготовки, находясь в составе 14-й стрелковой дивизии, бригада перешла в наступление. На участке второго батальона противник стал отходить мелкими группами в тыл. Это был только маневр врага, ловушка: немцы оставили в своих окопах двух пулеметчиков и до десятка автоматчиков. Те гитлеровцы, что отходили, нарочно изображали паническое бегство. Командир второй роты поверил, что враг действительно бежит. Он тут же поднял всю роту, развернул ее в цепь и скомандовал:

— Бегом… В атаку… марш!

С криком «ура!» бойцы бросились к окопам противника. Местность перед окопами была совершенно открытая, ровная, ни канавки, ни бугорка. Гитлеровцы допустили цепь на расстояние в сто метров и открыли пулеметно-автоматный огонь. Большая часть бойцов, раненые и убитые, остались на поле боя; но те, что уцелели, в их числе капитан Никифоров, решили довершить штыковую атаку. До окопов оставалось не более 50 метров: здесь они были расстреляны в упор.

Для нас это был поучительный урок.

За эти жаркие дни события на нашем участке фронта складывались явно не в пользу врага. Тем более злобствовали гитлеровские генералы. Срок взятия Киева, назначенный фюрером, уже миновал. Об этом мы узнали позже. А тогда нам было ясно, что командование противника собирает мощный кулак, чтобы прорвать и разбить нашу оборону.

Вскоре вражеская авиация начала «обработку» нашего переднего края. Характерно, что немцы использовали те же тактические приемы, которые мне много раз довелось наблюдать во время войны в Испании.

Группа самолетов Ю-88, в шесть-девять машин, избирала определенный участок, выстраивалась в форме круга за ведущей машиной и начинала бомбить позиции. Один за другим «юнкерсы» переходили в пике, сбрасывали свой смертоносный груз, а затем вели пулеметный и пушечный огонь.

Едва лишь первая группа самолетов улетала, как появлялась вторая, и снова начиналась эта «чертова карусель».

В течение 30 минут самолеты противника буквально висели над

боевыми порядками бригады, и я испытывал не только душевную, но и физическую боль при мысли о том, что при такой сосредоточенности огня бригада неизбежно понесет огромные потери.

Сумеют ли обескровленные подразделения нашего первого эшелона отбить очередную атаку врага?

Правда, у нас были еще два свежих батальона: во втором эшелоне и в резерве. Но было ясно, что во вторую, решающую атаку гитлеровцы тоже бросят свежие силы и увеличат количество танков.

Опытные воины знают, что в минуты боя, под вражескими бомбами, под ливнями пулеметного огня, когда гибель кажется неотвратимой, а нервы напряжены до предела, мысль работает четко и ясно, и приходит то особенное спокойствие, которое, пожалуй, возможно только на грани жизни и смерти.

Человек, ответственный за жизнь сотен бойцов, многое заметит в эти минуты и многое припомнит.

Быть может, покажется странным, что, когда на нас с воем пикировали Ю-88, я думал о последних учениях бригады. Как пригодилась теперь наша тактическая выучка! А скромная саперная лопата, которую многие десантники считали излишней обузой, как была нужна она теперь и сколько сберегла жизней! Каждый солдат и офицер бригады теперь берег ее наравне с оружием и считал незаменимой помощницей в бою.

Но вот наконец-то «юнкерсы» отбомбились. Пожалуй, немецкие «асы» были уверены, что на этом квадрате площади в живых не осталось ни души. Да и в самом деле, как уцелеть здесь человеку, если вся земля вокруг взрыта, перепахана и обожжена разрывами бомб, молодой сосняк выкорчеван, ветви его измочалены, а из десятка старых сосен сохранилась лишь одна?

А человек — удивительное творение природы! — человек жив. Рядом со мной шевелятся сбитые ветки; отбрасывая их и стряхивая с гимнастерки пыль, с земли поднимается рослый курсант. Он смеется. Да, он смеется!

— Ну, дьяволы, понаделали металла… Дал бы я вашему Круппу — по крупу!

Он достает пачку «Нашей марки», закуривает, угощает товарища. Я слышу спокойный деловитый разговор.

— Теперь будем ждать артналета?

— Конечно. Только это недолго.

— Что ж, переждем…

До начала вражеской артиллерийской подготовки я успеваю

возвратиться из подразделения на свой наблюдательный пункт. Нарастающим громом докатывается первый залп немецких батарей. Противник действительно не жалеет металла. Снаряды рвутся в расположении школы и снова в секторе, оставленном вторым батальоном. Гудит, ощутимо вздрагивает земля…

А из-за перелеска, давя молодые деревья, выползают танки и бронетранспортеры. Ого, сколько их! За машинами сомкнутыми цепями идет пехота. Кажется, еще несколько минут, и эта серо-зеленая волна захлестнет наши позиции.

С наблюдательного пункта видно, как бойцы устанавливают на брустверах пулеметы, готовят к бою автоматы и самозарядные винтовки, как артиллерийские расчеты выдвигают из укрытий «сорокапятки»…

Сигнал, и тотчас все огневые средства нашей обороны приводятся в действие. Какая потрясающая картина! Вот уже начисто скошена серо-зеленая цепь. Дымится и вертится на одном месте танк… Немцы прыгают с бронетранспортеров и возвращаются на опушку. Нет, снова поднимаются и, пытаясь укрыться за танками, приближаются к нам. Их все меньше и меньше… Ага, голубчики, попробовали украинского сала! Стоп, горит еще один танк! Нырнул в канаву да так и застрял бронетранспортер… Еще одна картинка: размахивая пистолетом, немецкий офицер гонит группу фашистов вперед. Наверное, доказывает, что победа, мол, близка… Кто-то из курсантов без ошибки берет его на мушку… Солдаты в панике. Нет, им не удается добежать до перелеска. У самой дороги, я вижу, застыли еще два бронетранспортера. Кажется, все… И эта атака захлебнулась. Да, уцелевшие машины противника, откатываются назад. Ура, курсанты!.. И что за денек!.. Результаты нашего огня превзошли все мои ожидания: только на участке бригадной школы противник потерял убитыми около четырехсот солдат и офицеров. Курсанты, десантники и на этот раз сражались, как герои, и с честью выиграли бой.

А ночью офицер из нашей бригадной разведки доложил мне, что на участке первого батальона и школы противник переходит к обороне: роет окопы, ставит проволочные заграждения, минирует местность.

Я сразу же сообщил об этом командиру дивизии.

— Очень приятно! — ответил полковник Потехин, и голос его прозвучал весело, бодро. — Значит, готовьтесь, товарищ Родимцев, к наступлению. О часе атаки дополнительно сообщу.

Удачное наступление. Радостная весть. Помощь народная. Слухи. «Кукушка». Памятная беседа. Знамя

Киева.

Во второй половине ночи офицеры штаба, начальники служб и командиры всех степеней приступили к подготовке своих подразделений к предстоящему наступлению. Бойцам от политработников уже было известно, что у самых ворот Киева гитлеровцы переходят к обороне…

Дорваться до окраины города и вдруг перейти к обороне! Тут каждый солдат понимал, что немцы были вынуждены закапываться в землю не от хорошей жизни. Значит, крепко их потрепали под Киевом, сбили амбицию, прижали к земле. А теперь нужно было, не теряя времени, отбросить их еще дальше, не позволив закрепиться на выгодных рубежах.

В 11 часов 20 минут по переднему краю и глубине обороны противника ударила наша артиллерия. Немцы не ожидали этого огневого налета. Они были уверены, что после вчерашнего сражения нам не до атак.

Но вот войска первого эшелона дивизии двинулись вперед… Бросая даже свое личное оружие, саперные лопаты, гитлеровцы стали откатываться от еще незаконченных укреплений.

Через два часа капитан Аракелян доложил мне, что среди захваченных в плен гитлеровцев имеется несколько офицеров и в их числе майор. Этот майор весьма упрям и согласен беседовать только с офицером, равным или высшим по званию. Времени у меня было, что называется, в обрез, однако я выкроил несколько минут для допроса чванливого майора.

Его подвели ко мне на лесной полянке, высокого, толстоногого, с приподнятыми, острыми плечами, с короткой прической «ежиком».

На нем был новенький мундир, но пуговиц недоставало: видимо, кто-то из наших вырвал их при «знакомстве», как говорится, «с мясом». Я окликнул переводчика, но пленный сказал по-русски:

— Господин полковник, мы можем обойтись и без его помощи…

Он вытянулся, козырнул, щелкнул каблуками. У него были холодные глаза, не выражающие никакой мысли.

Складывалось впечатление, будто он заранее готовился к допросу и поэтому «отработал» ответы. Он рассказал, что 29-й армейский корпус был снят в конце июля с Коростенского направления и переброшен под Киев с задачей атаковать советские войска с юго-запада и овладеть столицей Украины. Пленный подтвердил, что командование корпуса намечало праздновать взятие Киева 8 августа, и эта дата была доведена до сведения не только штабных офицеров, но и до командиров

батальонов включительно. А ночью из штаба корпуса поступил приказ о переходе под Киевом к обороне.

— Это объясняется просто, — сказал он. — Уже десять дней мы ведем ожесточенные бои за Киев, и наша дивизия, например, потеряла половину личного состава. Она не только не вошла в город, но была вынуждена отступить.

Я невольно усмехнулся:

— Сегодня вы не блеснули организованностью в отражении нашей атаки.

Он наклонил голову; его глаза по-прежнему смотрели равнодушно:

— О, да! Ваша атака для нас была «сюрпризом». Я даже думать не хотел о том, чтобы после вчерашнего тяжелого боя вы перешли в наступление. К тому же утро было тихое, и наши наблюдатели не заметили в расположении советских войск каких-нибудь подозрительных передвижений. Мы привыкли к тому, что русские, как правило, наступают утром. Поэтому после завтрака некоторые наши солдаты вышли на рытье окопов даже без личного оружия.

Он сообщил еще некоторые сведения, но на другие вопросы отказался отвечать.

— Право, — сказал я ему, — сначала вы показались мне, майор, откровенным собеседником. Скажите, где вы изучали русский язык?

— Конечно, в Германии.

— Зачем это вам понадобилось?

Он передернул острыми плечами, гладко выбритая щека нервно задрожала.

— Я думаю, это вам известно, господин полковник. Нас готовили для войны против России.

— И долго вы изучали язык?

— Десять лет.

— Значит, в течение десяти лет вы готовились к войне против нас и одновременно всячески заверяли наше правительство в своих самых добрых намерениях?

— Это — дело политики. Дипломатии. Нас учили, что дипломатия — тоже форма войны.

— Вы повторили пошлую фашистскую формулу, майор, — заметил я ему, — Наши советские дипломаты борются за мир… Впрочем, я не собираюсь вас агитировать. Меня удивляет ваше поведение: сначала вы были откровенны, а потом перестали отвечать…

И снова холеная щека его нервно задрожала.

— Меня расстреляют сейчас же?

— Нет, мы не будем вас расстреливать.

Он удивился; впервые за время нашего разговора глаза его несколько оживились:

— Почему?

— А потому, что мы не убиваем пленных. Это делают только мерзавцы.

— Послушайте, господин полковник, — проговорил он тихо, и голос его дрогнул. — Может быть, лучше, если меня расстреляют… Да, лучше для меня.

— Не дурите. Ведь вы хотите жить.

Я заметил, как по его щеке скатилась слеза.

Мне стало смешно: сколько лет там, в фашистских казармах, этих молодчиков учили пренебрежению к жизни! Но они научились пренебрегать чужими жизнями, а не своими.

Человек на войне неизбежно обнажает собственную сущность. Какой-нибудь ярый крикун, смотришь, оказывается трусом, а скромный, неприметный солдат — героем. Я все время присматриваюсь к людям и все время как бы открываю их. Присматриваюсь и к нашим десантникам и радуюсь их сплоченности, мужеству, благородству. Беседую с пленными, и они тоже дают материал для размышлений.

Психология гитлеровских солдат и особенно офицеров носит след довольно примитивного штампа. Вот они добрались до Киева, безнаказанно грабя и убивая. Чем более легок был их путь, тем меньше раздумывали они над собственными поступками и над целями развязанной их главарями войны. Захватывая наши города и села, они безобразничали на каждом шагу, демонстрируя дикое арийское хамство и свинство.

Но стоило этим «лыцарям» получить под Киевом несколько назидательных уроков, стоило увидеть груды трупов своих однополчан, как их спесь, ханжество и глупое позерство стали таять, и весьма быстро, Ясно, что чем сильнее мы будем их колотить, тем быстрей приведем в чувство.

Я не хочу преувеличивать: успех наших войск под Киевом в период его обороны — это лишь капля в огненном море Великой Отечественной войны. Но и эта капля — слагаемое нашей победы. Этот успех ценен и памятен тем, что он был одним из первых. Привыкший легко захватывать целые страны, гитлеровский зверь здесь впервые выщербил себе клыки.

И было радостно воочию убедиться, что матерые фашистские ландскнехты умеют не только с гиком и ревом идти на штурм, но и пятиться, и отползать, и знают толк в беге.

К середине августа нашим соседом стала вновь сформированная стрелковая дивизия, которой командовал полковник Г. П. Панков. Это было отрадное событие — наши десантники торжествовали. Но еще более радостную весть сообщил мне полковник Потехин.

Мы встретились в час затишья. Едва взглянув на полковника, я сразу понял: случилось что-то важное и хорошее. Глаза его блестели, он потирал руки, покачивал головой.

— Поздравляю. От души поздравляю, Александр Ильич…

— Кого и с чем?

— Собственно, поздравляю и вас, и себя… А с чем — сейчас, дорогой, объясню.

Выдержав паузу, он заговорил доверительно, негромко:

— В полосу дивизии, на участок вашей бригады, прибывает артиллерия, которой ни я, ни вы еще не видели. Эта артиллерийская система совершенно секретна, и в нашей армии она впервые будет применяться. Говорят, мощность разрыва снаряда — колоссальной разрушительной силы. Один залп — восемь снарядов… Она может стрелять и отдельными снарядами, и сразу восемью. И еще говорят, что летят эти снаряды с таким оглушительным ревом, что неизбежно вызывают в стане врага панику. Предупредите бойцов, чтобы они не опасались этого рева!

Мне хотелось обнять и расцеловать полковника за эту весть. Боевые реактивные машины БМ-8, которые советские воины любовно назвали «катюшами», впервые были применены летом 1941 года. Они наносили массированные удары по противнику и позволяли в короткие сроки обеспечивать огнем боевые действия войск. О том, насколько эффективным и внезапным для врага явилось применение боевых машин реактивной артиллерии, свидетельствовали сами фашистские главари. В приказе по войскам немецкого верховного командования от 14 августа было сказано:

«Русские имеют автоматическую многоствольную огнеметную пушку. Выстрел производится электричеством. Во время выстрела у нее образуется дым. При захвате таких пушек сообщать немедленно».

Фашистское командование требовало от своих вояк невозможного. Захватить «катюшу» они, конечно, не могли. Первый залп реактивной артиллерии по боевым порядкам врага, произведенный под Киевом, в Голосеево, вызвал полную растерянность и панику в стане противника.

Я успел сообщить командирам батальонов о возможном применении на нашем участке фронта новой артиллерии. Однако, ведя бой, не все они успели предупредить об этом личный состав.

Ночью, когда противник опомнился от наших ответных ударов и стал окапываться вблизи сельхозинститута, «катюша» дала свой первый «концерт».

Незабываемое зрелище! Огромные пылающие факелы с воем и грохотом взмыли над лесом, перекинулись на позиции врага, неистовым пламенем обрушились на фашистские окопы. Это было похоже на сейсмическую катастрофу; будто в лесу вдруг разверзся кратер вулкана и раскаленные ядра его неизбежно должны были все испепелить. Наши воины, которых не успели предупредить, были ошеломлены бушующим огненным шквалом.

Фашисты бежали так поспешно и растерянно, что побросали оружие. Те из них, кто попал в плен, уныло тянули:

— Мы не знали, что русские имеют на вооружении гром и молнию!

Итак, несколько дней сражений, в которых участвует бригада, а сколько, событий и радостных новостей! Соседи слева освободили от немецко-фашистских захватчиков населенный пункт Мышеловку. Выбит враг из Жулян. Для начала — неплохо. И главное здесь — моральный фактор. Для возомнивших себя «непобедимыми» фашистов это был чувствительный удар.

Когда на переднем крае установилось затишье, мне представилась возможность отлучиться на несколько часов в город.

Киев… Чудный и древний Киев, вознесенный над Днепром, за короткое время ты стал мне родным. Не только твои живописные улицы, широкие площади, тихие переулки, парки, заводы, набережная Днепра, — главное, твои люди близки и милы сердцу. В эту суровую годину испытаний тысячи и тысячи киевлян и киевлянок пришли на помощь своей родной армии. От зари и до зари, под орудийным огнем противника, невзирая на частые налеты его авиации, они работали на оборонительных рубежах, рыли противотанковые рвы, траншеи, окопы, ставили эскарпы и надолбы, разбирали булыжник мостовых и воздвигали баррикады.

Работали заводы… Котельщики, токари, жестянщики, слесари — ратники мирного труда, теперь они производили мины и разнообразные заграждения. Даже многие бытовые предприятия — артели, кустарные мастерские, которым по роду их производства, казалось бы, совсем не до военных дел, оказали обороне города большую поддержку. Они стали выпускать бутылки с горючей

смесью. Позже от этих бутылок сгорел не один десяток фашистских танков.

В городе создавались коммунистические и комсомольские полки и отряды народного ополчения, и душой всей этой напряженной, многосторонней деятельности был Центральный Комитет Коммунистической партии Украины.

Я познакомился в боях с командирами отрядов народного ополчения Клешовым и Кузнецовым — эти отряды сражались мужественно и умело, и когда в минуты затишья я спросил у Клешова, как за столь короткое время сумел он подобрать таких надежных бойцов, — улыбнувшись и щуря глаза от дымка махорки, он ответил:

— Ребята самые обыкновенные, рядовые. Молодые рабочие с «Арсенала», железнодорожники, студенты… Есть даже два парикмахера, кондитер и музыкант. В общем, товарищ полковник, люди, как говорится, «с бору по сосенке», и ни один из них до этого не воевал… Однако ненависть к фашистам так велика!..

Могу с уверенностью сказать, что успехи, одержанные нашими войсками в дни обороны Киева, во многом были обеспечены самоотверженной поддержкой киевлян: мы, солдаты, сражаясь на передовой, уверенно опирались на могучее плечо народа.

Однако и в Киеве, и в его окрестностях, да и в других городах нам доводилось встречать не одних лишь патриотов. Были и трусы, паникеры, сеятели тревожных слухов и сплетен. Многие обыватели и сами не понимали, что, распространяя вымыслы и клевету, они усиливали у определенной части населения неуверенность и подавленность.

Подчас эти вымыслы доходили и до военных, и я немало был удивлен, когда знакомый офицер, встретив меня в пригороде, спросил, сдерживая волнение:

— Будем откровенны, Александр Ильич, мы знаем друг друга: скажите, воздушный десант противника ликвидирован?

Я даже отшатнулся:

— Какой десант?..

— Но ведь вы знаете!..

— Впервые слышу.

— Девятого августа ночью в районе Дарницы гитлеровцы выбросили десант: тридцать диверсантов. Задачей этих диверсантов было: совершить налет на штаб фронта.

— Когда вы об этом услышали и от кого? Кто имеет такую точную информацию о количестве парашютистов и даже об их задаче? Это же

явная «утка»! Я только что говорил со штабом корпуса, а вы знаете, что он расположен восточнее Дарницы, в лесу, и там не слышали ничего подобного.

Офицер смутился:

— Я ведь не паникую…

— Но вы должны помнить, кому они выгодны, такие слухи, и сразу же разоблачать их и пресекать.

Вскоре я услышал еще более удивительные вещи. В тылу корпуса, в небольшом поселке, я подошел случайно, незамеченный, к группе военных и услышал обрывок фразы:

— …Утром эту «кукушку» схватили, и сейчас она в особом отделе сидит!

Я поздоровался и спросил:

— О какой это «кукушке» вы беседуете?

Молоденький лейтенант объяснил с готовностью:

— Мы о тех «кукушках» говорили, товарищ полковник, что немцы к деревьям цепями приковывают…

— Подождите, лейтенант, что-то слишком уж замысловато. Кого приковывают цепями, где, зачем?..

Все, казалось, были удивлены моей неосведомленностью, а лейтенант улыбнулся: дескать, полковник и сам это знает, но выпытывает!

Он охотно поведал мне, как говорится, на полном серьезе, что имеются сведения, будто немцы, вынужденные к отступлению, оставляют на деревьях своих солдат, приковывая их к стволам железными цепями. Такому смертнику, мол, дается автомат, патроны, сухой паек с бутылкой коньяка, и эта «кукушка» сидит себе меж веток и постреливает в наших солдат и офицеров.

Я не выдержал, засмеялся:

— Значит, коньяк, чтобы не скучал, цепи, чтобы не удрал?

— Между прочим, среди этих «кукушек», — продолжал лейтенант, — есть даже молодые женщины. Из украинок-белоэмигранток… Сейчас в особом отделе одна такая сидит, захвачена с автоматом в руках нашими разведчиками. Ни на какие вопросы не отвечает. А когда кто-то из разведчиков пригрозил ей, она показала ему кукиш.

Мне, естественно, хотелось бы посмеяться над историей с «кукушками», но и другие офицеры подтверждали, что такая особа задержана. Невольно подумалось: а чем черт не шутит? Фашисты способны на все.

— Передайте начальнику особого отдела Тарасенко, — сказал я лейтенанту, — пусть доставит ко мне эту «птицу». Интересно послушать, как она будет куковать… И обязательно пусть прихватит ее автомат, цепи, сухой паек.

Через час в крестьянскую хату, где я остановился на короткое время, двое солдат и Тарасенко действительно привели женщину и принесли отобранный у нее немецкий автомат.

Маленькая, хрупкая блондинка, на вид лет тридцати пяти, была худа и очень бледна. Ее волосы, подстриженные под кружок, были растрепаны, а глаза странно косили. Можно было подумать, она избегала встретиться взглядом с любым из нас.

Тарасенко рассказал подробности!

— Эту женщину перехватили в лесу разведчики. Она бежала с автоматом в руках в нашу сторону. Когда ей приказали остановиться, она побежала быстрее. Разведчики говорят, она выкрикивала какое-то непонятное слово. Мне ее передали только сейчас, и… я не верю, товарищ полковник, чтобы она работала на немцев. Я думаю, она из дома умалишенных, который находится в селе Пирогово. Когда немцы оставляли это село, они стали расстреливать умалишенных… Говорят, некоторым больным удалось бежать.

Я обратил внимание на ее одежду. Действительно, на ней был больничный халат.

— Как вы решили с нею поступить? — спросил я Тарасенко.

— Мы еще проверим ее.

— Задержанную отпустите, Тарасенко. Было бы хорошо, если бы вы смогли передать ее врачам. Объясните лейтенанту, который вас позвал, чего они стоят, все эти глупые басни о «кукушках», «цепях», «смертниках».

Как командиру, мне полагалось заниматься только делами бригады, боями, которые развернулись на нашем участке фронта. Но в те дни весь Киев превратился в военную крепость, и события, происходившие на подступах к городу, у его славных баррикад, не могли не волновать каждого советского воина.

В моем фронтовом дневнике, страницы которого я с интересом перелистываю, много имен скромных и беззаветно отважных героев обороны Киева — рабочие, служащие, студенты, домохозяйки — люди разных возрастов и профессий, проявившие в боях за родной город высокую стойкость и отвагу.

Батальон ополченцев Московского района Киева под командованием коммуниста Синельникова 5 августа вступил в бой,

имея задание остановить фашистов у села Китаево. Гитлеровцы обрушили на батальон, особенно на его первую роту, которой командовал Кузнецов, пулеметно-минометный огонь. Однако ополченцы не дрогнули. Неся тяжелые потери, они достигли удобного рубежа, установили станковые пулеметы и ударили по фашистам с фронта и фланга.

Потеряв убитыми десятки солдат и офицеров, гитлеровцы стали отходить. Им удалось закрепиться у безымянной высотки, которую они решили удержать любой ценой. В ночь на 9 августа коммунист Кузнецов снова поднял роту в атаку. Схватка перешла в штыковую. Народные ополченцы — рабочие киевских заводов — показали фашистам, что умеют драться и прикладом, и штыком. Фашистские вояки видели, что против них идут люди в рабочих блузах, пожилые и совсем юные смельчаки. Казалось бы, хорошо обученному, обстрелянному фашистскому сброду эта атака была не страшна. Но когда дошло до штыковой, гитлеровцы не выдержали натиска и оставили безымянную высоту.

Командир роты Кузнецов с двадцатью бойцами незаметно подобрался к вражеской минометной батарее. Несколько брошенных гранат — и фашистский расчет уничтожен. К исходу боя отважный командир ополченцев Кузнецов был тяжело ранен. Командование ротой принял на себя студент Киевского сельскохозяйственного института Давыдов. Узким глубоким овражком он повел товарищей через линию фронта в тыл врага. В этом непродолжительном рейде ополченцы уничтожили несколько огневых точек противника и возвратились с трофейными пулеметами и минометами.

Обозленные такой дерзостью, гитлеровцы сосредоточили огонь минометной батареи по позиции, занятой ротой Давыдова. Однако фашистские минометчики слишком увлеклись… Коммунист Клешов подкрался к этой батарее и уничтожил ее гранатами.

Да, в киевских отрядах народных ополченцев были настоящие парни! Впрочем, им не уступали и старики. Когда осколками вражеского снаряда был уничтожен расчет станкового пулемета, к поврежденному «максиму» под вражеским огнем подполз шестидесятилетний ополченец Семеновский. Человек мирной профессии, связист, он никогда не воевал и не чаял оказаться на переднем крае. Ему и не приказывали сюда идти — он пришел сам со своим инструментом монтера. Проявив выдержку и хладнокровие, Семеновский разобрал пулемет, устранил повреждение и повернул «максим» во фланг наступавшему врагу. Немцы шли во весь рост…

Длинная очередь скосила два десятка фашистов. Вражеская цепь шарахнулась в сторону, залегла. Движения связиста были размеренными, глаз зорким. Он тщательно выколачивал фашистов из складок местности, пока они не откатились на исходные позиции.

За 24 дня боев этот славный рабочий батальон понес немалые потери. В бою у поселка Мышеловка смертью храбрых пал его отважный командир Синельников. Погибли, сражаясь с врагом, коммунисты и комсомольцы Белоборов, Богуш, Гондлях, Грановский, Кондратьев, Сидоренко и другие. Рабочие — воины этого батальона, прибывшие на передний край прямо из заводских цехов, уничтожили в короткий срок свыше 500 фашистских солдат и офицеров. В те суровые дни Киев показал миру, как впоследствии Одесса, Севастополь и другие города, примеры массового, всенародного героизма. Неспроста фашистский генерал-полковник Гальдер в период битвы за Киев писал: «У Киева войска группы армий несут огромные потери… 6-я армия ежедневно теряет 1600 человек».

Другой фашистский генерал, командир 95-й немецкой дивизии Зикст фон Арним, писал в приказе: «Боевой состав полков в результате потерь за последние недели настолько уменьшился и большинство подразделений до того ослабли, что не могут быть использованы для боевых действий. Особенно остро чувствуется недостаток офицерского состава. До прибытия пополнения, которое вряд ли можно ожидать ранее середины сентября, необходимо временно свести несколько подразделений в одно».

В этих произнесенных сквозь зубы признаниях неспроста слышалась тревога. Армия оккупантов почувствовала у стен Киева мощь наших ответных ударов. Быть может, впервые за время «победоносного похода на Восток» некоторые фашистские генералы призадумались о цене, какую они платили за эту «прогулку». По крайней мере, и приказы фашистского военного командования, и перехваченные донесения из боевых частей врага, и показания пленных, — все говорило о замешательстве в его стане.

Запомнился мне пленный немецкий ефрейтор, бывший торговец из Бремена. Он первый засыпал меня вопросами:

— Почему вы переодели ваших солдат в штатское? Что это, прием маскировки? Если это не солдаты, где же они учились драться штыками?

Я напомнил ефрейтору, что ему следует не спрашивать, а отвечать. Он извинился и тут же, не удержавшись, спросил:

— Скажите, это правда, что штатские — платная армия? Сколько

им платят? Правда, что они получают премии за каждого убитого немца? Сколько? И как ведется подсчет?

— Вы законченный кретин, — сказал я ему. — Неужели вас настолько оболванили, что вы поверили подобной чепухе?

Он глубоко вздохнул.

— Вы будете отвечать на вопросы?

— А меня не расстреляют?

— Нет.

— Я выложу все, господин полковник, начистоту. Наша дивизия готовится к генеральному наступлению. Предположительно это наступление начнется 25 августа. Задача — прорваться в Киев. Потери не в счет. Но я капитулировал. Я воевал во Франции и Греции, и там против нас стояли солдаты. А здесь, кроме солдат, в нас стреляют женщины, дети, старики. Где военный, где штатский — разобраться невозможно. Из каждого окна, из-за каждого забора можно поймать пулю. Итак, я готов отвечать на ваши вопросы, господин полковник…

Торговец из Бремена не врал: на указанных им направлениях гитлеровцы действительно предприняли целый ряд атак, пытаясь ворваться в Киев. Однако к 26 августа войска 29-го армейского корпуса врага с многочисленными приданными ему частями оказались отброшенными от Киева на пятнадцать километров. Да, на пятнадцать километров! Успеху нашего контрудара во многом содействовали доблестные народные ополченцы столицы Украины.

Позже, когда Севастополю и Одессе были заслуженно присвоены звания городов-героев, солдаты и офицеры не раз спрашивали у меня:

— А что же Киев? Он ведь тоже сражался геройски!

— История разберется, и подвиги не будут забыты, — отвечал я.

Сыновья и дочери столицы Советской Украины, отважно сражавшиеся у ее стен, по праву гордятся своим древним и вечно юным Киевом, который как равный вошел в семью городов бессмертной славы, городов-героев.

Это высокое звание славного города добыто его защитниками в сражениях, которые кипели на рубежах Киевского укрепленного района, не стихая, 71 день и стоили германскому фашизму многих тысяч жизней солдат и офицеров, сотен самолетов, танков и другой военной техники. Здесь были разгромлены 44-я, 71-я, 299-я фашистские дивизии, а всего противник потерял на киевском направлении 10 дивизий.

Славные страницы в боевую эпопею Киева вписали не только наши солдаты, офицеры, генералы. Чудеса храбрости совершал трудовой

народ — юноши, девушки, пожилые люди и даже дети. В организованное коммунистами народное ополчение в дни обороны вступило более сорока тысяч человек. Армию пополнили половина партийной организации города и 40 тысяч киевских комсомольцев. В дальнейших боях за Украину эти люди, среди которых я многих знал лично, проявляли высокое мужество и доблесть.

Битва на Днепре по своему военно-историческому значению не может быть переоценена. В гитлеровской авантюре «блицкрига» на Востоке 71 день сражений на киевском направлении был очень значительным отрезком времени. Мало того, что гитлеровцы потеряли здесь десятки тысяч солдат и были вынуждены принять позиционную войну, — они упустили время. Уже в послевоенные годы немецкий генерал Бутлар с горечью констатировал:

«Из-за нее (операции под Киевом — Л. Р.) немцы потеряли несколько недель для подготовки и проведения наступления на Москву, что, по-видимому, немало способствовало его провалу».

Защитники столицы Украины знали, что, сражаясь за Киев, они сражались и за Москву и что каждый день этой битвы был слагаемым нашей победы.

Боевые действия корпуса, оборонявшего Киев, высоко оценило правительство Советской Украины. Мне не забыть тех минут, когда под звуки «Интернационала» над нашими соединениями, опаленными огнем почти непрерывной двадцатидневной битвы, развернулось красное знамя Киева.

Это знамя от имени трудящихся города нам вручил старейший рабочий «Арсенала».

В конце августа наш корпус был выведен в резерв и направлен в район Конотопа. Вскоре перед десантниками бригады пролегли нелегкие, дальние дороги больших испытаний и ратного труда.

Смотр бригады. Снова в обороне. Немцы в Алтыновке. Бомбежка. На Сейме. Атака отбита. Машенька на передовой.

В конце августа наша бригада сосредоточилась в пяти километрах севернее и северо-западнее Конотопа. Штаб ее расположился неподалеку, в селе Поповка, Наши сотоварищи — 6-я воздушно-десантная бригада — сосредоточились в населенных пунктах восточнее Конотопа, а 212-я вела в это время ожесточенные бои у города Остер.

По распоряжению из штаба корпуса бригада приступила к

занятиям по специальности. Это обрадовало многих офицеров: наконец-то мы снова воздушные десантники и, значит, не напрасно обучались этому делу до войны.

На окраине Конотопа нам предстояло построить парашютную вышку, где мог бы заниматься личный состав всех трех бригад; оборудовать учебные городки для наземной подготовки.

Зная, что войска нужно держать в постоянной боевой готовности, мы с комиссаром решили провести смотр личного состава бригады с боевой техникой и имуществом.

Нам хотелось установить степень боеспособности бригады. Но при взгляде на строй отдельных батальонов я невольно призадумался: каким же родом войск следует их назвать?

Солдаты и офицеры, которые по долгу службы непосредственно не участвовали в боях, сохранили и форму одежды, и экипировку десантников. Они по-прежнему выглядели подтянуто, молодцевато. А остальные? Кто в пилотках, касках и шинелях, кто в фуражках, потрепанных до такой степени, что виднелись только летные кокарды. Десантные тужурки пробиты пулями, изорваны осколками, обувь на многих добыта в бою.

Однако лица людей были светлы и уверены, ни оттенка усталости или подавленности, настоящие, продымленные порохом боевики.

Резко изменилось после двадцатидневных боев и вооружение батальона. В бригаде вовсе не было станковых пулеметов системы «максим», а сейчас в каждом батальоне их насчитывалось не менее двадцати, а то и больше.

Я спросил командира 4-го батальона капитана Зайцева, где он раздобыл столько «максимов»?

— Добыты вполне честно, — ответил капитан. — Пулеметы не успели вынести из боя при отходе наши соседи слева. Отброшенному нашей контратакой противнику не удалось их захватить.

Назначенный начальником разведки бригады капитан Аракелян после смотра спросил:

— А нужны ли нам эти «максимы», товарищ полковник? Ведь мы возвращаемся к своей специальности. Для нас это слишком громоздкое оружие. У нас даже нет таких парашютов, чтобы приспособить к «максимам»!

Его поддержал и комиссар бригады Чернышев, а я ответил, что еще подумаю над этим вопросом. Я не хотел огорчать их своей почти полной уверенностью в том, что нам не придется десантироваться. Закрадывалась мысль о вполне реальной перспективе драться в тылу

врага без высадки с самолетов. Как старый пулеметчик, я знал, какой это клад наши «максимы» в столь сложной и тяжелой обстановке.

Начальник штаба бригады майор Борисов быстро и добросовестно разработал план боевой подготовки, и сразу же начались занятия. Однако уже на следующий день они были сорваны массированным налетом вражеской авиации.

Самолеты противника бомбили Конотоп и Поповку. Уходили, возвращались и снова бомбили. Казалось, это продолжается бесконечно. Такую подавляющую силу вражеской авиации штаб бригады почувствовал впервые. Тем не менее уже вечером мы возобновили занятия с личным составом.

Третьего сентября в Поповку прибыл командир 3-го воздушно-десантного корпуса полковник Затевахин. Он был необычно взволнован и озабочен. Я знал Ивана Ивановича Затевахина как человека большой выдержки и сдержанности. А теперь он был как-то излишне тороплив и, казалось, беседуя со мной, напряженно думал о чем-то другом.

Развернув на столе карту и склоняясь над нею, он сказал:

— Я получил, Александр Ильич, приказ от командующего сороковой армией… Корпусу следует немедленно занять оборону по южному берегу реки Сейм.

Мне показалось, что я ослышался.

— По южному берегу Сейма?..

— Да, и оборонять полосу от населенного пункта Мельня до села Хижки. Основной удар немцев нужно ожидать вдоль железной дороги Кролевец — Конотоп. Таким образом, ты должен сосредоточить силы на главном направлении… Предупреждаю: непосредственного соседа слева у тебя нет, а если и появится — это будут войска, отходящие под воздействием противника на восток. Поэтому необходимо принять меры по обеспечению левого фланга.

— Следовательно, — спросил я комкора, — наш план боевой подготовки по специальным занятиям приходится отложить?

Он горько усмехнулся.

— Такова обстановка. Есть данные, что гитлеровцы в районе Коропа форсировали Десну. Бои идут на рубеже Шостка — Кролевец — Алтыновка. Это такое расстояние, что моторизованные части противника могут оказаться на реке Сейм уже завтра. Придется, Александр Ильич, зарываться в землю, как кротам, и как можно глубже, и, главное, грамотно в инженерном отношении. Да, теперь приходится сожалеть, что в мирное время мы, десантники, инженерное дело почти не изучали. Иногда даже игнорировали: дескать, наша

стихия — воздух…

Командир корпуса еще сообщил, что в полосе обороны бригады должен стать артиллерийский зенитный полк в составе двенадцати 85-миллиметровых пушек. Эти пушки могут, при необходимости, успешно вести борьбу с танками противника…

Я поглядывал на часы: времени для оборудования обороны бригады оставалось так мало! А сколько еще предстояло других дел…

Затевахин уехал, а я вызвал Борисова и Чернышева. Подробности объяснять им не приходилось: они сразу поняли, как резко изменилась обстановка, и приступили к работе. В бригаде все пришло в движение: офицеры штаба и политотдела получили задания и поспешили в подразделения.

На следующий день, 4 сентября, весь личный состав бригады уже находился в назначенной полосе обороны: рыли окопы, готовили все огневые средства, чтобы в сочетании с особенностями местности до предела использовать сильные стороны каждого вида оружия. Офицеры старались организовать как можно лучше противопехотный огонь. Здесь-то и пригодились наши станковые пулеметы!

Противотанковую оборону пришлось строить только на главном направлении вероятного удара. Так как огневых средств было недостаточно, я решил усилить расчеты 45-миллиметровых пушек двумя-тремя автоматчиками из числа самых стойких бойцов, проявивших в боях под Киевом наибольшую выдержку и отвагу.

Автоматчики отрывали в радиусе 50–60 метров от орудия щели с круговым обстрелом и располагались в них с бутылками с горючей смесью. В случае прорыва танков к орудию они должны были поджигать машины врага и отрезать его пехоту от танков.

Из оперативного отдела армии для помощи в организации обороны к нам прибыла группа офицеров. Ее направил командующий Кузьма Петрович Подлас. Он придавал исключительно важное значение кролевец-конотопскому направлению.

К 6 сентября мы неплохо подготовили оборону: отрыли траншею неполного профиля в 30–40 метрах от воды; установили в небольших котлованах орудия, хорошо замаскировали их под фон местности.

В тот же день были созданы истребительные роты и команды. В эти подразделения мы отбирали в индивидуальном порядке самых смелых, испытанных солдат и командиров, большинство из которых были коммунистами.

Я беседовал с каждым из них и убедился, что эти люди не дрогнут перед вражескими танками.

Но после полудня мне позвонил командир батальона капитан Пастушенко и сообщил странную весть. Утром к нему в штаб прибыли двое штатских, оба члены партии. Они утверждали, будто немецкая пехота на автомобилях заняла без боя Алтыновку…

Я приказал Пастушенко немедленно доставить этих штатских ко мне.

Старший из них, как оказалось, был агроном; второй — секретарь сельского Совета. Запыленные, усталые, в потеках пота, они тяжело опустились на отрытую землю и молча одновременно подали свои документы.

Я заглянул в партийные билеты, в паспорта.

— Рассказывайте, товарищи… Мне позвонил капитан, однако не верится… Немцы в Алтыновке?

— Да, они ворвались утром, — взволнованно заговорил агроном. — Все это произошло так внезапно… В Алтыновке не было ни одного нашего солдата. Вдруг слышим гул моторов. Думаем, наверное какая-то наша часть движется на фронт. Машины вкатываются в село… Что это? Немцы!.. — Он вздрогнул, пересилил спазму. — А сейчас, товарищ полковник, что они там творят!.. Сразу же арестовали всех партийных и советских работников и большую группу расстреляли в центре села… Мы убежали из-под расстрела. В Алтыновке наши семьи… Пьяная немецкая солдатня шляется от дома к дому, бьет, насилует, пытает…

Словно из-под земли передо мной вырос начальник разведки капитан Аракелян.

— Разрешите доложить, товарищ полковник… Мы взяли трех пленных.

— Вот это кстати, капитан! Ведите их сюда…

Мне было не совсем понятно, что же происходит на фронте? Я знал, что наш 3-й воздушно-десантный корпус вместе с другими частями 37-й армии не только приостановили наступление немцев на Киев, но и отбросили их от города на 15 километров. Конотоп находился на второстепенном направлении. Чем же объяснялся стремительный выход немцев к Алтыновке, на северный берег Сейма? Сейчас даже без бинокля можно было видеть в бескрайней степи группы беженцев. Почему они отходили не на восток, а на юг?..

Будто острие иглы коснулось сердца: я понял — немцы захлестывали, обходили с севера правый фланг Юго-Западного фронта и стремились выйти в наш глубокий тыл. Было ясно, что, если мы дадим им возможность прорваться в направлении на Конотоп, нашим

войскам, обороняющим столицу Украины, не избежать окружения.

Но вот разведчики привели немецкого танкового офицера, скуластого, довольно нескладного детину. Я поручил своему шоферу Косолапову накормить агронома и секретаря сельсовета, а сам занялся пленным.

Гитлеровец имел кличку «заядлый разведчик», так как не впервые участвовал в подобных рейдах и еще в начале допроса не преминул подчеркнуть, что изъездил почти всю Европу в составе разведывательных отрядов.

Впрочем, подробности его биографии меня мало интересовали. Он сообщил, что его дивизия входит в состав 24-го моторизованного корпуса и этот корпус имеет задачу наступать строго на юг, в направлении населенных пунктов Шостка, Кролевец.

Обстановка для наших войск складывалась очень серьезная.

— Какая задача была поставлена лично перед вами? — спросил я пленного. — Совершить рейд по нашим тылам?

Он потряс головой, криво усмехнулся:

— Да-да… Рейд по тылам: от города Шостка на юг, в направлении Конотопа. Должен сказать, господин полковник, что вот уже вторые сутки мы не встречали никакого сопротивления со стороны красных…

— Значит, вы не встречали войск?

— Так точно, господин полковник… И мы не ожидали, что встретим сопротивление на реке Сейм. Собственно, мы его и не встретили.

— Как вы оказались в плену?

Немец удивленно развел руками:

— Сам удивляюсь! Возможно, виноват шнапс… Откуда-то появились ваши солдаты. Один из них — настоящий великан — выбил у меня из рук автомат, а дальше… ну, это не интересно.

Оглянувшись, сразу же узнал в группе бойцов «великана». Поеживаясь, он указал на рядового Ладыкина.

— Доложу вам, господин полковник, это — силач… Он мог бы стать чемпионом!

Я подозвал рядового Ладыкина.

— Расскажите, как были взяты пленные?

Ладыкин смущенно улыбнулся.

— Очень просто, товарищ полковник. Мы действительно не оказывали сопротивления: видим, движется немецкая машина, решили подпустить ее поближе и взять фашистов в плен. Так и сделали. Я дал автоматную очередь, а немцы — кто куда из машины запрыгали по

бурьяну. Лейтенант выстрелить хотел, да я автомат у него выбил. Схватились. Быстро его скрутил. Пьяный был, как свинья. Остальные бежать хотели, только им это не удалось. В машине у них целый продовольственный склад оказался: поросята, куры, две корзины яиц и многое другое.

— О, мы прекрасно питались! — подтвердил немец. — В селах нас, конечно, не ожидали. Приезжаем — и все наше. Закон войны. Солдату все разрешается.

Я обратил внимание на другого немца, с физиономией, изукрашенной «фонарями».

— А это что за «рисунок»?

Докладывал рядовой Козлов, бойкий, разговорчивый, смешливый.

— Это, товарищ полковник, моя «кисточка» прогулялась, — Он взглянул на свой кулак, спрятал его за спину. — Была наша группа в Озаричах. Там есть колхоз имени Ленина… Немецкая разведка в этом колхозе и остановилась. Всю ночь немцы пьянствовали, издевались над местными жителями, а потом пошли по сараям за курами. Светят карманными фонариками, снимают птицу с насестов и в мешок, в мешок… Мы все время наблюдение за ними вели, удобную минутку выжидали. А этот подлец, у которого морда теперь кривая, споткнулся, упал на корову и со злости из пистолета ее застрелил. Тут моему терпению пришел конец: развернулся я правой да как влепил ему, он и пистолет обронил… Клонится, значит, чтобы упасть на правый бок… Я «поддержал» его, теперь уже левой. Так и уравновесил… Жаль, товарищ полковник, корову: за что он ее убил?..

В другое время я от души, быть может, посмеялся бы рассказу разведчика, его запальчивости, хозяйственной жилке, да и «приему», с помощью которого он задержал гитлеровца, но сведения, полученные сейчас, были слишком серьезны.

Пленных отправили в корпус. Я и комиссар Чернышев возвратились в маленький домик на хуторе Лизогубовский.

Ни о чем не хотелось говорить: сказывалась усталость. Так и упал бы, не раздеваясь, на койку и спал целые сутки подряд. Однако я долго не мог уснуть, вставал, курил презлейшую махру, ловил себя на том, что напряженно прислушиваюсь к тишине ночи.

Эта ночь с 7 на 8 сентября, тронутая первой прохладой осени, прошла спокойно. Только изредка с большой высоты доносился прерывистый гул самолета-разведчика.

А часам к шести утра над боевыми порядками нашей бригады снова появился разведывательный самолет противника. Сделав три-

четыре круга на небольшой высоте над расположением батальонов первого эшелона, он улетел на север.

Казалось бы, что особенного, еще один вражеский самолет? Однако этот случай меня встревожил. Особое беспокойство вызывал район хуторов Таранского и Лизогубовского, где оборону занимали 1-й и 2-й батальоны. Здесь пролегал кратчайший путь на Конотоп.

Я связался с командирами батальонов, чтобы узнать обстановку. Они доложили, что в районах обороны спокойно. И все же меня не оставляла тревожная мысль: нет, не случайно в такую рань немецкий разведчик бороздил над нами небо.

Федор Филиппович Чернышев тоже проснулся. Сжимая ладонями виски, он с усилием раскрыл глаза и спросил неожиданно:

— Вы верите в предчувствия, Александр Ильич?

— Ого, комиссар!.. Это похоже на мистику.

— А в сны?..

— Тоже, конечно, не верю.

— И я не верю ни в то, ни в другое. Сложная комбинация — человеческий мозг: то обрывки впечатлений, то всякие раздражители покоя ему не дают. Всю ночь, Александр Ильич, мне война снилась. Какая война! И сейчас голова прямо-таки надвое раскалывается.

— А мне, комиссар, наши инженерные работы покоя не дают. Мало мы в землю зарылись. Пройду к начальнику штаба, может, кое-что еще успеем сделать до начала вражеских атак…

Я вышел на крыльцо и услышал нарастающий гул. С севера, из-под низко нависшего облака выплыла шестерка пикирующих бомбардировщиков Ю–87. Они шли на высоте в полтора километра, направляясь на юг. Едва пролетев над моей головой, ведущий самолет сделал разворот и с пикирования сбросил бомбы на боевые порядки батальона, занимавшего оборону у железнодорожного моста через Сейм.

Остальные пять самолетов стали наносить бомбовые удары по огневым позициям нашей зенитной артиллерии… Грянули наши крупнокалиберные зенитные пулеметы. Гул, треск, грохот, вой… От пыли и дыма стало темно, как ночью. Дождавшись паузы, я поднялся с земли, выбрался на какой-то пригорок. Казалось, вокруг еще свистели осколки. Нет, бомбежка прекратилась. Ветер медленно относил в сторону Сейма облако дыма. Но что это? Еще одна шестерка Ю-87 разворачивалась над нашими позициями.

Эта шестерка сбросила свой бомбовый груз на тылы бригады. Домик, в котором мы с Чернышевым ночевали, стоял несколько в

стороне от окраины села. Возможно, когда я выходил на крыльцо, они заметили, что домик обитаем?

Не помню, как случилось, что за время бомбежки я оказался метрах в пятидесяти от нашего жилья. Очевидно, я все-таки пытался добраться до штаба. А теперь видел: один самолет отстал от шестерки и сбросил бомбу прямо на домик. Федор Филиппович еще находился там… Я слышал заливистый визг и, лежа на земле, отчетливо видел, как бомба вошла в серую дощатую крышу, будто камень в воду, разбрызгав и взвихрив какие-то обломки и пыль.

Рядом со мной грохнулась балка, потом посыпался щебень, запрыгали мелкие щепки и осколки стекла.

Я поднялся на ноги и, пошатываясь, двинулся к разрушенному дому. Он уже горел… Прямое попадание! Ну что ему стоило, Федору Филипповичу, выйти вместе со мной? Вот тебе и предчувствия… Я пробую открыть дверь, но лутка перекосилась и дверь не поддалась… Удар. Дверь закачалась на петлях. Еще один удар плечом, и она срывается с петель. Навстречу мне ползут клубы дыма, и прямо из этих клубов, из необычной полутьмы, кое-где пронизанной огнем, как видение, возникает мой Федор Филиппович… Мы обнимаемся на пороге, и я отчетливо слышу, как громко стучит его сердце. Где-то над нами рушится часть потолка. Мы не сразу осознаем это. Я вывожу его на крыльцо, черного от копоти и грязи, уверенный, что сейчас увижу страшные раны… Мелькает мысль: «Хотя бы не в живот, не проникающее, это смертельно…» Мой комиссар послушен, словно ребенок, Но вот он останавливается, протирает глаза. Я осторожно разнимаю его руки. Целы ли глаза-то? А вдруг… И меня всего встряхивает озноб. Но я еще решительнее разнимаю его руки. Что это? Он смеется. Да, он смеется, мой комиссар, и в ясных глазах его дробятся маленькие, знакомые огоньки.

— Ну, анафема, — говорит он, отдуваясь. — Чуть было не разлучил нас с тобой, Александр Ильич… Печка, спасибо ей, выручила. Правда, теперь я похож на трубочиста.

— Не беда. Отмоешься. Ранений нет?..

— Представь, ни царапинки!

Теперь и я не могу удержаться от смеха:

— Значит, твои предчувствия…

— Отчасти оправдались… Если бы я верил в них, возможно, оправдались бы сполна.

Через несколько минут нам стало известно, что налеты двух шестерок не причинили бригаде существенных потерь. Пятеро

раненых. Могло быть значительно хуже. Но теперь каждому солдату было ясно, что в ближайшее время нам предстоит отражать удар вражеских войск.

И действительно, часа через четыре после налета авиации командиры 1-го и 4-го батальонов доложили, что на северном берегу Сейма, в районе деревни Мельня, а также севернее и северо-восточнее ее замечено скопление немецкой пехоты и переправочных средств. Танков пока не было видно. Пехота принимала боевой порядок.

Оставив в штабе майора Борисова, я с двумя автоматчиками и начальником разведки капитаном Аракеляном отправился в батальон, занимавший оборону у железнодорожного моста через Сейм, на линии Кролевец — Конотоп. Едва мы прибыли к мосту, как немцы открыли по нашим позициям ожесточенный огонь из орудий и минометов.

На других участках было тихо, а здесь невозможно высунуться из окопа. Мне стало понятно, что гитлеровцы сосредоточивают основные силы именно здесь, вдоль железной дороги на Конотоп.

Я передал по телефону Борисову, чтобы он немедленно доложил командиру корпуса о сосредоточении для атаки немецких войск в районе Мельни, о начатой ими артиллерийской подготовке и о направлении главного удара немцев на Конотоп.

Вскоре передовые немецкие подразделения стали спускать на воду надувные резиновые лодки. В них торопливо садились солдаты и направлялись к нашему берегу. Все это делалось методично, без особой суеты. Чувствовалось, практиковались они не один месяц. Не теряя ни минуты, я вызвал по переправе противника и его войскам на северном берегу огонь всей бригадной артиллерии и минометов.

В исходном положении врага началась суматоха, какое-то беспорядочное перемещение. Батальон усилил огонь из стрелкового оружия. Однако отдельные лодки достигли нашего берега, и пехота противника высадилась на откосе.

С каждой минутой обстановка боя становилась для наших войск все напряженней. Положение осложнялось еще и тем, что железнодорожный мост через Сейм, заранее подготовленный к взрыву, был только поврежден. Саперы противника сразу же принялись его восстанавливать.

Но неожиданно — что значит правильно выбрать позицию! — с правого фланга, вдоль русла реки заработал станковый пулемет. Одной длинной очередью старик-«максим» словно сдул саперов противника с моста; другой — отсек, парализовал переправу. (Позже я узнал: у пулемета находился боец отличной выучки и высокой отваги Михаил

Дмитриевич Иванов). Стрельба усиливалась и с той, и с другой стороны. Противник обильно поливал наши окопы свинцовым дождем. Над рекой непрерывно катился трескучий гром. Из окопов нельзя было поднять голову, и я отдавал приказания по телефону или голосом по цепи.

Этот «концерт» продолжался более часа. Немецкая пехота, которой удалось высадиться на нашем берегу, была полностью уничтожена, несколько гитлеровцев взято в плен.

Здесь же я допросил пленных: все они показали, что входят в состав передового отряда, высланного штабом 24-го мотострелкового корпуса. Этот отряд, подобранный из лучших фашистских вояк, имел задачу: форсировать с ходу реку Сейм, захватить в исправности железнодорожный мост и небольшой плацдарм на южном берегу, чтобы обеспечить переправу главных сил дивизии.

Расчеты немецкого командования мы сорвали: им не удалось форсировать реку. Однако было ясно: с подходом главных сил они возобновят наступление в этом же направлении.

Нам следовало дорожить каждой секундой короткого затишья: восстановить систему огня, пополниться боеприпасами, оказать медицинскую помощь раненым бойцам и направить их в тылы бригады, накормить людей и быть готовыми к отражению новой атаки.

Знакомая фигура начальника санитарной службы Ивана Ивановича Охлобыстина уже мелькала между окопами. Над берегом гремел его могучий бас:

— Правильно, орлы!.. Из-за двух-трех царапин нечего шляться по тылам, приветствую, одобряю!..

Он подбежал ко мне, веселый, как всегда, поздоровался, спросил негромко:

— Как быть, товарищ командир, с некоторыми ранеными? Их свыше десятка. Всех следовало бы отправить в тыл, но не хотят, протестуют. Боец Петренко заявил — «Я родом из этих мест и никто меня из этого окопа не выковырнет»! — А у самого ребра перебиты и кровь горлом идет.

— Оказать им необходимую помощь и оставить в строю. После боя сообщить мне фамилии.

— Но ведь это непокорство, товарищ полковник!

— Нет, Иван Иванович, это геройство.

Среди сандружинниц, выносивших раненых к машинам, я заметил знакомую девушку. Где я ее видел? Опустив носилки на землю, она выпрямилась, почти ребенок, смуглая, тоненькая, с крылатыми

бровями на суровом лице.

— Послушайте, Иван Иванович, кто эта девочка? Давно ли она у нас?

Начальник санслужбы улыбнулся:

— О, эта девочка… Настоящий орленок! Абсолютно бесстрашная. Редкость! Сегодня под огнем противника она успела оказать первую помощь десяти тяжелораненым бойцам и вынести их с поля боя. Только фрицы, как видно, за дружинницу ее не признают. Новенькую шинель совсем испортили.

Он окликнул дружинницу, она подбежала к нам, замерла, откинув голову.

— Покажи, Машенька, свою шинель… — Охлобыстин наклонился, взял изорванную полу шинели, потом легонько повернул дружинницу вполоборота ко мне. — Обратите внимание: семь пулевых пробоин.

Машенька смутилась, смуглое личико ее зарделось, будто извиняясь передо мной, она сказала негромко:

— Нічого, товарищу полковник… Я у вільний час зашию.

Только теперь я вспомнил Голосеевский лес, худенькую девочку и ее дядю, рабочего из Мышеловки.

— Так вот кто это! Машенька из Мышеловки!..

Она всплеснула руками.

— Вы до сих пор меня помните?

За короткое время войны я видел много трогающих сердце сцен: прощание товарищей с умирающим бойцом, расставание матери с сыном, скорбь осиротевших детей у черного пепелища, скупую слезу воина перед свежей могилой родных. Но, пожалуй, впервые я был тронут так глубоко обликом этой девочки на переднем крае, почти ребенка, смущенной, что не успела заштопать пробитую вражескими пулями шинель.

— Вот что хочу я сказать тебе, Машенька, дочка моя… Спасибо тебе, родная, что идешь ты с воинами Советской Родины, поддерживаешь, помогаешь им в борьбе против ненавистного фашизма. Родина не забудет твоей отваги, твоей доброты…

Угроза окружения. Противник обнаруживает КП. Подвиг Щербака. Донесение о шпионе. Размышления у Сейма. Враг прорвался.

В полдень в штабе бригады Борисов доложил мне, что наше боевое охранение ведет в Озаричах бой с разведывательным подразделением противника. Начальник боевого охранения старший сержант Фролов

просит разрешения на отход.

Разрешив отвести боевое охранение в тыл, я связался со штабом корпуса, доложил командиру обстановку и сообщил выводы о противнике.

Полковник Затевахин обещал выделить в мое распоряжение танковую роту в составе шести машин Т-26, трех плавающих танков и 4-й батальон 212-й воздушно-десантной бригады. Большими возможностями он не располагал.

От него я узнал, что 40-я армия вела на широком фронте ожесточенные бои с превосходящими силами противника, имея в своем составе всего-навсего две стрелковых дивизии, танковую дивизию и три наших воздушно-десантных бригады.

Неутешителен был и доклад начальника штаба бригады Борисова.

Он сообщил: левее нас, в районе Батурин, Городище, Бахмач, части нашей 21-й армии ведут очень тяжелые бои с превосходящими силами противника и что на нашем правом фланге образовался разрыв, примерно в 30–40 километров, до самой Шостки.

Значит, пленные показывали правильно, что от Шостки и до Озаричей они не встретили советских войск.

— Ваш вывод, Владимир Александрович? — спросил я у начальника штаба. — Как вы оцениваете обстановку?

Он грустно усмехнулся:

— Я думаю, наконец-то сбудется мечта наших десантников. Мы наверняка будем драться в тылу противника. И не придется нам на ТБ-3 в воздухе болтаться и потом собирать бойцов после приземления… Безграничная перспектива, Александр Ильич: воюй себе в тылу противника сколько твоей душе угодно!

Комиссар Чернышев, казалось, не понял шутки:

— Что ж, если и останемся в окружении, то на деле применим наш опыт десантников. Бригада оправдает доверие партии и правительства. Немцам не очень-то будет приятно иметь в своем тылу заряд такой взрывной силы, как наша бригада.

Сигнал воздушной тревоги прервал наш разговор, и почти одновременно с сигналом три немецких истребителя «фокке-вульф-109» обстреляли на бреющем полете из пушек и пулеметов наш командный пункт.

Нужно же было двум водителям подогнать сюда, к штабным блиндажам, две полуторки, груженные боеприпасами, продовольствием и другим имуществом! И нужно было всем офицерам штаба и тыла собраться здесь, как на грех, в эти минуты!..

Обе машины сразу же вспыхнули ярким пламенем, зачастили разрывы винтовочных патронов. Ящик с гранатами будто ожил, сорвался с кузова, запрыгал неподалеку от блиндажа.

Никто из нас не слышал, чтобы у майора Борисова сорвалось бранное слово. Но теперь он отчитывал водителей такими сложными периодами, что те даже в дальнем уголке не находили себе места.

После налета истребителей офицеры разошлись по своим местам. И сделали это вовремя. Через несколько минут над нами появилась девятка пикирующих бомбардировщиков Ю–87. По уже знакомой нам «методе» они построились в круг и один за другим стали пикировать на командный пункт со средних высот и сбрасывать бомбы. Огневые позиции нашей зенитной артиллерии и крупнокалиберных пулеметов находились вблизи командного пункта. Однако огонь их был малоэффективен — еще при первом налете немцев расчеты их вышли из строя.

В течение сорока минут девятка непрерывно бомбила и обстреливала командный пункт, но и этого немцам казалось мало. По-видимому, они решили взять нас, как говорится, измором. Вслед за первой девяткой появилась вторая. Эти действовали еще методичней. Они выжидали, пока рассеются дым и пыль после разрыва бомбы, потом на цель пикировал очередной самолет.

Отбомбившись, они снижались до 100–200 метров и начинали вести прицельный огонь по командному пункту из пушек и пулеметов.

Вокруг наших малонадежных укрытий загорелся лес, и едкий, удушливый дым заполнил блиндажи. Мы задыхались. Бомбы громыхали снова и снова. Выбраться из этого ада не было никакой возможности: над нами бушевал ураган металла и огня. Я присветил фонариком и взглянул на часы: ровно три часа непрерывной бомбежки! Но она не прекращалась. Было похоже: гитлеровцы решили испепелить эту землю.

— Вот сволочи! — не выдержал кто-то из офицеров. — Как будто издеваются над нами. Не иначе, они узнали расположение командного пункта…

— Я в этом тоже уверен, — отозвался Чернышев. — Будет наукой на дальнейшее, как нужно маскироваться…

— А будет ли оно… «дальнейшее»?

— Ну, здесь местечко не для слабонервных, конечно…

Разговор заглушил грохот разрыва. Блиндаж встряхнуло резким толчком наискось и снизу вверх. Треснули доски. Рухнуло перекрытие. Посыпался песок…

Я услышал голос Борисова:

— Не сметь выходить из блиндажа!

Кто-то откликнулся растерянно:

— Попробуй выйти! Вход завалило…

Еще одна бомба легла совсем близко, и нас поглотила тьма и тишина.

Я снова взглянул на часы. Бомбежка продолжалась, не прерываясь ни на минуту, ровно четыре часа. Когда же она прекратится? Самолеты опять снизились и вели пушечный огонь…

Меня беспокоило отсутствие связи с подразделениями. В течение четырех часов мы не знали обстановки! В таком идиотском положении, чего доброго, можно оказаться в плену. Возможно, пехота противника уже форсировала Сейм? За пехотой — танки… А мы сидим в 500 метрах от воды, расстояние это легко преодолеть за несколько минут. Да, за несколько минут противник мог достигнуть нашего КП… И все же я был твердо уверен, что десантники будут сражаться до последнего и только через их трупы немцы доберутся сюда.

Кто-то зажег спичку, и я увидел вокруг себя сгорбленные, молчаливые, полузасыпанные, песком фигуры и невольно задался вопросом: о чем думают эти люди в течение долгих, более чем двухсот минут?..

У каждого где-то отец или мать, сестры, братья, жена и дети… Если бы они видели, если бы могли увидеть нас в эти часы!

Почему-то я вспомнил книжных героев и героев кино. Нет, у тех молодцов подобные мысли не появлялись. Пожалуй, иной писатель или кинорежиссер с апломбом возразят мне на эту запись: как это, дескать, допустимо, чтобы военные люди в минуты опасности думали черт знает о чем, чтобы они вспоминали о семье и покое?

Конечно, я мог бы написать и примерно в таком роде: «В эти трудные минуты я ни о чем не думал, а выскочил из блиндажа, зарядил автомат и ускоренным шагом двинулся в ту сторону, откуда шли немецкие танки. С криком „ура!“ я поднял подразделение в атаку. Испуганный противник позорно бежал, а я взобрался на подбитый танк и закурил „козью ножку“…»

Но, прочитав такое, любой фронтовик справедливо заметит: — Вот уж врет, так врет!..

Я пишу только о том, что пережил, перечувствовал и видел своими глазами, не желая ни преувеличивать, ни преуменьшать.

Четыре часа бомбежки не снизили морального духа офицеров

бригады. В 17 часов улетел последний вражеский самолет. Мы вырыли из песка несколько наших товарищей: писаря штаба, сержанта Бовта, помощника начальника особого отдела и еще двух штабных офицеров, привели их в чувство, дали глотнуть воды и принялись откапывать заваленный, сравненный с землею вход в блиндаж.

Как ни странно, однако в нашем положении легкое перекрытие оказалось выгодным: пока товарищи откапывали утрамбованный бомбами выход, мы с писарем Бовтом подняли верхний горбыль и первыми выбрались из блиндажа. За нами последовали все остальные.

Что же происходило в батальонах? Эта мысль не давала мне покоя. Начальник связи Петр Василенко быстро восстановил порванные линии. Вот, наконец, я услышал голос капитана Пастушенко! Он доложил, что противник предпринял еще две попытки форсировать Сейм, но безуспешно.

— Имею большие потери людей и вооружения, — докладывал Даниил Пастушенко. Голос его звучал устало и бесстрастно. — Особенно большой урон причинила авиация противника. Из строя выбыли почти все командиры взводов и рот. Боеприпасы на исходе. Бойцы сражаются героически. Секретарь комсомольского бюро батальона сержант Щербак вступил в неравный бой с танками врага. Он пропустил через окоп фашистский танк, а потом поджег его бутылкой с горючей смесью. Экипаж пытался покинуть горящий танк, но Щербак расстрелял его из автомата.

Пастушенко просил прислать пополнение. Я не мог сказать ему ничего утешительного, приказал держаться до вечера, а вечером обещал сообщить решение.

Тяжелый, напряженный день был на исходе. Усталые, но не побежденные, все мы с нетерпением ждали наступления ночи. Темная осенняя ночь обещала передышку. До утра нам предстояло пополнить подразделения людьми и боеприпасами и сделать некоторую перегруппировку боевого порядка бригады.

Около 18 часов ко мне, запыхавшись, подбежал политрук Савелий Ржечук. Он был до крайности взволнован: губы дрожали, красные пятна проступали на лице.

— Товарищ полковник… Раскрыт секрет! Знаете, почему немцы так долго и точно бомбили командный пункт?

— Спокойно, товарищ политрук. Не волнуйтесь.

— Сегодня рано утром один житель села Озаричи переплыл реку Сейм и рассказал, что с нашей стороны к немцам перешел солдат… Этот солдат сообщил фашистам расположение батальонов бригады,

указал им место нашего командного пункта, выболтал, что бригада воздушно-десантная и участвовала в боях за Киев, даже сообщил, что командует ею Герой Советского Союза полковник Родимцев… А главное, товарищ полковник, что этот шпион снова возвратился в нашу бригаду.

— Вы не узнали приметы перебежчика?

— Рыжеватый, среднего роста… Да у нас таких десятки, если не больше!

Я вызвал начальника особого отдела Тарасенко. Оказалось, он уже знал о действиях шпиона, однако на след лазутчика пока еще не напал.

— Вам, конечно, известно, товарищ полковник, — смущенно говорил Тарасенко, — что немцы широко практикуют засылку в наш тыл переодетых в форму красноармейцев хорошо обученных шпионов. Сколько присоединилось к бригаде солдат из различных частей за время нашего следования в Конотоп! Каждому в душу не заглянешь… Однако мы словим шпиона. Обязательно словим.

Поскольку немцам было известно расположение нашего командного пункта, я приказал срочно его переместить.

В эту ночь, как и в предыдущие, из Конотопа к нам прибыло добровольное пополнение. Это были коммунисты и комсомольцы, рабочие КПВРЗ, «Красного металлиста», железнодорожники, студенты, учителя, врачи. Они не были обмундированы, а вооружены, как видно, не без помощи музейных фондов. Но эти люди горели ненавистью к врагу, и многие из них в дальнейших событиях проявили себя как истинные герои.

Еще с вечера часть офицеров штаба во главе с майором Борисовым направилась для работы на новый командный пункт, а я с комиссаром прошел в батальон старшего лейтенанта Михайлова, который должен был занять боевые порядки 4-го батальона.

Ночь не оправдала наших надежд. Авиация противника непрерывно освещала ракетами местность и сыпала на боевые порядки батальонов осколочно-фугасные бомбы малого калибра. Отвести 4-й батальон в этих условиях было невозможно. Все же в течение ночи Пастушенко были доставлены боеприпасы, а его бойцы получили горячий ужин.

До поздней ночи почти все офицеры штаба находились в подразделениях. Комиссар Чернышев беседовал с бойцами 1-го и 4-го батальонов. Здесь были понесены наиболее крупные потери. Солдаты засыпали комиссара вопросами: почему, мол, нас используют не по специальности? Почему нам не придана тяжелая артиллерия? Почему

нет у нас ни танков, ни противотанковых средств, как в стрелковых дивизиях? Чернышев терпеливо разъяснял обстановку, которая сложилась за этот короткий срок после героической битвы за Киев. Он не заметил упадка боевого духа солдат и со многими их замечаниями вынужден был соглашаться, но и они не могли не согласиться с тем, что сейчас нужно было драться ору жнем, какое мы имели, так как перед бригадой стоял единственный выбор: победа или смерть.

В те незабываемые бесконечные часы тоски и бессильного гнева, когда мы с группой штабных офицеров сидели почти погребенные заживо в обрушенном блиндаже, задыхаясь в дыму и пыли под непрерывной вражеской бомбежкой, я дал себе слово: если останусь жив, если не буду искалечен и смогу воевать, — я не растеряюсь в любом, самом трудном положении, самом безвыходном и беспросветном. Шанс на победу — один из сотни — будет моим шансом. Капля надежды — будет моей каплей. Она даст мне силы. Утолит жажду. Она приблизит нашу победу… Невозможно победить такого сильного врага, не отдавшись делу борьбы безраздельно, до последнего вздоха, не использовав для дела этой победы каждую, даже самую маленькую, возможность.

Утро предвещало нам новую битву. И важно было знать: какие силы врага движутся на нас? Много ли у него танков? Много ли артиллерии? Что творится в селах по ту сторону Сейма?

Ответы на все эти вопросы позволили бы нанести фашистам внезапный, чувствительный удар, сорвать его планы форсирования реки.

Вечером 8 сентября политрук Мудряк с группой разведчиков направился в расположение противника.

Это был один из лучших офицеров бригады, человек отчаянного мужества, большой находчивости и военной сноровки.

Я провожал разведчиков до реки. Здесь мы пожали друг другу руки. Чуть слышно зашуршал песок, плеснула вода, и разведчиков поглотила ночь.

А в четыре часа утра Петр Мудряк благополучно вернулся из разведки, побывав в населенных пунктах Буденновка, Алтыновка, Пролетарское и Мельня. Там он увидел огромное скопление немецких войск. Все улицы, сады, огороды, дворы в этих населенных пунктах были заняты немецкими автомашинами с пехотой и различной боевой техникой. Разведчики насчитали свыше ста танков и бронетранспортеров. Пренебрегая светомаскировкой, немецкая техника двигалась с включенными фарами с севера на юг сплошной

колонной до поздней ночи.

Местный учитель сообщил разведчикам, что танки и автомашины принадлежат 3-й танковой дивизии 2-й танковой группы противника.

Севернее Мельни, вдоль железной дороги на Конотоп, на северном берегу Сейма разведчики видели несколько батарей немецкой артиллерии, занявших огневые позиции.

К счастью, ночью мы восстановили связь со штабом корпуса. Я доложил Затевахину о положении дел в бригаде. Он сказал, что танковая рота и 4-й батальон уже отбыли в мое распоряжение.

Это немного приободрило нас. Все-таки какая ни есть, а сила. Конечно, у немцев было неизмеримо больше танков, однако тут сам собой напрашивался суворовский афоризм: воюют не числом, а умением, и мы знали, что значит для немцев моральный эффект: фашисты очень опасались наших танков.

Перед рассветом перестрелка утихла. В небе погасли «паникадила». Над Сеймом, над пойменными лугами установилась чуткая тишина. Пожалуй, такая тишина бывает только перед сражением. Трава не шелохнется. Замерли заросли камыша. Сама земля притаилась в настороженном ожидании.

Не знаю, почему мне захотелось побывать у реки. Она была совсем близко, и я спустился овражком к воде, присел на сглаженный камень.

Сейм… Он еле уловимо плескался о берег. Я вспомнил, что недалеко отсюда древний Путивль. В мирное время мне хотелось навестить этот прославленный город. Когда-то давным-давно, у стен его кипели кровавые сечи с ордами захватчиков. Миновали века, и снова грозное вражеское нашествие, и снова извечные братья, русские и украинцы, как и их героические предки, стоят за родную землю насмерть, и снова воды Сейма окрашены кровью.

«Лисицы брешут на щиты»… Так сказано в «Слове о полку Игореве». И теперь фашистские лисицы брешут на славный щит Родины — ее Вооруженные Силы. Но ведь солнце-то восходит на востоке, и не погасить им, лисицам, его лучей, и не повернуть вспять колесо истории.

Еще затемно я вернулся на КП. Ранним утром 9 сентября немцы возобновили наступление.

Мы с комиссаром перешли на наблюдательный пункт, тоже перенесенный в новое место.

Уже первый налет авиации противника убедил нас, что из каких-то источников ему известно и новое расположение командного пункта бригады. С семи часов утра и до двенадцати дня авиация немцев

непрерывно бомбила наши новые, добротно построенные штабные блиндажи. Девятка Ю-87 и шестерка истребителей «фокке-вульф» сменяли друг друга в воздухе над нашим командным пунктом.

Во второй половине дня гитлеровцы усилили огонь из всех видов оружия. По боевым порядкам 1-го батальона и не успевшего смениться 4-го артиллерия врага открыла массированный огонь. Его авиация стала наносить удары по переднему краю этих батальонов. Над полосой нашей обороны поднялась непроницаемая черная завеса пыли.

Город Конотоп, особенно район его железнодорожного узла, село Поповка, хутора Лизогубовский и Таранский пылали в огне. Там тоже свирепствовали фашистские «асы».

Мы с уважением вспоминали железнодорожников Конотопа. Они трудились поистине самоотверженно. Несмотря на все попытки врага парализовать этот важнейший железнодорожный узел, они пропускали на север эшелон за эшелоном, эвакуировали раненых, вывозили оборудование заводов, гасили «зажигалки», исправляли разрушенные бомбами пути и снова несли под бомбежкой свою мужественную рабочую вахту. Вот и сейчас оттуда, из багровых смерчей пожара, доносились гудки паровозов. Удивительна душевная сила нашего рабочего человека! Даже перед самой смертью он не становится на колени. Нет такой силы, которая смогла бы морально подавить его.

Главный удар противник по-прежнему наносил вдоль железной дороги, с севера на Конотоп. На этом участке фронта обстановка для нашей бригады усложнялась. А как хотелось бы нам отбить и эту атаку фашистов, их танков и мотопехоты…

Эх, была бы надежда, что подоспеет помощь из корпуса или армии!

Правда, эта надежда и была тем шансом, одним из ста, которые выигрывают очень редко. И все же мы выигрывали! Мы остановили врага, сдерживали его и причиняли ему огромные потери.

Будто стремясь возвратить меня к действительности, командир 3-го батальона Михайлов доложил, что на участке его соседа немецкая мотопехота форсировала Сейм. Гитлеровцы начали переправлять танки.

Я взглянул на комиссара:

— Ты понимаешь, что это означает, Федор Филиппович?

Лицо его словно окаменело:

— Это прорыв нашей обороны.

Последнее послание комбата. Танк на а блиндаже. Встреча на болоте. Мы переводим бригаду. Ночной марш.

Комкор поздравляет.

Наташа Мухина… Высокая, стройная блондинка лет двадцати, очень спокойная, немногословная, сдержанная. Она была санитаркой в четвертом батальоне. Я запомнил ее облик и фамилию потому, что в дни обороны на Сейме комбат не раз отмечал доблесть и отвагу этой девушки..

И вот Наташа Мухина перед нами. Задыхаясь, она вбежала на наблюдательный пункт. Признаться, я не сразу узнал ее: лицо судорожно искривлено, одежда изорвана, покрыта грязью и кровью. По-видимому, ей пришлось ползти через болото, а кровь запеклась на рукавах, на груди при переноске раненых.

Пошатываясь, она протянула мне измятый клочок бумаги. Он тоже был забрызган кровью; почерк неразборчивый, какие-то прыгающие буквы.

Я с трудом прочитал донесение командира 4-го батальона:

«Товарищ полковник, немецкая пехота и танки форсировали реку Сейм. Батальон несет исключительно большие потери. Из офицеров штаба никого не осталось. Сам тяжело ранен. Единственно, кого можно было послать к вам, — это сандружинницу Мухину. Прошу прислать подкрепление».

Я взглянул на девушку. Она заговорила прерывисто, лаконично:

— Прямое попадание снаряда в окоп… Там находился штаб батальона. Все убиты. В живых только командир. Тяжелое ранение в живот. Теперь он, наверное, уже скончался. Немецкие танки… Они уже там.

Я бросился к телефону. Все, что было у нас в резерве, в том числе и танковую роту, прибывшую час назад, пришлось бросить в контратаку, с целью восстановить оборону на участке 4-го батальона.

Однако силы были слишком неравными. Враг имел здесь, примерно, десятикратное превосходство в солдатах и технике. Его авиация непрерывно висела над полем боя и прижимала к земле наши контратакующие подразделения. Совершить в этих условиях, в ходе сражения, какой-нибудь маневр просто не представлялось возможным.

Третья танковая дивизия противника прорвала нашу оборону на участке 4-го батальона. К вечеру 9 сентября она овладела городом Конотопом.

Расширяя прорыв, немцы развернули часть сил мотопехоты и танков фронтом на восток и стали наступать в направлении населенных пунктов Кузьки — Бочечки, заходя в тылы нашей бригады.

Снова позвонил старший лейтенант Михайлов. Голос его дрожал и срывался.

— Товарищ полковник… Батальон ведет ожесточенный бой с мотопехотой. Немецкие танки прорвались… Они идут на вас!..

Трубка захрипела и затихла. Значит, опять оборвалась связь.

Я выглянул из щели. Прямо перед собой, на небольшом расстоянии, я увидел четыре немецких танка. Окутанные синеватым дымом, брызгая огнем пушек и пулеметов, они двигались плотным строем без сопровождения пехоты.

Мы были застигнуты врасплох. Обсуждать положение времени, конечно, не оставалось. Я бросился в блиндаж связистов. Чернышев — за мной. В маленьком блиндаже находились зав. секретным производством штаба сержант Иван Бовт и два связиста. В этом глубоком, но очень узком окопе мы едва поместились впятером. Я успел заметить, что другие офицеры рассеялись поблизости от нас по щелям.

Гитлеровцы, по-видимому, заметили, как мы укрывались в блиндаже. Один фашистский танк отделился от трех других, развернулся в нашу сторону и двинулся прямо на нас.

Затаив дыхание, мы молча смотрели, как надвигается серая, забрызганная грязью и запыленная стальная громадина. Было бы совершенно бессмысленно выбегать в эту минуту из укрытия. Оставаться здесь — тоже означало гибель. Впрочем, выбора уже не было: звякая гусеницами и надрывно хрипя мотором, танк медленно взбирался на блиндаж.

Затрещало перекрытие, посыпалась земля, дрогнула и перекосилась боковая стойка крепления. Удивительное дело — наше убежище выдержало вес танка.

Над нами возилась и хрипела стальная махина, ерзала с места на место, пытаясь раздавить блиндаж, во именно потому, что окоп для него был вырыт очень узкий, а перекрытие сделано из свежих дубовых бревен, маленькая крепость устояла!

Немцы, как видно, поняли, что трудятся напрасно. Танк дал задний ход и откатился. Я заметил, как неторопливо, — ведь мы сидели в ловушке и гитлеровцы были уверены, что нам не уйти, — двинулась башня, ствол орудия приподнялся, мелькнув черным пятном дула, потом несколько опустился, нацеливаясь прямо на вход. Теперь нельзя было медлить ни секунды. Я тронул за плечо бойца-связиста.

— Из блиндажа… марш! По одному пробираться вдоль берега Сейма в расположение батальона капитана Наумова!..

Мелькнула мысль: не последнее ли это мое распоряжение?

Боец метнулся прямо к гусеницам танка, вывернулся, ловко скользнул по откосу и замер, прижавшись к земле, потом стал отползать к щелям.

Вслед за ним выбежал сержант Бовт с чемоданом секретных бумаг в руке. Он упал, приподнялся, шагнул в сторону, но ствол орудия вспыхнул огнем, и сержант, тяжело раненный, упустил чемодан. Боец-связист не двигался. Он был убит. Третьим из блиндажа выбежал я. За мной, как это уже часто бывало, неотступно следовал комиссар Чернышев. Почему немецкие танкисты замешкались? Причину мы поняли несколько позже. А сейчас, в эти считанные секунды, было удивительно, непостижимо, что танковая пушка молчала.

Я подбежал к сержанту Бовту, попытался его поднять. Мне помог комиссар. Второй боец-связист подхватил чемодан. Тридцать… сорок метров мы молча волокли раненого, и на каждом этом метре я ждал разрыва снаряда.

— Смотрите, товарищ полковник… — оглядываясь, радостно закричал связист. — Вот здорово!..

Я тоже оглянулся. Вражеский танк, тот самый, который только что «утюжил» блиндаж и готовился расстрелять нас, горел. Пламя моментально охватило его бензобаки, башню, борта. Кто-то из наших офицеров поджег его бутылкой с горючей смесью.

— Чудесно, Федор Филиппович… Неужели останемся живы?

— Даже не верится. Кто же это из наших такой молодчина?

На душе сразу стало веселее. Но почему по нас не стреляли другие танкисты? Ведь наблюдательный пункт атаковала четверка вражеских машин?!

Я думаю, они не заметили, как мы выскользнули из блиндажа, а потом горящий танк стал нашим надежным заслоном.

В обрывистом овражке, на дне его глинистого русла мы встретили санитарку Наташу и передали ей сержанта Бовта.

— Сделайте все возможное, чтобы он остался жить, — сказал я Наташе. Сержант услышал. Он приподнялся с носилок, на которые его только что положили, бледный, с почерневшими губами.

— Товарищ полковник… — прошептал он. — Спасибо… Дайте мне, пожалуйста, на прощанье… закурить.

Вместе с комиссаром и бойцом-связистом я направился на командный пункт, где должен был находиться начальник штаба с группой офицеров, но на полпути мы встретились с ними.

В руках у Борисова был автомат. Гимнастерка на нем от плеча и до бедра распорота осколком. Длинные волосы, которые он обычно отбрасывал на затылок, слиплись на лбу и на висках. Открытое, типично русское лицо дышало гневом.

— Наседают, сволочи, — хрипло выговорил он, тяжело вздыхая и вытирая рукавом вспотевшее лицо, — Приходится отстреливаться… Так и отходим с огнем. Безусловно, какой-то мерзавец, гнида, шпион успел доложить немцам о расположении нашего командного пункта. Куда же путь будем держать, Александр Ильич?

— Только в батальон капитана Наумова. На его участке немцы не проявляли большой активности.

Над нами с воем пронесся «фокке-вульф». Мы залегли под обрывом. Самолет возвратился, дал длинную очередь по овражку.

— Неужели и тут заметил, бестия? — удивился Борисов, — Да, это лишь просто сказать, Александр Ильич: мол, пройдем в батальон Наумова.

По крутому скосу овражка на дно его скатился черный от болотной грязи, только белки глаз блестели да зубы, маленький, бойкий солдат.

— Товарищ полковник… — закричал он возбужденно. — А танкисты… те, чертовы колбасники, что на блиндаж напали, так и не вышли из танка. Сгорели. Значит, долго тут будет жареным фашистом вонять!

Кто-то из офицеров засмеялся.

— Ты бы умылся, франт!

Солдат передернул плечами, сверкнул белками глаз.

— Может, ежели бы не эта грязища, что на личность мою налипла, — не жить бы Степану Перепелке. Я троих фашистов из автомата сейчас уложил. Перепугались, когда я перед ними объявился. Может, за черта приняли, а?..

Наш отход был очень сложным. Все перемешалось: не поймешь, где чужие, где свои. Мы шли небольшими группами, маскируясь в

кустарнике, в бурьяне. Скопляться в одном месте было опасно, вокруг рвались снаряды, строчили пулеметы и автоматы.

Я остановился на краю болота. Неподалеку отсюда поблескивала стальная полоска Сейма. Если бы выйти на берег, там по песчаным отмелям быстро можно было бы выбраться из этого кипящего котла. Но о пути по берегу не приходилось и думать: там было черно от пехоты противника.

Мы стали пробираться цепочкой в зарослях осоки. Близко зеленел пригорок. С той стороны не слышалось стрельбы. Возможно, за пригорком нет немцев? Но где-то неподалеку зарокотал мотор танка и ощутимо задрожал торфяной болотный покров. На пригорок, брызгая грязью, тяжело выкатилось пять танков противника.

Мы залегли… Передовой танк, двигаясь на большой скорости, врезался в трясину. Остальные застыли на месте, а потом попятились от края болота.

— Внимание, — передал я по цепочке. — Сейчас экипажи будут выручать застрявший танк. Автоматчикам быть начеку!..

Сильная машина беспомощно барахталась в трясине; гусеницы ее неистово вращались, тяжкое брюхо медленно ползло по торфянику, все глубже оседая в зыбкую почву.

Открылся люк, и два немца неторопливо выбрались из машины.

— Спокойствие, — приказал я. — Не стрелять…

Немцы обошли вокруг танка, заглянули под его кузов, прощупали ногами податливую почву. Один из них привстал на гусеницы, помахал рукой и что-то прокричал.

— Помощников зовет… — шепнул мне Борисов.

Крайний танк из четырех, стоявших на пригорке, осторожно двинулся к болоту. На самом краю его, где поблескивала лужица воды, он остановился, и еще два гитлеровца спрыгнули на землю. Они подошли к первому танку, сбились в кучу, видимо, обсуждая, как вытащить машину.

— Огонь… — передал я по цепочке, и полдесятка автоматов грянули одновременно. Штабные офицеры стреляли метко: экипажи двух танков противника так и остались на болоте.

— Есть ли бутылки с горючей смесью? — спросил я у офицеров.

— Имеются! — отозвался Борисов. Один из штабных офицеров подбежал к передней машине и бросил в ее люк две бутылки. Танк задымился, запылал багровым огнем. Через минуту загорелась и вторая машина. Мы снова залегли, теперь укрываясь за горящими танками.

Что будут делать экипажи тех трех машин, которые все еще недвижно стояли на пригорке? Наверное, откроют огонь? Мы ждали долгую минуту. Танки противника развернулись и быстро укатили в сторону Конотопа.

— Как понимать это, Александр Ильич? — изумленно спросил меня комиссар. — Испугались? Не поняли? А где же их взаимовыручка в таком случае?

За меня ответил Борисов:

— Конечно, испугались! Им, пожалуй, и не было видно, отчего машины загорелись. Тут кругом камыш, осока… Ну, насчет взаимовыручки у них, как видно, действует закон: своя рубашка ближе к телу…

— И еще один: падающего толкни! — засмеялся комиссар. — Так им заповедывал Ницше.

Поздно вечером, усталые, голодные, мы наконец добрались до командного пункта батальона капитана Наумова, и первое, что я узнал: Наумов не имел связи ни с другими батальонами бригады, ни со штабом корпуса, ни со штабом армии. Он послал в батальоны двух офицеров, однако связные не вернулись.

Несмотря на смертельную усталость, ни я, ни начальник штаба, ни комиссар бригады не могли в эту ночь уснуть. Нужно было немедленно принять решение о дальнейших действиях бригады. Оставлять ее на прежнем месте или сменить позиции? Наши боевые порядки, по существу, находились в тылу немецких войск. Конотоп был занят противником, и наше пребывание на старом рубеже обороны становилось бессмысленным.

Мы сидели в землянке при тусклом свете коптилки. Было двенадцать часов ночи. С луговых, приречных просторов иногда доносился то гул одиночного артиллерийского выстрела, то короткая очередь автомата, то частая пулеметная дробь.

Все же это был покой. В сравнении с тем, что мы пережили за день, это была обстановка самого идеального отдыха. Однако теперь не приходилось отдыхать.

В землянку, широко шагая, вошел рослый и стройный капитан Наумов в сопровождении бойца.

— Разрешите, товарищ полковник… К нам прибыл солдат из четвертого батальона.

Борисов бросился к солдату.

— Докладывайте, быстрее…

Солдат был ранен: голова перебинтована марлевой повязкой, рука

на перевязи, но за поясом пара гранат. Щупленький, белокурый и хрупкий, он казался совсем мальчиком, и голос у него был по-детски ломкий.

— Мы понесли, товарищ полковник… — начал он и вздрогнул, лицо его передернулось, а на щеке застыла слеза. Он смахнул слезу тыльной стороной руки и доложил уже твердо: — Мы понесли очень большие потери. Так передала санитарка Наташа Мухина. Это она послала меня в четвертый. Только она не знала, что нас очень мало осталось в живых. Командир батальона скончался от ран… Мухина просила передать извинение. Она не могла оказать ему помощь. Ее ранило, когда она от вас возвращалась… Вскоре она тоже умерла…

Наумову было известно через связного, что батальон старшего лейтенанта Михайлова отбил все атаки противника и удерживал свой оборонительный рубеж, однако и его потери были очень большими.

Я напряженно думал о сложившейся обстановке. Бригада оказалась отрезанной и от своих тылов. В течение двух суток мы вели неравную борьбу без поддержки танков и авиации. Было до глубины души обидно и мучительно сознавать свою беспомощность, да еще при таком высоком боевом духе солдат… Однако размышлять о том, что было сутки или час назад, теперь не приходилось. Как говорится, что с воза упало, то пропало. Потери не восстановишь. Нужно смотреть вперед. И использовать эту ночь для перегруппировки сил, бесшумно покинуть занимаемые позиции и укрепиться на новом, более выгодном рубеже.

Что скажут начальник штаба и комиссар? Чернышев был заметно взволнован: он никогда не говорил запальчиво, а на этот раз и торопился, и словно не находил слов.

— Участок обороны, который занимает бригада, стал для нас очень невыгодным. Мы должны покинуть его. Этой же ночью. Учтите: если мы не выведем бригаду ночью, — завтра нам некого будет выводить. Это понятно: местность открытая, и наши бойцы будут подавлены огнем немецкой авиации, танков и артиллерии.

Борисов решительно вскочил с табурета:

— А приказ командира корпуса? Где этот приказ? Без его приказа мы не имеем права отходить на новый рубеж. Чего вы хотите, комиссар? Чтобы нас всех троих за самовольный отвод бригады расстреляли?

— Я уверен, сначала разберутся. Допустим, и расстреляют, — неожиданно спокойно согласился Чернышев. — Но лучше умереть нам троим, чем бессмысленно губить всю бригаду. Мы находимся в

чрезвычайно сложной обстановке: ни со штабом корпуса, ни со штабом армии нет связи, и мы должны сами принимать решения и действовать так, как подсказывает нам совесть коммунистов и здравый рассудок.

— Хорошо, Владимир Александрович, — сказал я Борисову, несколько удивленный его необычной горячностью и нежеланием считаться с положением вещей. — Допустим, вскоре будет налажена связь. Значит, нам останется ждать указаний сверху? А время? А ночь-то не ждет?

Он снова задумался.

— Время, действительно, драгоценно…

Я встал, развернул карту, которую, впрочем, каждый из нас знал лучше своей ладони.

— Принимаю решение на отвод бригады с занимаемых позиций. Но куда мы отведем войска? В Лизогубовском лесу занимает оборону 6-я бригада нашего корпуса. Однако добраться до нее, да еще ночью, почти невозможно. Всюду болото, трясина… Единственная тропка для пешеходов здесь проходима лишь летом, в сухую погоду. Значит, следует отходить в направлении хуторов Гнилица — Гуты… К утру на этом рубеже организовать новую оборону. На старом рубеже оставить только боевое охранение — один взвод. Командиру боевого охранения на случай наступления превосходящих сил противника дать маршрут для отхода.

Борисов внимательно всматривался в карту.

— Вам что-то не ясно, Владимир Александрович?

Он выпрямился, козырнул:

— Все ясно. Будем отходить.

Я заметил в серых глазах его знакомые искорки: он был доволен этим решением.

К восьми часам утра 19 сентября главные силы бригады втянулись в Лизогубовский лес. Этот ночной марш был исключительно трудным. Бойцы шли в полной темноте, по колено в воде и грязи. За батальонами двигались конные повозки с ранеными. Эти повозки поминутно застревали, но специально выделенные команды выносили их из трясины на руках.

Сумрачное, безмолвное ночное шествие через бесконечную топь. Оно запомнилось многим солдатам. Ни огонька папиросы, ни возгласа, ни даже негромкого разговора. Темные фигуры скользили одна за другой, падали, поднимались, с усилием одолевали глубокие вязкие лужи. Поскрипывали повозки. Испуганно фыркали лошади. На

колдобинах сдержанно, сквозь стиснутые зубы стонали раненые. И снова солдаты шли, шли…

Нас не заметили. Самолет-ночник противника невысоко кружился над колонной, однако в эту ночь он не бросал осветительных ракет. Было похоже, что немцы не хотели нас тревожить: им было значительно выгоднее атаковать бригаду с утра всеми силами авиации и танков и больше не иметь с нами забот.

Мы с комиссаром Чернышевым шли с главными силами бригады, а Борисов остался на месте, чтобы отвести последние подразделения. Перед рассветом ему все же удалось связаться со штабом корпуса и доложить о нашем решении.

Едва он покинул участок обороны, как немцы открыли по нашим блиндажам и старым окопам неистовый артиллерийский огонь. Их самолеты повисли над этим районом и стали сбрасывать тяжелые бомбы. Мы наблюдали издали, как вдоль берега Сейма и в стороне от реки, в недавней глубине нашей обороны, поднимаются черные тучи дыма и земли.

Десантники радовались, шутили, смеялись — да и как не смеяться, если фашисты сыпали на пустое место сотни бомб!

К десяти утра бригада вышла на новый рубеж обороны. Я и Чернышев наметили место для оборудования нового КП. Саперы тут же принялись за работу. Вдруг с проселка вынырнула легковая машина и резко затормозила передо мной.

— Товарищ полковник, на минуту…

Я узнал комиссара корпуса и начальника особого отдела. Не поздоровавшись, комиссар спросил:

— Почему бригада отведена с рубежа без ведома штаба корпуса?

— Потому, что не было связи, а задерживаться на прежнем рубеже…

— Мне кажутся ваши действия недопустимыми, — прервал меня комиссар.

— Все же нас следует выслушать, — вмешался Чернышев.

Комиссар согласился.

— Хорошо, докладывайте.

Я призадумался: кто поручил им расследование? Неужели командир корпуса, полковник Затевахин? Доводы Чернышева были кратки и убедительны, однако полковой комиссар, трясясь от гнева и с усилием сдерживая себя, выговорил по складам:

— Пропустить гитлеровцев в Конотоп… Отдать им на поругание город… А потом самовольно увести бригаду с занимаемого рубежа?!

— Полковник… — мягко сказал начальник особого отдела, щуря синеватые глаза. — Вы знаете, чем это пахнет?.. Да вы, конечно, должны знать. Законы военного времени…

— Я знаю законы военного времени и считаю свои действия абсолютно правильными.

Он криво усмехнулся.

— А, вот как вы говорите!..

— Я привык говорить только правду и только напрямик.

У этого человека был, по-видимому, мягкий характер. Он произнес почти ласково:

— Я арестую вас…

Чернышев улыбнулся. Я перехватил его взгляд. К нам приближалась еще одна легковая машина: я сразу узнал машину комкора Затевахина. Так вот почему улыбнулся мой комиссар! Ясно, уж кто другой, а полковник Затевахин спокойно разберется в обстановке.

— Если это для пользы дела — можете арестовать, — сказал я.

Машина остановилась: к нам торопливо шел комкор: Он пожал мне и Чернышеву руку, не задавая вопросов, спокойно выслушал мой доклад.

— Обратите внимание на участок, где мы занимали оборону, — почти закричал Чернышев. — Танки пошли… Сколько танков!

Мы все невольно засмотрелись на картину танковой атаки противника. Десятки машин переваливали через песчаные взгорки, ведя непрерывный пушечный огонь. Целая стая вражеских самолетов бомбила покинутые окопы. Артиллерия гитлеровцев вела сосредоточенный огонь по нашим воображаемым тылам.

Комкор Затевахин резко обернулся ко мне, обнял и поцеловал.

— Молодчина! Вовремя вышли из мешка. Если бы вы не воспользовались прошлой ночью, мы потеряли бы, наверняка потеряли бы бригаду. А теперь противник в заблуждении и сумасбродно расходует боеприпасы… Правильно, пускай расходует. А бригада заняла более выгодный рубеж!

Мой комиссар смеялся. У него были такие веселые, озорные, такие радостные глаза.

Приключение с Косолаповым. Немцы в Казацком. Наша контратака. У стога сена. Мы снова в Казацком. Танки идут… Штаб отходит к лесу. Спасительный кювет. Штаб в лесу.

Миша Косолапов, скромный, старательный, немного застенчивый паренек, не так давно научился водить машину.

У него была своя теория шоферского дела, и состояла она из двух пунктов: «везет» и «не везет».

Он был убежден, что есть шоферы, которым всегда «везет», пусть это даже бездельники и профаны, и есть такие, которым «не везет», хотя они, быть может, хорошие специалисты своего дела.

Что касается Косолапова, ему не везло. Уже на второй день работы у меня в ясную солнечную погоду он ухитрился наткнуться на телеграфный столб. Еще хорошо, что скорость была малая, иначе нам грозила бы серьезная неприятность.

Извинившись и твердо пообещав, что ничего подобного больше не повторится, Миша через неделю зацепился за дерево. Потом, когда я спешил в подразделения, он «изловчился» и заехал в глубокий кювет. Мы бились добрых два часа, пока выволокли машину из канавы.

Я сделал Косолапову последнее предупреждение и пригрозил, что переведу на грузовую машину. Он выслушал нотацию, понурив голову:

— Что ж, можете перевести на грузовую. Одно только скажу, что такого, как я, шофера вам на всем фронте не найти.

Нужно сказать, что Косолапов всячески старался освоить свою профессию: под его сиденьем накопилась целая библиотека по автоделу, каждую свободную минуту он заглядывал в эти книжки.

Не только на всем фронте, как наивно уверял меня Михаил, но и в нашей бригаде нашлись бы получше, поопытней Косолапова шоферы. Однако я примечал, что и Миша делает заметные успехи. Не думал я, не чаял, что от его шоферского искусства в какие-то решающие минуты целиком и полностью будет зависеть моя жизнь.

Произошло это в большом, просторном украинском селе Казацком, что неподалеку от Конотопа, в направлении на Путивль. Здесь Косолапов доставил меня прямо… в расположение немцев.

Вот как это случилось.

Комкор Затевахин сообщил нам, что противник ведет бои на нашем правом фланге, в районе Путивля. Было ясно, что если гитлеровцы захватят Путивль и форсируют в этом районе Сейм, войска 3-го воздушно-десантного корпуса окажутся в лучшем случае в полуокружении, а в худшем — в полном окружении.

Поэтому, несмотря на усталость бойцов, нам предстояло занять и оборонять участок по линии Вшивка — Нечаевка — Гвинтовое. Штаб бригады было решено разместить в Казацком.

Я побывал в Казацком, определил место штаба, и офицеры приступили к работе. Наконец-то выискалась свободная минута, и можно было привести себя в порядок, помыться, побриться, позавтракать и за вчерашний обед и за ужин. В час дня я выехал, как было условлено с комкором, в штаб за получением указаний.

Затевахин ввел меня в курс оперативной обстановки и сообщил об очень тяжелом положении наших войск не только в полосе 40-й армии, но и на всем Юго-Западном фронте.

Силами танковых и моторизованных дивизий гитлеровцы стремительно развивали наступление в южном направлении. Конотоп и Бахмач уже были в их руках. На широком фронте 40-я армия вела ожесточенные бои, обороняясь разрозненно, отдельными частями.

Получив задание, мы с начальником разведки капитаном Аракеляном выехали в свой штаб. Откуда нам было знать, что за это время гитлеровская разведка выбила штаб бригады из Казацкого и заняла село?

Мы ехали быстро, каждый занятый своими мыслями. Окрестные поля в блеклых тонах осени имели совершенно мирный вид, еще не изрытые окопами, не развороченные разрывами бомб. Разложив на заднем сиденье какие-то свои бумаги, Аракелян просматривал их, а я, заглядывая в карту, пытался хоть приблизительно установить линию Юго-Западного фронта.

Вот и окраина Казацкого… С пригорка видна обширная площадь, от нее в разных направлениях расходится несколько дорог. На площади заметно движение пехоты и машин: наверное, подошло какое-то наше подразделение.

Дороги в старинном селе — понятие, по-видимому, священное: лопата к ним не прикасалась, по меньшей мере, со времен Адама. После недавних дождей вязкая почва раскисла, и машину на очень узкой улочке то и дело заносит от плетня к плетню. Я подумал, что нам еще везло: не было встречной машины. Попадись она, и не разминуться, разве только ломать плетень.

Вдруг Косолапов резко затормозил. Я взглянул на него: наверное, снова зацепился? Губы шофера дрожали, кровь отхлынула от лица. В ста пятидесяти метрах от нас, на сельской площади, стояли в ряд с полдюжины немецких бронетранспортеров… Возле своих машин с колясками возились мотоциклисты. Группа гитлеровцев, человек пятнадцать, столпилась вокруг высокого рыжего офицера, — он был на голову выше каждого из них, — и слушала какую-то его проповедь, покуривая сигареты.

— Э, дело-то дрянь, товарищ полковник! — шепнул сзади Аракелян. — Влипли, будто кур во щи…

Спрятаться или развернуться было слишком поздно; покинуть машину и отходить назад — тоже затея гиблая: по болоту, да еще под огнем, далеко не уйдешь, — немцы или расстреляют нас, или возьмут в плен. А медлить нельзя ни секунды. Решение возникло мгновенно:

— Вперед, Миша… На полной скорости — вперед!

— Ну, товарищ полковник, — прошептал он побелевшими губами, — держитесь крепче… Теперь командовать буду я.

Он крепко вцепился в баранку, нажал акселератор. Машина рванулась с места и, резко набирая скорость, вылетела на площадь села, в самую гущу немецких мотоциклистов. Кто-то из них вскрикнул, шарахнулся в сторону, кто-то пронзительно свистнул. Перед смотровым стеклом метнулась длинная фигура в зеленом кителе. Метрах в десяти от бронетранспортера Косолапов резко развернул машину влево. Поворот был настолько крут, что меня и Аракеляна швырнуло в сторону и ударило о правые дверцы. Какие-то секунды казалось: машина неизбежно опрокинется. Она сделала вираж на двух колесах, номер поистине цирковой, снова рванулась вперед, перелетела через выбоину, высоко подпрыгнула, ударилась боком о плетень и на предельной скорости понесла нас по узенькой знакомой улице.

Сзади щелкали выстрелы. Но гитлеровцы спохватились слишком поздно. Мы уже успели отъехать метров на двести от них. Ближайший дом стал для нас прикрытием…

Расстояние до села Бочечки мы преодолели за полторы минуты. У первой хатенки Косолапов остановил машину, спрыгнул на землю, осмотрел колеса, кузов.

— Смотрите, товарищ полковник!.. — он постучал по смотровому стеклу, — Целились они верно, да смазали!

В смотровом стекле зияли, растекаясь серебряными трещинами, три пулевые пробоины.

Впервые я видел Мишу Косолапова в гневе. Он погрозил в сторону Казацкого кулаком.

— Что, подлые душонки, думали — в плен едем вам сдаваться? А вот этого не хотели? Что? Выкусили? То-то, знай наших!

Он еще раз показал гитлеровцам кукиш и деловито сел за руль. Я обнял Косолапова и поцеловал:

— Знаешь, Миша, теперь я буду считать тебя самым умелым водителем, какого только встречал. Да, водителем первого класса!

— Я взял бы такого в разведчики! — восхищенно воскликнул Аракелян.

Косолапов встрепенулся, лицо его зарделось от смущения. Лихо сдвинув на затылок пилотку, он спросил:

— Куда прикажете следовать, товарищ полковник?..

Не имея времени на поиски штаба, мы решили ехать на хутор Гнилицу, где должен был располагаться батальон капитана Наумова.

Капитана я застал в его штабе и приказал поднять батальон по тревоге, атаковать немецкую разведывательную группу в Казацком и уничтожить ее.

К вечеру эта боевая задача была выполнена. Только двум бронетранспортерам немцев из всей разведывательной группы удалось удрать. Фашисты отчаянно оборонялись, но частью были уничтожены, частью взяты в плен.

Пленные показали, что наша атака застигла их во время обеда. Именно в этот час батарея наших 76-миллиметровых пушек обрушила на них огонь. Потом батальон двинулся в атаку…

Ни в Путивле, ни во Вшивке, ни в Гвинтовом, рассказывали пленные, они не встречали сопротивления. Только в Казацком были обстреляны пулеметным огнем, однако после короткого боя овладели этим населенным пунктом.

Трое из допрошенных видели мою легковую машину. Оказывается, они были уверены, что по такой дороге машине уйти не удастся, и хотели захватить пассажиров живыми, так как знали, что в советских войсках легковыми машинами зачастую пользуются или командиры, или офицеры связи.

Вечером в чистеньком домике штаба майор Борисов рассказывал мне о приключениях, пережитых им за истекшие сутки.

— И опять приходится, Александр Ильич, применить это истертое слово «внезапно»… Однако другого и не найдешь, «Неожиданно» — немного не так звучит. Все произошло именно внезапно. Не успела наша Маня, заведующая лавкой военторга, расположиться неподалеку от штаба со своими товарами, — бац! — подкатывают немецкие мотоциклисты. Маня даже не рассмотрела, кто это, и спрашивает: — Значит, на почин?.. — Потом схватила деньги и что поценнее из товаров и огородами — к штабу. Отходили мы отстреливаясь. Мне пришлось добрый час у «максима» просидеть, пока все наши отошли. Потерь — не имеется. Только лавка военторга выбыла из строя.

Вспомнив о чем-то и даже вскочив из-за стола, он спросил:

— Вы комиссара, Федора Филипповича, видели?.. Как, значит, он

до сих пор не знает, что вы в бригаде? А ведь он уверен, что и вы, и Аракелян, и Косолапов — в плену у немцев! Он видел, когда ваша машина промчалась в Казацкое, кричал вам, махал руками, вы не обратили внимания, проехали мимо. А теперь уже в штаб корпуса послано донесение о том, что вы в плену!

Из соседней комнаты послышался голос связиста:

— Да, слышу. Я — «Волна»… Полковник Родимцев — в штабе… Почему не верите? Он возьмет трубку…

— Отлично! — обрадовался Борисов. — Опять налажена связь. Слышите, кто-то не верит, что вы не в плену!..

Оказалось, это звонил Затевахин. В голосе его я расслышал веселое изумление:

— Как же ты так быстро вернулся из плена?

— О, товарищ полковник, умеючи, это недолго! Удалось ускользнуть.

— Докладывай, везучий…

Затевахин выслушал мой доклад и засмеялся:

— Такого водителя медом кормить и говорить ему только комплименты!

Затем перед бригадой была поставлена новая задача: утром нам предстояло прикрыть двумя батальонами направление Конотоп — Казацкое и одним батальоном — Нечаевка — Казацкое. Обстановка быстро менялась. Изменились и боевые задачи. А в последние дни наш начальник штаба не успевал отдавать войскам все новые и новые распоряжения.

С улицы, грохнув дверью, вбежал комиссар Федор Филиппович. Он споткнулся о порог, что-то растерянно пробормотал, прислонился к дверному косяку.

— Александр Ильич!..

— Он самый, — ответил за меня Борисов.

Мягко, неслышно ступая, Чернышев приблизился ко мне. Лицо его передергивалось, протянутые руки дрожали.

— Жив… Ну, ей-богу… Жив! А ведь мы донесение послали.

Вдруг он крутнулся посреди комнаты, пристукнул каблуками.

— Живем, товарищ комбриг!

Бурные проявления его радости прервал связист. Командир 2-го батальона капитан Савва Никифоров докладывал, что немцы после огневого артиллерийского налета перешли в наступление на село Казацкое из района Конотоп — Сохны.

Было раннее утро 11 сентября. Дул резкий северный ветер.

Срывался дождь Над селом перекатывались отзвуки канонады.

Мы поспешили в Казацкое. Для подготовки наблюдательного пункта времени не было, и я согласился с предложением Аракеляна обосновать НП на юго-западной окраине села, на высокой соломенной крыше сарая. Почему-то мне показалось, что лучшего места и не отыскать: с крыши был отчетливо виден весь поселок Сохны, окрестная местность, дороги.

Наши связисты разместились в сарае: близко, удобно, незаметно для врага.

Я даже похвалил Аракеляна, но позже спохватился: напрасно похвалил.

Утром над Казацким появилась шестерка «фокке-вульфов». Идя на бреющем полете, она принялась обстреливать село из пушек и пулеметов. Фашистские летчики, конечно, не могли не заметить на крыше сарая группу людей. Шестерка развернулась и сделала заход на наш наблюдательный пункт.

Очевидно, мне помогла тренировка в прыжках, когда я был парашютистом. Слетев на землю, я даже не ощутил боли в ногах. Слежалая солома крыши взвихрилась от пулеметных очередей, будто от ураганного шквала, затрещали стропила, запрыгали щепки… Рядом со мной к стене сарая прижался капитан Аракелян.

— Товарищ полковник, — говорил он торопливо, — я готов идти в цепь любой роты… Хотя бы даже сейчас. Только на эту проклятую крышу я больше не полезу.

Новый наблюдательный пункт пришлось оборудовать на земле. Гитлеровцы тем временем развертывали наступление на Казацкое.

Все теперь перемешалось, и ни я, ни командир корпуса не знали положения на фронте. Временами до нас доносился гул бомбежки. Вероятно, где-то далеко отсюда авиация противника наносила удары по нашим войскам… Где именно? Каковы были замыслы противника? Почему немцы так настойчиво рвались в Казацкое?

Весь день 11 сентября мы отбивали яростные атаки противника, а утром с удивлением заметили, что его войска стали отходить в сторону Конотопа.

Чтобы не допустить прорыва противника на юг, в сторону крупной железнодорожной станции Бурынь, бригаде предстояло немедленно выступить в район Вшивка — Нечаевка — Гвинтовое и занять оборону фронтом на север.

Во второй половине дня бригада снялась с занимаемого рубежа, свернулась в батальонные колонны и двинулась к Нечаевке. Однако

немцы обнаружили наше передвижение. Не успели мы отойти от Казацкого на пять километров, как вражеские танки и мотопехота вклинились в наш походный порядок и отрезали головную походную заставу от передового отряда. Закипел жаркий, неравный бой.

Я находился с главными силами бригады. Когда наш передовой отряд столкнулся с противником и пошел в атаку, я принял решение развернуть войска и отбросить немцев.

В передовом отряде были опытные офицеры: майор Борисов и капитан Наумов. Однако, несмотря на все их усилия, им соединиться с заставой не удалось. Только во второй половине ночи к нам как-то прорвался офицер связи и доложил, что наша головная походная застава находится в районе расположения штаба армии.

Место для командного пункта мы избрали в стороне от дороги, возле огромного стога сена. Я видел, как еще в начале боя артиллеристы капитана Кужеля в упор расстреляли и сожгли два танка противника. На нашу батарею двинулись вражеские бронетранспортеры. Артиллеристы не дрогнули. Они подбили шесть бронетранспортеров и рассеяли пехоту. Но неожиданно средоточием боя стал наш командный пункт… Выбран он был явно неудачно. Впрочем, нам было не до поисков более подходящих мест.

Немецкие летчики заметили группу военных у стога сена и, сбросив бомбы в расположении наших подразделений, принялись дырявить из пушек злосчастный стог. Он сразу же загорелся. Нам пришлось отползать ложбинкой к зарослям конопли. К счастью, здесь оказалась довольно глубокая канава.

Бой грохотал и перекатывался над полем звоном металла, гулом бомбовых разрывов, воем пикирующих самолетов, криками, стонами и проклятиями, пулеметными очередями.

Неподалеку от канавы разорвался тяжелый снаряд, и высоко взнесенное черное облако земли долго недвижно стояло на месте. Из этого облака, словно из самого разрыва, вышли трое. Я узнал Борисова. Он широко размахивал руками; автомат покачивался у него на груди. За Борисовым ковылял кто-то незнакомый. Еще дальше мелькнула крепкая, сильная фигура разведчика Мудряка.

А, вот оно что! Борисов и Мудряк привели пленного. Лицо плечистого, дородного фашистского офицера было измазано кровью, зубы выбиты, под глазом синел «фонарь». Я возмутился:

— Как вы посмели пленного калечить?

Мудряк козырнул, стал по стойке «смирно»:

— Так что он сам виноват, товарищ полковник! Когда мы хотели

взять его живым, стал, шельма, кусаться… зубастый черт! Он нашему сержанту палец откусил, будто ножом, костогрыз, оттяпал… Ну, сержант взвыл, конечно, от боли и прикладом по челюсти его саданул. Зубы и посыпались, как медь из копилки. Да это и неважно, товарищ полковник, все равно они у него были вставные, металлические.

— Где взяли пленного?

— Возле Нечаевки… Ехал на бричке, а в бричке полно барахла.

Я задал немцу несколько вопросов. Он только мычал и мотал головой.

Не было смысла терять дорогие минуты на дальнейший допрос: положение бригады все усложнялось. Пленного увели. Борисов возвратился в бой. А передо мной появился капитан Андриец. Растрепанный, крайне взволнованный, он доложил почему-то шепотом:

— Немецкие танки и мотопехота заняли населенные пункты Кузьки и Бондари. Тылы, имущество бригады под угрозой… У нас одних парашютов и новых шинелей на две тысячи бойцов.

— Заройте это имущество в землю, товарищ Андриец.

Он схватился за голову.

— Такую ценность?!

— Бригада в полуокружении. Немцы подтягивают свежие силы.

Он скрипнул зубами, сжал кулаки.

— Слушаюсь, товарищ полковник…

Рядом со мной на откос канавы лег Чернышев.

— Кажется, придется возвращаться в Казацкое, Александр Ильич…

— Но ведь наша задача выйти на Нечаевку — Гвинтовое!

— Перед нами слишком крупные силы…

Мы отбивали непрерывные атаки немцев до вечера 13 сентября и только оборудовали на высотке, неподалеку от сгоревшего стога сена, командный пункт, как из штаба корпуса прибыл офицер оперативного отдела майор Чернов.

— Новая задача? — спросил я.

— Да, возвратиться в село Казацкое и не допустить прорыва в направлении Хижки — Духановка.

Я прочитал боевое распоряжение.

— Но ведь Казацкое занято немцами. Знают об этом в корпусе?

Чернов растерянно развел руками.

— Нет…

— Вы добирались к нам через Казацкое?

— Я ехал через деревню Бочечки, что рядом с Казацким. Меня обстреляли из автоматов.

— Ясно. Значит, и там немцы. Однако, товарищ майор, приказ есть приказ.

Я при нем передал необходимые распоряжения в батальоны, и наши подразделения двинулись на новый рубеж.

Знакомое село. Мы снова вошли в него после короткого боя. Немцев здесь было не больше роты, и они поспешно отступили. Я осмотрел площадь, на которой несколько дней назад произошла моя «трогательная» встреча с немецкими мотоциклистами, и точно определил то место, где Косолапов исполнил свой «коронный номер» — изумительный разворот.

Где же население Казацкого? Люди попрятались, притаились, они были уверены, что в селе снова немцы.

Но вот я вижу, в окнах постепенно зажигаются огоньки. Слышны радостные возгласы. Старушка-хозяйка распахивает перед нами дверь.

— Милые… Соколы наши, — какое счастье! Значит, выгнали этих воров?!

Она рыдает, склонившись на плечо штабному писарю; он тоже украдкой смахивает слезу.

— Сынку… Сынку, родной мой! Не оставляйте нас на поругание, на муки…

До боли мне жаль эту старенькую украинку: я знаю, что и в других домах в эти минуты люди рыдают от радости, рассказывают о пережитом, просят о помощи и защите и что солдаты теряются: как отвечать им? Обнадеживать — значит лгать; сказать горькую правду — и самим невыносимо больно. Что ж, воин должен держать себя в руках. Будет и на нашей улице праздник! А пока — за работу. До праздника еще много воды утечет и много прольется крови.

Около четырех часов утра на улицах загремели очереди автоматов. Я выбежал на крыльцо. Где-то близко застрочил пулемет, коротко ухнула танковая пушка.

Что же случилось? Быстро связался с комбатом Михайловым. Он сообщил, что, кроме нас, в селе расположилось на ночь какое-то немецкое подразделение и наши завязали с ним бой…

На рассвете веселый, свежевыбритый и подтянутый капитан Кужель докладывал:

— Ночью мои артиллеристы устанавливали орудия вдоль дороги Казацкое — Хижки. Один орудийный расчет заметил возле дома большие грузовые машины. Таких машин у нас нет… Бойцы подошли

ближе. Здесь, оказалось, были не только машины, но и немецкие танки. Хлопцы тут же развернули орудие и влепили прямой наводкой по этим машинам. Немцы спали. Потом они начали стрелять куда попало и пытались бежать… Мы захватили три танка, два из них вполне исправные, захвачены две автомашины и оружие.

Докладу капитана я нисколько не удивился: в те первые месяцы войны, случалось, не только ночью, даже днем нелегко было разобраться, где немцы, а где свои.

Но событие было радостное: вскоре оно стало известно всей бригаде и ободрило солдат.

Меня тревожило, однако, что связи со штабом корпуса не было почти всю ночь. Мы подготовили донесение о состоянии бригады, о том, что она стала малочисленной, разорвана на части, и это не могло не отразиться на ее боеспособности. Но как же передать это донесение?

— Я думаю, имеется единственный способ: добраться в штаб на мотоцикле, — предложил Аракелян. — У меня есть новенький трофейный мотоцикл. Езжу я отлично. Давайте донесение: как пуля пролечу!..

Это был отважный офицер, скромный и решительный. Он уже не раз бывал в опасной разведке, в одиночку ходил за «языком», и ему везло, как, случается, может везти только очень смелому человеку.

По моим расчетам штаб корпуса должен был находиться в лесу, около хутора Волчик. В этот хутор я и направил Аракеляна.

В крестьянской хате, которую занимал штаб, собрались офицеры. Были здесь комиссар Чернышев и Борисов. Комиссар рассказывал о первых весточках из Конотопа. Он встретил двух беженок, — каким-то чудом они прорвались через фронт и ушли дальше, на восток, на поиски эвакуированных конотопских железнодорожников. В городе они сорвали со стены приказ немецкой комендатуры и отдали его Чернышеву. Сейчас этот приказ лежал передо мной, и я читал крупные жирные строки:

1. Кто не сдаст оружие — будет расстрелян. 2. Кто не сдаст телефонные аппараты — будет арестован и расстрелян. 3. Кто будет заниматься охотой — будет расстрелян. 4. Кто не пойдет на работу добровольно — будет доставлен в полицию и понесет суровое наказание.

— Я покажу этот приказ солдатам, — взволнованно говорил Федор Филиппович. — Гитлеровцы нередко и сами агитируют фактами против фашизма. Они печатно подтверждают собственную

бесчеловечность и удваивают нашу ненависть.

Под окном затрещал мотор мотоцикла, и Чернышев отодвинул занавеску.

— Аракелян?! — воскликнул он удивленно. — Да, прибыл Аракелян…

Капитан вбежал в комнату, держа у груди пакет. Сначала я подумал, что он ранен: ноги его подгибались, лицо приняло землистый оттенок. Он схватил кувшин с водой, выпил два глотка, заговорил сбивчиво:

— Танки… Очень много танков! Они развернулись в боевые порядки и уже наступают на Казацкое… За ними движется цепь немецкой пехоты. Их много. До полка. Они идут из Лизогубовского леса, со стороны Нечаевки и Гвинтового.

Не хотелось верить Аракеляну. Быть может, он ошибся? Да, немцы могли предпринять атаку с помощью подоспевших танков, но только не из Лизогубовского леса. Ведь в этом лесу все еще оборонялись наши 6-я и 212-я воздушно-десантные бригады! Где же они?..

Спросить об этом Аракеляна я не успел, — на село обрушился огонь то ли шести, то ли восьми батарей артиллерии. Пехота и танки противника ворвались в Казацкое одновременно с нескольких направлений. Завязалось ожесточенное уличное сражение.

С невысокого крылечка мы увидели, как три немецких танка медленно выкатились на площадь. Они разворачивались в сторону нашего домика. Неужели за такое короткое время гитлеровцы успели засечь местонахождение штаба? Возможно, вражеские танкисты заметили нас на крыльце?

Я спрыгнул с крыльца и лег под фундамент дома. Рядом со мной упал врач Охлобыстин. Комиссар успел пробежать во двор; еще несколько офицеров залегли вокруг дома.

Танки свернули в нашу уличку и, не ведя огня, двинулись в сторону окраины. Они прогромыхали в пяти-шести метрах от меня и вскоре скрылись за поворотом.

Я услышал чьи-то ругательства и не сразу узнал голос Охлобыстина.

— Трижды проклятые… Хорошо, что нас не заметили!

На соседней улице и чуточку дальше, на юго-западной, окраине села, непрерывно гремели пушки артдивизиона капитана Кужеля. Мы уже научились узнавать их по тембру: по-видимому, Кужель продолжал отбивать танковую атаку.

Оставаться дольше здесь, у хаты, не было смысла. Северо-западнее

Казацкого начинался Лизогубовский лес. Я дал сигнал о перемещении штаба в этот лес короткими перебежками и по-пластунски. Но выйти из зоны очень плотного ружейного и пулеметного огня было почти невозможно. Мы отползли огородами метров на сотню и оказались перед вражеской пехотой. Было непонятно, когда она успела просочиться в наш тыл и сосредоточиться на довольно выгодном рубеже?

Завязалась перестрелка. Но странное дело, уже после первых наших автоматных очередей немцы поспешно отступили. Теперь я разобрался в обстановке, правда, только на этом малом участке боя. Случайно мы сами оказались в тылу у немецкого подразделения, и гитлеровцы подумали, что мы стремимся их окружить.

На месте нашей короткой остановки нас догнал связной от Кужеля. Было удивительно, как этот связной разыскал нас в зарослях конопли и подсолнуха на огородах, да еще в такой неразберихе боя. Он доложил, что через Казацкое отходит корпусной танковый батальон, которым командует майор Красовский. Батальон этот маломощен, всего восемь легких танков, но Красовский решил прийти на выручку штабу бригады: его танкисты заняли огневые позиции у отдельных домов и расстреливают наступающую немецкую пехоту.

Прикидывать соотношение сил не приходилось: против наших восьми легких танков — десятки тяжелых вражеских машин! Однако майор Красовский действовал умело и решительно. Площадь была устлана трупами немцев. Два их танка дымились около церкви.

Уже рассветало, и жидкий багрянец зари струился над селом, над грудами трупов, над горящими танками.

Танкисты Красовского дрались до последнего человека. Они нанесли противнику огромный урон, но почти все экипажи пали в неравном бою смертью храбрых.

Наш штаб благополучно выбрался на западную окраину села. Лес темнел совсем недалеко отсюда. В Казацком продолжался бой. Высоко вздымались багровые дымы пожаров. Совсем близко от нас, на том пространстве, которое мы только что пересекли, разорвалось полдюжины снарядов. Однако мы вырвались из ловушки: оставалось пройти посевами конопли до опушки, наскоро обосновать штаб, затем навести, насколько это окажется возможным, порядок в подразделениях.

Скорее к лесу… Мы идем узкой тропинкой среди высоких, в рост человека, зарослей конопли. Метрах в сорока от нас отходит наш штабной взвод охраны с тремя ручными пулеметами. Впереди

небольшой взгорок с грядками лука. Эти грядки выглядят как поляна среди сплошного зеленого массива конопли. А на поляне… Да, на поляне встает цепь гитлеровцев. Они идут ускоренным шагом, держа приклады автоматов у груди.

Наши солдаты залегают и открывают по цепи огонь сразу из трех пулеметов. Близко слышится хрипение, стон. Немцы тоже залегают и отвечают яростным огнем. Все же это дает возможность штабу выиграть какие-то минуты. Мы возвращаемся к селу только что протоптанной тропинкой. Рослый чубатый сержант Сидоренко умело отражает атаку. Немцы, конечно, тоже слышат его голос:

— Бий, хлопці, без промаху! Бачите, їх офщер вже бовтається, наче порожня сорочка під вітром!..

О Украина! О славный народ! Даже в такой сумасшедшей схватке твоим солдатам не изменяет юмор.

Мы снова залегаем на окраине села, и опять нас выручает спасительная конопля. А немцы наседают. Если бы они видели нас, то нам не сделать бы и десятка шагов. Нас — горсточка, а перед нами огромная сила — до полка пехоты. Гитлеровцы уже потеряли от огня трех пулеметов не менее полусотни солдат. Что же делать дальше? Я коротко советуюсь с комиссаром. Федор Филиппович говорит мне то, что я сам отлично знаю:

— Обязательно пробиться в лес.

— Но как?

— Изменить направление. Избрать другую дорогу…

— Попробуем. Только пехота противника наступает широким фронтом…

Мы отползаем к первым окраинным хатам. Крадемся вдоль длинного сарая. Впереди дорога. Проскользнуть через нее — и перед нами опять буйная зелень огородов. Этим новым маршрутом мы наверняка выйдем к лесу. Наверняка… Но из-за сарая, грохоча, выкатывается немецкий танк. За ним еще три. Они разворачиваются на дороге и начинают утюжить коноплю.

— Единственный выход, — шепчу я Федору Филипповичу, — попытаться проползти по кювету вдоль дороги.

— Но в кюветах полно воды!..

— Другого выхода нет.

— Верно, — соглашается он. — Двинулись…

Я забираюсь в кювет. Руки мои до локтей погружаются в скользкий холодный ил. Сразу тяжелеет гимнастерка. Ил присасывает ее и не хочет отпускать. Я ползу и ползу вперед, слыша близкое громыханье

танка.

Дорога спускается в ложбинку, и кювет становится все глубже. Он доверху наполнен черной застойной водой. Здесь приходится почти плыть. Пальцы едва касаются дна. До чего же неприятная ванна во второй половине сентября!

Федор Филиппович отстает. Он уже выбился из сил. Я оглядываюсь и различаю на его лице, забрызганном илом, тот холодный оттенок равнодушия, который не ведет к добру, — его нужно смять, растоптать, развеять; это равнодушие — гибель.

— Федя, дорогой, немного осталось… Ну, ради меня. Федя!

И комиссар ползет. Я понимаю: сил у него уже нет, а это упрямое движение вперед — свидетельство несгибаемой, железной воли.

Раза три или четыре немецкие танки прокатились по огородам, старательно проутюжили коноплю. У опушки леса они остановились. Мы лежали в кювете не шевелясь. В эти минуты немецкие танкисты, наверняка, с удивлением оглядывали огороды: куда же девались советские бойцы, только что дравшиеся с их пехотой?

Неужели все-таки заметили? Вот один за другим танки выкатываются на дорогу и движутся в направлении села. Они идут прямо на нас! Я говорю себе: «Спокойно. Это и есть шанс — один из ста. А вдруг мы выиграем? О, тогда еще поборемся, повоюем!»

Видно, недаром говорится: нет худа без добра…

Сначала я проклинал эту промозглую грязь, в которой так некстати пришлось барахтаться. А теперь понимал, что она в данном положении наилучшая маскировка. Окажись кюветы сухими, мы были бы замечены сразу. Но сейчас мы стали похожи на кучи ила, на снопы конопли, брошенные при перевозке, на бревна, камни, на что угодно, только не на живых людей.

Танки прокатились мимо, обдав нас перегаром бензина, и скрылись в селе. Я встал, подхватил под руки комиссара.

— Скорее, Федор Филиппович… Вот он, лес!

В гущине молодого ольшаника мы присели отдохнуть. Постепенно к нам присоединялись другие штабные офицеры. Появился неутомимый, никогда не унывающий врач Охлобыстин.

— История с географией! — весело говорил он, — Однако должен отметить, что впервые в жизни я изучал рельеф местности с помощью собственного пуза!

Трагедия бригады продолжалась до вечера. Мысленно я так и назвал наше положение — трагедией. В течение четырех суток бригада вела непрерывные, ожесточенные бои с силами противника,

которые намного превосходили наши, затем оказалась разорванной на части, снова отчаянно сражалась, истекала кровью, но продолжала бой. А теперь мне казалось, что ее добивают…

Какое зрелище представляла эта кучка офицеров и солдат, которым удалось добраться до леса! Я уверен, что ни один театральный гример не смог бы изобразить что-либо подобное. Люди отошедшей профессии — чистильщики пароходных котлов, пожалуй, выглядели бы в сравнении с нами франтами.

Охлобыстин продолжал рассуждать вслух:

— Я совершил ровно триста прыжков с парашютом. Уверяю вас, я готов совершить еще тысячу триста прыжков, лишь бы не совершать больше подобного «кросса»!.. Кстати, как врач я должен отметить, что грязь, в которой мы искупались, в такое время года не может быть целебной. Поэтому, товарищ полковник, с вашего разрешения, я пойду на розыски наших тылов. Право же, нам не лишне переодеться.

В лесу мы отыскали ручей и немного отмылись. Вскоре мне доложили, что в бригаде осталось не более 700 человек. Я подумал, что это еще хорошо. Это еще была сила. После боя, который мы провели, могло бы и никого не остаться.

Я приказал беречь оружие. Подбирать каждую винтовку, гранату, автомат. Из окрестных сел к нам, безусловно, будут присоединяться добровольцы. Весь народ Украины поднялся на борьбу с фашистами. Это оружие еще пригодится. И как пригодится в грядущих боях!

В Лизогубовском лесу. Санитарка Нина. Марш по тылам противника. Бой в Грузском. Радостная встреча. На границе.

Мы молча брели по лесу, я и комиссар. У нас не было ни крошки хлеба и ни глотка воды. Ручей, обнаруженный нами в лесу, весь был затянут тиной и отдавал запахом гнили. Пить эту воду мы не решились.

Сейчас нужно было углубиться в лес, дать воинам хотя бы короткий отдых. Трудно рассказывать о том душевном состоянии, в котором находился каждый из нас. Тот, кто пережил на фронте первые месяцы войны, кто видел над головой армады вражеской авиации, черные стаи вражеских танков, наступающих на наши поредевшие подразделения, отлично вооруженную пехоту противника, зеленую, как саранча, и не менее многочисленную, тот может понять боль и ярость нашего бессилия.

Нет, мы не нуждались в словах ободрения. Отважные действия любого из наших бойцов — я в этом уверен — достойны страниц истории. Вера в нашу окончательную победу над ненавистным и беспощадным врагом была у каждого из нас естественна, как дыхание. Однако нам было невыразимо тяжело. Сколько я знал офицеров и бойцов своей бригады? Многих. Очень многих. Знал лично, много раз беседовал с ними, проникался их интересами, огорчался из-за неудач, радовался успехам… Близкие, родные люди, их больше не было со мной. Их вообще больше не было. А враг бесчинствовал в занятых городах и селах. Свирепствовали эсэсовцы и гестаповцы. Беженцы из Конотопа сообщали о массовых расстрелах женщин и детей… Откуда-то, казалось, из потусторонних далей, проклятые и забытые народом, возвращались заводчики. Торопились в оккупированные города растленные лакеи фашизма, белоэмигранты и украинские буржуазные националисты..

Что ж мы, солдаты великой Родины? Сколько еще мы будем отступать? Где та черта, на которой враг наконец-то споткнется и поползет назад, волоча собственные кишки?

Тяжелые думы владели мною и комиссаром, и единым утешением была вера в то, что не безнаказанно враг топчет нашу землю. Вот Казацкое… Мы потеряли многих. Но сколько потеряли гитлеровцы? Пожалуй, вдвое больше. Мы знаем, нам будет еще тяжелее. Но и враг не выдержит. Он обязательно задохнется в железной хватке народа, которого никто не побеждал.

И все же мне было больно при мысли, что я никогда больше не увижу многих своих десантников, офицеров и бойцов. А в жизни нередко случается, что когда тебе трудно, какая-нибудь встреча, обстоятельство или весть еще больше усиливают тяжесть.

Так было и на этот раз. На поляне мы встретили наших девушек-санитарок. Они перевозили раненых. Куда?! Это была напрасная тряска по лесной дороге на повозках: вырваться из леса не было возможности.

Медленно тащится повозка. Ее сопровождает… Да, это она, Машенька из Мышеловки! Но Машеньку теперь не узнать. Она исхудала и повзрослела: красивые косы подрезаны, глаза ввалились, по углам губ — две глубокие горькие черты. Бедная Машенька, сколько она пережила в непрерывных сражениях бригады!

Повозка останавливается перед нами. В ней — две девушки. Обе тяжело ранены. Машенька молча смотрит на меня по-прежнему ясными, добрыми глазами, и я вижу, они полны слез.

— Товарищ полковник, — тихо говорит она. — Вот эта, беленькая, моя подруга. Это — Ниночка, студентка Голосеевского лесохозяйственного института. Она из моего села. Я ее знаю с детства. Дружили, вместе играли… И вот… Тяжелое ранение в грудь…

Я подошел к Нине. Она смотрела на меня широко открытыми, ясными карими глазами. Мягкая, шелковистая, цвета степного ковыля прядь волос выбилась из-под косынки. Тонкие, чуточку изогнутые брови, четкий и нежный рисунок губ, наивные, детские ямочки на щеках. Они не разгладились и сейчас, когда она была сосредоточенна и серьезна и знала, что доживает, быть может, последние минуты.

— Товарищ полковник, — тихо проговорила она, неуловимо подаваясь вперед и глядя в глаза, будто приказывая, чтобы я не отступил, не отвернулся, — я давно хотела с вами свидеться, просто, по душам поговорить. Скажите, когда же мы перестанем отходить?

Я попытался объяснить ей, что войну ведет не одна наша бригада,

что мы отходим в соответствий с указаниями фронта.

Но ее губы только покривились.

— Я думаю, все время думаю об одном: мы, русские и украинцы, потомки Суворова и Богдана Хмельницкого, должны сражаться до последнего.

— Нина, в последних четырехдневных боях десантники так и сражались!

Она, казалось, не слышала сказанного.

— Куда же мы будем еще отходить, товарищ полковник, до самой Волги-матушки?

И ждала ответа, неотрывно глядя мне в лицо жаркими карими глазами.

— Не отвечаете? Смотрите и молчите… Я — комсомолка, вы можете мне сказать самую горькую правду, но только правду. Я умираю и хочу знать правду…

— Я могу лишь одно сказать тебе, Нина. Мы не сдадимся на милость фашистов. И не пойдем с ними на мировую. Мы будем драться до последнего. И мы победим.

Глаза ее медленно закрывались, — бездонные лучистые карие глаза. Последним усилием воли она открыла их, отбросила с груди шинель.

— Вы… верите этому? Это… правда?

— Я клянусь тебе, Нина, сердцем…

Она улыбнулась. Две ямочки дрогнули на бледных щеках.

— Спасибо…

Глаза ее больше не открылись. Я осторожно взял полу шинели, которой она была укутана, и накрыл неподвижное, словно точенное из белого мрамора, лицо.

Только к вечеру мы с комиссаром разыскали в лесу штаб 6-й воздушно-десантной бригады. Вскоре сюда подошла группа наших бойцов и офицеров.

Уже издали слышался бодрый голос Охлобыстина. Вечерело. Меж деревьями вспыхивали и гасли светляки папирос. Охлобыстин держал в кругу бойцов речь:

— …И никакого окружения, понимаете? Мы — сила. Мы еще посчитаем фрицам кости. Пустяки, что они заняли Казацкое. Мы стукнем их с тыла так, что перья полетят!

У комиссара изменилось настроение, голос его стал веселее.

— Послушайте, Александр. Ильич, да ведь этот врач — отличный политработник!

Охлобыстин успел разыскать наши тылы: теперь мы имели возможность переодеться в новую, сухую одежду. Что-то принесено и на ужин. Сон на опавшей листве, на валежнике, под старым кленом, что может быть здоровее? Правда, и здесь, в лесу, пробирает, северный сквознячок. Сеет холодный осенний дождик. Все это, однако, пустяки в сравнении с пережитым. И с тем, что еще предстояло пережить.

Целый день 15 сентября командир корпуса предоставил нам для приведения бригады в порядок. Мы не участвуем в бою целый день! Работы у нас немного, потому что немного и людей. Все же офицеры заняты с утра и до вечера: перераспределяют оставшееся оружие, соединяют поредевшие подразделения, выдают солдатам новое обмундирование; расторопный и хозяйственный капитан Андриец ухитрился вывезти часть своих запасов в лес.

Утром я и Борисов обсуждаем обстановку: прорывом нашей обороны в районе Казацкого немцы завершили окружение корпуса. Теперь мы находимся в тылу противника. Все части корпуса сосредоточились в Лизогубовском лесу.

Какое решение примет полковник Затевахин? Когда нам сообщат это решение? Времени для размышлений у командира корпуса, конечно, мало: гитлеровцы тоже не дремлют, они сосредоточивают у леса огромные силы.

Вечером 16 сентября Затевахин вызвал к себе всех командиров и комиссаров бригад и сообщил нам решение командарма. На следующий день, ранним утром, всему корпусу предстояло покинуть Лизогубовский лес и пробиваться в район Бурыни на соединение с войсками 40-й армии.

Комкор дал подробные указания о порядке выхода из окружения. Моя бригада должна была замыкать колонну корпуса. Впереди он поставил 6-ю бригаду, почти не имевшую потерь, за нею 212-ю.

Итак, нам предстоял марш через села, занятые противником, и мы должны были пройти через эти села в дневное время.

Трудно было нашим хозяйственникам расставаться с ценным имуществом, зарывать в землю парашюты и многое другое, но возможности брать лишний груз не было, — только артиллерию, минометы, боеприпасы, продовольствие и раненых.

Естественно, возникал вопрос: как быть с немецкими патрулями, с их регулировщиками, которых мы неизбежно встретим в пути? Десантники были обучены методу борьбы с врагом холодным оружием. Кинжал и штык должны были обеспечить колонне безопасность движения. Впрочем, и штык, и кинжал решено было

применять только в крайнем случае, если противник вздумал бы преградить нам путь через населенные пункты Хижки, Духановка, Поповка, Попова Слобода — между памятными нам Казацким и Нечаевкой.

Здесь мы намечали резкий поворот на восток, на Бурынь, где в это время оборонялись части 40-й армий.

Еще затемно, в четыре часа утра, было пройдено село Хижки. Немецкие регулировщики молча глазели на нас, столпившись в сторонке от дороги. Почему они не подняли тревогу? Может быть, подумали, что это перемещается какое-нибудь немецкое соединение? Я думаю, их парализовал страх. Они не могли не понимать, что будут уничтожены при первой же попытке приблизиться к нашей колонне.

В деревне Духановке навстречу нам высыпал весь немецкий гарнизон. Фашистские солдаты еще издали приветствовали нас, уверенные, что это идет подкрепление их войскам, наступавшим у Бурыни. Вдруг немцы опомнились.

Где-то застрочил автомат. Прозвучал сигнал тревоги. Через несколько минут сутолока стихла. Десантники уничтожили гарнизон холодным оружием. Были захвачены трофеи. Особенно порадовали нас взятые у врага восемь новых больших автомобилей с полными баками горючего. Перед выходом на марш мы собирали горючее буквально по грамму. А теперь могли не только пополнить баки наших машин, но и усадить на немецкие грузовики наиболее усталых воинов.

Удивительный поход продолжался. Мы шли по совершенно открытым местам, переваливая через взгорки, спускаясь в ложбины, по проселочным дорогам и в стороне от дорог, стремясь сократить расстояние и выиграть время. Где это было возможно, обходили населенные пункты, стремясь продвигаться как можно быстрее и незаметнее. Однако ведь речь идет не о мелкой группе в двадцать, в тридцать человек! Двигался корпус! И казалось странным, что до девяти часов утра наша колонна не была обнаружена ни гитлеровскими самолетами, которые уже кружились над этим районом, ни патрулями врага.

Если в деревне Духановке уцелел хотя бы один вражеский солдат, он, конечно, сообщил о нас своему начальству. Если в селе Хижки нас опознали, а немецкие регулировщики не могли с такого близкого расстояния не опознать советских солдат, почему же они не воспользовались телефоном и не ударили тревогу? Все это представлялось мне загадочным, однако мы продвигались успешно… Мы шли!

В девять часов утра 6-я бригада вошла в село Грузское и стала проходить через железнодорожный переезд. Неожиданно грянули вражеские пулеметы.

Весь корпус остановился на открытом месте. Появись в эти минуты авиация или танки, нам было бы хуже, чем под Казацким. Даже от пулеметного огня противника мы могли понести здесь, на открытом пространстве, немалый урон. Однако с нами был Затевахин: он с ходу ввел в бой один батальон 212-й бригады и десантники полковника Виктора Желудева смяли и уничтожили немецкую заставу.

Все же этот бой задержал передвижение корпуса на целых три часа, а нам была дорога каждая минута.

В Грузском мы захватили пленных. Эти тыловые фашисты порядком ожирели, среди них оказались сынки высокопоставленных гитлеровских чиновников. Полковник Затевахин при мне допрашивал немецкого унтера, явного грабителя, с двумя десятками золотых колец на пальцах рук, с дюжиной часов в карманах.

— Нам было известно, — говорил унтер, хныкая и размазывая по толстым щекам слезы, — что в сторону Грузского движется большая колонна. В вашей колонне есть немецкие автомашины, и это сбивало наших патрулей с толку. Лишь в те минуты, когда вы вошли на окраину Грузского, мы убедились, что это противник. О, черт бы их побрал, эти русские тылы, здесь иногда опаснее, чем на передовой!

Из села Казацкого, где теперь были расквартированы крупные части противника, за нами погнались немецкие танки и бронетранспортеры. Капитан Кужель то и дело вынужден был разворачивать свою батарею и вести огонь по наседавшему врагу.

Расчистив путь на переезде в Грузском, корпус продолжал стремительное, безостановочное движение к цели. Немцы так и не успели бросить против нас авиацию. Не менее десятка их бронетранспортеров застыли, подбитые на дороге. Но отдельные танки врага продолжали беспокоить наш арьергард. На ровной, открытой местности за Грузским танкисты противника, по-видимому, вознамерились предпринять более решительные действия. Шесть танков ринулись к хвосту колонны, ведя ожесточенный пушечный огонь.

Я заметил; как один танк отделился от группы и двинулся сторонкой к мостику через ручей, который нам предстояло миновать. Как видно, командир танка знал местность и рассчитывал напакостить нам у моста.

Пока батарея Кужеля сражалась с пятеркой танков, к другой

батарее подбежал какой-то офицер. Он остановил орудие, развернул его в сторону одиночного танка. Раздался выстрел. Вражескую машину заволокло дымом. По колонне пронесся радостный гул. Я подошел к офицеру и крепко обнял его: ну, молодчина, с первого выстрела — в цель!

Это был командир 212-й бригады Виктор Желудев, в прошлом артиллерист.

За мостиком наши войска резко повернули на восток. Где-то недалеко перекатывались громы артиллерийской канонады. Станция Бурынь была уже близко, а возле нее проходил фронт.

Подразделения гитлеровцев, наступавшие в этом направлении, конечно, не ожидали удара с тыла. Корпус стремительно развернулся, и наша пехота ринулась на боевые порядки врага, опрокинула его и уничтожила на значительном участке.

Теперь наша арьергардная бригада снова оказалась на передовой, и, шагая рядом с комиссаром желтыми пажитями, среди опустевших окопов противника, через воронки снарядных разрывов и трупы немцев, мы одновременно увидели над высоткой красное знамя, бьющееся на ветру.

Наши!..

Оттуда, с высотки, навстречу нам бежали люди. Кто это? Я узнал молодого стройного офицера. Какая радость! Это были бойцы и офицеры нашей головной походной заставы, отрезанной от главных сил бригады в бою под Казацким!

Значит, мы снова вместе… Кто-то с разбегу обнимал. Кто-то целовал. Кто-то сильно тряс руку. Меня обступило не менее сотни солдат: знакомые лица, веселые улыбки, руки, протянутые для пожатия… Я знал многих из них по фамилиям, по именам и помнил их отважные дела под Киевом и Конотопом. Какая глубокая, волнующая сила таится в спайке боевой солдатской семьи! Даже многие наши раненые встали. Перебинтованные вдоль и поперек, с перебитыми ногами и пулевыми ранениями в грудь, — они тянулись через борта машин к товарищам по оружию, плакали и смеялись.

Глядя со стороны на этот шумный, живой круговорот опаленных огнем бойцов, я невольно вспоминал «Железный поток» А. Серафимовича. Да, корпус наш выглядел словно бы продолжением «Железного потока»…

Через толпу ко мне пробился комиссар. Он был бледен от волнения, на глазах поблескивали слезы.

— Александр Ильич… Ну что за расчудесная штука — жизнь!

Вспомни — вчера, и смотри — сегодня. Какое ликование и торжество! Значит, побоку всякую тоску и кручину. Мы будем жить… бороться… побеждать.

В Бурыни нам стало известно, что 15 сентября немецкие войска первой танковой группы Клейста, развивая наступление в северном направлении, соединились в районе Лохвицы с третьей танковой дивизией второй танковой группы Гудериана, наступавшей с севера на юг.

Киевская группировка войск нашего Юго-Западного фронта оказалась в оперативном окружении в обширном районе восточнее Киева.

Нам предстояли тяжелые, напряженные бои. Что ж, мы уже не раз встречались лицом к лицу с врагом, знаем, что такое окружение и как из него выходить и наносить при этом врагу чувствительные удары.

Казалось бы, путь от Лизогубовского леса до Бурыни корпус преодолел в сравнительно спокойной обстановке. Но попутно был разгромлен в Грузском пулеметный батальон 10-й немецкой моторизованной дивизии. Триста солдат и офицеров оставили фашисты убитыми на поле боя. В штабе батальона мы захватили важные документы. А добытые трофеи составляли: сорок грузовых, пять легковых автомобилей, двадцать пять мотоциклов и много оружия. Значит, и в самом критическом положении можно сражаться и побеждать! Теперь, соединившись с 40-й армией, мы опять являли собой грозную силу.

Среди полей и перелесков, неподалеку от Бурыни, высится древний курган. Здесь называют его могилой. Сколько веков этой могиле — никто не знает. Местные жители рассказывали, что при раскопках тут были найдены бронзовые наконечники копий, мечи и стремена.

На этом древнем рубеже далекие предки наши отбивали нашествия иноземных орд…

Я обратил внимание на голубой межевой столбик, у которого кто-то посадил цветы. Алые гвоздики цвели и в непогоду, наперекор сентябрьским северным ветрам и унылому зябкому дождю.

Я подошел ближе, прочитал надпись. Так вот почему здесь посажены цветы! На запад и юг — Украина. На север и восток — Россия. Далеко, да, слишком далеко мы зашли!

Какие-то люди длинной медленной вереницей тянулись через поля. У многих на руках, на плечах — дети. Снова беженцы… Женщины, ребята, старики. Молчаливое скорбное шествие народа Украины под защиту братской Руси.

Маленькая девочка едва семенит ножками, обутыми в рваные башмаки. На личике пыль, на платьице комья грязи. Как видно, она идет уже давно, малое человеческое дитя, которому тоже грозит фашистская пуля.

В руках девочки кукла. Все брошено, а с этой гипсовой Таней девочка не может расстаться: ведь кукла для нее — живое существо, а сама она, как мама.

Сеет дождь, и мелкие капельки текут по лицу девочки, оставляя темные бороздки, текут по неподвижному лицу куклы, и девочка осторожно вытирает их подолом платьица и говорит заботливо:

— Не надо, Танечка, не плачь…

Я отворачиваюсь, стиснув зубы, и отхожу от межевого столба. Потом наблюдаю за вереницей беженцев издали. Вот и они остановились у межевого знака, и старый, сгорбленный, седой человек медленно снимает шапку.

Он поворачивается и смотрит на запад, в просторы родных украинских полей. Потом опускается на колени и целует землю. Женщины, дети — все опускаются на колени.

В жизни есть минуты невыразимо глубокого значения. Я вижу, как собирают они по горсти земли, завертывают в платочки и прячут на груди.

О, славная, добрая мать Украина! Я — русский. Но твои страдания — это мои страдания, и твои раны — мои раны.

18 сентября наша бригада сосредоточилась в селе Орловке. Предстояли тяжелые бои.

Добровольное пополнение. Поп с пистолетом. Продолжение отхода. Мост взорван. Пять атак. Подготовка ночного рейда. Разгром автоколонны. Неудача Косолапова. «Идейный» немец. Разведчики не вернулись. Мы у города Тима.

В течение четырех суток под Орловкой происходили мелкие стычки патрулей. По ночам противник вел бесприцельный, беспокоящий артиллерийский огонь. Бригада почти не имела потерь, а наши сверхметкие стрелки-снайперы при всяком удобном случае брали фашистов на мушку. Мы заставили немцев ползать по земле. Теперь они уже не позировали на передовой. Это им слишком дорого обходилось.

Через четыре дня командующий 40-й армией приказал бригаде занять оборону в районе Ворожбы у населенного пункта Теткино.

Почти две недели в полосе нашей обороны противник не проявлял активности. Где-то севернее нас, в пятнадцати-двадцати километрах, шли ожесточенные бои. Неподалеку отсюда, в районе Глухова и южнее, действовала группа генерала Ермакова. Мы надеялись связаться с нею, чтобы установить тесное взаимодействие, но сколько ни пытались наши разведчики прорваться через боевые порядки немцев, им это не удавалось: подразделения 47-го немецкого моторизованного корпуса были так многочисленны и сосредоточены так плотно, что контролировали в этом районе буквально каждый квадратный метр.

Наша разведка боем, пытавшаяся пробиться в направлении Глухова, севернее реки Сейм, тоже не имела успеха.

Зато нам здорово повезло с пополнением бригады. Вот когда пригодилось собранное нашими вооружениями и тыловиками оружие, подобранное на полях сражений. У нас его оказалось немало: 20 станковых и 25 ручных пулеметов, более пятисот винтовок и автоматов! Это был золотой фонд бригады. Заместитель по тылу капитан Андриец ревностно его берег.

А теперь он ликовал: немалых трудов стоило ему отстоять и сберечь на марше этот груз, занявший несколько машин. Ликовали и наши штабные офицеры: пополнения сколько угодно, есть и оружие!

Из города Сумы и области, из Глухова, Бурыни, Кролевца, из окрестных поселков, с железнодорожных станций, из сел в бригаду шли и шли добровольцы. В большинстве это были молодые, энергичные юноши в возрасте восемнадцати-двадцати лет. Они не проходили медицинских комиссий, да таких комиссий в те дни и не существовало. Каждый из них уверял командиров, что он вполне здоров, и каждый горел желанием скорее зачислиться в часть и получить оружие.

Немало пришло к нам и пожилых людей: секретари райкомов и горкомов, учителя и председатели колхозов, механики и бригадиры, слесари и железнодорожники, врачи, агрономы, трактористы, комбайнеры.

Мы вручали им оружие в торжественной обстановке. Представители нашего политотдела, коммунисты и комсомольцы бригады беседовали с каждым новичком персонально, рассказывали им о боевых делах десантников, о боях за Киев и Конотоп.

Впрочем, убеждать этих молчаливых людей не приходилось. Они видели руины родных селений. Видели наглую и свирепую фашистскую солдатню. Многие из них недавно потеряли родных или

близких. Одна неусыпная дума владела этими людьми — дума о мщении за поруганную Украину.

Когда я вручил автомат пожилому бригадиру колхоза, откуда ни возьмись, прямо из-под моей руки выскользнул маленький, щуплый, вихрастый паренек, в оборванном пиджаке, в заплатанных брюках.

— Товарищ полковник… Что же это за обида? Значит, только у него есть родина, — он кивнул на бригадира, — а у меня, вы думаете, нету?

На щеках у парнишки слезы, он поспешно вытер их рукавом, заговорил всхлипывая:

— Почему всем дают оружие, а мне сказали, не дадут? Вон тот командир, — он указал на старшего политрука Марченко, — так и сказал: не дам. Ты, говорит, ростом маловат, да и года твои не подходят. Так разве ростом воюют, товарищ полковник? Возьмите пощупайте мои мускулы, это же настоящая сталь! Я и по-пластунски переползти сумею, и перебежку сделаю вмиг… А вы, товарищ бригадир? Я ведь вас хорошо знаю: вы из соседнего с нашим села, товарищ Петренко, трое детей у вас — Миша, Коля, Васька… Вам бы кашу солдатам варить, дело это тоже почетное и нужное, а мне, молодому, товарищ полковник, мне ли, Косте Сумскому, на кухне усидеть?

— Хорошо, Костя Сумской, а умеешь ты владеть оружием?

Он удивился вопросу.

— Как же, товарищ полковник, не уметь? Нас в школе военному делу обучали, и еще я занимался в военном кружке. Давайте винтовку или автомат:, сам разберу и соберу, каждую деталь назову по имени и отчеству!

— Что ж, Костя, парень ты, вижу, бравый. Хорошо, получай автомат и помни, какое доверие оказывает тебе Родина.

Он бережно принял автомат, сдернул шапчонку, наклонился и поцеловал его.

Но если Костя действительно отлично знал оружие, этого нельзя было сказать о многих, которые пришли к нам. Трудно было этим товарищам в бою: им приходилось учиться на поле сражения.

Две недели сравнительного затишья, и бригада доукомплектована почти до штата; сколочены в боевом отношении батальоны; назначены из местного партийного актива политработники; из резерва армии прибыли командиры взводов и рот.

Из-за реки Сейм темными осенними ночами к нам прорывались группы солдат, выходившие из окружения. Среди них было много

украинских коммунистов, и почти все они свято сберегли свои партийные билеты. После проверки их зачисляли в состав бригады, которая вела боевые занятия, используя каждый свободный час.

В селах, где мы стояли, люди просили только об одном: не уходите. Местные власти и крестьяне обеспечивали нас продовольствием сверх всяких норм. Бойцы и офицеры были окружены вниманием и заботой населения. «Не уходите, родные…» Я постоянно слышал этот шепот, мольбу, крик. Но мы — солдаты, и обязаны подчиняться приказу. Мы снова и снова снимались и молча шли на восток.

В начале октября, в осеннюю распутицу, когда, как говорится, разверзлися хляби небесные, когда проселки превратились в сплошную бесконечную трясину, мы за день совершили бросок более чем в сорок километров и заняли оборону от Коренева до села Снагость.

Утром 13 октября к домику, в котором я остановился, подкатила повозка. В комнату вошли двое: рослый седой старик в поношенном пальто и примятой шляпе и сравнительно молодой мужчина в кожаной куртке и высоких сапогах. Они отрекомендовались: секретарь райкома Федоренко и председатель колхоза Сидорчук.

Я взглянул на их документы и пригласил гостей к столу. Они сняли фуражки и присели напротив меня. Лица их были усталы, глаза красные от бессонницы.

— Не думал я, Александр Ильич, — сказал Сидорчук, — что вы нас так сразу и примете…

— Как видите, у меня даже нет приемной. Так что посетителям негде ждать.

Сидорчук улыбнулся.

— Верно. Однако у вас достаточно и своих дел.

— Мы с вами коммунисты, товарищ Сидорчук, и каждое ваше дело — одновременно и мое дело.

Председатель наклонил голову:

— Отрадно слышать хорошие слова.

Федоренко заговорил озабоченно:

— Что делать, Александр Ильич, — дайте совет, и мы вас послушаем… У нас около 500 тысяч пудов зерна, это семенной фонд колхозов. Много скота… Сельскохозяйственные машины. В магазинах на два миллиона рублей ценных товаров… Куда все это спрятать, как уберечь? Насколько нам известно, вы этой ночью уйдете на восток. Неужели такое богатство должно остаться немцам? Помогите нам отправить скот, зерно, товары в тыл!..

Я невольно задумался: что им ответить? Конечно, я должен был сказать им только правду, как бы она ни была горька.

— Хорошо, товарищи, куда же мы отправим это богатство?

Они переглянулись. Федоренко нахмурил седые брови.

— Вы — человек военный. Вам это лучше знать.

— Я говорю с вами чистосердечно: сегодня мне приказано занять оборону в районе Липовца. Это, примерно, семьдесят километров отсюда на восток. Вы представляете. Семьдесят километров!

И снова они переглянулись. Бледнея, Федоренко сказал:

— Мы ничего не успеем сделать. Даже если бы вы помогли.

— Не подумайте, что мне легко, товарищ Федоренко. Но единственный выход в данной ситуации — уничтожить все.

Секретарь райкома уронил седую голову на грудь:

— Уничтожить!.. Это, Александр Ильич, просто сказать. Мы ведь своими руками все наживали, по зернышку собирали такое богатство, а теперь… уничтожить! Скажите, заметили вы прошлой ночью в селе, на огородах, людей? Мы-то их заметили. Женщины, дети, старики и старухи таскали на поля, на огороды муку в ящиках, зерно и зарывали в землю. Многим из них помогали ваши солдаты. И это понятно: все с нашей отступающей армией не уйдут. Кто-то останется, и нужно будет чем-то жить. Вот они и делают запасы. Что ж, они их наживали. Пусть берут… Однако что делать с нашим семенным фондом? Полмиллиона пудов! Сжечь…

Он вдруг затрясся от рыданий.

— Да, только сжечь.

Мы простились на крыльце. Где-то неподалеку равномерно выстукивал очередь пулемет. Сеял дождь. У домика покачивался на ветру фонарь, и стекла его были заплаканны.

Я не ожидал, что через сутки еще раз встречу Федоренко и Сидорчука. Они не ушли в Коренево. Не успели. Я сам вручил им автоматы и позже видел обоих в боях.

…По данным штаба 40-й армии нам было известно, что войска противника заняли Глухов, Крупец, Рыльск и форсировали реку Сейм. Их мотоколонны двигались в направлении Льгов — Курск.

С вынужденным отходом наших войск в глубь страны, как и недавно при вражеской осаде Киева, среди местного населения стали распространяться самые фантастические слухи. Некоторые из них вызывали у бойцов только усмешку. Другие заставляли призадуматься. Третьи настораживали, будили ярость и гнев.

Дряхлая старушка, которой удалось каким-то чудом выбраться из

Глухова, клялась, что видела рогатых немцев.

— Это в каком же смысле бабушка, рогатые они? — допытывался смешливый солдат.

— А так, сыночек, и есть: рога, будто у барана, и назад торчат!

— Значит, в сторону Германии?

— Истинно, сынок!

— Дело понятное, — шутил солдат. — Там ведь, в Германии, женки этих фрицев остались… Поняла, бабуся?

Молодой учитель рассказывал, что в Глухов прибыл какой-то помещичий отпрыск и заявил о своих правах на землю. Этого отпрыска ночью пристрелил кто-то из местных партизан, но в обозах немцев следовали десятки белоэмигрантов, они становились комендантами городов, начальниками полиции, агентами гестапо и без разбора мстили населению, не жалея ни женщин, ни детей.

Это уже было похоже на правду. По крайней мере, мы имели сведения, что в Конотопе в гестапо рьяно подвизалось отребье белогвардейщины и кулачья, а в наших западных областях помещики снова устанавливали барщину.

Один офицер уверял меня, что вслед за войсками противника движется целый сонм попов. Я не поверил: этим ли еще ввязываться в войну? Но 20 октября в Липовце, что юго-западнее Курска, комиссар Чернышев сообщил мне новость. Наши разведчики, возглавляемые лейтенантом Яровым, задержали священника с крестами в мешке и с пистолетом за поясом брюк.

Озадаченный, я приказал вызвать Ярового. Он явился через пятнадцать минут, бросил на скамью увесистый вещевой мешок:

— Это амуниция благочинного.

Я осмотрел мешок: он был сшит специально, с наплечными ремнями для носки на спине.

— А что в нем?

— Всякая всячина, товарищ полковник. Разрешите открыть?

Он вынул из мешка два новых начищенных креста, ризу с подризником, черный халат, камилавку, два евангелия разных размеров, пакет, полный денег.

— Здесь ровно пятнадцать тысяч рублей, товарищ полковник, — усмехнулся Яровой, подавая мне пакет, — Божий посланец странствовал безбедно!

— Это и все его имущество?

Яровой порылся в уголке мешка и положил на стол горсть патронов от пистолета «вальтер».

— Теперь все. Учтите, его пистолет был заряжен.

Я подумал, что некоторые слухи, как видно, были не лишены оснований.

— Где же вы его взяли, Яровой?

— С помощью Машеньки из Мышеловки задержал. Машенька теперь стала разведчицей. Мы находились в селе Солдатском и уже собирались уходить, как вдруг подходит ко мне этакий немощный старичок. «Товарищ командир, — говорит, — я должен сказать вам по секрету, что в нашем селе появился подозрительный человек. Только дайте слово: вы никому не укажете на меня?» Я дал старичку слово. «Хорошо, — говорит, — смотрите, вот, пятый дом слева. Там живет набожная вдовушка. Этот подозрительный у нее ночевал. Священник он, а только речи ведет подлые: германская армия, говорит, обязательно выйдет победительницей; капут, говорит, советам, а вы, люди добрые, готовьте хлеб-соль, чтобы наших освободителей-немцев встречать»… И я, и Машенька тут же позабыли об этом старичке, бросились к дому вдовушки. С нами были еще два автоматчика: мы оцепили дом, а Машенька постучала. Ей не отозвались. Тогда она открыла дверь и вошла. Минут через пять выбегает и говорит: «В доме — ни души. Хозяйка ушла куда-то. Но подозрительны мне показались мужские валенки под кроватью. Похоже, кто-то там лежит».

Я послал в дом разведчика Петрова. Через минуту слышим условный свист. Вбегаем в дом и видим: Петров вцепился в огромный валенок и не может вытащить его из-под кровати. Вдвоем мы вытащили на свет божий здоровенного дядьку с крестом на груди. Полы его пиджака распахнулись, я заметил колодочку пистолета. Вот он, этот пистолет.

Яровой положил на стол новенький средних размеров «вальтер».

Меня заинтересовал этот церковный «деятель».

А пока Яровой ходил за благочинным, в комнату, возбужденный и злой, вбежал Чернышев.

— Слышали, какие трюки гитлеровская пропаганда выбрасывает? Целую стаю попов запустила для разложения наших тылов.

— Слышал, Федор Филиппович. Сейчас мы посмотрим на такого пропагандиста.

Поп Аркадий оказался рослым, несколько сутулым мужчиной лет сорока пяти. Лицо одутловатое, под глазами мешки. Взгляд у него был цепкий и осторожный; руки холеные, хотя и грязные; волосы пострижены под кружок.

Он шагнул через порог, взглянул по углам и занес руку, чтобы

перекреститься, но хозяин дома икон не держал, и поп Аркадий смиренно опустил руку.

— Откуда прибыли, благочинный? — насмешливо спросил Чернышев.

Поп Аркадий вздохнул, уставился взглядом в потолок.

— Пути господни неисповедимы…

Я резко оборвал его;

— Хватит!.. Отвечайте на вопросы, И говорите правду, иначе…

Он насторожился.

— Что… «иначе»?

— Иначе вы будете расстреляны как фашистский шпион.

Поп Аркадий выпрямился, спокойное, смиренно-благостное выражение сошло с его лица.

— Если вы касательно пистолета, поверьте, это дело случая…

— Отвечайте на вопросы, — оборвал его комиссар.

— Откуда вы прибыли?

Он потупился:

— Из немецкого города Котбус.

— Кто вас послал?

— Это было еще перед началом войны. В Котбусе немецкие власти собрали группу православных священников из разных городов и разъяснили нам, что мы, как только начнется война, должны следовать за немецкими войсками и восстанавливать во всех занятых немцами селах и городах богослужение.

— Только ли богослужение? — быстро спросил комиссар.

— Да, только…

Федор Филиппович резко встал из-за стола:

— А в отношении Советской власти что вам было приказано говорить?

Поп Аркадий метнул на комиссара зоркий, прищуренный взгляд:

— Вы… знаете?

— Знаю.

— Верно. Нам было приказано вести богослужение против коммунистов и призывать мирян не оказывать сопротивления завоевателям.

— Вы это исполняли?

— Так…

— Почему же вы оказались впереди наступающих немецких войск? — спросил я. — Разве и это входило в вашу задачу?

— Да, входило.

— Рассказывайте подробней.

— Нас обязали при каждом удобном, случае проходить в тылы советских войск.

— И вести агитацию?

— И нести слово божье.

— С пистолетом за поясом?

Он быстро взглянул по сторонам, взял стул, резко его придвинул, сел; одутловатое лицо его приняло надменное выражение.

— Чему вы удивляетесь, командиры? Тому, что священнослужитель участвует в войне? А разве этого не было во веки веков? Разве не сказано в священном писании: и возрадуются кости, тобою сокрушенные?

— Сколько ты получил от немцев? — негромко спросил комиссар. — Сколько серебреников… Иуда?

Поп Аркадий протянул руку, не спрашивая разрешения, взял из моего портсигара папиросу, закурил.

— Господа командиры… — начал он мягко, пристально глядя мне в лицо, обернулся, глянул в лицо комиссару. — Слушайте меня: я смогу быть вам полезен. Ваше дело проиграно. Слышите? Вы проиграли войну. Единственное, что у вас остается: перейти на сторону сильного. Вас встретят с уважением и почетом. Не теряйтесь. Еще не поздно. Я буду вашим проводником…

Мне удалось вовремя отвести в сторону руку комиссара. Он стукнулся локтем о стол и сразу же выпрямился, тяжело дыша, бледный, с горящими гневом глазами.

Я кликнул часового и указал ему на попа.

— Уведите в штаб корпуса. Будьте внимательны: это матерая сволочь…

Некоторое время мы молча сидели у стола. Чернышев медленно поднялся, тяжело опустил руки:

— Извините, Александр Ильич… Не сдержался.

— Не волнуйтесь, комиссар. Думаю, «отец Аркадий» еще расскажет много интересного.

Трудным был путь бригады по осенним русским степям в непогодь из района Ворожбы до Тима. Мы отходили в сутки не менее чем на пятнадцать километров. Двадцать суток непрерывного отступления. Триста километров пройденного горького пути. Немецкие дивизии преследовали нас по пятам. Как правило, днем мы отражали атаки противника, а ночью совершали марш на восток, до нового оборонительного рубежа.

То, чего так настойчиво добивалось гитлеровское командование, не случилось. Оно хотело остановить наш корпус, завязать серьезные бои, окружить его и уничтожить.

Уже не менее десятка раз «клещи» противника, его танковые подразделения и части мотопехоты вытягивались, чтобы охватить нас с флангов и зажать, но это у немцев не получилось. Корпус успевал свернуться и выскользнуть из клещей. Затем повторялась та же картина: днем — бой, ночью — отход.

Я все пристальней всматривался в лица бойцов и офицеров. Откуда у этих людей такая железная воля, такая стойкость и мужество? Я не помню ни жалобы, ни упрека. Они знали, что значит приказ, и верили, вопреки всем нашим неудачам, потерям, разочарованиям, верили в победу. Слово и воля партии соединяли их в такой поистине чудесный сплав, которому не ржаветь ни в слякоти осенних дорог, ни в тяжелой распутице огорчений.

Ночами, при отходах, мы оставляли небольшую группу прикрытия во главе с офицером на старом рубеже. Задача прикрытия, мы знали это, была, по существу, невыполнима. Против горстки наших бойцов действовали крупные, отборные соединения врага. Как удержать эти соединения маленькому отряду смельчаков?

Но смельчаки-десантники выполняли задачу. Бригада успевала оторваться от противника и занять новый участок обороны.

Мы не надеялись снова увидеть своих храбрецов, и сами они знали, на что идут: их оборонный рубеж был рубежом смерти. Но бывалые воины неспроста говорят, что смелости и отваге сопутствует удача. Скопища немцев часами топтались перед нашей слабенькой обороной, развертывали крупные силы для удара, вызывали танки и бронетранспортеры, теряли десятки солдат от огня наших пулеметов, а потом, ворвавшись в наши окопы, не обнаруживали там никого.

Через два-три дня, через неделю солдаты группы прикрытия догоняли бригаду. Мы с ними простились, но они, отважные, были живы! Мы клялись за них отомстить, но они и сами выполняли великую клятву мщения.

24 октября наша разведка доложила, что мост через реку Сейм в районе Шумаково взорван.

Для нас это было полной неожиданностью. Почему же наши подрывники не подождали, пока переправится корпус? Неужели в штабе 40-й армии забыли о его существовании?

Вслед за нашей бригадой тянулась на машинах артиллерия. Как быть теперь с нею, если и брода, — об этом тоже уже доложили

разведчики, — поблизости не оказалось?

Позже мы узнали, что группа саперов, получившая задание пропустить наши отступающие части и с приближением противника подорвать мост, допустила нелепую, непростительную ошибку. Саперы приняли нашу разведку за наступающих немцев. Мост взлетел в воздух перед машинами наших разведчиков!

Было до горечи обидно, однако что же делать? Факт остается фактом. Нужно было немедленно восстанавливать мост.

Моторизованная пехота противника не давала нам ни часа передышки. Как только движение колонны замедлилось, немцы стали разворачиваться для атаки. Мы вынуждены были принять бой в очень невыгодных для нас условиях.

Батальон капитана Александра Наумова занял оборону западнее населенного пункта Шумаково. Задача — обеспечить переправу бригады через Сейм. Десантники Наумова быстро зарылись в землю, а наши саперы принялись за работу. Но гитлеровцы, конечно, не стали ждать.

Во второй половине дня передовые подразделения вражеской мотопехоты двинулись в атаку. Немецкое командование рассчитывало, что его передовому отряду удается с ходу прорваться к мосту. Десантники подпустили атакующих на близкое расстояние и только после сигнала Наумова открыли огонь.

Через несколько минут отлогие склоны Сейма были сплошь усеяны трупами вражеских солдат и офицеров. Остатки их передового отряда откатились на исходные рубежи.

Нужно отдать должное саперам: каждый из них работал за десятерых. Стоя по пояс в ледяной воде, они поднимали новые деревянные опоры, крепили раскоски, заводили балки. Некоторых сносила быстрина: не роняя инструмента, они добирались до берега вплавь и снова занимали, свое рабочее место. Только один человек, их командир, допустил ошибку, но все они чувствовали себя виновными. Я никогда не видел такого жаркого, героического аврала.

А гитлеровцы, казалось, были удивлены нашим решительным отпором у переправы. Подтянув части, они снова предприняли атаку на батальон. Каким-то трем десяткам вражеских солдат удалось добежать до окраины Шумаково. Но только до окраины. Дальше они не прошли.

Обозленное неудачами и крупными потерями, командование немецкой мотопехоты вызвало авиацию. Над боевыми порядками батальона появилась шестерка «фокке-вульфов». Она пронеслась на

бреющем полете, поливая окраину деревни из пулеметов, потом развернулась, несколько набрала высоту и стала вести пушечный огонь. Пехота противника снова рванулась к мосту и снова отползла, оставляя на склонах, на осыпях, в руслах ручьев десятки убитых и раненых.

Уже смеркалось, но бой нисколько не затихал: враг стремился во что бы то ни стало овладеть пунктом Шумаково и выйти на этом участке к Сейму. Теперь он атаковал при поддержке пяти или шести батареей артиллерии, и я начинал тревожиться: устоят ли десантники Наумова?

Мы с Чернышевым находились у моста, когда мимо нас по крутому изгибу дороги пронесся всадник. Конников в составе бригады не было, и мы не знали, откуда он появился, этот лихой кавалерист. Перед группой солдат он вздыбил коня, круто развернулся на месте и помчался в нашу сторону. Мы посторонились с дороги, но конь снова вздыбился, заплясал на задних ногах, а всадник ловко, легко соскользнул на землю:

— Товарищ полковник, разрешите к вам обратиться… к товарищу комиссару!

Так вот кто это был, — теперь я узнал его по фигуре и по голосу, — передо мной стоял навытяжку Костя Сумской!

— Обращайтесь, Костя… Что нового?

Он лихо козырнул, стукнул каблуками новеньких трофейных сапог, достал из шапки аккуратно свернутую четвертушку бумаги, передал ее комиссару.

— Четвертую атаку только что отбили… Фашисты, товарищ полковник, штабелями лежат. Однако пятую все же затевают.

Присвечивая карманным фонариком, Чернышев прочитал вслух донесение комиссара батальона Крылова:

«Немцы возобновили пятую атаку и теперь ведут наступление при поддержке артиллерийского огня и штурмовой авиации. Но мы сумели хорошо зарыться в землю, приспособить отдельные строения для укрытия от огня противника, так что потери имеем незначительные. Думаем, что это последняя их атака. Они вынуждены будут отказаться от безрезультатных атак. К стрелковому оружию у нас осталось мало боеприпасов. Как герои, дерутся бойцы — их пулеметы работают отлично».

— Спасибо, товарищ Сумской, — сказал комиссар. — Где ты раздобыл такую сивку-бурку?

— Конечно, у немцев, товарищ комиссар! — браво доложил

Сумской и щелкнул каблуками. — Лошадь, как видно, из самой Германии притопала: немецкое тавро на крупе выжжено и по-нашему, по-русски не понимает.

Комиссар улыбнулся.

— Где там не понимает: вон как ты пронесся, будто камень с кручи слетел… Но погоди, почему же без седла?

— Такая досталась, товарищ комиссар. Был я в разведке с товарищем. Мы немецкую повозку прямо в степи встретили. На повозке три фашиста. Эту «троицу» мы сняли, а повозку гранатой случайно повредили. Я с детства к лошадям слабинку имею.

Он обернулся ко мне:

— Что прикажете передать комиссару батальона, товарищ полковник?..

— Передайте, товарищ Сумской: стоять на рубеже до моего распоряжения.

— Есть, до распоряжения!..

Он взялся за гриву коня, плавно и легко взлетел на его спину. Вороной только почувствовал уверенного седока, с места рванул галопом под гору.

— Ковбой!.. — засмеялся Федор Филиппович. — Право, настоящий ковбой. А ведь паренек оправдывает свое слово. Комбат уже представил его к награде.

Комиссар батальона Крылов не ошибся: затемно немцы отказались от бесцельных атак. Они, конечно, понимали, что упускают редкую возможность расправиться с десантниками. Прижатые к реке, мы имели единственный выход из положения: стоять насмерть. Но когда мы останавливались, — с нами не так-то просто было справиться. Немцы понимали это.

Ночью мост кое-как был восстановлен. Через него можно было пропускать лишь по одной машине, и то на очень тихом ходу… Вот первая машина осторожно двинулась к восточному берегу; сложное деревянное сооружение заскрипело и закачалось. Прошла вторая машина, третья…

— Переправимся, комиссар!..

Чернышев дернул меня за рукав.

— Тише… Он может от звука рухнуть.

В усталом его голосе я расслышал радость.

От автоколонны к нам подбежал, запыхавшись, офицер. Я присмотрелся и узнал начальника оперативного отделения бригады капитана Зайцева.

— Как видно, товарищ Зайцев с новостями?

Он близко наклонился ко мне, зашептал возбужденно:

— Так точно, товарищ полковник… Интересная новость!

Мы отошли в сторонку, присели на бревно.

— Я к вам из штаба, от майора Борисова… — торопливо рассказывал капитан. — Перед вечером к нам пришли трое гражданских. Все — комсомольцы из села Гутрово. Я сам проверил их документы, — сомнений как будто нет. Говорят, что в их селе и в соседнем селе — Букрееве скопилось много немецких автомашин. Все улицы, огороды, сараи забиты машинами. Охраны — почти никакой: немцы уверены в полной безопасности ночлега. Правда, по улице ходят два солдата: посвистывают да жителей пугают. Комсомольцы рассказывают, что все водители машин разместились на ночевку в крестьянских домах, а солдаты и офицеры расположились в здании школы. Из школы они всех выгнали и объявили, что пока идет война — занятия запрещены…

— Ясно, товарищ Зайцев. Что предлагает начальник штаба?

— Товарищ Борисов предлагает рейд в тыл противника. Комсомольцы из Гутрово согласны стать проводниками. Славные ребята, им верить можно, — нашего человека сразу видно. В Шумаково у них сестры, а у одного — бабушка и брат. «Пойдемте к нашим родственникам, — говорят, — они поручатся, что мы не подведем»…

Теперь я понимал, почему волновался Зайцев: ему не терпелось получить разрешение на этот ночной рейд. Но и меня и Чернышева заинтересовала возможность смелой операции. В автоколонне противника, конечно, имеется бензин, а в нашей бригаде каждый литр горючего на учете.

Мы немедля наметили план ночного рейда. Борисов должен был отобрать группу десантников в сорок человек, включив в нее восемь шоферов. Ночная операция возглавлялась опытным офицером. Отряд, во главе с энергичным и смелым старшим лейтенантом Сабодахом, в сопровождении трех местных комсомольцев, получал сложную задачу. Ни разу еще за время отхода нам не приходилось проводить таких ответственных мероприятий без ведома вышестоящего командира. Однако я верил в успех, а успех зависел от тщательной подготовки бойцов отряда к действиям в условиях ночного времени и в незнакомой обстановке. Возникало множество мелочей, и могло возникнуть еще больше неожиданностей, которые следовало заранее предусмотреть, чтобы избежать напрасного риска.

Старшему лейтенанту Сабодаху задача пришлась по характеру. Не теряя ни минуты, он принялся за дело. Добровольцы явились по первому слову, и не сорок человек — значительно больше, но Сабодах отбирал тех бойцов, которых знал лично. Он разбил отряд на группы и назначил старших групп. Даже отделение тыла было предусмотрено: в него вошли четыре солдата и разведчица — Машенька из Мышеловки.

В числе восьми шоферов оказался и Миша Косолапов. Я не возражал — Михаил давно томился по настоящему делу.

Бойцы, и командиры групп были вооружены автоматами, некоторые — винтовками и ручными пулеметами. Каждому солдату Сабодах лично вручил холодное оружие: нож или кинжал. Кроме того, они получили по три-четыре ручных гранаты, боеприпасы к оружию и по две толовых шашки на случай, если довелось бы что-либо подорвать.

Одетые в легкие десантные куртки, без вещевых мешков, котелков, саперных лопат и другого имущества, уже в девять часов вечера бойцы отряда были готовы к походу. Им предстояло быстро и скрытно пройти по тылам противника около двадцати километров и во второй половине ночи, когда гитлеровцы после очередной выпивки (а прием шнапса, водки, самогона у них давно уже стал обычаем) улягутся спать, в этот «мертвый час» и провести операцию. Командир Сабодах должен был строго рассчитать время, чтобы еще до рассвета отряд

незаметно возвратился в бригаду.

В десятом часу вечера отряд двинулся на выполнение задачи. Борисов, Чернышев и я молча простились с бойцами, крепко пожали им руки. Бесшумно ступая по следу командира, они уходили цепочкой по откосу оврага и вскоре исчезли в темноте.

Мысленно я высчитывал время, когда они доберутся до села. Дорога могла занять у них, учитывая осеннюю распутицу, два или три часа. Затем — бой… Двадцать-тридцать минут, не больше. Затем возвращение. Если им удастся захватить машины с горючим, шоферы примчатся сразу же после боя. В случае отхода пешим порядком, — еще два-три часа на возвращение. В три часа утра, самое позднее — в четыре мы должны были встретить их на своем рубеже. Но разве все предусмотришь в таком походе? Противник на передовой не спит. Он то и дело запускает ракеты, постреливает из автоматов, нет-нет, да и зарычит пулеметной очередью. Он пристально наблюдает и прислушивается, изощренный и хитрый враг…

Я пытался заняться очередными делами, но мысль все время возвращалась к отряду Сабодаха, к моему молодому другу — Мише Косолапову, к Машеньке из Мышеловки. Где они в эти минуты? Все ли у них в порядке?

Три сельских паренька не знают военного дела, а вдруг они ошиблись, не заметили немецкой охраны в селе и у машин? А сама операция, особенно ее первая часть? Удастся ли бесшумно снять гитлеровский патруль? От этого зависело все дальнейшее…

Я заметил: нервничал и Чернышев. Борисов курил одну папиросу за другой и почему-то все время выглядывал в окошко.

Мы все трое думали об одном, но говорить об этом, гадать, строить вслух предположения не приходилось. Мы ждали их возвращения уже с той минуты, когда они ушли.

…События в отряде сначала развивались в соответствии с планом. Через два часа тридцать минут бойцы Сабодаха подошли к селу. Ребята из Гутрова вели их кратчайшей дорогой: они знали здесь каждую кочку. Не потревожив дворовых собак, отряд пересек село и приблизился к школе.

Возле неё, в сторонке от дороги, стояла длинная вереница машин. Вдоль этой темной колонны неторопливо, и равномерно шагали два фашистских автоматчика.

Школа была деревянная, одноэтажная, с шестью окнами и одной дверью. Сабодах шепнул по цепочке, что у каждого окна должны стать по два бойца, пять автоматчиков — у двери. После его сигнала они

должны были выбить в окнах стекла и бросить в классы по гранате и толовой шашке, а группа автоматчиков — открыть огонь по внутренней части здания.

Для начала этих распоряжений было достаточно, другие решения могли возникнуть в ходе боя.

Немецкий патруль остановился у головной машины. Гитлеровцы захотели перекурить. Вспыхнул огонек зажигалки, скользнул по вороненому металлу автоматов. Часовые не знали, что это была их последняя затяжка. Коротко блеснула сталь кинжалов, и оба часовых рухнули на землю. Десантники тут же подхватили трупы и уволокли на огород.

Шоферы бросились к машинам. Одна из них сразу же рванулась с места и загромыхала по глубоким выбоинам улицы. Косолапов выбрал машину побольше, с железными бочками в кузове. Он не сомневался, что в этих бочках бензин, и мысленно уже мчался со скоростью в добрую сотню километров. Но события развивались неожиданней и стремительней, чем предполагал Михаил.

Не успел он выехать из колонны, как грянули разрывы гранат и застрочили автоматы. Гитлеровцы были не только в школе. Они заняли и соседние дома, а многие спали в кузовах машин. Теперь они схватились за оружие.

Началось ночное сражение, в котором только бойцы, окружившие школу, первое время могли свободно ориентироваться: остальные десантники отряда вели бой в гуще автоколонны и в соседних дворах.

Не менее чем двум десяткам гитлеровцев удалось высадить рамы окон и спрыгнуть на землю. Ни один из них дальше не ушел. Те, что остались в здании, тоже были уничтожены. Но у колонны схватка закипала все жарче. Уже горело несколько автомобилей. Взорвалась бочка с бензином, и огонь перекинулся на другие грузовики.

Все же Косолапов завел машину и стал выруливать на дорогу. Очередь из автомата ударила по переднему стеклу, по мотору. Итальянская семитонка СПА будто споткнулась. Мотор заглох. Откуда-то из ночи к машине бросилась группа гитлеровцев. Здоровенный немец рванул дверцу, но в ту же минуту Михаил срезал его из автомата. Он выпрыгнул с другой стороны кабины и стал отходить. Отряд соединился в условленном месте, на огороде.

Автоколонна пылала высоким белым огнем. Гулко взрывались бочки с горючим, и по ветру летели клочья пламени. Хлопали двери соседних домов; фашисты в одном белье выскакивали на улицу и стреляли куда попало. Их косили ручные пулеметы десантников, огонь

автоматов, осколки гранат.

А черной промокшей степью мчалась к переднему краю большая, с грузом бензина, машина, с ходу пронеслась среди окопов врага, слетела по крутому склону и затормозила у моста. Шофер Иван Денисенко был наиболее удачлив: он доставил в бригаду ценный трофей.

Отряд старшего лейтенанта Сабодаха не вернулся, как мы рассчитывали, к четырем утра. Он слишком увлекся боем в Гутрово. Мы ждали. Чутко и напряженно молчала степь. Вражеский самолет-наблюдатель кружился в пасмурном небе за боевыми порядками противника.

К утру мы переправились на восточный берег Сейма. Ни одна машина бригады, ни одна повозка не была брошена на западном берегу. Мост снова взлетел на воздух, — шаткое, хрупкое сооружение, которое все же сослужило нам добрую службу.

И снова на старом рубеже мы оставили для прикрытия отряд беззаветных смельчаков, и немцы на этот раз долго прощупывали его силы, прежде чем перейти в атаку. Мы выиграли несколько часов для занятия новой обороны, и отряд прикрытия вскоре присоединился к нам.

А во второй половине дня из батальона капитана Наумова мне сообщили, что группа Сабодаха с боем прорвалась через передний край врага. В короткой схватке она уничтожила до взвода гитлеровцев и захватила пленных. Ее удар из тыла был настолько неожиданным, что немцы почти не оказали сопротивления.

Я только положил трубку телефона, как в еще необжитую землянку мягко, бесшумно спустился старший лейтенант Сабодах. Голова его была забинтована, сквозь бинт проступала кровь. Но он улыбался веселой и радостной улыбкой, и глаза его блестели.

— Разрешите доложить, товарищ полковник… Мы почти полностью уничтожили вражеский гарнизон в Гутрово и вывели из строя около сотни машин противника. Взяты в плен один фашистский офицер и четыре солдата. Захвачена и приведена в расположение бригады грузовая машина-трехтонка, полностью загруженная бочками с горючим. Наши потери: четверо убитых и трое раненых.

В землянку вбежал Борисов; я видел его таким взволнованным впервые.

— Ну, старший лейтенант, — закричал он и крепко обнял Сабодаха за плечи, — это, скажу вам, была настоящая операция! И какого офицера вы привели… Штабника! Он проклинает день, когда родился.

И говорит, что вы уничтожили около двухсот фашистских солдат…

Коренастый крепыш Сабодах был заметно смущен.

— Если кто и отличился в этом ночном бою, так это Машенька из Мышеловки. Под градом пуль она вынесла с поля боя раненого сержанта Бугрова. Потом оказала помощь еще двум нашим раненым, а когда к ней бросился фашист — уложила его из пистолета. Товарищ полковник и товарищ начальник штаба! Я не видывал таких отважных женщин. Правду скажу вам, я раньше относился к женщинам свысока. Но перед этой Машенькой, право, готов стать на колени. Она все время была в бою, в самом центре схватки. Как она бросает гранаты! Как вражеский автомат подхватила и стала гитлеровцев косить, тех, что к автоколонне сбежались!

Борисов улыбнулся.

— И вам она перевязку сделала?..

— Да, мне тоже. Но я не считаю себя раненым. Только царапина пулей у виска… Кроме Машеньки, особенно отличились в бою сержант Федор Бугров и боец Иван Буланов. Они ворвались в школу, очистили от немцев коридор, даже побывали в классах…

— Товарищ майор, — сказал я начальнику штаба, — оформите материал на представление к правительственным наградам солдат и сержантов отряда старшего лейтенанта товарища Сабодаха…

А Миша Косолапов сокрушался:

— Эх, товарищ полковник, ну что за планида у меня? Представьте: сижу в машине, держусь за баранку, мотор тарахтит… Автомат на коленях — да я и забыл о нем в ту минуту. Машина трогается. Выруливаю на дорогу. Порядок! Дам сейчас скорость самое меньшее — километров сто! Десять минут — и я в бригаде. Понимаете, я уже вроде бы мчался с этой скоростью. И — на тебе! — автоматная очередь по мотору, по стеклу. Пуля шапку пробила, но это я заметил позже… Главное — мотор сразу же заглох. А тут еще верзила дверцу рванул, автомат у него в руках. «Фернихтен! — кричит, — Русс, фернихтен»… Я это слово немецкое знаю: «фернихтен» — значит уничтожить. Полоснул я его из автомата и из кабины долой… И жалко до слез, товарищ полковник, — машина ведь семитонная, марки СПА!

— Что же делать, Михаил! Придется выжидать другого случая, повернее…

— Но как нам нужен бензин, товарищ полковник! Эх, Косолапов, Косолапов, еловая ты голова!

Пленный немецкий офицер представлял жалкое зрелище: на мундире знаки СС, пониже нагрудного кармана железный крест, в

кармане в золоченой обложке билет члена национал-социалистской партии, а дряблая физиономия вся передергивается от страха, руки дрожат.

Я спрашиваю:

— Почему вчера вы вдруг прекратили атаки? Вы ведь знали, что мост взорван и мы прижаты к речке?

— Да, мы знали это, — бормочет он, жадно отхлебывая из стакана воду, и зубы его стучат о стекло. — Мы были удивлены: почему русские взорвали мост перед своими? Потом мы поняли: ваше командование оставляет смертников. Все русские, что остались на западном берегу Сейма, будут сражаться до последнего человека. Но мы не думали, что вы начнете восстанавливать мост. Мы ждали подкреплений для решительной атаки.

— Разве у вас было мало сил?

— На участке моста наступал наш мотомеханизированный полк. После пяти атак он потерял половину личного состава. Командир полка попросил у штаба дивизии подкрепление. Ему ответили насмешкой:

— Может быть, вас на руках перенести через Сейм?

— Но я понес очень большие потери! — кричал в телефонную трубку наш командир полка. — Умоляю, пришлите танки!..

Командир дивизии ответил:

— Русские не могут оказать серьезного сопротивления. Деритесь сами и сегодня же возьмите мост…

Пленный снова отхлебнул воды.

— Подкрепление нам прислали только к вечеру. Но у нас осталось очень мало солдат и считанные офицеры. Поэтому командир полка отказался от бессмысленных атак…

— Почему же вы оказались не на передовой, а в селе Гутрово? — спросил Борисов.

— Я был послан встретить автоколонну. Она доставила горючее для танков. Но теперь этой автоколонны нет. Она уничтожена вашей разведкой… Послушайте, господа офицеры, я навоевался.

Он встал и неожиданно произнес торжественно:

— Гитлер — капут…

И я, и Борисов невольно засмеялись.

— Господин офицер, — сказал я пленному, — при обыске у вас найден немецко-русский разговорник. Вот он у меня в руках. Здесь имеются такие фразы: «Стой! Куда идешь?», «Ты арестован», «Ты обязан кормить завоевателей», «Если ты не сделаешь этого, я тебя

расстреляю», «Мы, германская раса, непобедимы». Но в этом словаре нет такого лозунга: «Гитлер — капут». Почему же почти все пленные отлично знают этот лозунг?

Он тяжело опустился на стул; дряблые щеки его покраснели.

— Так начинают думать многие немцы.

— Но ведь вы — идейный фашист! Вы — член национал-социалистской партии.

— Идейный! Просто в сегодняшней Германии так легче жить. Я свалял дурака. Черт меня понес на Восточный фронт… Я совсем неплохо жил в Италии. На Украине я впервые понял, что такое ненависть народа. Нас ненавидят и презирают даже малые дети. Да, мы захватываем все новые села, станции, города. Но позади нас — море ненависти. Мы захлебнемся в нем. Я это понимаю. Поэтому я говорю: Гитлер — капут…

Отход, начатый 16 октября 1941 года из района Коренево — Снагость — Любимовка, продолжался. В течение пятнадцати суток бригада вела бои на всех новых рубежах. В Любимовке, Локинской, Судже, Малом Каменце, Паники, Верхнем Дубовце, Тереховке мы отбивали яростные атаки пехоты и танков противника. Несколько раз над нами снова нависала угроза окружения. Однако никто из наших офицеров и солдат не помышлял о выходе из «клещей» врага мелкими группами. Коллектив бригады по-прежнему оставался сплоченным. В каждом селе к нам шли добровольцы — и стар, и млад… Для них не хватало оружия. Поэтому многие добровольцы получали винтовки лишь во временное пользование. Они должны были добыть себе трофейное оружие в боях. И они его добывали.

Мне помнится единственный случай, когда два разведчика сознательно не возвратились в часть.

Это произошло в селе Паники, южнее Курска. Сержант Сидоренко и два бойца ушли в разведку в ближайшие села… Через сутки сержант возвратился один.

Случай показался мне и необычным, и тревожным, и я вызвал Сидоренко в штаб.

— Не волнуйтесь, сержант. Расскажите подробно, как это произошло.

Стройный чубатый украинец с задумчивыми глазами опустил голову и некоторое время молчал.

— Неужели, Сидоренко, они убежали от вас? Бросили одного в расположении противника и убежали?

Он поднял голову; в глазах его поблескивали слезы:

— Нет, они уговаривали и меня. Куда мы идем, говорят, братишка, и сколько будет продолжаться этот гиблый путь? Полковнику до его оренбургских степей далеко. Пускай он идет с земляками, а наша родина — Украина. Матери наши, братья и сестры здесь, в Сумской области, остались. И нам здесь оставаться, братишка, и если доведется умереть, умрем на родной земле.

Я лично знал Швеца и Потапенко. Это были смелые бойцы. Не имел оснований назвать их предателями, трусами. В этом следовало разобраться обстоятельно, спокойно.

— Что скажете, Владимир Александрович, — спросил я начальника штаба. — Кажется, вы тоже знаете этих ребят?

— А что скажет о них сержант? — спросил Борисов, — Хорошие были разведчики, товарищ Сидоренко?

Сидоренко прямо смотрел мне в глаза.

— Можете наказать меня, товарищ полковник. Я отвечаю — мои солдаты ушли от меня. Только скажу вам правду: наши это люди, советские, и врагу они не станут служить. У каждого из них на счету по два десятка фашистов. А почему сбежали? Кручина замучила, товарищ полковник: больно с родной земли уходить. Они сказали, что уйдут к партизанам: те, мол, воюют, а мы отступаем. Если бы, говорят, наши в наступление перешли, тогда наше бегство было бы предательством и позором. Но бригада все время отходит, а мы хотим воевать. Эти слова они и просили передать вам, товарищ полковник…

Я отпустил сержанта. Пожалуй, он и не заметил, как уколол меня словом. Да, больно с родной земли уходить, и мне ли не понимать этого?

…Значительно позже, отвоевывая землю Украины, мы получили из партизанских соединений дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака радостную весть. В его частях сражались наши десантники, многие из тех, что оставались в славных отрядах прикрытия, отважные воины, которых мы не надеялись увидеть никогда. Среди них оказались и наши разведчики Потапенко и Швец…

Жесткая оборона. Володя из Тима. Танковая атака отбита. Наш корпус становится дивизией. Мы готовимся к бою… Начало действий. «Катюша». У раненых. Ошибочное сообщение. Снова Машенька… Мы под развалинами.

Деревня Кузькино вблизи Тима… Серые бревенчатые домики. Грустные, обнаженные сады. Непролазная грязь. Дождь, Ветер…

Здесь расположился штаб нашего корпуса, и мы с комиссаром прибыли сюда за получением новых указаний.

Уже около месяца мы не виделись с нашим комкором полковником Затевахиным. Что скажет наш комкор, каковы новости и планы в отношении бригады?

Нам было ясно, что не только наша, но и 212-я и 6-я воздушно-десантные бригады остро нуждались в усилении артиллерией и танками. За двадцать пять суток почти непрерывных боевых действий от района Ворожбы до Тима мы не получали ни обученного пополнения, ни вооружения. Но, главное, мы не имели танков и артиллерии. Поэтому вести организованный бой в тесном взаимодействии со стрелковыми дивизиями, которые располагали артиллерийскими полками и танками, нам, десантникам, зачастую было невозможно. Нередко нас и перебрасывали «в пожарном порядке» с места на место, чтобы затыкать «дыры» на разных участках фронта.

Находясь в таком положении, мы не имели возможности организовать противотанковую и противовоздушную оборону, и комкор Затевахин должен был это понять.

Мы встретились в тесной крестьянской избушке, и я удивился виду нашего командира: за этот месяц он постарел лет на пять. Спокойный и, как всегда, внимательный, он выслушал нас и сказал:

— Что ж, если выполнить все ваши пожелания, — воздушно-десантный корпус превратится в стрелковую дивизию. Значит, бригады корпуса станут полками, а мы, парашютисты, самой обычной пехотой… Правда, десантников у нас остается все меньше. Многие, очень многие выбыли из строя. В ходе войны до сих пор не было возможности использовать их по специальности. Когда предоставится эта возможность? Очевидно, при нашем генеральном наступлении. А пока нам придется сражаться в общевойсковой семье.

— Извините, Иван Иванович, — спросил я напрямик, — мне интересно знать, как вы рассматриваете эту перспективу?

— Конечно, — сказал он, — только с точки зрения максимальной пользы нашему делу. Если мы станем стрелковой дивизией, получим артиллерийский полк, танки, батальон связи для управления войсками и другие дивизионные подразделения, мы будем намного боеспособнее. Я люблю наше десантное дело и ценю славные традиции наших парашютистов, но… сейчас я за стрелковую дивизию. В этой обстановке.

Исходя из указаний штаба, 40-й армии, комкор поставил бригадам

следующие задачи: 212-я воздушно-десантная занимает оборону на западной окраине сел Верхомостье — Кировка, 6-я воздушно-десантная бригада выдвигается западнее Тима вперед на 6–8 километров, она займет оборону в деревне Становое и прикроет дорожные направления Курск — Тим и Щигры — Тим. Эта бригада выдвигается вперед, как бы в роли отряда прикрытия, с задачей своевременно предупредить от внезапного нападения противника. 5-й воздушно-десантной следует перейти к жесткой обороне на рубеже Становое — Тим — Ливенка — Второе и Третье Выгорное — Черниковы Дворы — Верхосеймье.

Поздно вечером я и комиссар возвратились в город Тим. Ночь обещала быть спокойной. Кажется, впервые за месяц мы имели возможность поспать на чистых постелях до самого утра.

Домик, в котором нас поселил комендант бригады, был новенький, чистенький, аккуратный. От него еще пахло свежим тесом, и полы в первой комнате хозяева не успели покрасить. В столовой на шкафчике приятно шумел самовар… Пожилая приветливая хозяйка — Вера Яковлевна — и ее сын Володя, рослый мальчонка четырнадцати лет, встретили нас радостно, предложили умыться, пригласили за стол.

Нет, не месяц, с самого начала войны мы не были в такой обстановке: чисто, уютно, светло. У стены — полка, полная, книг, на столе самовар, и на тарелке горка душистых блинов… Из репродуктора льется мелодия Чайковского.

Хозяйка, сидела с нами за столом и рассказывала о муже:

— Ушел на войну еще в первые дни. Его не вызывали в военкомат: сам пришел, упрашивал и добился. Сейчас проходит службу, при армейском хирургическом госпитале: Мне тоже приходится воевать… С Володей. Спит и в армии себя видит, и каждый день слышу от него: «Мама, я уйду в действующую, армию и вместе с папой буду бить фашистов».

— Что ж, паренек: он физически развитый, — заметил комиссар. — Такому автомат в руки, вот и боец!..

Володя покраснел от удовольствия, ясные синие глаза его заблестели. Женщина продолжала с грустью:

— Мы совсем недавно выстроили этот домик. И как назло — война. Только бы жить народу, — нет, выискались гитлеры; все, что потом и мозолями нашими добыто, — уничтожают, ни старых не щадят, ни детей. Я мать, и каждой матери жаль своего ребенка, но я понимаю Володю и не смею его удерживать. Если это можно, Александр Ильич, возьмите его в свою часть. Он будет хорошим

солдатом, а я вас буду благодарить.

— Но если с Володей что-нибудь случится… Это война. И пуля не разбирается в возрастах.

Она глубоко вздохнула, задумчиво посмотрела на сына:

— Я думала и об этом. Но есть опасность, которая страшнее смерти. Говорят, что гитлеровцы уже захватили Курск. От нас это очень близко. Если они ворвутся и в наш городок и станут гнать молодежь в Германию, в неволю, я думаю, лучше умереть в бою, чем немецкому псу-помещику или фабриканту прислуживать.

— Нет, Вера Яковлевна, мы будем драться за Тим, и не так-то просто заставить нас уйти отсюда.

— Я тоже очень прошу вас, товарищ полковник, — робко заговорил Володя. — Я комсомолец… Ну, что ж, если для армии годами не вышел. Ведь самое главное не годы, а желание драться с врагом!

Мне нравился этот мальчик с решительным взглядом синих глаз, с убежденностью, с желанием казаться взрослее, с любовью к оружию, которую я не мог не приметить. Он попросил разрешения и быстро, умело разобрал мой автомат, почистил его, смазал, собрал; руки его двигались безошибочно и ловко, и я невольно вспомнил некоторых солидных товарищей, которые недавно пришли в бригаду и смотрели на автомат, как на головоломный ребус.

Я согласился:

— Хорошо, Вера Яковлевна, если положение осложнится и нам придется оставить город Тим, Володя уйдет с нами. Я тоже верю, он станет доблестным солдатом… Итак, договорились: в соседнем доме остановился наш политрук — Савелий Никитич Ржечук. Я поручу ему Володю.

Как они оба обрадовались, мать и сын! А ведь они знали, что солдатская доля нелегка, и видели наши обозные повозки, полные раненых, и понимали, что мы не досчитаемся многих в своих рядах.

Мог ли я подумать в те минуты, что это был мой первый и последний разговор с Володей и что застенчивый синеглазый мальчик, не успев стать солдатом, проявит себя как герой?

Судьбы людей на войне складываются и неожиданно, и разнообразно. Я вспоминаю этого мальчика и сейчас. Уверен, что любая мать могла бы гордиться таким сыном.

Однако, сохраняя связь во времени, я расскажу о Володе ниже. В тихом городке Тим нас ожидали «громкие» события. Впрочем, мы не особенно доверяли тишине.

Утром комиссар Чернышев отправился в батальон капитана Никифорова, который занимал оборону во Втором Выгорном. Борисов остался для управления бригадой в штабе, и мы с батальонным комиссаром Иваном Степановичем Зеленюком, из политотдела 40-й армии, решили навестить наш правый фланг.

На северной окраине города из-за новых построек до моего слуха донесся дробный гром колес о булыжник и топот копыт. Я выбежал на перекресток. Навстречу мне мчались на полном галопе две пары лошадей. Я сразу узнал упряжки из хозяйства нашей 6-й бригады. Но почему они направлялись не в сторону Тима, а куда-то в обход города? Я стал посреди улицы и поднял руку. Разгоряченные, взмыленные кони вздыбились в трех шагах от меня. Молодой артиллерист в звании лейтенанта доложил растерянно:

— Следом за мною движутся немецкие танки. У меня ни одного снаряда. Поэтому приказано отходить.

— Немедленно разверните орудия против наступающих немецких танков, — приказал я. — Боеприпасы возьмите на батарее, которая стоит на соседней улице. Это батарея капитана Кужеля. Передайте ему мое распоряжение.

В полутора километрах от города на широком и ровном поле немецкие танки развертывались для атаки Тима. Их можно было отчетливо рассмотреть в бинокль. Стрелять на такую дистанцию прямой наводкой из 76- миллиметровых пушек было, конечно, бесполезно. Других средств подавления бригада не имела. Ясно, что мы могли рассчитывать только на те артиллерийские системы, которые у нас имелись.

Я оглянулся вокруг. Метрах в 150 от дороги был расположен наблюдательный пункт командира батареи старшего лейтенанта Комоля. Мы подошли к нему. Ладный осанистый офицер приветствовал нас сдержанно, четко и, как показалось мне, торжественно. Я спросил:

— Танки идут на вашу батарею… Что вы намерены делать?

Комолы выпрямился, козырнул.

— Заверяю вас, товарищ полковник… Ни один орудийный расчет моей батареи не отойдет ни шагу назад. Мы допустим вражеские танки на прямой выстрел и будем уничтожать их наверняка!

— Правильно, товарищ Комоль: если вы их не уничтожите, — они уничтожат вас. Однако нам придется остаться на батарее, — сейчас нельзя отходить.

— Я рад, товарищ полковник: сейчас вы увидите, как работают мои

мастера артогня!..

Воздух всколыхнулся от гула бомбардировщиков; в окнах домика, у которого мы стояли, зябко задрожали, заныли стекла; девятка вражеских самолетов плавно разворачивалась над северной окраиной Тима, нависая над батареей Комоля.

Мы одновременно спрыгнули в неглубокий окоп, слыша знакомый, нарастающий свист бомбы. Дрогнула, покачнулась земля, и стало темно, как ночью. Бомба разорвалась рядом с окопом, обрушив его стенки, присыпав нас комьями глины. Пыль медленно рассеивалась, гул самолетов переместился, — они заходили на западную окраину города. Я успел подумать: «А что же с орудийными расчетами Комоля? Кажется, фугаска рухнула прямо на батарею». Но из соседнего окопа кто-то закричал:

— Танки идут!.. Они близко… Товарищ полковник, вам нужно отходить!

Мы выбрались из окопа.

— Куда отходить? Уверен, что вы, артиллеристы, не пропустите врага.

Танки противника переваливали через невысокий взгорок. Теперь они находились от нас не более чем в пятистах метрах, но этот взгорок неуловимо скрадывал расстояние и казалось — машины вот-вот ворвутся на батарею.

Танкисты с ходу открыли пушечный огонь, однако они были слишком близко от нас, разрывы снарядов загромыхали далеко в городе.

У орудий мелькнула фигура командира батареи. Голос Комоля прозвучал по-будничному спокойно:

— По гитлеровским танкам… по три снаряда… огонь!

Грянули пять пушек, пронзительно вспыхнуло стремительное пламя, синий дымок окутал орудия. Почти тотчас они грянули снова, потом еще раз…

Два танка резко остановились, три загорелись, но продолжали двигаться вперед. Теперь я мог их сосчитать: перед нами было четырнадцать вражеских машин, но вот и загоревшаяся тройка остановилась, дым над ними все гуще, хищное пламя все выше вьюжилось по броне… А что же остальные девять? Будут продолжать атаку?.. Нет, они торопливо пятятся, разворачиваются, ломая заборы, выкатываются на дорогу и отходят на запад, в сторону Станового…

Атака отбита. Молодец Комоль! Молодцы его солдаты и офицеры! Я крепко пожал им руки и объявил благодарность.

— Служим Советскому Союзу! — бодро и радостно ответил расчет.

Задерживаться на НП батареи больше не приходилось: в штабе бригады меня ждали неотложные дела. Мы повернули в ближайший переулок, но не прошли и двухсот метров, как из-за угла навстречу нам выкатились три немецких танка. Тут было чему удивиться: откуда они взялись? Неужели успели прорваться со стороны Второго Выгорного? Конечно, только оттуда: во Втором Выгорном, кроме неполного комендантского взвода и штаба бригады с майором Борисовым, наших войск не было. Значит, этой горстке людей пришлось принять неравный бой…

Однако сейчас для раздумий не было ни минуты. По переулку метались дети и женщины, не зная, где укрыться от пулеметного огня, а танки неторопливо двигались на нас, их экипажи, по-видимому, были уверены, что возьмут пленных.

Я бросился в ближайший двор, за мною — Иван Степанович Зеленюк; здесь к нам присоединились два автоматчика. На крылечке домика показалась старушка хозяйка; бледная и растрепанная, она прокричала испуганно:

— На огород не ходите, там немцы! Скорее, товарищи, заходите в избу!..

Я помахал ей рукой.

— Спасибо, хозяюшка. Только в избу мы не войдем. Это все равно, что добровольно лезть в ловушку…

Мы стали поодиночке пробираться со двора во двор, отползать огородами, отходить садами. Обычно я не расставался с автоматом, а тут, как на грех, оставил его на квартире, но кто же мог ожидать такого «сюрприза»?

Было ясно, что наша 6-я бригада, которая держала оборону в Становом, не приняла танкового боя и отошла севернее Тима. Немецкие танки прорвались в город с десантом пехоты, и теперь гитлеровские автоматчики занимали дом за домом, квартал за кварталом.

Отстреливаясь и укрываясь за сараями и заборами, батальонный комиссар Зеленюк, два автоматчика и я кое-как выбрались во Второе Выгорное. Здесь было тихо. Свой штаб я нашел невредимым.

Борисов рассказал, что танки противника промчались на большой скорости окраиной деревни, не завязывая боя.

Почему-то гитлеровцы долго не возобновляли атаку на батарею Комоля.

— Наверное, опять вызовут авиацию, — сказал я Борисову, — Танки им дороги, и это не шутка — сразу потерять пять машин…

И не ошибся: во второй половине дня две девятки бомбардировщиков сделали по два налета на город. Загорелись деревянные строения, обрушились каменные дома. После долгой бомбежки в действие вступила вражеская артиллерия; и течение двадцати минут тяжелые орудия громили и коверкали беззащитный Тим, а затем гитлеровские танки вошли в город.

Второе Выгорное мы все же отстояли. Потери были большие с обеих сторон, однако, удерживая эту деревню, мы имели выгодный рубеж для наступления. К вечеру последняя немецкая атака захлебнулась, и над полуразрушенной деревней, над полями, над городом простерлась усталая тишина.

Около домика, в котором размещался штаб, я встретил политрука Савелия Ржечука и вспомнил о Володе.

— Где же ваш подшефный, товарищ, политрук? Надеюсь, вы отошли вместе с мальчиком?

Он смущенно развел руками:

— Признаться, товарищ полковник, мне до сих пор не верится, что я остался жив. Когда мы с Володей вывели из сарая лошадей, немецкие танки подошли к дому. Две машины, взломав ворота, вкатились во двор. Я успел вскочить на коня, а у Володи он вырвался и махнул через огороды… Может, не больше десяти метров успел я проехать, как сзади грянул артиллерийский выстрел… Тут мой конь и понес. Да понес прямо на немецких автоматчиков… Если бы, товарищ полковник, не овраг, не уйти бы мне от смерти. Коня моего они убили, а я скатился на дно оврага и выбрался руслом в какой-то переулок… Что с мальчиком? Право, не знаю. Вряд ли он жив.

Я словно увидел перед собою синие, радостные глаза.

— Передайте нашим разведчикам, товарищ Ржечук, когда они проберутся в город, пусть узнают о судьбе паренька. Если он жив, пусть возьмут его в бригаду.

В эти минуты затишья я получил официальное извещение о том, что на базе нашего воздушно-десантного корпуса формируется 87-я стрелковая дивизия. Командиром дивизии назначили меня. Это была высокая честь. Но одновременно было получено и второе извещение: подготовить ночную атаку на город Тим.

Я невольно задумался: сделать это было очень трудно, почти невозможно. Без перегруппировки войск и без тщательной подготовки ночная операция по овладению городом вряд ли могла быть успешной.

Скорее всего, она только повлекла бы много ненужных жертв.

Вскоре из штаба 40-й армии к нам прибыли член Военного совета И. С. Грушецкий и полковник из оперативного управления. Они тепло поздравили меня с повышением, и Грушецкий сразу же спросил:

— Как думаете, Александр Ильич, выполнять приказ командующего армией?

Я ответил, что этот приказ только сейчас прочитал, плана на ночную атаку еще не составлял и не поручал составлять его потому, что все три бригады ведут бой с немецкой танковой дивизией. Главная наша задача — удержать до наступления темноты Второе и Третье Выгорное, а ночью, мы знаем это, немецкие танкисты боятся воевать… Вот ночью и подумаем, что нам делать, как лучше организовать атаку.

Я отдал командирам и комиссарам всех степеней распоряжение привести подразделения и части в полный боевой порядок, накормить бойцов горячей пищей и выдать на сутки сухой паек.

Было ясно, что противник не даст нам спокойно произвести перегруппировку, — попытается продолжать наступление, и поэтому следовало быть готовыми ко всему.

Когда мы возвратились в штаб, — теперь уже не бригады, а дивизии, — майор Борисов доложил:

— Оценив обстановку, штабные офицеры считают, что мы не в состоянии выполнить приказ командующего армией. Вот обстоятельства, которые нельзя не учесть:

во-первых, мы изменили только наименование. Даже не все командиры и комиссары стали на свои штатные места. У нас еще нет штаба;

во-вторых, наши полки разбросаны на широком фронте, и каждый самостоятельно ведет бой. Для того, чтобы собрать два полка в один кулак и нанести удар, необходимо время: минимум — одна ночь;

в-третьих, пополнение, обещанное дивизии, еще не прибыло. Мы не получили ни одной пушки, ни одного миномета, а ведь уже десять часов вечера!

Далее, нельзя наступать ночью силами одних только бойцов, не организуя хорошего взаимодействия между подразделениями, артиллерией и другими средствами, которые можно будет привлечь для атаки.

Наконец, нельзя приступать к выполнению столь ответственной задачи, не обдумав ее всесторонне. Мы воюем с немцами не первый день, и лишь когда мы продуманно организовывали бой, то обязательно добивались успеха.

— Итак, вы предлагаете… — задумчиво произнес Грушецкий.

— Просить командующего, чтобы он перенес атаку на следующую ночь.

— Ваши доводы, товарищ начальник штаба, вполне основательны, — сказал Грушецкий. — Но я не уполномочен отменять приказ командующего. Если вы, Александр Ильич, согласны с докладом начальника штаба, вы должны доложить свои соображения генерал-майору Подласу…

— Вы понимаете, товарищ член Военного совета, — сказал я, — что с этими предложениями нельзя не согласиться: они обоснованы ходом событий. Однако, буду откровенен, стоит мне взять телефонную трубку и высказать эти предложения, как в ответ посыпятся «теплые» слова.

Казалось, Грушецкий не понял.

— Какие?..

— Могу сказать: «Вы еще не успели вступить в командование дивизией, не пытались организовать бой, а уже начинаете ныть». Или: «Вам доверен высокий пост, а вы трусите?! Нет у вас танков, артиллерии, мало людей… и тому подобное…» Или: «Воевать нужно не числом, а уменьем…»

Грушецкий усмехнулся.

— Нет, Александр Ильич, наш командующий отлично знает военное дело. Человек он вдумчивый, рассудительный, обязательно позвоните ему.

С Кузьмой Петровичем Подласом я познакомился еще в дни боев за Киев. Он не раз бывал в нашей бригаде и дал много ценных советов. Конечно, он должен был помнить, что приказ вышестоящего командира был для нас законом и мы выполняли эти приказы без оговорок. Однако многие изменились за время войны, и, возможно, изменился характер командующего?

Я взял карту, снял трубку телефона. Знакомый голос отозвался:

— Слушаю…

Он не прервал меня ни словом. Я закончил доклад.

Некоторое время трубка молчала. «Кажется, ты не ошибся, — сказал я себе. — Сейчас ты услышишь „теплые словечки“…» Но генерал ответил спокойно:

— Хорошо. Мы это учтем. Приступайте к подготовке.

У меня словно камень свалился с сердца: атака была перенесена на следующую ночь, и мы могли к ней подготовиться.

Уже через несколько минут все офицеры штаба, политотдела,

начальники родов войск и служб приступили, каждый по своей специальности, к подготовке ночной операции.

Ранним утром майор Бакай доложил, что большая часть немецких танков покинула город, а на смену ей прибыла моторизованная пехота, которая приступила к оборонительным работам на северной и северо-восточной окраине Тима.

Эта новость порадовала нас: драться с моторизованной пехотой будет, конечно, легче, чем с танками.

Порадовал меня и Борисов: он сообщил, что в наше оперативное подчинение прибыла артиллерийская бригада полковника Игнатова и к вечеру прибудет реактивный дивизион… Еще через несколько минут я узнал о прибытии пополнения в шестьсот человек. Правда, двести из них не имели оружия, однако я был уверен, что мы быстро «наскребем» его в наших тылах.

Чернышев не скрывал восторга.

— Какая силища у нас, Александр Ильич! Теперь-то фашисты наверняка засверкают пятками. Но, мне думается, без военной хитрости нам не обойтись…

— Федор Филиппович, душа-человек, я уже думал об этом! Посмотри-ка внимательно на город. Юго-западная окраина его имеет возвышение над местностью, крутизна откосов здесь до сорока градусов. Природная крепость! Ясно, что немецкое командование не рассчитывает, чтобы мы наступали с этого направления. Здесь они не строят инженерных укреплений и не думают организовывать систему огня. Именно это направление мы изберем для главного удара, а ложную атаку, малыми силами, предпримем там, где нас ждут… Поэтому дальнейшее будет зависеть от выдержки и отваги, от умения организовать целеустремленные маскировочные мероприятия и от грамотного ведения уличного боя.

Командарм наш план утвердил, но внес поправку: демонстративные действия начать не в 20, а в 22 часа, когда солдаты противника будут ужинать или укладываться спать, а главные наши силы вступят в действие в пять часов утра, — к этому времени гитлеровцы порядочно измотаются и устанут.

Почти все офицеры штаба ушли в подразделения, а я с адъютантом Шевченко и политруком Ржечуком решил посмотреть, как обстоят дела в 16-м полку, побывать в его батальонах и ротах, побеседовать с офицерами и бойцами.

Командир 16-го стрелкового полка Чернов — молодой, высокий блондин, с веселым, жизнерадостным взглядом серых глаз, — встал в

струнку и четко доложил, что полк готовится к ночной операции. Он развернул передо мною план города с отметками огневых позиций артиллерии и минометов противника. Начальник полковой разведки, лейтенант Яровой, подробно указал расположение огневых средств противника, вплоть до отдельных пулеметов.

Мы вместе прошли в батальон и в роты. Здесь чувствовалось, что солдаты готовятся к серьезному бою. Есть множество неуловимых примет, по которым легко определить эту готовность, и, пожалуй, самая верная из них — внутренняя сосредоточенность солдата.

В одной из рот пожилой веселый солдат сказал:

— Крепко этой ночью, товарищ полковник, стукнем фашиста!

Я насторожился:

— А почему вы думаете, что именно этой ночью?

Солдат широко улыбнулся, подмигнул товарищам:

— Опыт имеется, товарищ полковник! Неспроста мы так старательно все подгоняем да примериваем. Каждому понятно, не на танцульки собираемся — в бой.

— А если это секрет?

— Ясно, что секрет, товарищ полковник! Немец ежели узнает, каналья, — все пропало. Только мы-то ему не скажем, нам это не интерес!..

Солдаты засмеялись.

— Верно, Кремежный, нам это первая оплеуха! Пускай лучше фрицам она достанется!

Я проверил оружие: винтовки, автоматы, противотанковые ружья, пулеметы, минометы, гранаты и противотанковую артиллерию. Все оказалось в образцовом порядке. Воины из батальона капитана Наумова не впервые готовились к бою и участвовали в атаках: они были уверены в успехе.

Отлично обстояли дела и в соседнем 283-м полку. Здесь была создана группа для захвата немецкого штаба в деревне Становое. Возглавили эту группу политрук Крюков и капитан Харитонов — смелые, боевые офицеры. Улицы города, кварталы, даже отдельные дома были распределены между ротами и взводами…

Фронтовики помнят, конечно, час перед боем, как глубока и многозначительна у переднего края настороженная, нерушимая тишина.

Я долго стоял у землянки, слушая тишину, которую, казалось, нисколько не нарушали дальние громы артиллерии.

Плотный, тяжелый дым стлался над руинами Тима, вспыхивал и

отсвечивал гневными отблесками огня.

В штабной землянке, вырытой под откосом, освещенной гильзой из-под снаряда, сплющенной и заправленной керосином, тоже было тихо, — ни возгласа, ни знакомого телефонного звонка.

Стрелка часов медленно подползала к десяти. Скоро начало… Темная беззвездная ночь навалилась на город, и даже высокие всплески пожаров не могли ее разогнать. Но вот из землянки донесся голос Борисова:

— Время, товарищ полковник.

Я еще раз взглянул на часы: да, время.

— Ракеты!..

Три красные ракеты взметнулись в небо и, казалось, запутались в низких тучах. По полю, по притихшим строениям Тима плеснул багровый, волнистый свет. Это был сигнал к десятиминутному артиллерийскому огневому налету и одновременно к атаке северо-восточной окраины города… Загромыхали, заревели наши батареи, и, словно в ответ им, посыпалась частая пулеметная дробь.

— Слышите, товарищ полковник?! — стараясь перекричать артиллерийские залпы, докладывал начальник связи Кастюрин. — Это бойцы 96-го полка и специальные группы приступили к выполнению боевой задачи…

— Свяжите меня с командиром. Только побыстрее…

Мне ответил связист полка Лапидус:

— Полк ведет бой… Взяты пленные. Командир сейчас в бою…

Слышимость была отвратительная, и я понял только одно, что пленных нет возможности доставить в штаб дивизии, они до чертиков пьяны, даже не могут говорить. Единственное, что удалось у них выяснить: причину пьянки. Оказывается, они отмечали день рождения своего командира Ганса Миллера и налакались трофейной водки свыше всяких мер. Этот Ганс все же пытался оказать сопротивление, но кто-то из бойцов стукнул его прикладом, и злополучный именинник больше не встал…

Через несколько минут Лапидус позвонил сам.

— Товарищ полковник, от пленных удалось добиться, что вчера вечером в город прибыл полк моторизованной пехоты из другой дивизии…

Я уже знал это. Значит, данные нашей разведки подтвердились, и, очевидно, танки противника покинули город… Стрелка на моих часах приближалась к пяти утра. Как все же быстро пронеслась ночь! Мне сообщили, что бойцы первого эшелона полков готовы к штурму.

Командир артиллерийской бригады Игнатов дал команду на открытие огня… Ну, братцы, дело теперь зашевелилось! Была бы раньше в нашей десантной бригаде такая артиллерия, гитлеровцы не теснили бы нас и не наступали на пятки.

Кроме тяжелой армейской артиллерии, огонь открыла дивизионная и полковая. Захлопали минометы… И что это? «Катюша»!.. Огромные огненные плети взметнулись и опустились в расположении врага. Какая сокрушительная силища! Длинный, хвостатый клубок пламени с гулом и скрежетом взмывает в небо и, стремительно описав траекторию, рушится на боевые порядки гитлеровцев. Бойцы не могут сдержать своего восторга. Откуда-то издали слышится ликующий крик… Да и офицеры штаба готовы пуститься в пляс. До чего же грандиозное и устрашающее это зрелище — залп гвардейских минометов!

Я уверен, что весь личный состав дивизии никогда еще не наблюдал такого массированного сокрушающего огня. Стоп, всякие там клейсты и гудерианы! Вы слишком долго пикировали на нас и утюжили нас танками. Залпы «катюши» охладят ваш пыл, выковырнут вас из танков и из самых глубоких щелей, заставят не только пятиться — нет, драпать!

Со стороны деревни Становое донеслась частая ружейно-пулеметная стрельба; вскоре она слилась в сплошной звенящий шум, будто кто-то близко, в землянке, сыпал горох на лист железа… В темени ночи деревни не было видно, сколько ни вглядывайся — ни проблеска, ни огонька. Но вот на окраине полыхнуло бурное белое пламя. Я знал от разведчиков, что гитлеровцы сосредоточили там несколько десятков автомашин, крытых брезентом. Сначала наша разведка полагала, что эти машины гружены награбленным добром. Теперь стало ясно: это взрывались и горели бочки с бензином.

Специально созданные группы десантников из 283-го полка добрались до автоколонны противника. Пламя было настолько ярким и высоким, что даже здесь, у штабной землянки, стало светлей. А пожар полыхал и разгорался все яростней и неудержимей, и словно из его раскаленного добела горнила доносились то очереди автоматов, то разрывы ручных гранат…

Теперь почти непрерывно звонил телефон. Командиры полков докладывали, что их подразделения ворвались в город и ведут уличные бои.

Начальник штаба посмеивался, потирал руки и рассуждал вслух:

— Самый верный признак успеха — это когда звонят снизу, из частей, когда командиры полков или комиссары сами ищут вас, Александр Ильич, или меня и торопятся доложить: вот как, мол, мы организовали бой… Здорово! Мы уже ворвались в город! А если дела в полку неважны и поставленная задача не выполняется, тогда подчиненные на твой звонок ответят, что командир-де только что ушел в низы…

В землянку вошел Иван Самойлович Грушецкий:

— Как будто неплохо идут дела, товарищи? Я верю: взять город мы возьмем, но удержать его будет труднее. Утром фашисты, конечно, предпримут контратаки. Город им нужен. Здесь узел грунтовых и шоссейных дорог. Важно, чтобы полки закрепились на достигнутых рубежах. Поэтому в инженерном отделе армии нужно немедленно истребовать противотанковые и противопехотные заграждения.

Я кивнул Борисову.

— Действуйте…

Связь с 16-м стрелковым полком была прервана уже долгое время, и я начинал опасаться за положение дел у его командира майора Чернова.

Путь до штаба полка недалек — один километр, но одолеть его оказалось довольно трудно. Несусветная темень, поднимешь руку и не можешь ее рассмотреть, сколько ни напрягай зрение. Машины и танки так изрыли дорогу, что в провале выбоины смело может разместиться взвод солдат, а с вечера подморозило, черноземная грязь закаменела, — настоящие противопехотные заграждения, без вмешательства саперов!

Впереди едва уловимо заблестел огонек. Мы вошли в саманную избушку: мой адъютант Шевченко, два автоматчика и я. Здесь располагался медицинский пункт батальона Наумова. На брезентовых койках корчились, бредили, стонали тяжелораненые. До десятка легкораненых, уже перевязанные, сидели вокруг железной печурки на полу, курили и сумрачно молчали.

Я поздоровался. Солдаты ответили дружно, и некоторые поспешно встали. Другие, с перебинтованными ногами, продолжали сидеть на полу.

— Рассказывайте, товарищи, кто где был ранен?

— В городе…

— В самом центре…

— Я на окраине.

— Я на главной площади… Самую трудность преодолел — высоту, и вот тебе, анафема, пуля прямо в колено!

— Город в наших руках или нет?

Солдаты переглянулись: мне стало ясно, — они не могли ответить на этот вопрос.

Но молоденький боец сказал уверенно:

— Конечно, товарищ полковник, в наших! Мой взвод, с сержантом Егоровым, двинулся через площадь дальше.

— Я знаю сержанта Егорова. Вы были с ним?

— Так точно, товарищ полковник! Вчера, когда вы приходили к нам, я слышал вашу беседу с Егоровым. После Егоров нам все время повторял: помните, что сказал комдив, — ты не убьешь гитлеровца, он тебя убьет…

Я спросил:

— А много в городе немцев?

— О, товарищ полковник, полно! Куда не повернись, отовсюду, супостаты, из автоматов, из пулеметов шпарят! Правда, у меня на душе теперь спокойнее: двух фашистских бандитов я все-таки убил… Жаль, что вывели меня из строя. Однако рана у меня небольшая, и я скоро вернусь к Егорову, а к вам великая просьба: дайте, пожалуйста, распоряжение, чтобы меня не отсылали в далекий тыл, чтобы оставили в нашем медсанбате!

Было что-то общее между этим бойцом и Володей, — такой же рослый, молоденький, немного застенчивый, синеглазый. Я понимал его внутреннюю взволнованность: в эту ночь впервые по-настоящему он осознал себя воином. Все, что было до этого, — вся жизнь, — теперь представлялось ему подготовкой именно к этой ночи, когда он должен был исполнить и исполнил свой долг.

— Родом вы откуда?.. Я все земляков спрашиваю. Может, земляк?..

Он засмотрелся на огонек в печурке.

— Курской области. Из Щигров… Там, в Щиграх, моя мама, отец, маленькая сестренка. В городе Тиме тоже есть родственники: дедушка и дядя… Так хотелось первому в хату к ним постучаться, первому радостную весть принести, да не судьба. Только я сказал товарищам, что на этом не успокоюсь. Обязательно до десятка свой счет доведу. Тут простая арифметика, товарищ полковник, ежели каждый наш солдат одного фашиста уничтожит — полная наша победа обеспечена. Ну, конечно, не каждый успеет это сделать. Другой только на передовую выйдет, и вот оно — конец. Значит, и об этих воинах следует нам подумать и норму повысить до десяти.

За окошком уже светало.

Легко раненный в руку сержант торопил санитаров поскорее сделать перевязку. Говорил, что спешит к своему комбату Наумову.

— Вы знаете, сержант, где находится наблюдательный пункт Наумова?

— Так точно… Могу проводить.

— Хорошо. Проводите…

Сначала мы пробирались узкой лощинкой, рвом, какими-то ямами, потом стали взбираться по крутому склону горы. С каждым шагом крутизна становилась все отвесней, и, если бы не уступы да не кустики полыни, пожалуй, нам и не взобраться бы на вершину. Два раза срывался на скользком промерзшем откосе мой адъютант, снова в озлоблении кидался на кручу, скользил, цеплялся за корни полыни и все же взобрался на гору одновременно со мной.

Продвигаясь задами огородов и молодыми посадками садов, мы выбежали к невысокому ветхому сараю.

— Это здесь, товарищ полковник… — сказал сержант.

Я осмотрелся: квартал города показался мне знакомым. Да, домик Володи и его матери находился недалеко отсюда, но… там были немцы.

Я вошел в сарай. Навстречу поднялся комиссар батальона, рослый силач Крылов. Два телефониста поспешно вскочили у аппарата. В дальнем углу сарая кто-то свернулся от холода калачиком, видимо, дремал. Я присмотрелся: девушка. Ремень медицинской сумки через плечо. Крылатая бровь… Удивительно знакомое лицо. Да ведь это Машенька из Мышеловки!

— Давно я не видел вас, Машенька. Как вы возмужали!

Она стояла передо мной по стойке «смирно».

— Это вам кажется, товарищ полковник. Просто немного подросла. И голос изменился: был детский, а теперь почти бас…

— Как же вы сюда попали? Помнится, вы были в разведке?

— О, товарищ полковник, я давно уже работаю в артиллерийском дивизионе товарища Кужеля! Вся наша артиллерия сейчас стоит в городе на прямой наводке.

— Вот как… Вы даже терминологию артиллеристов усвоили.

Машенька улыбнулась: по-прежнему сияли и смеялись ее лучистые глаза.

— Как же не знать мне таких простых вещей? Я в дивизионе уже не первый день. Когда мы отходили на Тим, в этом дивизионе вышли из строя все медицинские сестры. Комиссар дивизиона, товарищ

Волков, предложил мне работать здесь. Я согласилась. И не жалею.

— До сих пор вам везло, Машенька, — сказал я. — А сейчас немедленно уходите в медсанбат. Там тоже для вас найдется дело…

Она смотрела на меня удивленно.

— В медсанбат — это значит… в тыл? Нет, товарищ полковник, я туда не пойду. Тем более сейчас, когда идет бой. Прошу вас: не считайте меня малюткой, я многому научилась за это время. Вот и сегодня вынесла с поля боя пять наших тяжело раненных бойцов… Что, если бы не я? Что было бы с ними? Нет, в тыл я не пойду. Вот отдохну немного — и на батарею.

Я даже растерялся.

— Так, Машенька… И это дисциплина? Слушай, комдив, что тебе дети говорят!

Она опустила голову: ну точно школьница, опоздавшая на урок! Мне было жаль потерять эту отважную девочку, и ей ли место в уличном бою?.. Комиссар Крылов заговорил и радостно и удивленно:

— Мы ее на НП, что называется, силой затащили. Она все время была с бойцами в передовой цепи!

— Что ж делать? Значит, снова примените силу и отправьте ее в медсанбат.

Крылов засмеялся, засмеялись и телефонисты, а Машенька вздрогнула, стала еще строже, прошептала чуть слышно:

— Слушаюсь…

Я спросил, где Наумов. Он, оказывается, находился в первой роте: там дела шли плохо. Командир роты был тяжело ранен; все командиры взводов вышли из строя.

— Ротой командует сержант Егоров, — сказал Крылов. — Тот самый Егоров, товарищ полковник, с которым вчера вы беседовали о захвате Тима.

— Знаю сержанта Егорова. Он не впервые отличается в боях. Назначьте его командиром роты и объявите, что за проявленное мужество и умелое командование ему присвоено звание — лейтенанта. Сегодня я доложу об этом командарму.

Тогда я еще не знал, какой довольно неприятный сюрприз ожидает меня.

Тим далеко не полностью находился в наших руках — мы освободили только западную, южную и юго-восточную часть города, а начальник штаба Борисов уже успел сообщить штабу армии об освобождении города. Это предвещало большие неприятности.

Подобное за время войны в нашем соединении произошло впервые

и было довольно поучительным уроком.

Гроза разразилась неожиданно. В момент моего разговора с комиссаром Чернышевым, когда тот зачитывал поздравительную телеграмму из штаба, я вдруг услышал знакомый голос командарма.

— Как же это у вас получается, — спрашивал генерал Подлас, видимо, с усилием сдерживая себя, — не знаете обстановки, а докладываете в вышестоящий штаб, что выполнили задачу? Похоже, вы берете данные с потолка и вносите путаницу в работу штаба армии! Еще хорошо, что мы не успели доложить командующему Юго-Западным фронтом… Нам очень трудно пришлось бы! Еще бы! Потеряны ночь и внезапность. Потеряно управление полками…

Я выслушал еще немало горьких слов и осторожно положил трубку. Ошибка… Чья ошибка? Ведь сам я не давал этой информации. Кто-то поторопился возвестить победу, а мне, командиру дивизии, приходилось за это отвечать. Иначе не могло быть: ведь донесение передал мой начальник штаба, а в политотдел армии — комиссар Чернышев!

Впрочем, ни для сожалений, ни для расследований сейчас не было времени. Я видел, как поднялась в атаку первая стрелковая рота, В ней было не более двадцати человек… Горстка бойцов, во главе с рослым сержантом Егоровым, забросала гранатами окопы немцев и ворвалась в их расположение… Неподалеку враги выкатили из-за угла дома станковый пулемет. Я обернулся к Шевченко.

— Укажите эту цель орудийному расчету. Уничтожить пулемет.

Он выбежал из сарая. Но расчет нашего 45-миллиметрового орудия уже заметил группу немцев. Раздался выстрел…

— Прямое попадание! — громко и радостно вскрикнула Маша.

Она не ошиблась. Пулемет противника разлетелся в куски.

Еще две роты этого батальона бросились в атаку и захватили несколько домов. Во дворах задымились подожженные немецкие машины.

— Смотрите, ведут пленных! — сказал Крылов. Придерживаясь заборов, два наших автоматчика гнали группу немцев. Те шли торопливо, без оглядки, поминутно «кланяясь» осколкам и пулям.

— Мы можем взять город, — сказал я Крылову. — Дела развиваются успешно. Мы должны взять его.

Он тряхнул кулаками:

— Эх и здорово было бы! Вы доложили бы командующему, что, мол, поздравительная телеграмма может остаться в силе!

Он хотел еще что-то сказать, но стены сарая, стропила, крыша

вдруг задрожали от тяжкого нарастающего гула. Я глянул вверх и сразу не смог сосчитать, сколько бомбардировщиков Ю-88 заходило на город. Они шли девятками, группа за группой, и не было видно конца этой воздушной армаде. Над центром города, над площадью, где оборонялись немцы, ведущий самолет перешел в пике и обрушил груз бомб… на свои боевые порядки! Другие бомбардировщики тоже ринулись вниз, и оборону противника заволокла черная туча.

Крылов, телефонисты, Машенька прыгали от радости.

— Правильно!.. Чудесно! Бомбите, подлецы, своих!

— И до чего же все это приятно, товарищ полковник! — пропела над самым моим ухом Машенька. — Это же такой сюрприз!

— Верно, дочка… Случай прямо-таки замечательный. А командир эскадрильи, фашистский «ас», будет наверняка расстрелян…

— Теперь нужно ожидать их танковой атаки, — сказал Крылов. — Такова их тактика: после налета авиации, как правило, действуют танки.

Связист доложил торжественно:

— На проводе командующий армией.

Генерал Подлас внимательно выслушал мой доклад.

— Хорошо, — сказал он, — Действуйте. Сейчас мы поможем вам залпом реактивной артиллерии!..

Через пятнадцать минут яркое пламя с грохотом, гулом, звоном переметнулось через город и заплескалось над обороной врага. Все бойцы полка майора Чернова пошли в атаку.

— Мне пора возвращаться на КП дивизии, — сказал я Крылову. — Положение у вас выправилось, и бой идет успешно. Однако передайте капитану Наумову, что полковник Родимцев недоволен. Поднимать роту в атаку должен ротный командир, а комбат Наумов должен руководить батальоном.

Не успел я ступить за порог сарая, как от забора ко мне бросился Шевченко.

— Танки противника прорвались! Они направляются сюда…

Я обернулся:

— Сколько, товарищ Крылов, у Кужеля здесь, в городе, орудий?

Казалось, он удивился моему вопросу:

— Право, товарищ полковник, я не интересовался, сколько их в городе…

Из глубины сарая снова выступила Машенька:

— Я знаю… В городе находится восемь орудий, и у каждого орудия по тридцать снарядов.

— Ну, дочка, ты совсем военный человек!

Она подбежала к двери, выглянула на улицу.

— Шесть танков… Смотрите, они направляются на батарею Волкова! Вон, видите, меж двумя сараями стоят четыре орудия? Ох и даст же им Волков чертей!

Неподалеку, на перекрестке, шесть вражеских танков медленно выкатились из-за угла дома, остановились, одновременно развернулись к востоку. В их действиях угадывалась та рассчитанная уверенность, которую немцы всегда показывали, чувствуя свое преимущество в силе. Возможно, за этой шестеркой двигалось еще большее количество машин? На это было похоже: танки словно бы ожидали подхода подкреплений.

Однако танкисты врага медлили по другой причине, — я это понял, едва расслышал гул самолетов, — они ожидали, пока их авиация нанесет по частям дивизии бомбовый удар.

Теперь немецкие летчики успели разобраться в обстановке: сигнал ведущего — и бомбы засвистели над боевыми порядками полка майора Чернова.

Машенька выбежала из сарая, взглянула вверх, всплеснула руками:

— Ложитесь!.. Прямо сюда бросил…

Она метнулась у моих ног и прижалась к земле. Я успел опуститься на колено… Земля всколыхнулась волной; стены сарая зашатались, рухнула и загорелась крыша, где-то близко с треском переломилась балка.

Задыхаясь, я выбрался из этого вороха соломы, глины, камней и щепок, схватил за плечи Машеньку, помог ей встать на ноги. Вокруг уже бушевал огонь.

— Фугаска. Пятьдесят килограмм, — деловито сказала Машенька, — У нее чертовски сильная взрывная волна…

Я заметил — на ней тлела шинель.

— Ступай-ка ты, «фугаска», на воздух! Сейчас обрушатся остальные стропила.

Отплевываясь от гари, весь черный и продымленный, Крылов спросил:

— Я думаю, следует сменить наш неудачный наблюдательный пункт? Куда же его перенести?

— В сотне метров отсюда я заметил яму. Переберемся туда…

Весь квартал вокруг нас полыхал огнем пожара. Густой и едкий дым застлал огород, переулок, соседние дворы. Переходя на новое место, мы потеряли наблюдение за танками врага. Я не заметил, как

отбилась куда-то в сторону Машенька…

Неожиданно из-за сарая, в котором только что находился наш НП, обходя его обрушенную, пылающую крышу, выползли три немецких танка. Как же они пробрались сюда совершенно незаметно?

Мы бросились к забору и поползли. Плотный дым пожара теперь был спасительной маскировкой. Но за танками должна была следовать вражеская пехота. Почему она не появилась? Где-то очень близко загремел станковый пулемет. Я понял: пехота была отрезана от танков нашим фланговым огнем.

Нам удалось незамеченными проскользнуть в какой-то двор, повернуть за угол дома. Шевченко и два автоматчика — Тарасов и Гнатюк — не отступали от меня ни на шаг. Я видел их готовность прикрыть, в случае опасности, меня своими телами. Дело до этого не дошло: мы отыскали замеченную ранее яму…

Дым постепенно рассеивался, и впереди мелькнула знакомая фигура. Я услышал звонкий, веселый голос Машеньки:

— Смотрите, товарищ полковник… товарищ комиссар, пять немецких танков горят как свечи! Их подбила батарея Волкова… А что я вам говорила? Там, где стоят орудия нашего дивизиона, ни один вражеский танк не пройдет!

— Правильно, детка! — улыбнулся Крылов. — Мы знаем: Машенька напрасно не скажет.

Я связался с командиром полка Черновым и приказал немедля ввести в бой резервный батальон. Чувствовалось, что атака немцев захлебывается: ружейно-пулеметный огонь с их стороны слабел, танки на поле боя больше не появлялись.

Через минуту мне донесли, что еще три вражеских танка подбиты, а их экипажи взяты в плен. Это были те три машины, что так неожиданно выкатились у нашего НП.

Среди пленных немцев оказался командир танковой роты, здоровенный, обрюзгший детина, с двумя железными крестами на кителе. Его привел ко мне молоденький автоматчик, и пленный устало опустился на землю. Машенька строго приказала:

— Встать!..

Немец взглянул на нее изумленно, брови его приподнялись, глаза округлились. Он быстро вскочил на ноги, вытянул руки по швам. Переводчик Митрофан Пасечник перевел мои вопросы пленному.

— Скажите, чтобы отвечал коротко и ясно. Цацкаться с ним не будем… Какой части, когда прибыли, какую имели задачу?

Он понимал, что здесь, на передовой, нам не до выуживания

ответов.

— Ночью мы сменили части 9-й танковой дивизии, — сказал он. — Эта дивизия должна продвигаться, в составе корпуса на восток, с задачей захватить город Щигры. Мы не думали, что русские предпримут ночную атаку, а посему разрешили себе небольшую роскошь: перед рассветом легли спать. Как частичный эпизод, ваша сегодняшняя атака удачна. Но вообще-то…

— Что «вообще»?..

Тот смотрел на меня исподлобья, словно колеблясь: сказать или не говорить?

— Вообще-то война скоро закончится. Она закончится в пользу нашего фюрера. Если вы, полковник, сохраните мне жизнь, не расстреляете меня, я могу гарантировать и вам жизнь…

Машенька схватилась за голову, лицо ее потемнело от гнева.

— Да ведь он с ума сошел! Что он, стервец, мелет?!

И обернулась ко мне:

— Разрешите, товарищ полковник, я положу ему компресс на лоб. Может, придет в себя и мы услышим что-нибудь поумнее?.

Я кивнул автоматчику.

— Отведите пленного в дивизию. Кстати, Машенька, помощница моя, идите и вы вместе с ними.

Бой продолжался. Над городом ползла и клубилась косматая, тяжелая туча дыма.

Трофеи двух смельчаков. Встреча с Верой Яковлевной. Как погиб Володя. Моя записная книжка. Коля Дубровин, Ира Берзюк и другие. Дружба рождается в бою. Тим снова наш!

В землянке, на наблюдательном пункте дивизии, я встретил Грушецкого и Чернышева. Они только что вернулись из полка Соколова и тоже побывали в жарких делах. Усталый, но возбужденный Федор Филиппович сказал:

— Я вызвал сюда капитана Харитонова, старшего политрука Крюкова и бойца Обухова. Сейчас они явятся с «подарками»…

Осматривая свой автомат, Грушецкий спросил шутливо:

— Интересно, какой подарок хотел бы Александр Ильич получить?

— Говоря откровенно, кусок хлеба и сала. У нас со вчерашнего дня великий пост.

Борисов заглянул в ящик из-под консервов, грустно покачал головой:

— Ни грамма хлеба и, тем более, сала. Можем, конечно, дать команду, но пройдет добрый часок.

— А не проще ли спросить свет Наталью Ивановну? — заметил Грушецкий, — Женщины в хозяйственных делах всегда предусмотрительнее нашего брата-мужика.

Сандружинница Наталья Ивановна, тихая, молодая девушка, невозмутимая ни при бомбежках, ни при отражении вражеских атак, пользовалась всеобщим уважением солдат и офицеров. Некоторые называли ее свет Натальей, другие — свет Натальей. Ивановной. Спокойный, душевно чистый человек, мягкий и отзывчивый, она действительно, несмотря на молодость, словно бы распространяла вокруг себя свет материнского тепла и ласки.

Вот и сейчас, едва услышав наш разговор, она торопливо разыскала в углу землянки, среди других вещей, свою сумку и подала нам кусок черного хлеба и ломтики жареного мяса.

— Извините, — сказала она виновато, — больше ничего нет.

Я взял хлеб: он был от мороза тверд, как камень, а по весу даже тяжелей.

— Колчедан! — усмехнулся Чернышев. — Настоящий колчедан… Однако не беда. Разогреем на спиртовке, и ужин получится нисколько не хуже, чем в Москве, в. «Метрополе»… Разрешите похозяйничать мне?..

— Голод не тетка, — сказал Иван Самойлович Грушецкий, беря кусочек отогретого хлеба и ломтик мяса. — Послушайте, товарищи, да ведь эго же деликатес! Ей-богу, я никогда не ел такого вкусного хлеба… По виду он, правда, похож на мерзлый чернозем, но зато какая прелесть на вкус!..

Мы заканчивали «завтрак», когда Шевченко доложил:

— Прибыли капитан Харитонов, старший политрук Крюков и боец Обухов.

— Отлично, — откликнулся Борисов. — Пригласите их сюда.

Первым, волоча тяжелый, желтой кожи чемодан, в землянку спустился Крюков. Коренастый и светлолицый, быстрый, но осторожный в движениях, он поставил в сторонку чемодан, вскинул к виску руку.

— По вашему распоряжению, товарищ полковник, прибыл…

Вслед за ним по ступенькам легко и неслышно сбежал капитан Харитонов. Подтянутый, спортивного вида боец внес какой-то огромный узел. Этот узел будто и не имел веса: боец внес его одной рукой, встряхнул и легонько отбросил в сторонку.

— Рядовой Обухов по вашему распоряжению…

Я хорошо знал этих трех смельчаков: даже бывалых солдат они не раз удивляли своей отчаянной отвагой. Харитонов и Крюков уже были награждены медалями и орденами, Обухов представлен к званию Героя Советского Союза. Какую очередную операцию они провели теперь?

— Садитесь, товарищи, и рассказывайте, — пригласил я. — Вот и член Военного совета с интересом вас послушает…

Харитонов взглянул на Крюкова, на солдата, но те лишь смущенно улыбнулись.

— Уж говорите вы…

— Ладно. Извините, товарищи, что я волнуюсь. В бою не так теряюсь, как перед нашими командирами… А почему? Видно, характер. Так вот, еще до начала нашей артиллерийской подготовки моя группа незаметно вышла на рубеж атаки. Нами все было предусмотрено, и каждый имел свою боевую задачу. Как только разорвался наш последний снаряд, мы уже были у дома, где разместился штаб немецкого полка… Тут нам повезло: у дверей дома стоял только один часовой. Наш боец Серов так быстро и ловко подкрался к нему, что гитлеровец даже рта не успел раскрыть. Потом мы ворвались в штаб…

Крюков наклонился, открыл чемодан, встряхнул какое-то длинное, широкое полотнище.

— Это знамя фашистского полка… Написано: 16-я мотодивизия… А вот пятнадцать железных крестов. Генерал не успел их раздать своим воякам. А это я для вас, товарищ полковник, прихватил: кортик самого генерала…

Он подал мне маленький, искусно отделанный кортик, сияющий золоченой рукоятью.

— А где же владелец этой игрушки?

Крюков растерянно развел руками.

— Сбежал, каналья. Как только начался наш артналет, вскочил в машину и дай бог ноги! Это мне потом пленные рассказывали. Он даже все личные вещи бросил: здесь, в чемодане, мундир, белье, бритва, духи, письма… Все бумаги, что оказались в штабе, мы тоже прихватили. А в соседнем дворе стояли две большие машины, и немцев около них было человек двадцать. Обухов забросал их, гранатами и, когда они разбежались, взял несколько тулупов. Пожалел, чтобы не сгорели.

— Ровно десять тулупов, — негромко сообщил Обухов. —

Новенькие. Жаль, больше не успел… Очень уж сильно горели машины, и чад невыносимый, и вонь…

Мы смотрели на этих трех славных воинов: с такими ли героями не побеждать?!

— Представьте к награждению, — сказал Иван Самойлович. — Да, кстати, известно ли товарищу Обухову, что ему уже присвоено звание Героя Советского Союза? Сегодня, двадцать первого ноября, получен указ…

Воин стремительно встал, стройный, подтянутый.

— Какая радость! — прошептала Наталья Ивановна.

Голос Н. Ф. Обухова срывался от волнения:

— Вся моя жизнь принадлежит Родине. Высокое доверие партии и правительства я оправдаю в боях!

Грушецкий обнял солдата и поцеловал; я поздравил капитана и старшего политрука с блестящим выполнением задачи.

…А подарок этих смельчаков — генеральский кортик — до сих пор хранится у меня как первый трофей того незабываемого трудного времени.

В недолгий час затишья на окраине Тима, в штабе полка, Шевченко сказал, что меня спрашивает какая-то женщина. Я удивился: кто бы это мог быть?

У крылечка я увидел Веру Яковлевну, нашу недавнюю гостеприимную хозяйку, мать Володи. Но я не узнал ее с первого взгляда: как быстро горе может состарить человека, провести по лицу морщины, погасить взгляд.

Она заговорила робко, словно виновато:

— Извините, Александр Ильич, но я узнала издали товарища Ржечука и подумала, что и вы должны быть здесь. У меня к вам большая просьба: возьмите меня медсестрой…

Я пригласил ее в дом, и она вошла, как-то тяжело, нерешительно ступая, и устало опустилась на табурет.

— Что с Володей? Где он? Я поручил его товарищу Ржечуку, но тот и сам еле спасся.

Глаза ее были сухи, губы чуть заметно дрожали.

— Спасибо, Александр Ильич. Вы хорошо отнеслись к мальчику. Ваше обещание взять его в армию было для него самой большой радостью в жизни, хоть и последней… А теперь Володи нет. Вы видите, я не плачу. Я плакала слишком много все эти дни, но потом поняла: слезами горю не поможешь, и, глазное, он успел отомстить за себя.

Некоторое время мы молчали. Стенные ходики неторопливо отсчитывали минуты. Где-то над нами тяжело гудел самолет, и разбитое стекло в раме окна вздрагивало и звенело.

— Вы расскажите подробно, Вера Яковлевна. Как это произошло?

— Да я и сама хочу вам об этом рассказать. Я чувствую себя виноватой… У нас было время, и мы могли уйти на восток. Еще раньше Володя настаивал на этом. Но ведь тысячи людей остаются. Все не могут уйти. И я не могла уйти, — знаете почему? Все-таки новый домик, маленькое хозяйство… Я так любила свой уголок! Казалось и странным, и диким бросать все это на произвол судьбы. Верилось: немец не вступит в наш город… А теперь я так жалею.

Она расстегнула фуфайку, достала фотографию сына. С открытки на меня глянули ясные веселые глаза.

— Мы ждали вас, Александр Ильич. Когда фашисты начали бомбить город, мы очень беспокоились за вашу судьбу. Володя говорил, что вы обязательно успеете к нам забежать… Я приготовила хороший завтрак, и ваш политрук с моим сынишкой успели покушать. Потом они всё собрали и оседлали лошадей. В последнюю минуту, в самую последнюю, и я решилась. Быстро собрала узелок: что ж, думаю, прощай, домик, я тоже уйду вместе с Володей. И нужно же такому приключиться именно в последнюю минуту: откуда ни возьмись, два немецких танка, с автоматчиками на броне, подкатывают к нашим воротам… Володя и политрук бросились к лошадям, а я хотела выбежать на огород, но второпях не заметила нашего недостроенного погреба. Оступилась и полетела куда-то вниз, в темноту… Правда, я упала на песок и не сильно ушиблась. Прошло, может быть, тридцать секунд, не больше: я поднялась по лестнице, выглянула во двор. Ваш политрук с места перемахнул на коне через забор, а вторая лошадь билась у крыльца, расстрелянная автоматчиком. Рыжий, глазастый немец стоял у калитки, и автомат в его руках дымился… Еще два немца пробежали через двор к забору и открыли огонь по вашему политруку. Однако он был уже далеко и мчался прямо к оврагу. Но куда же девался Володя? Двери сарая были приоткрыты… Значит, он спрятался в сарае. Помнилось, когда он подходил к лошади, в руках у него был автомат. Ваш автомат, товарищ полковник… С утра Володя еще раз чистил его и смазывал… Не знаю, почему немцы не вошли в дом, а двинулись к сараю? Наверное, их привлекла приоткрытая дверь. Я замерла. Из сарая послышались автоматные очереди. Меня будто пламенем обожгло: они убили Володю!

Я выбралась из погреба, встала во весь рост и пошла к сараю. Танки уже выкатились на улицу. На дворе не было никого. Из дома доносилась стрельба и звон посуды.

Я вошла в сарай и в полутьме споткнулась о что-то мягкое. Присмотрелась и увидела труп немецкого солдата. Здесь у нас была сложена солома, и немец почему-то подгреб под себя целую охапку. Но он был не один. Дальше, около дров, лежали еще три убитых немца. А на дровах, будто загнанный зверек, сидел с автоматом в руках Володя. Глаза его блестели, и на губах запеклась пена.

— Мама… — прошептал он чуть слышно. — Мамочка… Уходи! Запомни, мамочка, я умру не напрасно. Если ты останешься жива, передай моим товарищам, комсомольцам, что я сражался до последнего патрона…

Только теперь я заметила, что он ранен. По белым березовым поленьям лилась кровь из его ноги. Я бросилась в дом, чтобы взять бинт и перевязать рану. Здесь все было разгромлено, картины изрешечены пулями. Я открыла аптечку, взяла бинт и флакон с йодом и выбежала на крыльцо. В это время немецкий офицер и два солдата входили в сарай… Ноги у меня подкосились, и я упала. Хотела крикнуть — Володя, беги! — но крикнуть не смогла, задохнулась и онемела. Не знаю, как мне удалось сползти с лестницы. Я сползла по ступенькам и забилась, как собачонка, под крыльцо… Была одна только надежда: возможно, Володя убьет и этих? Но от потери крови он лишился сознания, и немцы выволокли его во двор. Свет передо мною помутился, и дальше я ничего не помню. Двое суток я пролежала под крыльцом и могла совсем замерзнуть, но случайно зашли соседи, заметили меня, вытащили, отогрели. Потом я похоронила сына в нашем саду.

Не только облик, даже голос Веры Яковлевны изменился, он стал глуховатым и звучал почти без интонаций. Что-то новое появилось в ее лице — оттенок холодности и отчужденности. Глядя прямо перед собой сухими немигающими глазами, она проговорила убежденно:

— А теперь у меня одна дорога: на фронт. Прошу зачислить меня в медсанбат. Я слышала от ваших бойцов, что нужны медсестры. В самый огонь и ад пойду, не отступлюсь, не испугаюсь… Пусть и мне дадут оружие. Я вижу кровь на березовых бревнах. Она не дает мне покоя по ночам…

Я понимал: слова утешения здесь бесполезны. И вышел в соседнюю комнату, чтобы позвонить в медсанбат.

— Вы сделали для меня большое, доброе дело, — сказала она,

прощаясь. — Я буду достойна вашего доверия, товарищ комдив…

Семь суток, почти непрерывно, продолжалась битва за город Тим, и невозможно перечислить волнующие эпизоды, в которых наши офицеры и солдаты, сыновья Советской Родины, проявляли беззаветную доблесть, самоотверженность и героизм. Передо мной старая записная книжка: края ее потрепаны, страницы измяты; на них следы дождевых капель и пыли, оседавшей после разрыва бомб. Иногда я не узнаю собственный почерк: записи приходилось делать наспех, то в окопе, то в машине, то на НП и зачастую ночью, при свете пожаров и ракет.

Каждая страница этой книжки для меня — страница жизни, живая картина пережитого: только задуматься, вспомнить, где и когда была сделана запись, и перед взглядом разворачивается то задымленная прогорклая степь, гремящая перекатами орудийных залпов, то улицы Киева, Конотопа, Тима, в огне пожаров, в гуле бомбежек, в черных развалинах, копоти и пыли.

Я записывал только эпизоды, свидетелем или участником которых был сам, но, конечно, далеко не все, — для этого не всегда находилось время, да и нередко думалось, что блокнот мой недолговечен: растопчут его в атаке или сожрет огонь, и пеплом развеется он по ветру… Но все же рука невольно тянулась к этим страничкам, и в минуты затишья я нередко перечитывал их.

Другому такая запись немногое скажет: «Командир 1-го батальона 16-го стрелкового полка Александр Трофимович Наумов, введя батальон в бой, первым вошел в город Тим, личным примером увлекая бойцов. В уличной схватке, вооруженный только автоматом и гранатами, вывел из строя пулеметный расчет противника и рассеял группу фашистов у церкви. Саша Наумов пал смертью храбрых в этом бою».

Как много говорит мне эта запись! Сколько раз я видел Сашу Наумова в боях, на самых ответственных и опасных участках сражения. Веселый и общительный, он был любим бойцами, обожал отважных и сам не ведал страха. Еще в Голосеево, в первом бою, его батальон показал примеры стойкости и умения драться. Мы виделись за десять минут до его гибели, и я удерживал Наумова, заметив, что он легко ранен в руку.

— Погоди, Александр Трофимович, сейчас подойдет медсестра…

Он был без фуражки — радостный, сильный, разгоряченный.

— Э, да ведь это будто кошка лапкой, Александр Ильич!.. У меня новый командир роты, парню нужно помочь!

И, тряхнув кудрявой головой, метнулся за угол дома. Кто знает, быть может, и жив был бы Саша, если бы я его удержал еще на минуту?

…Коля Дубровин — молодой коммунист, политрук. Он заметил, что у главной площади расчет нашего «максима» выведен из строя, и бросился к пулемету. Я видел: прямо у ног его разорвалась мина, но каким-то чудом Дубровин уцелел. Он припал к пулемету и открыл огонь. Минометная батарея противника буквально засыпала Дубровина минами. С противоположной стороны площади гитлеровцы выкатили пушку и открыли огонь прямой наводкой. Но пулемет работал, и орудие противника замолчало, — в его расчете никого не осталось в живых.

…Санитарка Ира Берзюк. Смуглая украинка, стройная, с легкой походкой и веселой улыбкой.

На привалах бойцы нередко просили ее спеть. Она знала сотни песен своей раздольной родины — грустные и задорные, задумчивые и насмешливые.

Эта чернобровая певунья не ведала страха в бою. Под ураганным пулеметным огнем противника она вынесла с поля боя двенадцать раненых бойцов и, когда подразделение двинулось в атаку, была в передовой цепи. Вражеская пуля сразила ее насмерть, и рота в тот день словно бы осиротела. А мне принесли санитарную сумку Иры, раскрыли и показали книгу, с которой она никогда не расставалась. Это был пробитый пулями, залитый кровью «Кобзарь»…

…Орудийный расчет младшего лейтенанта Лагоды. Они были очень дружны — командир взвода Андрей Лагода, наводчик, старший сержант Малышев и боец Харченко. Все трое несколько дней назад были приняты в партию и дали клятву бесстрашно сражаться с врагом. В Тиме им выпал трудный экзамен: танки и мотопехота противника ринулись на их расчет. Лагода выкатил орудие на открытую огневую позицию и уничтожил до полусотни вражеских солдат. Он упал замертво, протянутая рука указывала на врага. Малышев и Харченко, оба раненные, продолжали вести огонь и уничтожили еще один вражеский танк. Поле боя они покинули с помощью санитаров.

А рядом с ними сражался пулеметчик Нибиулин. Раненный в живот, он продолжал вести огонь. Его насильно оторвали от пулемета. Теряя сознание, он прокричал:

— За Украину…

И все же в самые яростные минуты боя наши солдаты и офицеры не утрачивали человечности. Секретарь партийного бюро второго

батальона Беляк, забросав подразделение противника гранатами, подбежал к раненому немецкому офицеру.

— Ранен?.. Сейчас перевяжем! Пойдешь со мной в тыл…

Гитлеровец с мольбой протянул к нему руку:

— О, русс, это есть хорошо… Это есть благородно!..

Беляк наклонился над офицером, сорвал обертку бинта. Немец отпрянул в сторону и дважды выстрелил из пистолета. Первая пуля ранила Беляка в обе руки, державшие бинт, вторая прошла через бок.

— Ну, гад… «это есть благородно»?!

Он выхватил пистолет и прикончил фашиста.

…Комсомолец Данкин. Хрупкий, молчаливый паренек. Застенчивый настолько, что солдаты прозвали его «красной девицей»… Он торопился из штаба своего батальона в штаб полка с важным донесением. Из-за угла навстречу ему вышла группа фашистов. Они столкнулись лицом к лицу, и немцы поняли: есть пленный! Но Данкин метнулся в сторону, вскинул штык и сразил одного, потом другого немца… Закипела невиданная, неравная штыковая схватка. Трех фашистов нанизал на свой штык хрупкий, застенчивый паренек, прозванный в роте «красной девицей»!

Любой ценой, не считаясь с потерями, гитлеровцы хотели удержать город Тим. Да и понятно: в то время они еще не привыкли к сообщениям, что, мол, немецкие войска оставили такой-то город. Для них была важна реклама все новых и новых побед. Ясно, что освобождение нами Тима было бы для гитлеровского штаба очень болезненным щелчком. Под огнем нашей артиллерии они гнали на западную окраину города пополнение. Мчались машины со снарядами, тягачи волокли пушки…

Бойцы третьей роты, поддержанные пулеметным взводом лейтенанта Чухонцева, рассеяли пехоту противника, которая пыталась прорвать наш левый фланг. Но машины врага продолжали двигаться прежней дорогой. С наблюдательного пункта батальона, где я находился, было видно, как пулемет Чухонцева смел вражескую цепь и ударил по автомашинам. Стремительно поднимается наше подразделение в атаку, и вот две машины уже захвачены и движутся в наш тыл… Через несколько минут солдаты приносят мне трофеи: знамя немецкой воинской части и ее штабные документы.

— Молодец лейтенант Чухонцев!.. Передайте ему мою благодарность, — говорю я солдату и жму его руку, но он опускает глаза.

— Лейтенанта Чухонцева нет… Но как он сражался! Вокруг — не

меньше тридцати убитых врагов.

Тим… Сколько крови впитала земля твоих улиц, окраин, площадей! Здесь дрались плечом к плечу русские и украинцы, татары и казахи, грузины и узбеки, белорусы и башкиры, и нет возможности назвать самого отважного из них и перечислить все памятные эпизоды этой битвы.

Виктор Гойда — человек пожилой, скромный, он всегда предпочитал оставаться в тени, отлично выполняя поставленные перед ним задачи. Воентехник, он был помощником командира по обеспечению.

Когда капитан Наумов повел батальон в атаку, Гойда был дважды ранен и потерял сознание. Его не успели вынести с поля боя. Он лежал у тротуара, а батальон продвинулся далеко вперед. Подбежала санитарка и, наклонившись над раненым, легонько встряхнула за плечи.

— Товарищ Гойда… Капитан Наумов убит!..

Гойда открыл глаза, с трудом встал на ноги.

— Что ты говоришь… Сумасшедшая! Что ты говоришь?

Он не позволил себя перевязать, пошатываясь, заковылял по переулку, стал собирать отставших бойцов. Неподалеку в прочном кирпичном доме засела группа фашистов до пятнадцати человек. Гойда бросился к дому и одну за другой швырнул в окна четыре гранаты. На перекрестке показалась, видимо, сбившаяся с маршрута вражеская автоколонна. Гойда заковылял к машинам. Автоматная очередь сорвала с него шапку. Он швырнул гранату, и передняя машина запылала… Через минуту здесь горело пять вражеских грузовиков.

Приняв на себя командование батальоном, Гойда повел его в атаку. Эта атака была отбита. Воентехник не растерялся: он снова поднял бойцов и захватил важный перекресток. Здесь он опять потерял сознание, и его вынесли с поля боя без чувств.

На соседней улице сражалась группа сержанта Юрьева. Она упорно продвигалась к центру города. Коммунист Анатолий Юрьев шел впереди цепи. У здания райисполкома оборону занял взвод противника. Гитлеровцы рыли окопы, когда перед ними поднялся плечистый сержант. В короткой штыковой схватке взвод противника был полностью уничтожен, и группа Юрьева захватила несколько домов.

Быть может, сказывалась давняя привязанность: я по-прежнему внимательно следил за делами ветеранов дивизии, наших воздушных

десантников. Их оставалось не так-то много: одни были ранены, другие погибли. Однако те, кто в эти дни находился в строю, не раз напоминали о себе строками боевых донесений политотдела дивизии.

Солдата Павла Кремежного многие бойцы, да и офицеры, считали бывалым десантником, и он этого не опровергал. Правда, ему ни разу не довелось прыгать с парашютом. Павел пришел в бригаду добровольцем, так как не подлежал службе из-за ранения во время финской кампании. Еще в боях за Киев он был участником смелых вылазок в тыл врага, дважды приводил «языка», дрался в рукопашных схватках.

Человек веселый и общительный, в свободные часы Кремежный рассказывал новичкам о делах своего батальона, и послушать его, — война — это сплошь забавные приключения.

Младший сержант Гиви Акитович Чхотяне, несмотря на молодость, был человеком сосредоточенным и серьезным. Они сражались вместе, но поглядывали друг на друга не без сомнения. «Не слишком ли весел Кремежный? — думал Чхотяне. — Что за шутки, если кругом огонь?» «Не слишком ли мрачен этот Гиви? — думал Кремежный. — Чего он все время дуется и на кого?»

В час затишья на передовой я случайно стал свидетелем их перепалки.

— У нас, у десантников, — смелость, — поучал кого-то Кремежный, — это самый первый закон. Главное — нос никогда не вешать, как наш Гиви. Ну, скажи, приятель, что ты такой скучный?

— А скучный я потому, — ответил Чхотяне с резким восточным акцентом, — что дело это не очень веселое: грязь, окопы, стрельба. И еще скучно потому, что ты про чужую славу говоришь: ведь сам ты, Павел, не десантник.

— Это как же не десантник? Я с первых боев под Киевом в бригаде.

— А с парашютом прыгал? А курсантом был?..

— С парашютом не доводилось, но курсантом был!

— Где?

— На курсах мукомолов… В районном центре.

— Вот потому и мелешь муку.

— Пойми, голова, что курсы — это сама война! Тут что ни день — экзамен. Срезался — значит, прощай. Убедил фрица штыком или пулей — пятерка! Я и есть самый настоящий десантник: спроси у комиссара Чернышева или у нашего комдива…

— Послушай, душа, ты же знаешь, что я не пойду спрашивать!

— А ты все-таки спроси.

— А я не пойду спрашивать.

— Трусишь, мрачный человек?

— Мы еще посмотрим, кто трусит!

— Может, на меня намекаешь, Гиви? Я покажу тебе, как надо воевать.

— Лучше, душа, смотри на меня. Да не сейчас смотри, в атаке!

Они изумились, увидев меня в своем окопе, и оба одновременно вскочили.

— Ложитесь, — сказал я. — Можете продолжать дружескую беседу. Подтверждаю, что вы, Кремежный, достойны звания десантника.

Он зарделся от радости и смущения.

— Товарищ полковник, вы… слышали?

— Не интересом… Два петуха! Но скоро атака и, значит, увидим, кому пятерка.

Дел на передовой достаточно, и через минуту я забыл об этом разговоре. А в атаке, которая началась через несколько минут, оба они действительно держали экзамен.

Павел Кремежный возглавил роту, заменив раненого командира, и повел ее на боевые порядки врага. Станковый пулемет противника прижал наших бойцов к мостовой. Кремежный встал и бросился к пулемету. Гитлеровец выстрелил в него из винтовки в упор и промахнулся. Кремежный штыком уничтожил пулеметный расчет и повел роту дальше, на штурм высотки. Раненный в руку осколком снаряда, он не ушел с поля боя. Трофейный пулемет в его залитых кровью руках работал безотказно. Склоны высотки были усеяны трупами вражеских солдат, а Кремежный смеялся:

— Ну-ка, орлы-десантники и просто пехота, царица боя, этому пожару — поддайте жару!

Они расстались в бою. Гиви Чхотяне с группой солдат заметил в переулке две автомашины противника. Свежее пополнение гитлеровцев неторопливо выгружалось. Гиви метнул три гранаты и дал очередь из автомата. Обе машины загорелись, солдаты противника рассеялись по дворам. Но навстречу Чхотяне выкатился вражеский танк. Гиви упал, затаился и снова метнул гранату… Она разорвалась под гусеницей, и машина словно споткнулась. Экипаж танка, по-видимому, был в недоумении: он не ожидал встретиться здесь с нашими бойцами. Открылся люк, и показалась голова башенного стрелка. Чхотяне скосил его короткой очередью. Он подбежал к танку

и швырнул в открытый люк гранату.

Немцев поблизости не было. Гиви взобрался на танк, отбросил труп гитлеровца и снял пулемет.

После боя политрук батальона рассказывал мне о встрече двух смельчаков. Гиви сказал:

— Брат мой родной, Павел Кремежный… Теперь я верю, что ты настоящий десантник!

— А я, братишка, понял, — улыбнулся Кремежный, — что ты не скучный человек. Ты, Гиви, мой друг…

К вечеру город Тим снова был в наших руках. Две отборных немецких дивизии, стрелковая и танковая, отошли на его западные окраины. На улицах Тима чернели сожженные вражеские танки и автомашины. Некоторые из них еще горели, и жирный крест свастики корчился в огне.

Среди дымящихся развалин квартала, на восточной окраине Тима, уцелел аккуратный кирпичный домик. Так зачастую случалось: бомбы, снаряды, мины взроют и перепашут улицы и огороды, скосят сады, перемешают с землей камни и бревна жилищ, но на этом мрачном пепелище, смотришь, цел-целехонек, безмятежен и привлекателен какой-то счастливый домишко, — его обошел бой.

Даже оконные стекла в этом домишке не тронуты: белеют занавески, цветет калачик или герань…

Начальник медицинской службы дивизии Охлобыстин уже успел оборудовать в кирпичном домике медпункт. Я видел: в распахнутые ворота санитары вносили раненых.

По выбоинам улицы, по примерзшим кочкам, трясясь и поскрипывая, медленно двигалась повозка. Усталая лошаденка еле тащила ее, а ездовой ласково подбадривал:

— Н-но, милая, красавица моя… Н-но, Крошка!..

Кроме ездового, рядом с повозкой шли два автоматчика, и это несколько удивило меня: что за эскорт вдали от передовой?

Я подошел к воротам: ездовой придержал лошаденку и стал по стойке «смирно», а солдаты браво козырнули, и старший из них, пожилой, рыжеусый, доложил:

— Сопровождаем раненых. Приказ командира роты доставить до самого медпункта.

На повозке, тесно прижавшись друг к другу, прикрытые плащ-палаткой и каким-то тряпьем, лежали раненые. Их было пятеро; темные лица, сомкнутые и обожженные жаждой губы, широко открытые глаза. Я заметил длинную шелковисто-черную прядь волос и

приподнял край плащ-палатки. Девушка. Санитарка. И удивительно знакомое лицо…

— Кто она?

Молоденький сержант с усилием улыбнулся:

— Наша спасительница, товарищ комдив… Женя… Женя Бернатович.

В памяти моей быстро пронеслась картина: Сейм… сожженная степь… над самым обрывом берега, там, где от вражеских снарядов непрерывно вставали черные смерчи пыли, молодая смуглая санитарка несла раненого… Позже я узнал, что это был комбат Елюков. А в те минуты казалось невероятным, непостижимым, что санитарка осталась невредимой и пронесла свою живую ношу сквозь такой огонь. Она уже не раз отличалась в боях, вместе со своей неразлучной подружкой — Машей Боровиченко, и была награждена орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Что совершила она теперь?

Из домика вышел санитар и сказал устало:

— Мест нету, ребята. Придется везти в медсанбат…

Женю бил озноб, губы ее, щеки, руки, сомкнутые у груди, резко вздрагивали; она словно бы силилась открыть глаза и не могла. Я сбросил куртку и укрыл ее.

— Товарищ санитар, раненых принять немедленно, а тех, которым уже оказана первая помощь, отправить повозкой в медсанбат.

Он козырнул, кликнул помощников и бросился к повозке.

Выбирая дорогу покороче, я пошел в штаб. Погода была хмурая, и быстро темнело. Резкий северный ветер пробирал до костей. «Наша спасительница…» Эти два слова сержанта мне запомнились, и я подумал, что нужно будет урвать минуту, посетить медпункт. Ветеранов у нас оставалось не так-то много, и было особенно тяжело, когда из строя уходили эти испытанные, поистине родные люди, всегда являвшие высокий пример.

…Еще одна бессонная ночь… Мы побывали с комиссаром на переднем крае, где среди разрушенных домов и искалеченных деревьев сада занимал оборону наш второй батальон. На передовой было тихо, лишь время от времени в отдалении угрюмо ворчал пулемет да со стороны противника доносился гул моторов.

Знакомая обстановка перед боем. Знакомая, молчаливая решимость солдат. Это и есть главное — решимость. О ней никто не расскажет, никто ее не объяснит, она растворена в воздухе: ею дышишь.

На обратном пути, перед утром, мы завернули в медпункт. В трех комнатах домика было тихо, светло. Дверь открыта настежь, а окна занавешены одеялами. На столе сплющенная гильза, и над нею ровно мерцает огонек.

Я спросил у молодого врача о медсестре Бернатович. Он одобрительно закивал головой:

— Знаете, у этой девушки железная выдержка. Операция была серьезной, но ни единого стона. Скажу откровенно: редкостный человек. Сейчас она уснула, и это, конечно, хорошо. Завтра мы ее эвакуируем.

Уже знакомый мне молоденький сержант не спал: он лежал отдельно от других в маленькой прихожей и заметно обрадовался, когда мы взяли стулья и присели у его койки. Будто оправдываясь, он сказал:

— Мест у них, у наших медиков, товарищ комдив, очень мало. А у меня вроде бы отдельное купе. После того, что было, я, знаете, как на курорте!

— Вот и расскажите нам, сержант, «что было». Откуда вы прикатили на резвом вороном рысаке?

Он засмеялся и поморщился от боли:

— Да, резвый вороной рысак! Ездовой называл его Крошкой. И до чего же разумное создание: ударишь кнутом — ни за что не пойдет, а ласковому слову, как дитя, послушно.

— И долго везла вас эта Крошка?

— Долго, товарищ полковник, часа, наверное, три. Мы в том лесу, что по оврагам раскинулся, в окружении остались. Четверо, и все раненые, и дело, конечно, — табак. Признаться, совсем уже помирать собрались: по лесу гитлеровцы шастали, и это чудо, что нас они не заметили, не перестреляли.

Он облизнул сухие, потрескавшиеся губы; комиссар осторожно поднес ему стакан воды.

— Бой, как вы помните, в этом лесу разгорелся. Наши осуществили обходной маневр и отошли. Меня пулеметной очередью ранило, ну, знаете, как назло!.. Жутко было подумать, что наши отходят, а я, никем не примеченный, в дубовом подлеске лежу. Но вот слышу голос — удивительное дело — голос нежный, женский:

— Спокойно, братишка, я с тобой…

Тут мне подумалось, что это, наверное, сон: откуда здесь, в лесной глухомани, взяться женщине?

Но женщина присела рядом, разрезала на мне гимнастерку и стала делать перевязку. Руки такие ловкие, быстрые, умелые — боли почти никакой.

— Только не подавай голоса, — шепчет она. — В лесу полно фашистов. Слышишь, никто из раненых не стонет, не кричит…

Это меня совсем удивило.

— Разве я здесь не один?

Она так ласково улыбнулась.

— Ну, если я с тобой, значит, не один. И еще с нами трое. Жаль, все ранены.

Я осмотрелся:. да, трое солдат лежали на подстилке из листьев, — это она успела приготовить такую постель.

— Что будем делать, сестрица? — спрашиваю. — Если вокруг немцы, значит, найдут.

Она как будто удивилась такому вопросу:

— А что солдату делать? Сражаться… Но это, если обнаружат. Вот он, твой автомат…

— Руки, сестрица, перебиты.

Она задумалась:

— Ладно. Оружием и я владею. Крепись и молчи…

А кто-то из раненых не сдержался, застонал!

— Воды, сестрица… Ну, каплю воды!

— Где же мне взять эту каплю, милый? — спрашивает Женя сквозь слезы. — Потерпи до ночи. Ночью что-нибудь придумаю, потерпи…

Тут я услышал, как близко, очень близко затрещал валежник,

зашуршала листва. Немцы! Может, я говорил слишком громко, и они теперь шли на голос? Женя прикрыла меня веткой, взяла автомат и залегла у старого пня.

Да, я не ошибся, это были немцы. Они громко разговаривали, и голоса приближались. Двое о чем-то спорили, а третий, коренастый, грязный, в рваном кителе, внимательно оглядывался по сторонам, взмахивал тесаком и сносил верхушки дубков. Они прошли на расстоянии в пятнадцать шагов от нас, и даже сейчас я удивляюсь: как не заметили?

Да, товарищ полковник и товарищ комиссар, день этот и ночь никогда я не забуду. Кажется, половину жизни отдал бы за глоток воды. Пытался жевать дубовые листья, но от них во рту становилось еще суше и горче, а потом пекло, будто огнем…

Постепенно те трое раненых совсем позабыли про осторожность: стали все громче просить воды. И нужно было, я думаю, иметь великое терпение, чтобы ласково уговаривать их, как маленьких. А когда стемнело, Женя решительно поднялась, взяла две гранаты, автомат и сказала:

— Ждите, постараюсь пробраться в село.

Тут я не скрою, товарищи командиры, что, будто рукой костлявой и холодной, сжала мне горло тоска. «Что ж, думаю, один у неё, у Жени, исход: уйдет и не вернется. Ей, может, приведется еще пожить, а с нами наверняка погибнет».

Лежал я в этом притихшем дубняке, смотрел на звезды и думал, все думал о жизни… И вспомнились мне бои под Конотопом, в Казацком и на Сейме, и как наш комсорг, Вася Щербак, один, в поединке с танками, уничтожил две машины врага, и как Машенька из Мышеловки, санитарка Лиза и Женя Бернатович спокойно трудились, исполняя свое доброе, сердечное, святое дело под сумасшедшим огнем… Вспомнил и спросил себя: что же ты раскис? Разве им легче было, нашим славным девушкам? А ведь никогда — ни жалобы, ни грусти. Значит, как видно, тот и есть настоящий советский воин, кто при любой невзгоде полное спокойствие духа сохранит.

Он снова глотнул воды и улыбнулся глазами:

— Но Женя вернулась. И как же я, глупый, мог о ней такое подумать, что она не придет? Как могла у меня хотя бы на минуту темная эта мыслишка зародиться? Право, не знаю: наверное, потому, что от потери крови ослабел и мысли свои не контролировал. Женя вернулась и принесла ведро воды, а вдобавок еще и большую теплую буханку хлеба.

Вот было радости! Мы пили и не могли напиться. А какой вкусный хлеб! И где она его раздобыла? Об этом никто из нас не спрашивал. Только теперь я понимаю, что пробраться в занятое фашистами село, постучать в хату, где непременно были немцы, значило идти на верную смерть.

Когда мы подкрепились хлебом и вдоволь напились воды, меня сразу одолел сон. Сколько прошло времени? Оказывается, вся ночь. Проснулся и вижу: и небо, и верхушки деревьев уже порозовели. Но странно, как же это случилось, что на меня свалился целый дуб? Раздвигаю ветки… Вот оно что! Это сестрица укрыла меня, чтобы фашисты случайно не заметили.

Раздвинул я ветки, кое-как приподнялся на локтях, вижу — и другие раненые тоже старательно прикрыты. Где же она, Женя? Неужели опять рискнула идти в село?.. У замшелого пня, вижу, лежат наши три винтовки и полдесятка гранат. Помнилось, что вчера был у нас и автомат, и гранат до десятка… Наверное, думаю, сестрица с автоматом, с гранатами охраняет нас. И только подумал об этом, — вот оно, несчастье, — хриплый голос скомандовал:

— Хальт!..

Ветки над ранеными зашевелились; один из них, тот, пожилой — вы, может, запомнили его, товарищ полковник? — привстал:

— Все-таки нашли, гады… Васенька, гранату подай!

Я видел трех немцев: они стояли в дубняке, на малой полянке, держа автоматы наизготовку, — сухопарый, длинный ефрейтор от изумления разинул рот.

И вдруг над самой моей головой грянула длинная очередь. Два немца свалились, а третий неловко подпрыгнул и кинулся бежать. Тут откуда-то из кустарника появилась Женя. В руках у нее автомат, из дульного среза еще стекал дымок.

— Ну, что ж, — сказала она, снова принимаясь накрывать нас ветвями. — Будем держаться. Бывало и похуже, мальчики…

Какая досада, что мы, четверо, ничем не могли ей помочь! У двоих — ранения в легкие, и эти двое часто теряли сознание. У того пожилого солдата перебиты ноги. Я ранен в обе руки и в грудь. Что делать в обидном, в горьком таком положении? Но Женя была спокойна и даже слова утешения находила.

— Живыми мы не сдадимся. Никогда!

А немцы приближались. Издали донесся крик:

— Русс, сдавайся!

Сколько их тут было? Да и что считать? Разве устоять ей, сестрице,

в неравной схватке? Вот за полянкой резко покачнулся дубок, и Женя тотчас метнула туда гранату. Из густого подлеска дружно застрочили автоматы; было понятно — фашисты обходили нас с двух сторон.

— Ты вот что — уходи, сестрица! Нам все равно крышка… — попросил кто-то из солдат.

Она усмехнулась:

— Нет, братец, мы еще посмотрим, кому крышка. Счет уже сравнялся: нас пятеро, и пятеро фашистов кончились… — И Женя снова метнула гранату.

Сержант слегка приподнял голову; по молодому бледному лицу смутно пробегали отсветы; черные глаза смотрели удивленно.

— Я говорил вам, что у нас было до десятка гранат. В запасе оставалось три автоматных диска. Женя расчетливо расходовала и гранаты, и патроны. А все же боезапас кончился, и она подхватила винтовку. Если бы немцы увидели, что против них сражается девушка, и сражается одна против целого отряда! Но они, наверное, думали, что здесь окопался добрый взвод. Поэтому и случилось, что Женя выиграла время. Да, выиграла время, хотя и сама о том не знала. А ребята нашего третьего батальона, контратакуя противника, ворвались в лес. Потом они говорили нам, что были очень озадачены: кто вел в тылу противника бой? Мы слышали трескотню автоматов, разрывы гранат, голоса… Этот гром все накатывался, приближался. И — какая неожиданность — наше, русское «ура!» прокатилось над подлеском, над поляной… И нужно же было случиться, чтобы в последнюю… в самую последнюю минуту боя ее сразила пуля.

Он закусил губу, его глаза повлажнели.

— Жаль, товарищи командиры… Как жаль!

Мы встали. За окнами глухо громыхнул снаряд. Пламя коптилки дрогнуло и метнулось.

— Не грустите, сержант, — сказал комиссар. — Женя отлично перенесла операцию, и дело пойдет на поправку. Сестрица еще вернется в дивизию.

Раненый вздрогнул и попытался привстать:

— Правда?.. Спасибо… Какая хорошая весть! Лишь бы ей выздороветь, славной.

Мы вышли на улицу.

Сеял холодный дождь. Ветер где-то перекатывал сорванный лист железа. Комиссар всю дорогу молчал и уже у домика штаба взял меня под руку, заговорил удивленно:

— А ведь все это как сказка, Александр Ильич! Девушка охраняет

раненых и одна ведет бой. Рассказать об этом лет через двадцать, может, найдутся такие, что не поверят? Одна, и никакой надежды на помощь. Враг окружает, и, значит, смерть. Но верное сердце отдано раненым воинам до последнего биения, и оно побеждает, это верное сердце!

Яркая вспышка ракеты перечеркнула небо, и обычно, усталое, в резких морщинах лицо комиссара мне показалось молодым.

Причины успеха гвардейцев. Беседа с воинами. Война стало бытом. Многозначительные мелочи. Романтика подвига. Отчаянный корреспондент. Мы отбрасываем противника. Солдатская песня.

«Почему этим нашим стрелковым дивизиям удавалось бить врага и гнать перед собой хваленые войска противника?

Потому, во-первых, что при наступлении они шли вперед не вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьезной подготовки, после того, как они прощупали слабые места противника и обеспечили охранение своих флангов.

Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника они не ограничивались движением вперед, а старались расширить прорыв своими действиями по ближайшим тылам противника, направо и налево от места прорыва.

Потому, в-третьих, что, захватив у противника территорию, они немедленно закрепляли за собой захваченное, окапывались на новом месте, организуя крепкое охранение на ночь и высылая вперед серьезную разведку для прощупывания отступающего противника.

Потому, в-четвертых, что, занимая оборонительную позицию, они осуществляли ее не как пассивную оборону, а как оборону активную, соединенную с контратаками. Они не дожидались того момента, когда противник ударит их и оттеснит назад, а сами переходили в контратаки, чтоб прощупать слабые места противника, улучшить свои позиции и вместе с тем закалить свои полки в процессе контратак для подготовки их к наступлению.

Потому, в-пятых, что при нажиме со стороны противника эти дивизии не впадали в панику, не бросали оружия, не разбегались в лесные чащи, не кричали „мы окружены“, а организованно отвечали ударом на удар противника, жестоко обуздывали паникеров, беспощадно расправлялись с трусами и дезертирами, обеспечивая тем самым дисциплину и организованность своих частей.

Потому, наконец, что командиры и комиссары в этих дивизиях

вели себя как мужественные и требовательные начальники, умеющие заставить своих подчиненных выполнять приказы и не боящиеся наказывать нарушителей приказов и дисциплины».

Текст этого документа политработники дивизии прочитали в каждом подразделении, разъяснили каждому бойцу.

В эти дни к нам пришло пополнение, но прежде чем бросить его в бой, мы решили провести с новичками занятия по боевой подготовке. Бойцы вели обстрел боевыми патронами, изучали материальную часть оружия, бросали гранаты.

В свободные минуты я пришел к новичкам. Группа солдат окружила седого плечистого человека, склонившегося над пулеметом. Я узнал комиссара Чернышева: он разбирал замок… Рядом с ним сидел, с рукой на перевязи, Кремежный. Он отказался уходить в госпиталь, в тыл, и теперь проводил занятия с бойцами пополнения.

Я удивился Чернышеву:

— Что это вы, Федор Филиппович, заново оружие вздумали изучать?

— Нужно немного вспомнить. Очень хорошая машина в обороне, если уметь ею владеть. Я всем комиссарам и политработникам приказал, чтобы они отлично изучили оружие, которое имеется у них в подразделении, в части, присутствовали на занятиях по огневой, инженерной, тактической и специальной подготовке. В бою хороша пропаганда примером, когда сам умело и грамотно показываешь тот или другой боевой прием… Даже самые хорошие мысли и стремления политработника, самые чистые и возвышенные порывы могут остаться только при нем, если у него нет военных навыков и знаний… Вот посмотрите на старших политруков Олега Кокушкина и Григория Марченко: они отлично знают оружие, военную технику, имеют немалый боевой опыт. Все свои знания в бою и на отдыхе они передают бойцам, и солдаты видят в них подлинных коммунистов-фронтовиков, уважают и любят.

Он вытер паклей замасленные руки, взял у Кремежного папиросу:

— Наш лейтенант, товарищ Кремежный, говорит, что я неплохо знаю пулемет. Слышите? Неплохо… Тут имеет место явная скидка. Ясно, что я должен знать эту «машинку» отлично… Думаю, что со временем такую оценку от товарища Кремежного заслужу!

Я сел рядом с ними у пулемета, быстро разобрал и собрал замок. Павел Кремежный спросил удивленно:

— Значит, приходилось и «максимом» работать?

— Ого, еще сколько лет!..

Он встал, отбросил папироску, поправил шапку, одернул шинель:

— Разрешите, товарищ полковник, вопрос…

— Обращайтесь, лейтенант… Есть новости?

Он улыбнулся, выше вскинул голову:

— Как-то непривычно мне это слово «лейтенант»… Будто и не ко мне относится. Вчера был сержант, сегодня — лейтенант…

— Значит, заслужили.

— Но я, товарищ полковник, не только про себя думаю. Есть другая забота. Про дивизию мои мысли каждый час… Вот батальонный комиссар нам рассказывал, что четыре дивизии получили наименование гвардейских. Великая честь! А что же мы? Столько времени в боях, в кровь бьем фашиста по сопатке, и — ну, как бы вам сказать? — и нету надежды на такое славное звание…

Бойцы напряженно слушали, боясь проронить хотя бы слово.

— Кто может лишить нас надежды, товарищ Кремежный? Гвардейское звание мы должны завоевать.

— Верно. Вполне согласен… Однако позвольте высказать вам мое личное мнение и мнение бойцов всего взвода по этому вопросу.

— Говорите. Мне интересно…

— Вы все время внушали нам, товарищ полковник, что успех боя зависит от хорошей подготовки личного состава, чтобы каждый боец не только отлично знал свою задачу, но и грамотно выполнял ее на поле боя. И еще вы говорили, что успех зависит от правильной организации взаимодействия и управления боем, а также от желания каждого бойца и командира выполнить поставленную задачу. Теперь эти истины в уме и в сердце каждого нашего бойца. Но что же мы будем делать дальше, товарищ полковник? Семь суток непрерывно деремся мы за Тим, ночью имеем большие успехи, бьем немца, освобождаем город, а днем отступаем на прежний рубеж. В чем дело? Почему так получается? Разве мы хотим отдавать врагу занятый, политый нашей кровью город? Нет, не хотим, мы крепко держимся за него и крепко деремся. Но силы наши и силы фашистов не равны. С болью душевной, с горечью в сердцах отходим мы в исходное положение… Чуть поднимется солнце — прет вражеская авиация. Сбрасывает бомбовый груз на наши боевые порядки, потом делает второй заход, снижается до бреющего полета и начинает обстрел из пулеметов. Потом появляются танки врага… Это немецкий военный стандарт: ни капельки нового, все по одному расписанию. А у нас нет зенитных орудий, чтобы отбить воздушную атаку, и нет противотанковых средств, чтобы отразить танки противника… Все это

получается вроде бы как у зайцев: соберутся они с вечера — и шасть в огород покушать ботвы или капусты, а как только день настанет, бегут от охотников кто куда… Но ведь не каждому уйти удается: одного, смотришь, подранили, другой — убит.

Он внимательно взглянул на меня, на Чернышева и закончил негромко, заметно волнуясь:

— Может, вы подумаете: трусит Кремежный, при бойцах такие разговоры ведет. Но бойцы наши — люди грамотные и все, как один, патриоты. А Кремежный не трусит: отец мой беляков с Буденным рубил, дед против турка воевал, прадед за Севастополь сражался. Весь род мой военный, и, верьте на слово, смерти за правое дело я не страшусь. Только обидно мне, что мы не гвардейцы. Удержали бы город, немца отбросили подальше, — наверняка дивизия гвардейской стала бы. Чего же у нас не хватает для этого? Отваги? Достаточно. Желания разбить врага? Тоже вполне достаточно. Организованности? Есть и она. Оружие нам нужно: зенитки, противотанковая артиллерия, ружья!

— Трусом, товарищ Кремежный, никто вас не считает, — заметил Чернышев. — А если вы командиру дивизии выкладываете все, что на душе у вас накопилось, что ж, откровенность, доверие и дружба — родные сестры.

Мне нравился этот бывалый солдат с орденом Красного Знамени на груди, с его переживаниями за дивизию, с желанием мыслить масштабами всего соединения. Мне нечего было скрывать, не было смысла преуменьшать наши трудности и преувеличивать успехи. Я привык говорить воинам только правду. И я сказал:

— Не буду разубеждать вас, товарищ Кремежный. Вы правильно рассуждаете: нам не хватает оружия. Однако потерпим еще немного: будут у нас и танки, и зенитки, и противотанковая артиллерия… Что ж делать, если приходится отходить из города? Мне тоже обидно и больно: деремся за каждую улицу и каждый дом, а потом отходим, чтобы ночью снова за них драться: Но разве наши усилия напрасны? Разве мало уничтожили мы фашистов, мало, сожгли их танков и автомашин? Вы слышали, что говорят их офицеры, взятые нами в плен: «О русс, — говорят они, — наш полк, наша рота — капут!»

Своими активными действиями мы сумели привлечь на себя две полноценные немецкие дивизии, причем одна из них — танковая! А если бы мы перешли к обороне и прекратили атаки? Дело понятное: немцы оставили бы в городе небольшой гарнизон, бросили бы эти две дивизии на наших соседей и стали бы развивать наступление на

восток. Мы поступили бы подло, товарищ Кремежный, если бы позволили гитлеровцам это сделать. Значит, борьба не должна ослабевать ни на один день. Если противник силен и вы в этом убеждены, а сил у вас не так-то много, все равно, не оставляйте противника в покое; разведайте у него слабину, соберите все свои силы в кулак, выждите подходящее время и нанесите удар в этом направлении.

Во-вторых, если имеется возможность, сделайте этими силами маневр и нанесите внезапный удар по флангу и тылу врага. Правда, нельзя забывать, что этот маневр может быть связан с большим риском, ведь противник и сам может нанести удар по вашему слабому месту, однако риск неизбежен, и важно, чтобы он не был безрассудным, чтобы командир учел каждый минус и каждый плюс.

В-третьих, нам, людям военным, отсиживаться не к лицу. Ненавидеть врага всей душой — значит уничтожать его при малейшей возможности, а если нет таких возможностей — нужно их создавать. Разыщи врага и, если он не сдается, — уничтожь. Конечно, хорошо бы иметь побольше зениток и танков. Но ведь мы воюем тем, что имеем в руках. Можете верить мне, товарищ, лейтенант, скоро, очень скоро, я лично в этом убежден, над нашими батальонами, над полками, над дивизией затрепещет гвардейское знамя. Мы его добудем в боях…

Солдаты теснее окружили меня. Суровые лица их застыли, а глаза сияли. Что случилось с Кремежным? Он сорвал с головы шапку и швырнул на землю.

— Извините, товарищ полковник… Я сейчас не строевой. Но если вы позволите… Очень прошу, позвольте. Я возвращусь к своему пулемету во взвод.

— Наденьте шапку, — строго сказал Чернышев. — Помните, вам поручено очень важное дело: проводить занятия с бойцами.

Кремежный поднял шапку, выпрямился, зубы его блеснули в улыбке.

— Есть…

Ночью эта свежая группа бойцов впервые вступила в бой. Сержант Аревадзе, тот самый юноша, которого Кремежный обучал бросать гранаты и назвал самым хорошим учеником, уничтожил две бронемашины и один танк противника. Сержант пулеметного взвода Кручинин поджег грузовую машину, уничтожил расчет противотанковой пушки, нанес повреждение двум танкам врага и расстрелял группу вражеских автоматчиков.

Сержант Шарупов забрался на окраине Тима в покинутый дом,

замаскировался и стал выслеживать вражеских автоматчиков. Они пытались укрыться в этом доме. Шарупов принес их документы и автоматы.

С первого боя прибывшее пополнение проявило себя отлично. Битва за Тим продолжалась, и с каждым днем, с каждой ночью она обходилась врагу все дороже.

Ветераны бригады, а теперь дивизии, нередко вспоминали первый день войны, нашу погрузку в эшелон, неожиданное крещение огнем. Каким далеким казался тот день, словно прошли целые годы! И казались странными наши переживания: они потому и запомнились, что были первым испытанием в войне.

А теперь война стала бытом: боевая тревога, атака или контратака, захват пленных и трофеев, даже неизбежные утраты в боях — все стало привычным, повседневным, и характеры людей закалились в огне, как металл, и не было места унынию, развинченности, тоске или упадку духа.

В перерывах между боями в солдатской землянке задумчиво вздыхал баян, ласково вторила ему гитара, слышались новые песни, сложенные на войне. Солдаты подогревали в котелках обеды, пили чай, вели задушевные разговоры о доме, о близких, о земле; жадно слушали сводки Совинформбюро, интересовались делами соседей — славной дивизии генерала И. Н. Руссиянова, мечтали вслух о любимых и по первому сигналу шли в бой.

Эти люди, казалось, ни на минуту не забывали своих заводов, цехов, бригад, колхозов, пашен, сел и городов, получали письма, читали их вслух, нередко шутили и смеялись, и можно было подумать, будто им и вправду легко, будто они без особых усилий творят самое трудное и тяжкое на земле дело.

Многие называли нашу дивизию коммунистической. Это звучало гордо и в значительной мере соответствовало действительности: во многих наших батальонах, полках, дивизионах 80–90 % личного состава были коммунисты и комсомольцы.

Когда к нам прибывало пополнение, политработники, солдаты и офицеры говорили новичкам, что они вступают в коммунистическую семью, где нет и не может быть места слабодушию, невыполнению боевого приказа, сомнениям в нашей победе.

В конце ноября в состав дивизии влились вновь сформированные части: артиллерийский полк и саперный батальон. Был укомплектован до штаба батальон связи, получили значительное подкрепление стрелковые полки. Как всегда, не теряя ни одного часа, Борисов

занялся организацией подразделений, которые не вели боевых действий.

Я побывал в этих подразделениях и, конечно же, встретил здесь Чернышева. Его можно было заметить издали, высокого, плечистого, седого, — он стоял, окруженный группой солдат, и увлеченно говорил о чем-то. Я подошел ближе. Голос Федора Филипповича звучал спокойно, неторопливо, словно он в минуту затишья беседовал по душам со своим другом. Эта его манера говорить просто и бесхитростно, не повышая, голоса, нисколько не унижая даже провинившегося солдата, имела особую силу убеждения: он поддерживал человека, подавал ему руку, и боец понимал, что такое сердечное доверие командира должен был оправдать в бою.

— Другой, пожалуй, подумает, что это мелочи, — говорил Федор Филиппович, — и не скажет, но подумает: вот, мол, придира комиссар! Идут отчаянные бои, люди жизни своей не жалеют, а комиссар к пустякам придирается: почему такой-сякой не побрился, почему пуговицы не блестят, и шинель в грязи, и сапоги не чищены? Но, товарищи, я на опыте знаю, что из таких мелочей нередко вырастает большое и неприятное дело. Давайте глубже разберемся в вопросе: если человек за собой не следит, не ясно ли, что он опустился? Небрежность к собственной внешности — первый признак равнодушия. Кто из вас видел алкоголиков? Они обязательно разболтаны и грязны. Что для них внешность, если все мысли алкоголика сосредоточены на одном: как бы еще выпить? А уж ежели солдат небрежен — это тревожный сигнал. Кто знает, что у такого солдата на душе? Может, выжидает он удобную минуту, чтобы юркнуть куда-нибудь в укромный уголок, пересидеть, переждать войну? Конечно, я не о вас говорю, товарищи. Однако имейте в виду: в нашей дивизии каждый считает, что небритый и неряшливый ненадежны. Мы за звание гвардейской дивизии боремся, а наш солдат-гвардеец и в бою, и в быту — пример….

Возвращаясь на НП через это подразделение, я заметил: несколько солдат, несмотря на холод, старательно брились, другие натирали пуговицы, третьи начищали сапоги. Дивизия вела бой, и каждую минуту решались судьбы ее солдат и офицеров, а здесь, в неглубоком тылу, комиссар и другие политработники занимались, на первый взгляд, мелочными делами. Но они были тысячу раз правы: я тоже знал по опыту, что на фронте из малых дел зачастую возникают дела большие.

Мы встретились с комиссаром на НП. Федор Филиппович был рад

чему-то, — я научился угадывать его настроение с первого взгляда.

— Вы помните Мошкова? — спросил он. — Ну да, того небритого, неопрятного сержанта, который в бою под Казацким спрашивал: не пора ли отходить?

— Да, помню. Кажется, я посоветовал ему побриться?

— Точно… Как вы думаете, что он сделал?

— Отстал от подразделения?

— Нет, не угадали.

— Попросился в тыл?

— Снова не угадали. Подорвал вражеский танк! Сейчас он командует взводом и вчера четыре раза водил своих бойцов в атаку. Но стоит глянуть на его солдат: выправка что надо, вымыты, побриты, подтянуты — хороши! А сам сержант — нет, вы его не узнаете. Передайте товарищу полковнику, говорит, мою благодарность: он вовремя меня приструнил, и теперь я знаю, что дисциплина воина и в его внешности видна…

Наш разговор прервал телефонный звонок из штаба армии. Командующий сообщил мне, что утром 4 декабря противник прорвал фронт обороны на участке нашего соседа слева и, развивая успех в северо-восточном направлении, занял населенные пункты Прилепы, Лисий Колодец, Кузькино, Погожее. Дивизии предстояло ликвидировать этот прорыв.

Ликвидировать прорыв… Дивизия — немалое воинское соединение, быстро перебросить ее на другой участок фронта — задача непростая, и ясно, что с ходу нелегко организовать бой. Но в том и заключалась сила маневра, что, оставив на прежнем рубеже небольшие прикрытия, мы должны были быстро перегруппироваться и нанести всеми своими силами удар во фланг противника и по его тылу.

Чем быстрее и организованнее наша перегруппировка, чем неожиданнее и мощнее удар, тем вернее успех всей операции.

Мы уже имели опыт таких стремительных переброс ок, и я не сомневался, что к назначенному времени, к утру, мы вступим в бой, остановим противника и отбросим.

Поздней ночью я прибыл в штаб полка майора Чернова и застал командира за ворохом каких-то бумаг.

— Письма, товарищ майор, пишете?

Усталый, с темными отеками под глазами, он чуть приметно улыбнулся:

— Почему, товарищ полковник, письма?

— Некоторые пишут перед боем.

— Я не пишу. Это похоже на прощание. Я думаю еще повоевать.

Я взял со стола исписанную страницу: это был боевой приказ.

— Товарищ майор, но разве командиры батальонов до сих пор не получили ваших боевых распоряжений? А ведь я специально, для ускорения дела, позвонил вам по телефону.

— Нет, товарищ полковник, — смущенно сказал Чернов, — приказ в батальонах уже получен. Однако передан он с опозданием…

Я знал майора Чернова как отличного боевого командира, человека решительного и отважного, любимого бойцами за справедливость и смелость. Правда, полком он командовал только восемнадцатые сутки, ко все эти восемнадцать суток почти непрерывно был в бою. Тем более такое промедление мне показалось и недопустимым и странным. Я ждал объяснений. Окончательно смущенный, Чернов сказал:

— Самому писаниной пришлось заниматься. Офицеры штаба у меня новые, еще не имеют опыта в составлении приказов. К тому же вы сами говорили мне: сейчас не мирное время, идет война — и какая война! — поэтому все нужно делать по уставам, официально, законно.

— А время? Нам дороги минуты, майор…

— Мы наверстаем эти минуты. Я знаю: одно дело, если я передам распоряжение или приказ устно, и другое, если они оформлены через штаб и переданы исполнителям письменно. И ведь служба штабов требует этого! А если в штабе останется написанный мною документ, да еще второпях написанный, так-сяк, вы представляете, какой это стыд и срам?

— Кого же вы стыдитесь? Комбата? Вы думаете, найдется у него время ваши грамматические ошибки исправлять?

— Есть люди и кроме комбата…

— Кто?

Он произнес негромко и торжественно:

— Историки… Да, историки Великой Отечественной войны. Что вы улыбаетесь, товарищ полковник? А разве не исторические дела мы творим? Я моим воинам все время внушаю: орлы, на нас будут смотреть грядущие поколения…

Он был искренен, этот смелый человек, и одновременно наивен. Немного романтик, он видел войну не только в ежедневном суровом ее выражении, но и со стороны, словно читая волнующую книгу. Я не впервые встречал среди наших воинов романтиков подвига и примера. Это они в перерывах между атаками слагали песни. Они писали письма родным, и в этих письмах война выглядела как увлекательный, красочный кинофильм.

Очевидно, есть люди особого склада характера, они способны поэтизировать самые тяжкие испытания на войне. Впрочем, этих романтиков не за что осуждать. Они сражались не хуже самых трезвых реалистов. Таким был и подтянутый, белокурый, красивый майор Чернов. Лишь позже я узнал, что он увлекался поэзией и писал стихи.

— Послушайте, майор, — сказал я, отбирая у него ручку. — Немедленно идите и организуйте бой. Если документ, составленный вами, будет очень хорош, а полк не выполнит боевой задачи… что же останется для истории?

Он выпрямился, отбросил чуб, еле приметная улыбка затаилась в его глазах.

— Разрешите направиться в подразделения?

Приказ так и остался недописанным.

Почему-то мне запомнилось: когда он открыл дверь, яркая вспышка ракеты озарила небо.

Я не думал, что больше не увижу Чернова. Вскоре майор Чернов был убит. Наша атака началась на рассвете. Шел снег. Косматые низкие тучи неслись над полями. Когда началась артиллерийская подготовка, черные выбросы снарядных разрывов, казалось, долетали до туч.

Двадцать минут артиллерийской подготовки, и гитлеровцы откатываются к селу Погожему. Дивизия уже успела развернуться и с ходу обрушиться на фланг врага. Немцы торопятся подвезти подкрепления. В село на предельной скорости вкатывается их автоколонна с пехотой. Но здесь, на окраине, расчет противотанкового орудия сержантов Малышева и Матвиенко выходит на открытую позицию и разбивает прямой наводкой шесть вражеских машин.

Почти одновременно из центра села доносятся разрывы гранат. Группа бойцов, незаметно проникшая в тыл противника, выкуривает немцев из домов. Здесь особенно отличаются солдаты Пошаков и Халабурда, вдвоем они сражаются против трех десятков гитлеровцев и выходят из схватки победителями.

На западной окраине Погожего немцы выдвигают станковые пулеметы. Убит командир роты Сергей Иванов. Огонь врагов неистов… С земли поднимается санитарка Галина Кушакова. В одной руке у нее пистолет, в другой — граната.

— Вперед, товарищи… за Родину… вперед!

И рота поднимается вслед за ней, а через минуту смолкают вражеские пулеметы. Уже половина села Погожее в наших руках. Все яростнее разгорается бой в центре. Но почему так недоволен

начальник штаба Борисов? Он только что расположился со штабом в полуразрушенном домике, и, еще поднимаясь на крылечко, я слышу его гневный голос.

Я знаю, что без причины Владимир Александрович не повысит тона. Значит, кто-то рассердил его всерьез. Я открываю дверь. Борисов мечется из угла в угол, под каблуками его сапог хрустят и позванивают осколки стекла. У окна стоит невысокий крепыш с русой бородкой и нетерпеливо протягивает руку, желая сказать в оправдание какое-то слово, но Борисов продолжает гневно:

— Обратите внимание, Александр Ильич, офицер прибыл из политотдела армии… Он возглавляет группу фото- и кинокорреспондентов. Так что же он позволяет себе? Лезет в самое пекло, в самую гущу боя, и сколько я ни просил его, сколько ни предупреждал, он опять за свое, опять в атаке!.. Но если случится — убьют? Кто отвечает? Я! Почему разрешил, почему не досмотрел? Нет, я отошлю вас, уважаемый, обратно, в политотдел армии!..

Крепыш оборачивается ко мне, вскидывает к виску руку. У него хорошая выправка, добродушная улыбка, веселый взгляд.

— Простите, товарищ полковник и товарищ комиссар… Но ведь мы — фронтовые корреспонденты! Мы тоже воины и со всей ответственностью выполняем порученное нам задание. Хорош военный корреспондент, если он будет отсиживаться в тылах дивизии или армии! Вы говорите: могут убить? Согласен, могут. Но ради хороших, правдивых кинокадров и я, и мои товарищи готовы рисковать. К тому же у каждого из нас есть оружие, и мы совсем неплохо им владеем…

Я знал этого бойкого крепыша. Его группу корреспондентов уважали бойцы. Эти смельчаки — фотографы и кинооператоры, в отличие от других своих коллег, присылали фотографии и бойцам. Они обязательно выполняли свои обещания. А каждому солдату или офицеру приятно отправить фронтовую фотографию близким, родным.

— Пожалуй, Владимир Александрович, — сказал я Борисову, — здесь стороны должны пойти на компромисс. Товарищи не балуются, не шалят, они делают большое дело. Кто же не рискует на войне? А вам, товарищ корреспондент, следует посчитаться с беспокойством начальника штаба, не лезть в огонь очертя голову.

— Золотые слова, товарищ полковник, — улыбнулся крепыш. — Будем считать, что компромисс достигнут, но, конечно, не в ущерб качеству нашей работы!

Через несколько дней бойкий крепыш исчез с нашего участка

фронта. Я услышал о нем позже: он стал известным партизанским вожаком, генералом и Героем Советского Союза. Это был Петр Петрович Вершигора, автор книги «Люди с чистой совестью».

…В тот же день дивизия заняла село Погожее. Она преградила немцам путь на восток. Противник пытался укрепиться в селах Прилепы, Лисий Колодец, Кузькино. В двухсуточных боях он потерял до четырехсот человек убитыми, девять танков, шесть грузовых и две легковых машины, три орудия, два мотоцикла. Наши бойцы захватили двести пятьдесят автоматов, сотни снарядов и гранат. Гитлеровцы были вынуждены откатиться на исходные рубежи.

Мне запомнилась ясная, тихая ночь после боя. Морозило. Снег звонко похрустывал под ногами.

Мы с Чернышевым шли улицей Погожего к дому, где разместился штаб дивизии. Откуда-то донеслась песня. Сначала я подумал, что это, наверное, наши радисты слушают приемник. Но песня стала громче и словно приближалась, и ее, конечно, слышали в своих окопах немцы.

— Удивительное дело! — взволнованно проговорил Чернышев. — Послушайте, наши бойцы поют… Они поют после такого боя. И что за душа у нашего народа! Он верит в победу, в свою высокую миссию, в счастье, и он поет…

Улицей Погожего шла рота солдат. Четко, размеренно бойцы печатали шаг, и дружным голосам их отвечало эхо. Мы отошли в сторонку и слушали молча. Мне запомнились отдельные строчки песни, но в ту же ночь, не заучивая, и я, и комиссар знали ее наизусть.

Каждый день, каждый час
Крепнет мужество в нас,
В бой идут молодцы-пехотинцы…
С черной свастикой гад
Не вернется назад,
Получив из винтовок гостинцы.

Припев:

Не вернуться фашистам обратно,
Смерть найдут они в русских полях,
Бей, товарищ, врагов беспощадно,
Стань героем в жестоких боях…

Пусть дорога трудна,
Да на то и война,
Пусть огонь минометов неистов,

Мы в пылу боевом
Через смерть перейдем,
Разобьем ненавистных фашистов.

Припев:

Если будет приказ,
Все готово у нас —
С неба смерть принести оккупантам,
Мы тряхнем стариной
И порою ночной
Обернемся воздушным десантом.

Припев:

Мы с отвагой дружны,
Потому и сильны,
Мы железною спайкой гордимся,
Нас ведет за собой
Командир и герой,
Наш товарищ, полковник Родимцев[1].

Песня прогромыхала над селом и ушла в ночь, в белесые, заснеженные поля. А комиссар и я еще долго стояли у крыльца какого-то дома, оба до крайности удивленные и взволнованные.

— Что скажете, Федор Филиппович? Откуда она взялась, эта песня? И вроде бы моя фамилия в ней?

Он тихонько засмеялся:

— Пожалуй, я вправе первый задать вопрос…

— Что ж, спрашивайте.

— Интересно знать: что испытывает человек, так вот нежданно-негаданно услышав свое имя в песне?

— Говорить откровенно?

— Конечно…

— И не поверилось, и растерялся. Может, думаю, ослышался? А почему растерялся, надеюсь, понятно. Право, Федор Филиппович, я такого не заслужил.

— Должен сказать вам, товарищ полковник, — несколько строже заметил Чернышев, — что я тоже впервые слышу эту песню. Мне, комиссару, это непростительно… Солдаты заучили текст, запомнили мотив, спелись, а я, комиссар, не ведал об этом до сих пор! Но если песня родилась, ее не вычеркнешь. Также, как и насильно не вложишь в уста. Песня повинуется сердцу, и от сердца она идет: хорошо,

красиво поют ее солдаты…

— Все же, Федор Филиппович, мою фамилию нужно бы сократить.

Он усмехнулся:

— А помните старую русскую пословицу? Из песни слова не выкинешь…

И, помолчав, заключил в раздумье:

— Нужна эта песня. И если имя в боях подсказано, значит, оно на месте.

Правду сказать, будь это военная операция, я знал бы, как мне поступить. А в делах поэзии…

Если поется, пусть на здоровье поется: лишь бы еще уверенней и горячее шли наши дела!

Бои продолжаются. Совещание в Военномсовете. Нападение истребителей. Гибельлейтенанта Сабедаха.

Утром 8 декабря нам стало известно, что противник возобновил наступление на курско-касторненском направлении. Командующий 40-й армией поставил перед нами задачу: обеспечив прикрытие на занимаемом рубеже, сделать всеми силами дивизии перегруппировку, пешим порядком выйти в район Серебрянка-Третьяковка — Афанасьевское и 10 декабря во встречном бою приостановить наступление противника. Затем нам предстояло во взаимодействии с гвардейской дивизией генерала Руссиянова разгромить в населенных пунктах Ленинский и Перевалочное противостоящие силы противника, с ходу захватить Черемисиново и освободить город Щигры.

Я выслушал приказ командующего и молча положил трубку. Задавать вопросы не приходилось. Он, конечно, и сам понимал, что для нас эта задача была очень трудной. Много дней подряд дивизия вела непрерывные ожесточенные бои. Личный состав ее нуждался хотя бы в краткой передышке. В эти дни ударили морозы, заиграла, закружила метель, в полях, на дорогах выросли огромные сугробы.

К тому же, авиация противника получила задание непрерывно изматывать нас и на оборонительном рубеже, и в тылу. С рассветом в воздухе появлялись тройки бомбардировщиков и отдельные истребители. Они не только бомбили освобожденные нами села и деревни, но и гонялись за каждой отдельной машиной и повозкой. Случалось, гонялись за отдельным бойцом. Они хотели загнать нас в укрытия и не выпускать.

На все сборы и марш в 40 километров по морозной, заснеженной

степи с этой минуты у нас оставалось не более 48 часов. Я понимал, что генералу Подласу было нелегко отдать такой приказ, — его продиктовала серьезная, напряженная обстановка. Именно теперь, не медля, мы должны были нанести ответный удар, и опоздание с выходом на боевой рубеж грозило тяжелыми последствиями на фронте.

Значит, штаб дивизии должен был спланировать наш марш с таким расчетом, чтобы полки без всякой перегруппировки смогли сразу же вступить в бой.

Через два-три часа вся дивизия находилась в пути. Резкий северный ветер гнал на высотах поземку, и она заволакивала низины сплошной сизой пеленой. После полудня метель усилилась; вихри сыпучего снега затмили солнце, засыпали выбоины и овраги, нагромоздили такие сугробы, что временами казалось — ни машинам, ни людям их не одолеть.

И все же зима становилась нашей союзницей: вражеский самолет-наблюдатель висел над нами, но летчики не могли нас рассмотреть.

Это суровое бездорожье — балки, высотки, долины, овраги со снежными гребнями над обрывами, снова долины и высотки — казалось бесконечным. Вокруг никакого признака человеческого жилья. Мы словно двигались по морскому дну, — над нами зыбились, плескались и пробирали до костей хлесткие ледяные накаты пурги.

А ночью, когда метель утихла и, предвещая усиление мороза, холодные звезды проглянули из-за туч, я с огорчением узнал, что мы прошли только двадцать километров, — меньше чем половину пути.

Странное зрелище представляла собой наша колонна. Сплошь занесенные снегом, с ледяной коркой на шапках, на бровях, ресницах и усах, белые призраки в молчании вставали из сугробов, разгребали наносы, пропускали машины и пушки, барахтались и тонули в зыби снегов, и легкое облако пара плыло над ними, осыпаясь изморозью и сверкая в свете луны.

Трудно дались нам эти сорок километров, и, несмотря на все усилия, мы к заданному сроку на исходный рубеж не прибыли.

Только к вечеру 10 декабря части дивизии сосредоточились в районе Серебрянка — Третьяковка — Афанасьевское, но и думать в этот день о наступлении не приходилось: люди валились с ног и засыпали прямо на снегу.

Наш командный пункт расположился в селе Акатово. Нам, командирам, не был положен отдых. Всю ночь начальник штаба и его офицеры, комиссар и политработники находились в частях и готовили

бойцов к действиям на новом направлении. А утром 11 декабря началась наша артиллерийская подготовка.

В течение тридцати минут снаряды и мины, что называется, корчевали передний край противника. Первым поднялся в атаку 96-й стрелковый полк. Стремительным фронтальным ударом он захватил село Мармыжи. Почти одновременно 16-й стрелковый полк занял село Перевалочное. Гитлеровцы не предвидели такого натиска: они отходили в морозную степь, кутаясь в краденые одеяла, постепенно накапливаясь в селах Шатилово и Васютино.

В резерве у нас оставался 283-й стрелковый полк. Вечером он двинулся в атаку на эти села и, хоть немцам очень не хотелось оставлять теплые избы, но пришлось, а в открытой степи, на ветру и трескучем морозе, воинственный пыл фашистов заметно угасал.

Как видно, гитлеровское командование придавало этому направлению важное значение. Уже утром 12 декабря оно ввело в бой свои резервы. Стало ясно, что немцы стремятся во что бы то ни стало снова овладеть селом Перевалочное — ключевой позицией широкого участка фронта.

Группе танков противника удалось потеснить наш 16-й стрелковый полк, и бой переместился на окраину Перевалочного. За танками в атаку поднялся свежий немецкий батальон. Здесь, на главной улице села, оборону заняла рота младшего лейтенанта Мелькомяна. У него было только четыре пулемета, и, экономя боеприпасы, он долго не открывал огня. Гитлеровцы уже миновали первые дома, их бронетранспортеры и танки, кромсая заборы на огородах, стремились прорваться к нам в тыл… Но вот прозвучала команда Мелькомяна: «Огонь!» — и пехота фашистов сразу же нагромоздила поперек улицы груды трупов.

Командир роты сам сел к пулемету. Немцы попятились. Он продолжал расстреливать их в упор. Минометная батарея противника сосредоточила огонь на расчете Мелькомяна. Вокруг рвались мины, засыпая пулеметчика комьями земли. Ему следовало бы сменить позицию, но в горячке боя он не подумал об этом. Не хотел терять ни минуты, пока была возможность уничтожать врага… Прямое попадание, — и пулемет отшвырнуло в сторону, а Мелькомян последним усилием воли приподнялся на колено и бросил гранату. Потом он упал, крепко обняв своего друга, бойца Ваню Серегина. Оба они были мертвы.

Но атака противника захлебнулась. Командир орудия коммунист Бураков, выйдя на открытую позицию, подбил прямой наводкой два

танка врага. Остальные машины немцев повернули обратно. Они удирали очень быстро, оставляя свою пехоту.

Все же пехота противника предприняла еще одну отчаянную попытку закрепиться на окраине села. Силами до батальона немцам удалось окружить роту лейтенанта Власенко.

— Русс, сдавайся! — кричали немцы в рупор. — Вы окружены!.. Котел!..

— Мы умеем драться и в окружении! — ответил политрук Новиков. — И еще как дадим вам чертей!..

Укрываясь за стенами разрушенных домов, молодой командир Власенко сосредоточил огонь всей роты на узком открытом участке, на котором наступали два взвода немцев… Эти два взвода были начисто сметены, и рота без малейших потерь вышла из боя.

Возвращаясь из батальона на командный пункт дивизии, я встретил бригадного комиссара Грушецкого. Не помню, чтобы когда-нибудь, даже в минуты тяжелых переживаний, этот человек выглядел усталым или растерянным. А сейчас мы завершили удачный бой, и Иван Самойлович от радости пристукивал каблуками.

— Самых отличившихся воинов, Александр Ильич, ко мне, — сказал он, широко улыбаясь. — Я уполномочен вручить им правительственные награды.

Мне показалось, он шутит:

— Что вы, товарищ бригадный, ведь сейчас идет бой!..

— Вижу и… тем более! А почему нас должна смущать эта обстановка? Ведь люди заслужили высокие награды в бою? В бою они их и получат.

На окраине Перевалочного все еще гремели пулеметы, рвались гранаты, тяжело ухали мины, а в крестьянской хатенке, в трех сотнях метров от передовой, суровые, обожженные морозом и ветром бойцы в торжественной тишине, когда не слышно даже дыхания, подходили к члену Военного совета и, обнажив головы, получали из его рук ордена… Сознанием высокого долга и нерушимой клятвой звучали взволнованные слова:

— Служу Советскому Союзу…

Был вечер. Пришлось, занавесив окна, зажечь коптилку. Свет ее, густой и желтый, распространялся только над столом, за которым сидел бригадный комиссар. Трепетные тени блуждали по стенам. Углы просторной комнаты и проем двери, открытый в сени, были темны… Бригадный комиссар, строгий и сосредоточенный, негромко называл фамилию, и сдержанный голос так же негромко, взволнованно отзывался ему, и солдат выходил из полумрака к столу.

Я узнал Прокофия Канева, нашего разведчика, известного всей дивизии поистине лихими делами. Комиссар крепко пожал ему руку, обнял и поцеловал. А когда на ладони солдата засиял орден Ленина, Канев с минуту смотрел, как зачарованный, на знакомые очертания профиля, вздрогнул и прижал орден к груди.

— Мы будем гвардейцами… Гвардия Ленина победит!

Майор Василий Соколов, старший политрук Олег Кокушкин, солдаты-разведчики Иванов и Шалыгин, связист Пашин, капитан Филипп Трофимов — все они, такие разные, не похожие друг на друга, были сроднены одной чертой, которая проявлялась даже внешне — выдержкой и отвагой. Сколько раз эти воины смотрели смерти в глаза,

ходили в опасную разведку за «языком», вступали в поединок с танками врага, дрались в штыковых атаках! А сейчас их обветренные лица улыбались, радость блестела в глазах: еще бы, ведь орден, врученный на поле боя, был знаком самых высоких заслуг.

Они торопились в свои подразделения. Натиск врага продолжался, и каждый из них знал свое место в бою. Сильные, волевые, они деловито уходили на ратный труд, отныне отмеченные признанием и славой. И после я не раз убеждался, что в бою у них не было мысли — жить или умереть, а была единственная мысль — о победе.

Ночью противник прекратил атаки на Перевалочное. Ему не помогли подтянутые резервы. Четыре вражеских танка сумрачно чернели на окраине села. Ветер опять гнал поземку и заметал трупы. А где-то в крестьянском домике, словно наперекор ветру, стуже, опасностям, страданиям и смерти, задумчиво, чуточку насмешливо, ласково и доверчиво пела гармонь.

Вечером 15 декабря мы с комиссаром Чернышевым были вызваны в штаб 40-й армии.

Поездка была хотя и кратковременной, а все же передышкой. Я почти ежедневно бывал в полках, батальонах, ротах. Быть может, поэтому штаб армии постепенно стал представляться мне довольно глубоким тылом.

Однако война есть война, и нередко случалось, что боец, прошедший огонь и воду, не затронутый ни пулей, ни осколком на передовой, случайно и нелепо находил свою гибель в тылу.

Так едва не случилось и со мной, и с моим адъютантом Шевченко, и с шофером Косолаповым. Бедняга, он пострадал значительно больше нас.

Мне часто вспоминается тот ясный безветренный день, синеватая морозная дымка у горизонта, иней, играющий в солнечном луче… После метели косые высокие сугробы кудрявились застывшими гребешками и, отражая блеклое небо, отсвечивали синевой, в точности как море и зыбь безбрежное, нереальное море, остановленное в извечном своем движении.

После чада прокуренной землянки было так приятно вдохнуть полной грудью свежий, морозный воздух, острый и щекочущий, как нарзан, и видеть в сиянии солнца эти родные русские просторы, суровый и ясный край, самый дорогой сердцу.

Машина быстро домчала нас до здания сельсовета в соседнем селе, где разместился штаб армии, и еще в прихожей я услышал знакомый голос генерала Подласа и чей-то смех. Командующий говорил весело,

возбужденно, и я уловил обрывок фразы:

— …теперь-то немцы получат по загривку!..

И Чернышев, и я были несколько смущены той дружеской, радостной встречей, которую оказало нам высокое начальство. Здесь были командиры 1-й и 2-й гвардейских стрелковых дивизий генералы Руссиянов и Акименко, члены Военного совета дивизионный комиссар Маланин и бригадный комиссар Грушецкий, начальник штаба армии генерал Рогозный и другие высшие офицеры.

— Вот и кандидаты в гвардейцы прибыли! — громко возгласил Иван Никитович Руссиянов, встал, подал мне руку, прикоснулся к плечу. — За Перевалочное спасибо! Вы оттянули целый полк противника на себя, а мы получили возможность прорваться в тыл немцев и стукнуть их во фланг.

Усаживая меня рядом с собой, генерал Подлас спросил:

— Итак, на что жалуемся, Александр Ильич?

— Жалоб не имеется, товарищ командующий, — сказал я, удивленный этим радостным настроением командиров, которое в штабе армии далеко не всегда можно было наблюдать. — Правда, товарищ командующий, если бы вы подбросили мне пополнение, это было бы очень кстати! Дивизия занимает слишком широкий участок фронта…

Подлас улыбнулся:

— Значит, придется сузить участок.

— Это невозможно.

— Даже необходимо, Родимцев. Что ж делать? Вам придется потесниться. Дело в том, что сейчас на подходе свежая дивизия! Вы понимаете, какой силищей становится паша сороковая?

— О, конечно, понимаю!..

— Да, еще мы получаем порядочное количество «катюш»…

Теперь мне стало понятно, почему все командиры были так воодушевлены. Я отлично знал, что если бы мы имели силы, равные силам противника, гитлеровский «дранг нах Остен» и пресловутый «блицкриг» быстро превратились бы в «драп на Вестей» и в «блицкрах», тем более, что сама земля Украины и России жгла оккупантам подошвы: они сеяли неистовый гнев народный на каждом своем шагу.

У командарма была особенная манера говорить: он словно беседовал вслух с самим собой, ставил себе вопросы и отвечал на них.

— Итак, что нам докладывает разведывательный отдел армии? — спросил он и быстро оглянул зорким взглядом присутствующих. —

Как ведет себя противник с наступлением зимы?

— Предпочитает теплую печь, — негромко заметил белолицый, широколобый Руссиянов.

Подлас наклонил голову.

— Верно. С наступлением холодов немцы стали ютиться почти исключительно в населенных пунктах. Как правило, они занимают под жилье школы, здания поселковых советов, библиотеки, избы-читальни, клубы. Если и поселяются в частных домах, владельцев этих домов обязательно выгоняют. Значит, не верят населению, боятся.

Командарм внимательно взглянул на меня и спросил:

— А как же обстоят дела у них на переднем крае?

Я не успел ответить, он ответил сам:

— В поле, на переднем крае и в глубине обороны днем они оставляют небольшие группы солдат: отделение или взвод в виде боевого охранения. Немного ведь, верно? Зато ими хорошо организована служба наблюдения отдельными постами, а ночью охрана усилена патрулированием.

Теперь он внимательно взглянул на Чернышева:

— Чего же достигают они этаким «расписанием»?

— Экономят силы, — сказал Чернышев. — Люди отдыхают в теплых помещениях и, значит, физически не изматываются.

— Правильно, Федор Филиппович, но, следовательно, мы должны в этих условиях изменить свою тактику. Нам невыгодно, чтобы противник отдыхал. Нужно все время держать его в напряжении. Нужно заставлять его выходить на поле боя, развертываться в боевые порядки, заставлять ложиться на снег и держать его под огнем как можно дольше. Естественно, когда настанет ночь, немцев потянет к печкам, к огоньку, к горячей пище, а потом и на сон. Это и есть отличное время для нападения… Значит, нам нужно учить и готовить воинов к ночным боевым действиям. Не просто — умению действовать ночью, но со знанием дела, организованно, во взаимодействии с артиллеристами, саперами, танкистами, так же умело действовать, как днем.

Он обернулся к Руссиянову.

— Достаточно ли этого? Я знаю, Иван Никитич, вы скажете — недостаточно. Согласен. Для того чтобы иметь успех в бою, нужно точно знать месторасположение врага, его жизнь и быт, когда он завтракает, обедает, ужинает, в котором часу ложится спать, какую имеет охрану и многое другое. Чтобы иметь все эти сведения, необходимо создать поисковые группы, организовать их из смелых и

физически развитых людей. Хорошо обученные, они должны проникать в тыл противника в легкой экипировке, с таким расчетом, чтобы все данные о враге мы получали своевременно и бесперебойно.

Командарм кивнул мне и улыбнулся:

— Я слышал, Родимцев, о рейде вашего отряда в тыл противника. Если не ошибаюсь, отрядом командовал офицер Сабодах? Отличный пример! Горстка бойцов, а в стане врага и паника, и большие потери. Этот пример следует подхватить и приумножить. Да, именно теперь, в условиях зимы. Наши диверсионные группы должны пробираться в тыл врага с задачей уничтожения его штабов, нарушения связи, подрыва зданий, в которых размещаются фашисты, поджога автомашин, организации засад на дорогах… Короче: и днем, и ночью всюду и всеми методами нужно истреблять врага на нашей земле.

Из речи командарма следовал вывод, что временно нам приходилось отказаться от бесцельных лобовых атак, сделать зиму союзницей и непрерывно изматывать противника. Однако ни от командарма, ни от дивизионного комиссара Маланина мы ничего не услышали относительно общей обстановки на фронте. Пожалуй, они и сами знали не больше того, что сообщало по радио Совинформбюро.

Итак, на какое-то время наши военные действия нацеливались на изматывание врага, на перемалывание его живой силы в активной обороне.

Не только наша дивизия, но и другие соединения, наши соседи, уже имели опыт борьбы созданных в них диверсионных групп. Отдельные эпизоды этой борьбы являли примеры удивительного мужества и находчивости наших воинов, и Чернышев торопливо записывал фамилии героев, чтобы рассказать о них бойцам дивизии.

— Какой материал для газетчиков, для писателей! — шепнул он мне. — Жаль, если забудется, пропадет…

Я подумал, что это неизбежно: лишь малая доля фактов войны остается запечатленной во времени: ее, эту малую долю, рассказали живые, а тысячи и тысячи героев никогда не расскажут о себе.

Ночью разыгралась метель, и нам пришлось устраиваться на ночлег в штабе армии. У Чернышева здесь еще были свои дела, а я чуть свет выехал с адъютантом в штаб дивизии.

Утро было тихое и ясное, и не верилось, что лишь два-три часа назад ураганный ветер до основания сотрясал маленький домик, в котором мы ночевали. Огромные сугробы громоздились поперек улицы и на проселке, и снег был яркой белизны.

Мы медленно ехали проселком, с трудом пробиваясь через

глубокие заносы, и неподалеку от села, в лощинке, встретили наш кавалерийский эскадрон, который находился здесь для связи.

Во главе конников на поджаром вороном рысаке гарцевал командир эскадрона старший политрук Лукашев. Энергичный и всегда веселый, он был отличным наездником и любил щегольнуть. Сейчас он лихо промчался навстречу моей машине, с ходу осадил коня, легко спрыгнул на землю.

Как старый кавалерист (правда, до чего же я не люблю это слово — «старый!»), я невольно залюбовался и отличной выучкой Лукашева, и его статным рысаком, горячим, трепетным и тонконогим. Стало немного грустно: отгремела конница, уступила место моторам. Впрочем, иногда в разведке, в преследовании врага, в стремительных налетах на его тылы, вооруженная автоматическим оружием, конница еще представляла собой грозную силу.

— Что нового, Алексей Григорьевич, в районе Тим — Погожее? — спросил я вместо приветствия, — Как вели себя немцы в прошлую ночь?

Он усмехнулся, небрежно кивнул в сторону Тима:

— Зарылись в землю, как сурки. Ни звука… По всей видимости — отогреваются. Невеселой была для них прошлая ноченька: у дороги, что к Погожему ведет, мы четырех фашистов нашли. Наверное, сбились с дороги, присели отдохнуть… и не встали.

— Авиация противника не беспокоит вас?

Он глубоко вздохнул, покривился:

— Будь они неладны, товарищ комдив! До того обнаглели, что за отдельными всадниками гоняются. Сегодня, еще даже солнце не успело взойти, а они уже два раза гонялись за нами. Имею двух раненых лошадей… Хорошо, что местность пересеченная, да и люди научились уходить от одиночных самолетов. Между прочим, советую внимательно смотреть по сторонам: того и гляди налетят!

— Спасибо за совет, комиссар… Славные у вас лошадки!

Он вскинул голову:

— Настоящие орловские… На весь мир знаменитые!

Мы тронулись дальше, а мой адъютант Шевченко сказал:

— Похоже, ребята не очень-то обстрелянные.

— Почему?

— Придают значение пустякам. Одиночным самолетам.

— Странно, Шевченко… Вы считаете это пустяками? А ведь неприятная штука, когда здесь вот, в степи, где и укрыться-то негде, налетит на тебя коршун и начнет из пулемета клевать…

Я не успел закончить фразу: Косолапов резко затормозил и, приоткрыв дверцу, наполовину высунулся из машины.

— Летят, стервятники… А жаль, товарищ полковник, до станции Мармыжи остается только семь километров. Там есть где укрыться… А тут?

Я тоже выглянул из «эмки»: шестерка вражеских истребителей низко шла над степью, держа курс на Мармыжи.

Пилот головной машины, по-видимому, заметил нашу «эмку» и стал делать разворот, а остальные пять самолетов, как гуси, последовали за головным.

— А не дать ли нам полную скорость? — торопливо спросил Шевченко.

Я удивился этому предложению:

— Зачем? Вы надеетесь уйти от самолета?

— Главное, и в сторону некуда свернуть.

— Что ж, остается ждать.

Головной истребитель снизился до бреющего полета и пошел вдоль дороги прямо на нашу машину. Оставались какие-то секунды… Сейчас пулеметная очередь грянет по «эмке». Времени на дальнейшее раздумье у нас не оставалось: одновременно и без всякой команды мы выскочили из машины, отползли в сторону на десять-пятнадцать метров и легли в снег. Косолапова с нами не было, он проворно юркнул под машину, надеясь, что его защитит мотор.

Один за другим самолеты проносились так низко, что у дороги на гребне сугроба вихрился снег. Пулеметные очереди решетили и коверкали нашу «эмку» вдоль и поперек. Наконец-то грянула очередь из последнего, шестого, самолета. Потом истребители сблизились, выровняли строй и стали набирать высоту.

Шевченко вскочил на ноги, бросился ко мне:

— Вы живы, товарищ полковник?

Я тоже поднялся.

— Цел и невредим!.. А вы?..

Он внимательно рассматривал у меня под ногами снег, встряхнулся, глянул себе под ноги: нет, на истоптанном сугробе не было видно ни капли крови.

— Удивительный случай, товарищ полковник… Шестерка самолетов, обстрел в упор, и ни одной царапины… Чудо!

Я бросился к машине. Что с Косолаповым? Из-под «эмки» были чуть видны его ноги. Я крикнул ему, но он не отозвался. Жив ли он?..

Как-то сразу ко мне возвратилось то ясное, легкое спокойствие,

которое приходит после пережитой опасности. Собственно, случай представлялся мне самым обычным: самолеты противника возвращались с задания, они не расстреляли всех патронов и завернули на нашу «эмку» с целью разрядить оставшиеся заряженные ленты. Мне даже и в голову не пришло, что шестерка истребителей может возвратиться. Такой ли группе самолетов охотиться за одиночной машиной?

Но она возвратилась. Как видно, гитлеровцы сочли нашу «эмку» немалой добычей. Они решили повторить заход… Я услышал встревоженный голос Шевченко:

— Они опять идут!..

Оглянувшись, я увидел, что теперь эта группа самолетов приняла другой боевой порядок, если в первом заходе они шли кильватерной колонной, строго следуя за головной машиной, и каждый летчик, наблюдая визуально, вел прицельный огонь, то сейчас они разбились попарно и построили свой боевой порядок для атаки углом.

Мы снова попадали в снег… Если бы знать, что они возвратятся! Пожалуй, мы успели бы замаскироваться. До чего же глупое и отчаянное положение — распластаться на снегу, на совершенно открытой местности, и ждать, являя собой отличную мишень, когда тебя прострочит пулеметная очередь!

Я думал о Косолапове. Наверное, убит. На мой оклик он не отозвался. И еще я успел подумать о том, что гитлеровцы, безусловно, отработали план второй атаки: два правофланговых самолета, один за другим, пошли на моего адъютанта, — он лежал в тридцати метрах от «эмки», — центральная пара шла на машину, левофланговая — на меня.

Считанные секунды… Как много мыслей успело пронестись у меня за это неуловимо короткое время! Я бежал в сторону от дороги, проваливаясь по колено в снег, ожидая, что пулеметная очередь раздастся, когда я успею добраться до высокого сугроба у межи… Двадцать-тридцать шагов… Но разве у сугроба было безопасней? Нисколько. Просто нам нужно было рассредоточиться. А пулеметная очередь хлестнула чуточку раньше, чем я ожидал. Пули прожужжали над моей головой и у ног, и на сугробе всплеснулись узенькие дымчатые струйки.

Я упал лицом в снег, упал бессознательно, будто на самом деле срезанный пулеметным огнем. Второй самолет шел еще ниже первого. Я слышал, как пули с шипением перечеркнули сугроб у моей головы и глухо зацокали о мерзлую землю.

Пронесло!.. Неужели даже не ранен? Правильно сказал Шевченко — чудо! Но если мы оба уцелели и теперь, после второго залета, тем более это следовало назвать чудом…

Я перевернулся на спину, глядя в безмятежно ясное небо, прислушиваясь к дальнему, приглушенному гулу моторов. Неужели эти коршуны возвратятся еще раз? О, сколько чести, Александр Ильич, — за тобой охотится целая группа самолетов! Что ж, пусть возвращаются: они увидят, что «жертва» лежит вверх лицом и не шелохнется.

Как сильно и радостно ощущение жизни! Снег пахнет, будто спелый разрезанный арбуз, воздух бодрящей волной наполняет легкие, синяя даль неба ласкова и мила… Но что это? Где-то снова перекатывается, приближаясь, гул самолета?

Я приподнял голову: нет, я не ошибся — с запада, со стороны Мармыжей, к нам приближался одиночный самолет. Вот он взмыл над нашей «эмкой», сделал крутой разворот, резко наклонив плоскость, очертил правильный круг. И до чего же был он подлым, шельма, этот гитлеровский «ас» — не поленился в третий раз возвратиться, проверить, все ли мы мертвы…

Что ж, думал я, радуйся, мерзавец, но мы еще доберемся до тебя!

Самолет отвернул в сторону, стал набирать высоту и вскоре скрылся за горизонтом.

Я встал, отряхнул снег, осмотрелся. Радостно что-то крича, ко мне подбежал Шевченко.

— Подождите адъютант… Что за вопли?

Глаза его сияли, на щеке застыла слеза:

— Да как же не вопить, не радоваться… вы — живы!

Он схватил полу моей куртки:

— Смотрите: одна… две… три… Да, три пули прошли сквозь куртку! Вот и брюки на коленях оборваны. Ну, Александр Ильич, мы с вами как будто заговоренные.

— А что же с нашим Мишей?

Шевченко метнулся к машине, громко позвал:

— Миша… Мишенька!.. Вылазь, приехали!

Шофер не ответил, до моего слуха донесся стон. Баллоны правых колес машины были пробиты пулями и спустили воздух; машина осела и прижала Косолапова. Нам пришлось немало повозиться, пока мы приподняли «эмку» домкратами и вытащили Михаила из-под мотора.

Я схватил его руку, стал прощупывать пульс. Он с усилием открыл глаза:

— Товарищ полковник… внутри у меня все в порядке. Беда, что снаружи наделали много дыр, проклятые…

Вся его одежда была покрыта кровью, и под машиной на снегу запеклась багровая лужа. Я осторожно взял его на руки и уложил на раскинутую адъютантом шинель. К счастью, в нашей машине была небольшая аптечка и несколько индивидуальных пакетов. Шевченко молниеносно передал их мне, и я попытался наложить повязки. Но как их накладывать, если ноги Косолапова, ягодицы, поясная часть сплошь были иссечены пулями?

Шевченко пытался мне помочь, однако казалось, что мы только мучили нашего Михаила. Правда, мы добились главного: остановили кровотечение…

Вскоре подошла санитарная машина нашего медсанбата, и я передал Косолапова врачу.

— Сделайте все возможное, чтобы он жил.

— Это мой долг, — ответил майор медицинской службы. — А для вас, товарищ полковник, есть маленький сюрприз. Я разыскиваю вас уже в течение суток.

И он передал мне письмо.

Жена писала:

«Беспокоюсь, есть ли у тебя теплые носки?..»

Я подумал: милая Катеринка, даже если бы их и не было, — в этом ли дело?

И дальше:

«В госпитале, где я сейчас работаю, находится на лечении немецкий офицер. Он был ранен под Тимом, а затем сдался. Он мне сказал, что был ранен в своей легковой машине и прежде чем сдаться, пристрелил своего шофера…

Я спросила:

— А, зачем вы это сделали?

Он удивился моему вопросу:

— Как зачем? Ведь это мой шофер!

Настолько противен этот подонок, что, право, не хотелось о нем рассказывать. Но между нами произошел разговор, который, мне думается, для тебя будет небезынтересен. Оказывается, этот тип даже „теоретик“. Он читал Ницше и Шопенгауэра, так называемых „философов“, предтеч фашизма. Он сказал, что немецкая армия сильна именно отсутствием человечности.

У меня невольно возник вопрос: а между ними, между этой гадкой плесенью, есть ли понятие дружбы?

Он ответил:

— Нет и не может быть…

Я спросила:

— На чем же вы держитесь?

Он усмехнулся:

— На праве сильного.

— Но ведь человек, — сказала я ему, — создан для добра, для того, чтобы сделать жизнь всех тружеников счастливой. Ваше „право сильного“ — волчий закон. Неужели для вас привлекательно возвратиться к состоянию животного? А ваши дети? Думаю, что они у вас есть? Право сильного — уничтожить ваших детей? Да, если, скажем, они помешают кому-то получить ваше наследство?

Он задумался.

— Простите, мадам, — сказал он после продолжительного молчания. — Вы меня вызвали на откровенность. Надеюсь, вы никому не скажете о том, что я вам скажу? Впрочем, ваше дело… Запомните: в армиях фюрера каждый воюет за свой личный интерес. У моего отца в Восточной Пруссии есть имение. Оно завещано мне. Как вы полагаете: соглашусь ли я отдать это имение… моим батракам? Конечно, нет! Больше того: я повешу или расстреляю каждого, кто осмелится поднять руку на мою собственность… Что, вы смеетесь? А посмотрите на американцев! Разве рокфеллеры и дюпоны честно нажили свои капиталы? Разве они не оберегают их именно „волчьим законом“? Может быть, вы не знаете, что Соединенные Штаты, ваш союзник, снабжает нас, немцев, самыми дефицитными военными материалами? В чем же тут дело? А в том, что „волчий закон“ остается основой основ…

— Но ведь это же подлость!

Офицер усмехнулся:

— Фюрер сказал, что он уничтожил химеру совести.

— Ваш фюрер — босяк, — сказала я. — Это уголовник с претензиями. В памяти народов он ничего не оставит о себе, кроме чувства отвращения и омерзения. И почему вы придаете такое значение собственности? Неужели вы намерены забрать ее в могилу? Или вы хотите, чтобы и ваши дети выросли паразитами, чтобы они, ничего не создавая для народа, питались плодами чужого труда?

— Мораль, — усмехнулся он. — Опять мораль! Есть у нас в Германии такие политические течения: немецкие социал-демократы, христианские демократы и прочие. А попробуй тронь собственность такого христианского демократа?! Он тебе горло перегрызет. Конечно,

он будет говорить об интересах рабочего класса. Знаете, почему будет говорить? А потому, что ему это выгодно. Действительно, он как будто борется за интересы рабочего, но, по сути, оберегает свой собственный интерес…

Друг мой! Уничтожай эту гадость… Как жаль, что я не могу быть рядом с тобой. Но я делаю все возможное, чтобы помочь нашей Родине одолеть хищного и подлого врага.

Прости: еще одно замечание. Он мне сказал, что знает наизусть Шлиффена и Мольтке, Клаузевица и Дельбрюка, но не может понять одного: как все эти теории рушатся перед русским Иваном?..

Милый Саша! Я невольно подумала: жаль, что ты не Ваня! Однако я уверена, что ты уничтожаешь эту дрянь не хуже, чем любой наш Иван!»

Вероятно, забыв об этом гитлеровце, который, кстати сказать, оказался крупным немецким штабистом, жена снова спрашивала: есть ли у меня теплые носки?

Я навестил Мишу Косолапова в госпитале и дал ему прочитать письмо. Он долго всматривался в прямой и округлый почерк жены и сказал.

— А знаете, товарищ комдив, мы потому и победим, что мы — люди!..

Начальник штаба Владимир Борисов, как оказалось, уже знал о моих дорожных приключениях. Будучи человеком выдержанным (право, большое ему спасибо за это), он не расспрашивал о подробностях, не задавал вопросов. Что значили наши личные переживания в сравнении с тем делом, которое нам доверила Родина!

Борисов доложил, что принял соответствующие меры по организации боя.

На рассвете, после артиллерийской подготовки, дивизия перешла в наступление. Мы ворвались в населенные пункты Мармыжи и Перевалочное, где завязались уличные бои, которые длились до самого вечера.

Оказалось, что именно здесь, в Перевалочном, Мармыжах, и неподалеку, в селах Серебряное и Синчуково, противник сосредоточил крупные силы из своих резервов, готовясь нанести нам внезапный удар. Соотношение сил было, примерно, один к восьми в пользу противника, и вдобавок гитлеровцам подбросили много танков и бронетранспортеров.

Я был вынужден отдать приказ с наступлением темноты отойти из населенных пунктов Мармыжи и Перевалочное и занять оборону в

районе села Серебряное и поселка Васютино.

Наш 16-й стрелковый полк, которым командовал майор Трофимов, понес большие потери. Танки с десантом противника вышли вдоль лощины из населенного пункта Синчуково в направлении южной окраины Перевалочного. Создалась очень неприятная ситуация: танки, бронетранспортеры плюс многочисленный десант врага, оказавшийся в тылу нашего 16-го полка.

Гитлеровцы уже торжествовали победу. Шесть их танков бросились в атаку на наши… кухни! Да, четыре кухни они «подавили». Но наша резервная батарея открыла огонь и тут же подбила три танка. Немцы отошли, оставив на поле боя, кроме этих трех танков, сорок трупов своих солдат. Мы захватили полтора десятка пленных…

Пленные показали, что они принадлежали к 9-й танковой дивизии, штаб которой находился на западной окраине города Щигры…

Признаться, мне надоело допрашивать пленных немцев. Они являли собой довольно тусклый стандарт. Оказавшись в плену за тридевять земель от своей родины, они пытались оправдываться, даже доказывать мне, что я, мол, не я и хата не моя. До чего же все-таки мерзкие душонки: эсэсовский капитан, рыжеватый, щупленький помещик откуда-то из города Беутен, сказал мне, что он только случайно стал военным.

В процессе допроса он еще сказал, что уважает наших советских офицеров, особенно лейтенанта… Сабодаха.

Тут я не понял:

— Откуда вы знаете его фамилию и звание?

Он ответил:

— Если бы не этот офицер, мы не потеряли бы три танка. Больше того, мы не потеряли бы нашего майора… Но когда ваши солдаты бросились на нас в штыковую, а ваша батарея совершенно неожиданно открыла огонь, ваши солдаты кричали:

— Товарищ Сабодах… Товарищ лейтенант… За вас мы в огонь и воду!

Я встревожился: жив ли Сабодах? На этот вопрос пленный гитлеровец не мог или не хотел ответить. Я приказал навести справку: было бы до боли жаль потерять такого командира.

Скромный и мужественный воин, сначала он командовал взводом, затем ротой, батальоном и зачастую находился на самых ответственных участках боя. Он стремился туда, где было наиболее трудно, и воины батальона отлично знали это, они любили его и

берегли.

Совсем недавно, перед боем за Перевалочное, я навестил один из батальонов 16-го стрелкового полка. Был вечер, и солдаты, тесно обступив походную кухню, получали ужин. Слышались недовольные возгласы, и я спросил:

— Ну как, товарищи, ужин? Постарались сегодня повара?

Коренастый солдат с марлевой повязкой под ушанкой ответил с невеселой усмешкой:

— После такого ужина, товарищ полковник, умереть не умрешь, но и долго не провоюешь.

Другой солдат, рослый и плечистый, заговорил по-хозяйственному деловито:

— Жаль мяса, товарищ полковник, хороший продукт и так бессовестно испорчен. А что стоило поварам доварить его, как положено.

— Все это нежности, — заметил пожилой, степенный боец. — Пословица говорит: в степи и жук — мясо.

— Не видел я, братец, чтобы ты охотился за жуком!

— Погоди, не я говорю, повар шумит, что, мол, нежности!

— Вот его и следует этим мясом накормить: пускай потом побегает!

Добраться до кухни оказалось делом довольно-таки трудным, и я, услышав чью-то резкую речь, решил послушать.

— Как вам не стыдно, кастрюльные вы души! — отчитывал повара командир. — Утром люди идут в бой, а вы кормите их какими-то помоями?!

Один из поваров пытался оправдаться:

— Дрова сырые, и соли у нас ни грамма не осталось.

Голос командира стал еще строже:

— Так что же, заготовить для вас дрова? Просто обленились вы и не цените солдата. Прикажу дать вам, толстякам, по винтовке, и утром — в бой. Посадим мы тут честных, работящих старичков — найдутся у них и дрова, и соль!

— Правильно, товарищ Сабодах! — дружно поддержали солдаты. — Это не первый случай. Пускай в окопах полежат!

Кто-то сказал, что в батальоне есть два хороших повара — им, мол, и «карты в руки». Комбат тут же принял решение: два пожилых солдата передали своим провинившимся коллегам винтовки, а сами заняли их места.

Мне понравилась решительность Сабодаха, — конечно, он был

прав. В нашей бригаде, а затем и в дивизии, даже в дни самых ожесточенных боев, когда и приблизиться к передовой было делом сложным и рискованным, делалось все возможное, чтобы люди своевременно получали горячую, вкусную и сытную пищу. Мы, командиры, постоянно помнили, что война — это не только гром пушек и пулеметов. Это и добротный борщ для бойца, и еще многое другое.

Кто-то из солдат весело засмеялся:

— Слышали, товарищ комбат? Повара собираются жаловаться…

Он удивился:

— Кому?

— Говорят, самому комдиву.

Теперь засмеялся и Сабодах:

— Я уверен, что он даст им не только соли, но и перцу!

— Считайте, товарищ комбат, — сказал я, подходя к нему, и он в изумлении даже попятился, — что вы уже доложили мне о плохой работе ваших поваров. С вашим решением я вполне согласен.

Сабодах вытянулся, козырнул, заговорил чуточку виновато.

— Действительно, товарищ полковник, из-за нерадивости поваров весь батальон фактически остался без ужина. А теперь виновники этого разгильдяйства пускай узнают настоящую солдатскую жизнь. Потом, когда они вернутся на кухню, найдутся у них и дрова и соль!

И снова солдаты дружно, весело поддержали комбата, а я крепко пожал ему руку. С этим командиром воины батальона ежедневно совершали подвиги. И если многие солдаты называли его «душой батальона» — это соответствовало действительности. Ночной рейд в тыл противника и разгром его автоколонны был только одним из его подвигов. Я ценил Сабодаха за честность, бесстрашие, внимание и заботу о солдате. Спайка между командиром и воинами делает на поле боя чудеса, и Сабодах доказывал это личным примером.

Через несколько минут связист доложил мне, что лейтенант Сабодах пал смертью храбрых в штыковой атаке.

Я встал… В молчании встали также все офицеры штаба.

— Похоронить с почестями, как героя. Объявить в приказе по дивизии о гибели храбреца. Славный сын Украины, он так мечтал снова увидеть свою родную Полтаву… Мы будем беспощадно мстить фашистским псам за жизнь нашего товарища по оружию.

Наша атака началась через час. Воины осиротевшего батальона первыми вступили в бой. Они сражались о подлинным бесстрашием.

А на следующую ночь, 17 декабря, наши разведывательные и

диверсионные группы, пробравшиеся в тыл противника, нанесли ему серьезные потери. На станции Мармыжи они сожгли два больших дома, до отказа набитых фашистами, которые проводили там какое-то сборище. Здесь оказалось много немецких штабников, и лишь некоторым из них удалось спастись бегством.

Зверства врага. Мы наступаем. Наши герои. Дорогие письма. Встреча с Косолаповым. Лыжный батальон. Остап Стеценко. Весточка от партизан.

Итак, действия диверсионных и разведывательных групп были началом наших активных действий в обороне. Мы выполняли установки, которые я получил на совещании в Военном совете армии. Вскоре гитлеровцы почувствовали, что опасность подкарауливает их на каждом шагу. На дорогах в морозной степи исчезали их патрули. Исчезали разведчики, связисты, саперы, — пылали машины с горючим и боеприпасами, взлетали в воздух дома, в которых оккупанты пытались пересидеть в тепле русскую зиму.

Немецкое командование было не на шутку встревожено потерями и тем психозом страха, который преследовал фашистов в бескрайних заснеженных русских просторах. В этом признавались пленные немцы. По ночам они опасались выходить в одиночку из домов. Но и в домах их все чаще настигали осколки гранат и автоматные очереди.

Как говорится, из капель образуются реки и моря.

Немецкое командование, конечно, видело, что его ежедневные, как будто незаметные, потери постепенно слагались на огромной протяженности фронта в четырехзначные и пятизначные числа.

По-своему низко и подло гитлеровцы решили «уравнивать счет». Они принялись уничтожат население прифронтовых сел и деревень. В листовках, которые они разбрасывали с самолетов, фашисты писали: «Русские, если вы будете наступать, то мы будем поступать так, как поступили с населенными пунктами Перевалочное и Мармыжи».

У неказистого, курносого и очень грязного фашиста, взятого в плен под Мармыжами, наши бойцы отобрали вместе с другими документами отпечатанное на машинке «наставление» и доставили мне. Вот его текст:

«У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобою старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишь себя навеки».

Извращенные садисты, грабители и убийцы старательно исполняли этот преступный наказ фашистской верхушки.

В Перевалочном и Мармыжах мы увидели чудовищные картины фашистских зверств. Они сожгли до основания все дома, сараи, колхозные постройки. Жителей этих сел — женщин, стариков, детей — расстреляли и трупы бросили в колодцы. На деревьях, которые оккупанты не успели срубить и сжечь, они повесили десятки советских патриотов. В этих селах не осталось буквально ни одного живого существа: гитлеровцы уничтожили и животных.

Глядя на следы злодеяний, каждый из нас невольно задавал себе вопрос: да люди ли эти двуногие, украшенные пауками свастики, крестами и черепами?

Фашисты пытались посеять в наших рядах смятение и страх. А посеяли гнев, неистовый и непримиримый.

После того как силы противника были основательно измотаны непрерывными действиями наших диверсионных и разведывательных групп, утром 22 декабря дивизия, взаимодействуя с 1-й и 2-й гвардейскими дивизиями, перешла в решительное наступление и во второй половине дня освободила в ожесточенных боях населенные пункты Перевалочное, Мармыжи, совхозы Росховец и Сухой Хутор.

Продолжая развивать наступление, 24 декабря мы вели бой за села Ивановка, Пожидаевка, Красная Поляна, а к исходу дня 27 декабря вышли в район сел Плаховка, Головиновка, Полевое, Петровка.

Гитлеровцы всполошились, — они не ожидали от наших войск такого наступательного порыва. Потеряв обжитые места, они сочли, что наиболее выгодным для их обороны может быть рубеж Крюково — Плаховка — Головиновка — Полевое — Семеновское. Этот рубеж они стали усиленно готовить в инженерном отношении и приспосабливать к длительной обороне в условиях зимы.

И снова та же картина зверских расправ с мирным населением. Сотни людей угнаны в Германию, сотни расстреляны…

Воины нашей дивизии дали священную клятву партии и Родине отомстить гитлеровским палачам за невинные жертвы. И они мужественно выполняли эту торжественную клятву.

Условия, в которых мы действовали в ту пору, были сложны. Открытое поле, стужа, снега… Группа истребителей, отобранная из молодых, физически развитых и наиболее отважных бойцов, коммунистов и комсомольцев, пробиралась в тыл врага, поминутно рискуя быть окруженной и уничтоженной. Противник вел за ними неусыпное наблюдение… Обмануть его было не так-то просто. Но

наши солдаты и офицеры проникали в логово врага и наносили ему очень чувствительные удары.

В этих ночных рейдах особенно отличилась разведывательная группа младшего лейтенанта Подкопая. Предприняв ночную вылазку на станцию Мармыжи, она уничтожила многочисленный отряд немцев. Это была дерзкая операция, и противник долго не мог опомниться после ночного налета.

Хорошо была организована подготовка разведывательных, штурмовых и истребительных групп в полку, которым командовал майор Василий Соколов. Вместе со своим комиссаром, старшим политруком Олегом Кокушкиным, они искусно руководили деятельностью групп, и оккупанты не знали ни дня покоя.

Олег Кокушкин и сам не раз ходил в разведку, в дивизии его знали как человека высокой отваги.

Я мог бы назвать по памяти десятки фамилий солдат и офицеров, и за каждой этой фамилией — мужество, благородный риск, редкостная находчивость, неукротимая воля к победе.

Словно сейчас он предо мною — невысокий, хрупкий юноша с озорной улыбкой — Михаил Попов-Печер. Этот веселый паренек ухитрялся наклеивать наши листовки на двери домов, в которых обитали эсэсовцы, и даже подсовывать им листовки в карманы!

Гитлеровцы за ним охотились, преследовали, окружали, почти ловили… Почти. А Миша Попов-Печер оставался невредимым. Он снова появлялся в логове врага и добывал очень ценные сведения.

Такими же бесстрашными разведчиками были старший лейтенант Харитонов, политруки Шалыгин, Семенов, Плужников, Робустов, Лукьянов, Захода, Зубенко, Серегин…

Комсомолец Андрей Серегин хорошо знал немецкий язык и проявил себя как отличный наблюдатель. Какая выдержка нужна была этому пареньку, чтобы не раз пробираться в расположение врага, подслушивать разговоры гитлеровцев, переходить линию фронта, неся важные сведения, снова и снова, не дрогнув, идти на смертельный риск!

Люди совершали смелые дела, словно и не замечая, как это трудно давалось. Храбрец возвращался в свое подразделение, скромный, немногословный, и в поведении его не было ни малейшего признака рисовки или желания преувеличить исполненное дело. Война уже давно стала нашим привычным бытом, и риск, и опасность, и смерть были для наших воинов обычными понятиями.

Какие трудные дни и недели ни пришлось переживать на фронте —

у нас были не только огорчения и тревоги, но и радости. Мы получали множество писем с заводов и фабрик, из институтов, колхозов, других воинских частей. Иногда казалось, что за делами дивизии с надеждой и гордостью следит вся Родина. Это понятно, ведь сводки Совинформбюро уже не раз отмечали боевые успехи наших соседей гвардейцев. Упоминали и о нас, А каждое имя, названное в сводке, становилось известным миллионам советских людей. Поэтому многие наши солдаты и офицеры получали письма от незнакомых, но искренних, верных друзей и подруг.

Каждое такое письмо для воинов было радостным, вдохновляющим событием. Нас словно бы согревало в лютую стужу первой военной зимы могучее и ласковое дыхание Родины.

К нам приезжали поэты, прозаики, драматурги, артисты, композиторы, музыканты, и где-нибудь в глухой деревеньке или просто в землянках, блиндажах у переднего края завязывалась дружеская беседа и звучали песни, скрипка, баян…

Воины всегда были рады этим гостям, но подразделяли их на две категории: одни бывали у нас лишь наездами и чувствовали себя вблизи переднего края, как говорится, не совсем свободно, а другие сроднились с армией и делили с бойцами все невзгоды фронта.

Мастера пламенного слова, писатели-фронтовики, были отличными политработниками, и воины высоко ценили их боевую деятельность.

Своими людьми были в дивизии скромный и смелый Борис Полевой, спокойный и решительный Саша Твардовский, неизменно бодрый и веселый Евгений Долматовский, бойкий песенник Яков Шведов, заправский служака Виктор Кондратенко, невысокий, подвижный и отчаянный Михаил Нидзе, задумчивый и собранный Григорий Скульский — хорошие ребята, настоящие фронтовики.

Встречи с писателями много давали солдату: он мог как бы со стороны взглянуть на свои повседневные дела и еще глубже осознать их значимость. Для советского воина литература — понятие высокое и дорогое, очерк, песня, рассказ и даже заметка в дивизионной, армейской или фронтовой газете — событие, памятное на всю жизнь. Счастлив и горд был боец, если его имя или имена друзей были отмечены печатным словом.

У меня сохранилась вырезка из газеты фронта об, одной из таких дружеских встреч:

«…Ждем минутку. Открываются двери. Изба быстро наполняется народом. Тесно. Полно и в смежной комнате, полно и в сенях. На

груди у всех ордена.

Среди бойцов и командиров сотни награжденных, сотни представленных к правительственной награде. Каждый орден — это целая цепь героических подвигов. Каждый орден — это символ доблести. Ошеломляет, радует сознание, что их так много. Что каждый человек, стоящий перед нами, имеет за своими плечами замечательную, необыкновенную историю служения Родине. Улыбаются голубые глаза известного сегодня всей стране лейтенанта Кодолы. Рассказывает о своей борьбе с немцами смуглый казах Данкин. Герой Советского Союза Обухов держит в руке запал от гранаты. Все они неустрашимо действовали против врага лицом к лицу.

Красноармеец Зайко имеет на боевом счету свыше ста уничтоженных врагов. Командир Крюков еще под Халхин-Голом был награжден первым из орденов, которые украшают его грудь. Честно заслужили ордена Завалин и Подкопай. Но когда им приходится рассказывать историю своих подвигов, все волнуются. Нервно перебирают пальцами, которые безошибочно направляют в стан врага гранаты, спокойно нацеливали дуло противотанкового орудия, нажимали на спусковой рычаг пулемета.

И мы взволнованы. Нас захватывает, поглощает своим величием волна героизма. Простые слова простых людей — бессмертная эпопея любви к Родине. Кого избрать, о ком написать, когда перед нами их сотни!

Небольшого роста разведчик Попов-Печер неоднократно шнырял между немцами. Ходил к ним на квартиры, возил солому на их санях, приносил ценные сведения. Повар Андреев, который топчется у печки, вынес из-под неприятельского огня раненого полковника и успел вовремя сварить обед, накормить свое, подразделение. И сегодня ночью повар Андреев даст нам ужин, затем наденет белый халат и вместе с разведчиками отправится через заснеженное поле в деревню, где засели немцы.

Сколько томов надо исписать, чтобы рассказать о них всех, об их замечательном мужестве, об их исключительной скромности, об их чудесной, полной веры улыбке, являющейся залогом победы!»

Так писали В. Василевская и А. Корнейчук о встрече с бойцами и командирами нашей дивизии.

В эти дни мы получали много поздравительных телеграмм от родных и знакомых. Приходили патриотические письма от коллективов трудящихся. Вот письмо бойцам, командирам и

политработникам дивизии от рабочих, служащих и инженерно-технических работников хлебозавода.

«Дорогие товарищи, бойцы, командиры и политработники нашей доблестной Красной Армии! Вам, героическим защитникам социалистической Родины, мы, рабочие, служащие и инженерно-технические работники хлебозавода № 1, шлем свой пламенный большевистский привет!

Дорогие товарищи, верные и бесстрашные сыны народа! Свыше пяти месяцев идет Отечественная война Советской страны с кровавыми ордами гитлеровских захватчиков. Враг хотел молниеносно разбить нас, но жестоко просчитался. Он не учел того, что за честь, свободу и счастье родной земли, как один человек, встанет наш многомиллионный народ. Этой монолитной стены фашизму не пробить никогда. Красная Армия, армия народа, сломит, сокрушит и раздавит врага.

Вместе со всеми трудящимися и мы отдаем свои силы на помощь фронту, изо дня в день выпекаем для вас вкусный хлеб. Мы стремимся работать лучше, все выше поднимаем производительность труда, ибо знаем, что каждая лишняя буханка выпеченного хлеба — это тоже удар по фашистам, поддержка вам, нашим отважным защитникам…

Мы знаем, что фронту нужен хлеб, что без регулярного, нормального обеспечения хлебом нельзя ни воевать, ни тем более победить врага. И поэтому мы мобилизуем все силы, все свое умение, чтобы образцово организовать выпечку хлеба.

Заверяем вас, дорогие товарищи, что если потребуется, то мы как один выступим плечом к плечу с вами с оружием в руках для уничтожения проклятых гитлеровских псов.

Мы обращаемся к вам, наши отважные красные воины. Ни один немецкий оккупант, вторгшийся в пределы Советской Родины, не должен уйти живым с пашей земли. Так бейте же их беспощадно! Громите кровавых фашистских зверей! Истребляйте их, кар бешеных собак! Не знайте ни страха, ни колебания в священной борьбе за жизнь нашего народа, за его будущее, за жизнь наших жен, матерей, отцов и детей!

Ни шагу назад! Идти вперед и только вперед! Выминать и выкуривать врага из занятых им населенных пунктов, неустанно истреблять его днем и ночью — вот по требуется от вас. Будьте достойными славных традиций Красной Армии, рабочего класса, нашей страны! Множьте эти героические традиции. Трудности будут преодолены, и победа будет за нами! Мы победим потому, что наше

дело правое, что нами руководит великан, закаленная в боях с врагами партия Ленина.

Смело и бесстрашно вперед на разгром врага!»

Но поручению рабочих, служащих и инженерно-технических работником хлебозавода письмо подписали директор завода, секретарь парторганизации, председатель месткома и рабочие.

Политический отдел и комиссар дивизии, несмотря большую загруженность, непрерывно поддерживали письменную связь с родными отличившихся бойцов и командиров, с рабочими коллективами. Например, в письме коллективу рабочих одного завода, говорилось:

«Товарищи рабочие и работницы! Сегодня бойцы и командиры нашей части с гордостью чествуют героя Отечественной войны с германским фашизмом красноармейца Обухова Николая Феоктистовича в связи с награждением его орденом Ленина и присвоением звания Героя Советского Союза.

Товарищ Обухов, воспитанник рабочего коллектива вашего завода, является лучшим сыном нашего великого народа. Герой Отечественной войны с германскими оккупантами, он беспощадно громит фашистскую нечисть, уничтожает наглых оккупантов и их танки с бесстрашием и мужеством.

Товарищи рабочие и работницы! Мы надеемся, что, следуя примеру Героя Советского Союза тов. Обухова, вы будете крепить изо дня в день мощь нашего оружия, давать нашей армии больше винтовок, гранат, минометов, пушек, чтобы до конца уничтожить банду грабителей и убийц — германских фашистов…»

По поручению бойцов и командиров это письмо подписал начальник политотдела старший батальонный комиссар Назаренко.

В адрес нашей дивизии приходило много патриотических писем и из других воинских частей, соединений. В одном из таких писем зенитчики-артиллеристы писали, отмечая ратные подвиги наших бойцов и командиров:

«Слава красноармейцу Данкину, истребившему штыком и прикладом четырех фашистских солдат. Слава сержанту-комсомольцу Варежному, который пробрался в расположение противника, вывел из строя три вражеские машины и забросал связками гранат дом, где нашел свой бесславный конец взвод немецких вояк. Слава младшему лейтенанту Завгородному и его орудийному расчету, разбившему две бронемашины и одну автомашину с пехотой и уничтожившему прямой наводкой большое количество гитлеровцев!

Имена героев будут золотыми буквами вписаны в историю Отечественной войны, в историю нашей Родины. Их бессмертных подвигов вовек не забудут благодарные потомки».

В этом же письме боевые друзья сообщали нам о своих ратных подвигах в борьбе с фашистскими захватчиками: «В боях за переправу

на реке С. мы четыре дня сдерживали натиск врага, дав возможность нашим войскам занять новый рубеж. Батарея отвлекла внимание 22 вражеских пикирующих бомбардировщиков, летевших со смертоносным грузом к передовым позициям.

В ходе неравного поединка с вражеской авиацией наша зенитная батарея сбила четырех стервятников. В бою пали смертью храбрых лейтенант Фридман, ефрейтор Сырцов и бойцы Дойнер, Матвеев, Титченко и Поздышев.

Мы поклялись отомстить за смерть товарищей и клятву сдержали: под городом О. в ноябре сбили еще два немецких самолета.

Мы дали слово: ни один вражеский самолет, поднявшийся в нашей зоне, не уйдет, будет сбит.

Народ и партия высоко оценили наши боевые дела. Двенадцать бойцов, командиров и политработников части товарища Баранова награждены орденами и медалями Союза ССР».

Эти письма в свободные от боя минуты политработники читали бойцам и командирам на коротких собраниях и митингах. Они воодушевляли нас на подвиги в борьбе с фашизмом, напоминали каждому, что против гитлеровской Германии поднялся весь советский народ.

День за днем проходили в напряженных боях. Зима выдалась холодная, в январе ударили сильные морозы. По по-прежнему днем и ночью, в пургу и мороз отважные воины крепко держали оборону.

В первой половине января 1942 года, когда дивизия занимала оборону в районе Старые Саввины — Головиновка — Михайловка, мне позвонил начальник медсанбата майор Пустовойтов.

— Сообщаю вам приятную новость, — сказал он, — Жизнь Михаила Косолапова сейчас вне опасности.

Я очень обрадовался.

— Где находится Косолапов?..

— Пока в медсанбате. Мы собираемся отправить его в глубокий тыл для дальнейшего лечения. Но он категорически отказывается оставлять дивизию.

— Как он себя чувствует?

— Потерял много крови; ему оказана необходимая медицинская помощь. Теперь он значительно окреп, чувствует себя хорошо.

— Я приеду навестить Косолапова. Вместе и решим, как с ним быть.

Вскоре я был в медсанбате; в белом халате вошел палату. Врач подвел меня к одной из коек. На ней лежал неподвижно, весь

оплетенный марлевыми повязками, человек, в котором трудно было узнать Мишу.

— Восемнадцать пулевых ранений, — негромко сказал хирург. — Три — тяжелые, остальные — средние и легкие. Серьезных повреждений нет, однако ему придется долго лечиться.

Михаил спал. Дыхание было прерывистым и тяжелым. Мы решили не будить его.

— Человек исключительной силы воли, — тихо сказал хирург. — Перенес операции без единого стона. Но не хочет и слышать об эвакуации в тыл.

Оказалось, хирург знал подробности нашего приключения. Косолапов рассказывал ему, что очень волновался за меня и Шевченко. Он считал, что, поскольку самолеты противника застигли нас в открытом поле, оставался единственный выход — спрятаться под машиной. Во время первого налета истребителей он не был ранен. Поэтому остался под мотором и на второй залет. Машина получила 122 пулевые пробоины, и Косолапов уцелел каким-то чудом. Он был уверен, что моторная часть машины сохранила ему жизнь.

Я поблагодарил хирурга за помощь, оказанную Михаилу, и приказал отправить его в глубокий тыл.

— Надеюсь, после лечения он вернется в строй, в родную дивизию. Передайте, что я с радостью его встречу.

Однако на протяжении всей войны встретиться с Косолаповым мне не довелось.

А с нашей злополучной машиной я и Шевченко встретились под Щиграми, когда дивизия вела здесь оборонительные бои. Впрочем, пожалуй, неверно называть нашу бывалую «эмку» злополучной. После среднего ремонта она служила мне в течение всего 1942 года и побывала в серьезных переплетах во время нашего отхода от Харькова до Волги… Только после волжской битвы я и Шевченко расстались с «эмкой», расстались трогательно, как с испытанным другом, который не раз выручал нас из беды.

Быть может, мы и не бросили бы свою «старушку», но после разгрома гитлеровцев на Волге я получил трофей — новенький «оппель-адмирал», принадлежавший самому Паулюсу. Вот на него мы с адъютантом и пересели, отправив «старушку» в тыл.

…Итак, январские снежные заносы заставили нас перейти к обороне в районе Старые Саввины — Головиновка — Михайловна. Теперь нам понадобились лыжи. В первой половине января в наше распоряжение прибыл один лыжный батальон. Значит, мы получали

возможность формировать лыжные диверсионные группы для заброски в тыл противника.

Впрочем, ближе познакомившись с нашими лыжниками, мы огорчились. Дело в том, что эти лыжники не умели… ходить на лыжах.

Батальон был сформирован в самом срочном порядке, и никто из этих штатских товарищей ранее не помышлял, что в годину суровых испытаний ему придется иметь дело с лыжами.

Не могу сказать, чтобы меня разочаровал личный состав батальона; нет, эти молодые советские патриоты горели ненавистью к врагу и рвались в бой. Однако было похоже, что они недопонимали одной простой истины: воюют не только отвагой — необходимо еще и умение.

Тут мне вспомнился наш довоенный Осоавиахим, ныне преобразованный в ДОСААФ. Какие большие дела совершила эта массовая организация! Именно благодаря ей многие тысячи молодых воинов, впервые прибывших на фронт, умели обращаться с оружием, окапываться, делать перебежки, прыгать с парашютом и даже подрывать танки врага. Благодаря ей были сохранены к боях тысячи молодых жизней.

Я обратился к генералу Подласу с просьбой, чтобы для нашей разведки, штурмовых групп и групп истребителей в дивизию прислали несколько сот пар лыж. Он ответил:

— Хорошо. Дело очень важное. Лыжи получите через пару дней.

Мы получили их даже раньше, и, имея временную передышку, все офицеры штаба, политотдела, командиры и политработники полковых батальонов, рот, взводов — все принялись осваивать лыжное дело, чтобы обучить ему весь личный состав дивизии.

Великое дело — спорт; молодые воины, которые еще недавно, в условиях мирной жизни, увлекались футболом, волейболом, бегом, плаванием, коньками, теперь легко, без особых усилий становились отличными лыжниками.

В числе пополнения, которое прибыло в дивизию, были и «старички». Они не могли спокойно усидеть в тылу, пришли на фронт добровольно. Рабочие, колхозники, партийные работники — все они становились отличными воинами и сражались до последнего дыхания.

Особенно запомнился мне и полюбился украинец Остап Стеценко — рослый, плечистый, с тяжелыми натруженными руками. В сорок семь лет он выглядел очень молодо и, казалось, был врожденным лыжником. За отличную спортивную форму в дивизии прозывали его

«чемпионом». Он смущенно оправдывался:

— Какой же я чемпион, я — председатель колхоза. Правда, по урожаю гречихи мой колхоз в области считался первым. Значит, чемпион-гречкосей. А лыжи — это здоровье и сила, сама молодость к тебе возвращается.

Он стал командиром истребителей. Его немногочисленная группа несколько раз проникала в тыл противника, нанося гитлеровцам серьезные потери. Они прослышали об отважном разведчике Остапе Стеценко и потратили немало усилий, стремясь окружить его группу, схватить командира живым.

Но Стеценко оставался неуловимым. В течение короткого времени за линией фронта у него появилось много верных друзей. Он доставлял им сводки Совинформбюро, наши листовки и газеты. Мужественный разведчик вселял в сердца людей, измученных фашистской оккупацией, надежду и уверенность в скором освобождении. Они же, рискуя жизнью, не раз выручали его из беды.

После одного из рейдов Стеценко доставил письмо от славных народных мстителей — партизан. Нам было известно, что на территории, временно оккупированной врагом, действуют многочисленные отряды советских партизан и что количество этих отрядов с каждым днем возрастает. Однако мы не знали, что партизаны действуют так близко от нас, сразу же за боевыми порядками противника.

В письме говорилось:

«Дорогие воины из дивизии Родимцева!

Мы счастливы, что случайно встретились с группой ваших разведчиков. Пишем вам это письмо в степи, у дороги, при свете карманного фонарика. Здесь мы подкарауливаем отряд фашистских карателей. Быть может, через полчаса мы вступим с ними в бой.

Будьте уверены, товарищи по оружию, что ни один из нас не дрогнет в смертельной схватке с ненавистными палачами из гитлеровской бандитской своры.

Большая половина в нашем партизанском отряде — украинцы. Есть русские, белорусы. Все мы навеки соединены великой братской дружбой и единством цели — разгромить фашизм.

Родные братья наши, доблестные воины Красной Армии, армии-освободительницы! Вас ждет, считая часы и минуты, истерзанный фашистскими извергами украинский народ. Вас ждет, прекрасный древний Киев, ждут шахтеры Донбасса, металлурги Днепропетровска, ждут матери ваши, сестры и дети. Быстрее наступайте, беспощадно

громите врага!

Вся Украина поднялась на борьбу с кровавыми фашистскими захватчикам, и перед вами, как и перед нами, нет иного выбора: победа или смерть.

Братья, мы верим в победу! Мы ждем вас, родные!»

В тот же день об этом письме узнал каждый солдат нашей дивизии.

Вечером, возвращаясь в свой штаб из батальона, я заметил на танке надпись. Выведенная крупными буквами на броне, она была видна издали: «Мать Украина! Сыновья твои возвращаются и победят!»

Совместно с гвардейцами. Радостная весть. Разведчики в походе. Знамя гвардии. Новый комиссар дивизии. Концерт для бойцов.

После кратковременного затишья на нашем участке фронта 16 января противник неожиданно перешел в наступление.

Как видно, немецкий штаб тщательно разработал план атаки, которая в случае успеха имела бы тяжелые для нас последствия.

Три группы вражеских танков с десантами автоматчиков двинулись на рубеж, занимаемый нашим 96-м стрелковым полком. Избегая снежных заносов в степи, танки шли вдоль дорожных направлений. Одна группа заходила во фланг 1-го батальона, другая — в расположении 2-го батальона, а третья, обойдя железную дорогу южнее села Головиновка, пыталась прорваться к нам в тыл.

На этом участке фронта возникла очень серьезная опасность. Решение нужно было принять немедленно.

Пришлось бросить в бой лыжные подразделения с задачей отсечь немецкую пехоту от танков и уничтожить ее. Мы были уверены, что лыжники, совершая стремительные броски, появляясь там, где противник их не ожидал, сумеют справиться с немецкой пехотой.

Бой продолжался более трех часов. Лыжные группы показали отличные примеры быстрого, умелого маневра. Гитлеровские солдаты не могли действовать в стороне от дороги: они проваливались по пояс в снег. Танки противника без пехоты оказались бессильными. Потеряв десятки убитыми и ранеными, все три группы вражеских танков откатились на исходный рубеж.

Было радостно наблюдать, как, одетые в белые маскировочные халаты, почти неразличимые на фоне снегов, лыжники проносились над сугробами, быстрые и легкие, словно тени, и там, где они внезапно появлялись — в тылу или на фланге пехотных подразделений противника, — снег покрывался трупами вражеских солдат.

Замысел противника был сорван, ему не удалось вклиниться в нашу оборону. Гитлеровцы потеряли здесь свыше роты своих солдат.

А 18 января мы получили от генерала Подласа боевое распоряжение: во взаимодействии с гвардейской дивизией генерала Руссиянова перейти в наступление в направлении Крюково — Русаково, разгромить противостоящего противника и выйти на восточную окраину города Щигры.

Для организации взаимодействия я выехал к генералу Руссиянову. Он встретил меня в крестьянской хате как приветливый хозяин, подал левую руку: правая была на перевязи. Прочитав в моем взгляде вопрос, ответил:

— Какая-то фашистская шельма зацепила.

Плотный, среднего роста, русый и широколобый, он был оживлен и подвижен.

Есть люди, волевой характер которых угадывается с первого взгляда. Именно таким был Иван Никитович: собранным, решительным, энергичным.

Из донесений разведки мы знали, что за передовой, в ближайшей деревне, гитлеровцы разместили недавно прибывшее пополнение. Население деревни они угнали на запад, а избы заселили своей солдатней.

Сама обстановка подсказывала нам план действий. Мы договорились одновременно сосредоточить огонь двух дивизионов «катюш» по этой деревне, затем развернуть наступление лыжными батальонами.

Стоило увидеть, как улепетывали гитлеровцы от огня «катюш»! В сброшенных за два часа до начала нашего наступления листовках они уверяли, что гвардейцы генерала Руссиянова и бойцы полковника Родимцева будут уничтожены в ближайшие сутки.

Наши лыжники, с ходу заняв крупные села Удерево и Крюково, двинулись к городу Щигры.

Командование немецкой 9-й танковой дивизии пыталось организовать контратаку. Из этой затеи ничего не получилось, а командир немецкой дивизии, как показал затем пленный, поспешно укатил в Курск.

Сражаясь плечом к плечу с гвардейцами генералов Руссиянова и Акименко, бойцы и командиры дивизии воочию убеждались в их высокой стойкости и героизме. В некоторых населенных пунктах велись бои за каждый дом, сарай, стог сена и другие укрытия.

Все попытки немцев выбить нас из этих населенных пунктов

успеха не имели. 10-й моторизованный полк противника, усиленный танками и свежими ротами, численный состав которых был доведен до 180 человек, разбился о нашу, наскоро организованную оборону. Но мы не собирались долго обороняться: развивая наступление, наши части вышли на восточную окраину Щигров.

В разгар этих боев к нам в штаб дивизии прибыл бригадный комиссар Грушецкий. Я знал его как человека далекого от сомнений и уныния, но теперь он показался мне особенно радостным. Неторопливо и торжественно он пожал каждому присутствовавшему руку, потом расстегнул полушубок и достал из нагрудного кармана какую-то аккуратно сложенную бумагу.

— Внимание, товарищи… Только что получен из Кремля приказ. Я зачитаю его вам.

Все офицеры и солдаты встали по стойке «смирно». Голос бригадного комиссара звучал взволнованно.

«19 января 1942 года. Москва, — читал он. — В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против немецких захватчиков 87-я стрелковая дивизия показала образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. Ведя непрерывные бои с немецкими захватчиками. 87-я стрелковая дивизия наносила огромные потери фашистским войскам и своими сокрушительными ударами уничтожала живую силу и технику противника, беспощадно громила врага.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать 87-ю стрелковую дивизию в 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Дивизии вручить гвардейское знамя.

Всему начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу дивизии установить полуторный, а бойцам двойной оклад содержания.

Приказ, передать по телеграфу».

Бригадный комиссар, обернулся ко мне.

— Командиром 13-й гвардейской стрелковой дивизии назначены вы, Александр Ильич…

Сердце мое радостно забилось.

— Служу Советскому Союзу…

Я заметил: в мгновенном порыве офицеры штаба, люди суровые, далекие от проявления нежностей, обнялись.

В течение каких-то минут эта весть облетела весь личный состав дивизии, донеслась до передовых подразделений, продолжавших вести

бой на окраине города Щигры, — грянула залпом наших батарей, поднялась грозным валом еще одной атаки…

В часы затишья в подразделениях проходили летучие митинги. С этим словом «митинг» связано представление о возбужденной, радостной или гневной толпе, бурлящей вокруг расцвеченной плакатами и флагами трибуны… Нет, митинги в дивизии, ведущей бой, выглядели иначе. Вот, укрываясь от огня противника за развалинами, дома, сосредоточилась группа солдат… Политрук зачитывает им приказ… Лица бойцов светлеют от радости, руки еще крепче сжимают оружие. Нет времени на пространные речи, но каждое ответное солдатское слово звучит как металл.

Я словно и сейчас слышу краткое выступление разведчика старшего сержанта Геннадия Попова. Весь запорошенный снегом, с бровями, покрытыми ледяной коркой, он говорит:

— Гвардейцы! В этом имени звенит холодной сталью русское бесстрашие, доблесть советских людей, сила нашего оружия… Пусть каждый воин нашей гвардейской дивизии отныне считает своим долгом совершить подвиг…

На долю самого Попова уже в следующую ночь выпало очень ответственное задание: пробраться в село, где был расположен штаб немецкого полка и поджечь несколько домов вокруг штаба.

Из донесения разведки мы знали, что в этом селе гитлеровцы учинили свирепую расправу над мирными жителями: часть расстреляли, часть угнали в свой тыл… В селе находились только немцы.

Видимости в эти январские ночи не было никакой, над степью стояла сплошная белесая мгла, и для наших артиллеристов было бы неоценимой помощью, если бы разведчики осветили лагерь противника.

Для выполнения задания Геннадий Попов отобрал трех солдат, с которыми бывал в разведке. Обходя обрывистые, занесенные снегом овраги, разведчики долго кружили по бездорожью, не видя перед собой, что называется, ни зги. Морозная ночь была настолько мглиста и темна, что только по дыханию да мягкому шороху лыж трое угадывали направление, избираемое командиром.

Но вот Попов остановился. По его расчетам, они уже должны бы достигнуть окраины села. Долго прислушивались… Степь молчала. Неужели сбились с дороги? Снова идут разведчики… Срываются, скатываются, в овраг. С большим трудом взбираются по крутому склону. При всей их физической закалке силы все-таки сдают, а ведь

впереди — главная часть задачи.

Останавливаются отдышаться. Разговаривать, даже шепотом, не положено. Кто знает, быть может, здесь, и трех шагах, зарылся в снег и тоже прислушивается к ночи вражеский дозор? Свой штаб полка немцы, как всегда, охраняют очень тщательно, а это не обычный моторизованный полк — в 9-й дивизии противника он считается наилучшим.

Неожиданно в тишине ночи Геннадий различает приглушенный гул автомобильного мотора. Этот гул то нарастает резким, прерывистым рокотом, то слабеет. Ясно. Где-то совсем близко отсюда немцы разогревают застывший мотор машины. Значит, село близко, и теперь нужна особая осторожность.

Задами дворов, приусадебными огородами разведчики крадутся к хатам. Прямо перед ними резко вспыхивает свет автомобильной фары. В этой вспышке света они успевают различить контуры длинного ряда грузовика, танка, будки рации…

Бойцы приближаются к домикам… Крыши соломенные, низкие, до края легко достать рукой… Один из разведчиков прильнул к окошку. Он отчетливо слышит немецкую речь. Разведчики помнят: сейчас дорога каждая секунда. В руках у Геннадия бутылка с керосином. На морозном воздухе запах керосина особенно резок… Вспыхивает огонек зажигалки, и под краем соломенной крыши хищно ползет и вихрится огонь.

Второй домик… Третий… Пятый… Задание выполнено! Теперь — отход. Старший сержант подает команду:

— Гранаты к бою!

Фашисты уже заметили пламя пожара и ударили тревогу. В центре села, где находится малый отряд разведчиков, становится светло как днем. Какой-то здоровенный фашист-офицер истошно вопит по-немецки:

— Взять русских живыми!

Его срезает очередь автомата. Рвутся гранаты, и несколько фашистов корчатся на снегу.

Лыжи… Они несут четырех разведчиков над измятыми сугробами, над колеей дороги, над занесенными снегом рытвинами и ухабами, словно крылья. Очереди четырех автоматов гремят по окнам, расплескивая стекло, по распахнувшимся дверям, по темнеющим во дворах машинам.

Но немцам уже не до преследования смельчаков. Грохочут залпы нашей артиллерии, сметая фашистский штаб, его рации, автомобили,

кухни — все, с чем они сюда пришли.

Четыре смельчака невредимыми возвращаются в полк, и Геннадий Попов докладывает:

— Гвардейцы выполнили задание…

Третьего февраля командующий армией приказал дивизии перейти к обороне на рубеже Новые Саввины — Безобразово — Петровка — Черемисиново — Красная Поляна.

Незабываемым останется для меня морозный полдень 9 февраля, когда при звуках оркестра, над замершим строем бойцов и командиров дивизии широкой золотисто-алой волной всплеснулось врученное нам гвардейское знамя.

Я смотрел на четкие шеренги воинов, выстроившихся в полной боевой готовности. Здесь были представители всех подразделений дивизии, бойцы, младшие, средние и старшие командиры. Я знал каждого из них, людей стальной закалки, коммунистов и беспартийных большевиков, навеки сродненных великой борьбой за свободу и независимость нашей матери Родины. Вот боевые командиры: Соколов, Шафаренко, Трофимов, Клягин; славные комиссары: Кокушкин, Данилов, Куницын; молодцы-артиллеристы: Дмитриев, Клебановский, Бондарев, Лагода, Новиков, Иванов, Аверченко; отважные разведчики: Обухов, Сапунов, Канев, Попов; офицеры штаба: Андриец, Потапов, Бакай, Костюрин, Шапошников, Евдокимов, Артеменко… Радостно блестят карие глаза Федора Филипповича Чернышева, неустанного и пламенного комиссара дивизии, внешне спокоен и невозмутим начальник штаба Владимир Александрович Борисов, но брови его вздрагивают от волнения, и словно бы отблески света играют на лице.

Сколько пережито вместе, дорогие друзья! Какие сражения ждут еще нас на дальних дорогах войны?.. Я знал, все они думали об этом, и каждый был уверен в победе.

Я доложил члену Военного совета, что представители от частей и подразделений 13-й гвардейской стрелковой дивизии построены для приема гвардейского знамени.

Грушецкий поздоровался с нами и подошел к знамени.

Бережно и нежно, словно боясь уронить на землю эту бесценную реликвию, знаменщик передал ему знамя. Грушецкий взял древко и развернул грамоту Президиума Верховного Совета СССР.

— Как символ воинской чести, доблести и славы, — громко, раздельно читал он, — как напоминание каждому из бойцов и командиров части об их священном долге преданно служить

Советской Родине, защищать ее мужественно и умело, отстаивать, от врага каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни…

Самая значительная и радостная минута в моей жизни…

Древко гвардейского знамени в моей руке. Слышен мягкий и льющийся шорох шелка. Я опустился на колено и поцеловал край холодноватого полотнища.

Необычной, совершенно нерушимой показалась мне тишина.

— Это боевое знамя, — сказал я, — завоевано кровью наших воинов. Оно зовет нас на новые подвиги во славу Родины. Под этим знаменем мы пойдем только вперед, на запад, и разгромим ненавистный всему трудовому человечеству фашизм!..

Грянуло дружное «ура!», и мне показалось, что еще ярче, огнистей засияли золотые буквы на алом полотнище: «13-я гвардейская стрелковая дивизия».

Острый морозный воздух звенел от труб оркестра. Крылатое знамя торжественно плыло вдоль строя от левого фланга к правому. Снова могуче прокатилось «ура!», и, словно подхваченное вихрем, знамя забушевало над строем.

Огромное воодушевление в частях и подразделениях дивизии уже через несколько часов выразилось конкретными боевыми делами.

Ночью группа разведчиков Петра Мудряка доставила трех «языков». Воин-казах Есентай Данкин уничтожил гранатами пулеметный расчет противника. Артиллеристы батареи Клебановского разбили четыре машины врага, доставлявшие к переднему краю боеприпасы… В перелеске младший лейтенант Явицкий лицом к лицу столкнулся с немецким офицером-разведчиком. Вскинув автомат, гитлеровец предложил:

— Русс, сдавайся…

Выстрелом из нагана Явицкий сразил офицера и принес его документы и автомат.

Мы считали, что в эти дни на нашем участке фронта наступило затишье. Однако это затишье было условным: мы непрерывно прощупывали силы врага, беспокоили его и уничтожали при каждом удобном случае, засылали в его тыл разведчиков; на дорогах за городом Щигры немцы растеряли немало своих солдат и офицеров.

В конце января во фронтовой газете «Красная Армия» генерал Подлас выступил со статьей «Тринадцатая гвардейская». Я знал генерала Подласа как человека сдержанного в оценках наших общих успехов. Зачастую мне казалось, что он был недоволен и ждал от

нашей дивизии значительно большего. Так думал не только я, но и многие наши офицеры. Тём более неожиданным и радостным было появление этой статьи, что командующий армией впервые давал действиям дивизии гласную оценку.

Он писал:

«В последних числах ноября мы видели героическую дивизию под Тимом. В течение недели бойцы самоотверженно сражались против 9-й танковой дивизии и 16-й мотодивизии противника. Не помогли фашистам ни танки, ни бронемашины, ни огромное количество минометов, автоматов и другого вооружения. Под ударами героев немцы потеряли за этот период убитыми и ранеными до 3000 солдат и офицеров. Было разбито 50 немецких автомашин и 20 повозок, подбито 15 танков, 13 бронемашин, 11 орудий.

Кроме того, был разгромлен штаб 134-го разведывательного батальона 16-й мотодивизии. В результате действий бойцов и командиров Родимцева немцам не удалось добиться на этом участке фронта каких-либо тактических, или оперативных успехов.

В первых числах декабря дивизия ведет упорные бои на этом же участке, парализуя возобновившиеся попытки новых сил врага продвинуться на восток. Несокрушимой стойкостью, высоким боевым мастерством дивизия преграждает немцам путь на восток. Наткнувшись на крепкий барьер, немцы понесли большие потери и снова откатились на исходные рубежи. В этих боях бойцы истребили до 400 фашистов, захватили 6 грузовых и 2 легковых автомашины, 25 автоматов, орудие, сотни гранат и снарядов, тысячи патронов, мотоциклы.

Первая половина января нового года явилась еще одним доказательством высокой боевой мощи дивизии полковника Родимцева. Каждый день, каждую ночь, в пургу и мороз отважные воины изматывают, истребляют, преследуют, изгоняют с советской земли немецких захватчиков.

Таков боевой путь героической дивизии, покрывшей себя в жестоких боях с врагом чудесной славой.

В боях родились и возмужали сотни героев. Если говорить о героях части Родимцева, то необходимо упомянуть почти каждого бойца и командира. О многих из них, достойных сынах Родины, гремит слава по всей стране».

Такой высокой похвалы от генерала Подласа мы, конечно, не ожидали. Едва я просмотрел газету, связной доложил, что меня вызывает к телефону-командующий… Я взял трубку. Подлас

поздоровался, спросил:

— Статью читали?

— Да, товарищ командующий… Благодарю.

Он помолчал, потом спросил:

— Надеюсь, вы понимаете, какую ответственность налагает эта статья на вас… и на меня?

— Я обещаю, товарищ командующий…

— Понятно, вы должны обещать. Но помните: спрашивать буду втрое строже.

— Что ж, учтем, и это: спрашиваться будет втрое строже.

В период отхода, как и наступления, дивизия занимала оборону поспешно, на первом попавшемся рубеже. А здесь, восточнее города Щигры, нам по всем данным предстояло находиться в обороне Длительное время. Сама обстановка зимних условий заставляла совершенствовать оборону.

Мы принялись тактически грамотно расстанавливать огневые средства, дооборудовать огневые позиции, отдельные окопы, ячейки и траншеи, маскировали их, улучшали секторы обстрела, проверяли оружие.

Много потрудились и наши политработники, воспитывая у воинов мужество и упорство в оборонительном бою, стремление во что бы то ни стало уничтожить врага.

В конце февраля мне довелось пережить немало огорчений. Первое: был отозван комиссар дивизии Федор Филиппович Чернышев. Мы так сроднились с ним за одиннадцать месяцев походов и боев, что понимали друг друга с полуслова.

Но ничего не поделаешь: мы — люди военные, и приказ вышестоящего начальства для нас — закон.

С Федором Чернышевым я встретился позже, в боях у Волги. Он был комиссаром 39-й гвардейской стрелковой дивизии, которая сражалась рядом с нашей. Иногда по вечерам мы приходили в гости друг к другу, и подолгу текли в траншее или в блиндаже наши воспоминания о трудных военных дорогах 1941 года, о славных товарищах и друзьях…

Через несколько дней после того, как я простился с Чернышевым, из дивизии были отозваны командиры полков майор Василий Соколов и полковник Павел Шафоренко.

Пока мы стояли в обороне, личный состав дивизии обновился более чем наполовину. В прибывшем пополнении были люди всех возрастов, и многие из них никогда не держали в руках оружия.

Трудное это было время! Молодые офицеры, только недавно получившие офицерское звание, в военных делах не особенно разбирались, заниматься их обучением мы почти не имели возможности, так как постоянно, с часа на час ждали атаки противника.

А начальство сверху понукало: что ж вы, мол, дорогие, сидите там безмятежно в обороне и за целый месяц не сумели ни одного дохлого фашиста притащить? В штабе армии крайне недовольны вашей медлительностью. Любой ценой достаньте «языка»!

Оправдываться было бесполезно: когда фронт стабилизировался и стороны перешли к обороне, захватить пленного оказалось делом непростым. Все наши тактические приемы, хотя эти действия и осуществлялись мелкими группами, немцы знали так же хорошо, как и мы знали их приемы. Любая тропинка, все вероятные пути подхода к переднему краю обороны, ведущие от противника к нам и от нас к противнику, постоянно находились под неусыпным наблюдением. Захват «языка» и нам, и немцам обходился слишком дорого, а мы старались избегать напрасных потерь.

Наши разведчики-наблюдатели иногда целыми неделями следили за действиями немецких солдат, прежде чем складывался план захвата «языка».

В эти напряженные дни взаимного выслеживания начальник разведки дивизии капитан Владимир Бакай доложил мне, что представляется возможность привести пленного.

— Ну-ка, расскажите, где вы сможете его поймать?

Смуглый, черноглазый Бакай улыбнулся:

— Немец будет, что называется, научный! Наши разведчики уже более недели изучают действия фрицев и установили в этих действиях определенный распорядок. Каждый день в одно и то же время трое немцев развозят на подводе горячую пищу. Часть дороги, по которой они следуют, проходит по оврагу, вблизи населенного пункта Плаховка… Я подготовил группу разведчиков в составе девяти человек. Возглавит ее мой помощник старший лейтенант Василий Некипелов… Все десять разведчиков парни бывалые: трое — коммунисты, остальные — комсомольцы.

План капитана Бакая показался мне соблазнительным, но все же я спросил:

— Вы уверены, что предусмотрели каждую мелочь?

Он ответил без тени сомнения:

— Так точно. Завтра будет «язык».

— Ну, если вы так уверены, действуйте. Желаю удачи!

Для контроля я приказал Борисову, чтобы он лично проверил, как подготовлены и экипированы люди к предстоящему рейду в тыл врага.

Поздно ночью мне доложили, что возглавляемая старшим лейтенантом Некипеловым разведка отправилась на выполнение задания.

Долго не спали мы с Борисовым в эту ночь. Если бы рейд разведчиков увенчался успехом! Шутка ли, за три недели, потеряв пятнадцать наших лучших разведчиков, мы не взяли ни одного живого фрица! Правда, противнику тоже подобная операция не удавалась, хотя он много раз пытался подкрасться и захватить одного-двух наших солдат. Огонь автоматов быстро сбивал пыл с вражеских лазутчиков, да и сами они редко уползали восвояси живыми.

Утром капитан Бакай доложил мне по телефону, что пленного привели, однако толку от него мало: немец ничего не говорит.

— Вы шутите, капитан, и шутите неуместно…

Голос его дрогнул:

— Товарищ полковник… просто не повезло. В группе Некипелова было условлено, что, как только фрицы станут спускаться на своей лошаденке в овраг, один из разведчиков метнет гранату с таким расчетом, чтобы она взорвалась метрах в пяти-шести перед лошадью. Лошадь, конечно, шарахнулась бы в сторону и вытряхнула пассажиров из саней. Тут вся группа должна была наброситься на фашистов и захватить их живьем. Однако сложилось все по-другому. Когда разведчик, привстав на левую руку, бросил гранату, рукав маскировочного халата опустился ниже ладони его руки. Граната осталась в рукаве халата и взорвалась. Разведчик был смертельно ранен… Тогда Некипелов дал автоматную очередь по фашистам — двух смертельно ранил, а третьего легко. Этот третий фашист сильно сопротивлялся и кричал. Разведчики заткнули ему рот варежкой и, наверное, повредили голосовые связки.

Я положил трубку. Все же как не везло! Впрочем, возможно, что пленный утратил дар речи от испуга? Такое с гитлеровцами не раз случалось, особенно если они были виновны в расправах над мирными жителями и страшились возмездия. Так или иначе, но и этого «мычащего фрица» нужно было немедленно отправить в штаб армии.

Вскоре вместо Чернышева комиссаром нашей дивизии был назначен полковой комиссар Сергей Николаевич Зубков. Участник боев на озере Хасан, где за отвагу он был награжден орденом Красного Знамени, Зубков понравился мне с первого взгляда. Оказалось, что он

имел большой опыт работы в войсках, отлично знал военную педагогику и умел проводить ее в жизнь не только среди бойцов, но и среди офицеров, благодаря чему быстро завоевывал авторитет.

Как человек он показался мне простым, отзывчивым и открытым, и вскоре я убедился, что комиссар действительно был таким. Не теряя лишнего часа, он энергично включился в работу: приступил к изучению офицерских кадров; детально ознакомился с историей боевых действий каждого нашего полка; беседовал с младшими офицерами и бойцами; старался побывать на всех собраниях, узнать, о чем говорят люди, чем живут, чтобы улучшить боевую деятельность дивизии.

Тщательно занимался он бытовыми нуждами воинов, интересовался их перепиской с родными и знакомыми, глубоко вникал в существо военной подготовки личного состава подразделений и частей и организацию системы обороны.

В те дни к нам прибыл коллектив артистов Центрального Дома культуры железнодорожников под руководством композитора Дмитрия Яковлевича Покрасса.

Не знаю, о чем увлеченно и долго говорил с композитором наш комиссар, но когда в героической балладе прозвучали имена наших славных разведчиков Обухова, Кокушкина, Некипелова, — радостное удивление воинов было столь велико, что своды здания, в котором проходил концерт, казалось, вот-вот обрушатся от гула и грома оваций.

Великое дело — песня! Раздольная, полная силы и удали — русская; задумчивая или насмешливая и озорная — украинская; нежная и призывная — белорусская; то печальная, то лихая — грузинская… Словно живительная волна смывает она, песня, груз усталости с сердца солдата, и, смотришь, как будто моложе выглядит солдат, во взгляде его светится гордое сознание того, что и его дела достойны песни и памяти народа.

В середине марта из штаба 40-й армии был получен приказ: распоряжением командующего Юго-Западным фронтом дивизия переходила в подчинение командующему 38-й армией. Станция погрузки — Мармыжи; станция выгрузки — Великий Бурлук. Нас перебрасывали на харьковское направление.

По железной дороге. Снова бои. Высота 183,3. Бессмертный политрук Серых. Они идут в бой коммунистами. Четыре добровольца. Поход за провизией. Боевая подготовка.

Давно уже пользовались мы железнодорожным транспортом, чаще тряслись по ухабистым дорогам на машинах, повозках или шагали пешком. Случалось, приходилось и ползти.

А теперь — вагоны. Самые настоящие железнодорожные вагоны! И что за прелесть — теплушка! Чисто, уютно, светло. Есть койки, и можно прилечь. В железной печурке розово светится жар. Его не погасит дождь и не задует ветер. Просто невероятно, что нет сквозняков. Так, пожалуй, избалуешься за дорогу.

А дорога у нас, по времени, дальняя. Восемь-девять суток в пути. Возможно, и все двенадцать. Это при условии, что все будет обстоять благополучно.

Признаться, я мало верил в благополучный путь. Для переброски дивизии требовалось пятнадцать эшелонов. Было более чем сомнительно, чтобы авиация противника не заметила эти пятнадцать поездов. Однако нам ли опасаться авиации противника? Это не первое бомбовое крещение. Теперь мы близко познакомились и с «юнкерсами» и с «фокке-вульфами». Опыт многому учит, а военный опыт — особенно. У нас давно уже исчезла робость и перед одиночными, и перед массированными налетами врага. Мы научились отбиваться, и немецкие летчики хорошо знали, какая это неприятная штука — групповой огонь.

В дороге, однако, необходима большая осмотрительность. На совещании командиров и комиссаров полков было решено комплектовать эшелоны с таким расчетом, чтобы при необходимости начальник эшелона мог развернуть подразделения в боевой порядок и сражаться самостоятельно до подхода следующего поезда.

С первым маршрутом я приказал отправить лыжные батальоны. Правда, они не входили в состав дивизий, но были обучены у нас, прославились в боях и по праву считали себя гвардейцами.

Возможно, думал я, новый командующий 40-й армией генерал Парсегов выразит недовольство в связи с отъездом лыжников? Но ведь он получает большие свежие пополнения и с наступлением весны лыжники не очень-то ему понадобятся.

С частью офицеров штаба я выехал восьмым эшелоном. Как и следовало ожидать, вражеская авиация неоднократно пыталась пересечь нам путь, разрушить мосты, обстреливать и бомбить эшелоны.

Из-за этих неприятностей выгрузку трех маршрутов пришлось произвести на других станциях, откуда люди со своей материальной частью немедленно уходили в отведенные для них районы

сосредоточения.

Наш восьмой эшелон проследовал в основном благополучно. Были, конечно, и неприятности, однако в военное время без них не обойтись. После обстрела из пулеметов и бомбежки у нас загорелся вагон с боеприпасами, но пожар мы быстро потушили.

Штаб армии располагался на окраине села Шевченково, и, когда я прибыл сюда, комиссар Зубков доложил мне, что все три полка вместе с артиллерийским и лыжными батальонами — по сути, вся боевая часть дивизии, уже закончили выгрузку.

— Отлично, Сергей Николаевич!.. Ну, какие еще новости?..

Он немного замялся:

— Почти никаких…

— А все же?

— Я виделся с новым командующим 40-й армией генералом Парсеговым.

— Он передал привет?

— Нет, он жалел, что вы уехали. Очень хотелось ему вас «расчехвостить» за самовольный увоз двух лыжных батальонов. Даже хотел оставить у себя наш 34-й гвардейский полк, который только приступал к погрузке. Долго кричал и под конец заявил: «Ничего. Где-нибудь он мне попадется, этот роди́мец Родимцев! Я покажу ему, как увозить чужие батальоны…»

(Замечу в порядке дополнения: ни во время войны, ни в послевоенное время я так и не встретил Михаила Артемьевича Парсегова. Думаю, что если бы мы встретились, оба вспомнили бы добрым словом эти лыжные батальоны, ибо они были достойны нашего гвардейского знамени, под которым сражались с беззаветной отвагой).

К исходу марта дивизия полностью была переброшена в район сосредоточения, восточнее Старого Салтова.

Я поторопился прибыть в штаб 38-й армии, которой командовал генерал-майор артиллерии Москаленко Кирилл Семенович (ныне Маршал Советского Союза), а начальником штаба был полковник Иванов Семен Павлович (ныне генерал-полковник), и доложил им о боевом и численном составе дивизии.

Крестьянский домик, в котором располагался штаб, временами вздрагивал и поскрипывал всеми своими скрепами от гула снарядных разрывов. Немцы вели интенсивный артиллерийский огонь по глубине нашей обороны. Но в штабе я с первого взгляда уловил размеренный распорядок большого, напряженного труда.

Генерал Москаленко, невысокий, сухощавый, коротко и резко отдавал распоряжения по телефону. В облике его было что-то суворовское — так же резок, самоуверен, спокоен, остроглаз.

— Знаю вас, Родимцев, — сказал он, вставая и протягивая мне руку. — Воевать вам доводилось в трудной обстановке… по могу утешить: здесь будет еще труднее.

— Я к этому готов, товарищ командующий…

— Отлично… — он кивнул полковнику Иванову. — Ознакомьте Александра Ильича с обстановкой на фронте армии. — И снова в упор, испытующим взглядом посмотрел на меня. — Никакой передышки не будет. Ваши войска, надеюсь, отдохнули в пути? А теперь немедленно в бой.

— Есть немедленно в бой, товарищ командующий.

Он улыбнулся и коротко, крепко пожал мне руку.

Полковник Иванов, рослый, плечистый блондин, размашисто прошагал в соседнюю комнату, грузно опустился на стул, указал на карту.

— Дела, Александр Ильич, довольно сложны. Видите, как прет нечистая сила?! Когда мы контратакуем, он цепляется за населенные пункты, в основном танковыми и моторизованными войсками. Его авиация с каждым днем усиливает налеты на наши боевые порядки, и мы несем большие потери в личном составе. В наших 227-й и 226-й стрелковых дивизиях сейчас насчитывается, включая тылы, не более 3 тысяч человек в каждой. А 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Крюченкина имеет только… номер. У него меньше конников, чем у вас в эскадроне. Не исключена возможность, что ваш эскадрон придется отдать генералу Крюченкину…

Как-то непроизвольно я схватил его за руку:

— Нет, Семен Павлович, не делайте этого! Ведь кавалерийский эскадрон — это наши глаза и уши! Вы очень обидите нас, да, с первого дня обидите, если заберете конников.

Полковник задумался:

— Хорошо. Повременим…

Утром 26 марта все полки дивизии были втянуты в бой с противником. 34-й гвардейский полк Трофимова оборонял западную окраину Старого Салтова; 39-й гвардейский полк — южную половину этого населенного пункта; 42-й гвардейский полк — село Молодова; 32-й гвардейский артиллерийский полк находился восточнее Старого Салтова в готовности к открытию огня.

Утром 28 марта после артиллерийского налета дивизия перешла в

решительное наступление с Задачей овладеть высотой 183,3, чтобы в дальнейшем перерезать дорогу у населенного пункта Перемога. Высота 183,3… Бойцы неспроста назвали ее проклятой. Здесь действовала 3-я танковая дивизия противника, и соотношение сил было явно в пользу немцев.

Если на курском направлении, в районе Щигров, танковые части противника в это время года были скованы глубоким снежным покровом, то здесь, под Харьковом, снег уже растаял, и морозный, твердый грунт позволял танковым частям немцев маневрировать вне дорог.

В течение дня гитлеровцы не раз переходили в контратаки, и только благодаря нашей крепкой противотанковой обороне им не удавалось вклиниться в наши боевые порядки. Теряя танки и десятки солдат, немцы откатывались на исходные рубежи.

Однако и наши атаки, несмотря на хорошую артиллерийскую подготовку, успеха не имели. Я спрашивал себя: почему? Быть может, потому, что этот рубеж был тщательно подготовлен противником в инженерном отношении? Нет, этого нельзя было сказать. А вывод напрашивался сам собой: наши командиры всех степеней еще не ознакомились с этими местами. Они не ориентировались свободно среди лесов, оврагов, перелесков и, случалось, сбивались с пути. По этой же причине артиллеристы не могли вести прицельного огня, и многие цели ими не были подавлены. В результате мы несли ненужные потери. Наши воины дрались отважно и наносили врагу большой урон, но проклятая высота оставалась в руках противника.

И вдруг — новость. Сногсшибательная новость! То, чего не смог сделать гвардейский полк Трофимова, сделали кавалеристы Крюченкина. Из штаба армии мне позвонил полковник Иванов. В голосе его я расслышал недовольные нотки:

— Почему вы до сих пор не сменили крюченкинцев на высоте 183,3, которую они взяли два дня назад?

— Признаться, я не знал, что высота взята.

— Немедленно смените. Они ждут и отбивают атаки противника.

Я не успел позвонить Борисову: усталый и запыленный, он вошел в блиндаж.

— Товарищ полковник… Сегодня более половины дня я руководил боем по захвату «проклятой высоты»… В то же время я определял тактическую значимость ее для нас. Ну, предположим, возьмем мы ее. Это будет означать, что мы улучшим наблюдение, самое большее, на полтора километра. Там снова высота, и за нее тоже придется вести

кровопролитный бой, а потом снова. Мне думается, зря мы теряем людей, бессмысленно растрачиваем силы.

Я удивился этим доводам:

— А знаете ли вы, товарищ Борисов, что высота 183,3 взята? Мне только что позвонили из штаба армии. Высота взята кавалеристами Крюченкина… Они и сейчас отбивают атаки!

Борисов махнул рукой, грустно усмехнулся:

— Наверное, вы шутите, товарищ полковник? На этой высоте — ни души. На восточной опушке леса, южнее Байрак, я встретил командира кавалерийского полка. Он сообщил, что два дня назад один его взвод, в составе пяти сабель, вскочил на эту высоту в конном строю. Обратно вернулись двое… «Дело понятное, — говорит командир кавалерийского полка, — кто-то из штабистов успел донести командиру дивизии, тот — командиру корпуса, ну, а тот командующему…»

Я сразу же позвонил генералу Крюченкину:

— В отношении высоты 183,3 предлагаю вам, товарищ генерал, поехать вместе со мной и разобраться на месте.

Голос его звучал устало:

— Нет, я не поеду. И вам не советую ехать. Проклятая высота как была, так и остается в руках противника. А что касается донесения в штаб армии — просто произошла ошибка.

— Но ведь вы ввели командующего в заблуждение?

Он вздохнул:

— Что же поделаешь? Кто не воюет, тот не ошибается.

Невольно припомнился Тим и то нелепое положение, в каком я оказался, когда без моего ведома в штаб армии было сообщено о взятии города. Сколько услышал я упреков и… поздравлений, которые были еще тяжелее упреков. Как видно, в штабе генерала Крюченкина произошла аналогичная история. Но приказ есть приказ, и проклятую высоту все же придется взять.

В моем дневнике за апрельские дни 1942 года есть запись: «За эту несчастную высоту 183,3, пусть она будет трижды проклята, за точку, которая дает — лишь небольшое тактическое наблюдение, 34-й гвардейский стрелковый полк потерял более половины своего личного состава…»

Я листаю страницы дневника, и передо мною встают картины той многодневной битвы, в которой наши воины героически сражались за каждый метр родной земли.

Запомнился мне рослый политрук стрелковой роты Семен Серых, поднявший еще в одну атаку горстку солдат на эту высоту.

Боевые дела и судьба Семена Прокофьевича Серых достойны того, чтобы о нем рассказать подробней.

Когда 34-й гвардейский полк, совершив тяжелый двадцатипятикилометровый марш, к утру 26 марта 1942 года, скрыто для противника, сосредоточился юго-западнее Старого Салтова,

стрелковая рота, в которой Серых был политруком, получила задачу развернуть свой боевой порядок на восточных скатах балки Глубокой, перед высотой 183,3, южнее деревни Кут…

После нашей мощной артиллерийской подготовки, двигаясь вслед за огневым валом, таща за собой по крепкой ледяной коре пулеметы и боеприпасы, рота успешно одолела первую сотню метров и достигла подножия высоты.

Казалось, еще немного усилий, и ключевая позиция будет в наших руках. Но кинжальный огонь противника заставил гвардейцев залечь.

Гитлеровцы успели соорудить здесь, на опушке леса, несколько дзотов и замаскировали танки. Их минометные батареи буквально засыпали минами скат высоты, а пушки вели огонь термитными снарядам.

Находясь на открытой поляне, рота продолжала двигаться вперед. Ее командир Павел Мальцев сам развернул пулемет и выпустил очередь по вражескому дзоту. Раненый, в горящей от термитных осколков одежде, он упрямо поднимался вверх по крутому скату, пока разрыв снаряда не отбросил его… Тогда неподалеку от Мальцева с земли приподнялся политрук Серых:

— Отомстим за нашего командира!..

В руках у него были две гранаты, и обе легли в толпе контратакующих фашистов, а политрук лег за пулемет. Контратака немецких автоматчиков захлебнулась, но теперь они усилили артиллерийский огонь, а с лесной опушки в наступление двинулись танки.

Отличную выдержку проявил в этом бою рядовой Николай Окружко. Прямой наводкой орудия он подбил два танка, а третьим метким выстрелом в щепы разнес вражеский дзот.

Тяжело раненный, он продолжал вести огонь, пока не потерял сознание. Бойцы подхватили его, уложили на плащ-палатку и вывезли на санках, которыми доставляли боеприпасы.

Тринадцать вражеских танков было уничтожено в этом неравном бою, разрушено несколько дзотов противника; пулеметы, ящики гранат, десятки автоматов и груды трупов оставили фашисты у скатов высоты, однако она по-прежнему оставалась ничейной, будто действительно заколдованная.

Когда бой утих, я связался со штабом 34-го гвардейского полка. Начальник штаба доложил, что гитлеровцы прекратили обстрел высоты и убирают раненых.

— Как дела в роте, которая штурмовала высоту?

— Большие потери. Впрочем, у противника еще больше. Командир роты младший лейтенант Мальцев ранен и находится в госпитале. Политрук Серых получил десять ранений и по дороге в медсанбат скончался…

Сейчас, когда я просматриваю эти записи, в памяти отчетливо встают суровые подробности тех дней, и меня не оставляет чувство удивления: до чего же неожиданно складывались иные судьбы на войне!

Как-то в послевоенную пору мне довелось встретиться с курсантами одного нашего военного училища. Вслед за начальником училища, генералом, на сцену поднялся пожилой подполковник с четырьмя боевыми орденами и звездой Героя Советского Союза на груди. Объявили его фамилию… Право, я не поверил. Но подполковник достал из кармана пожелтевший от времени документ и, улыбаясь, подал мне.

В документе говорилось, что Семен Прокофьевич Серых назначается политруком первой роты 34-го гвардейского стрелкового полка….

Он встал из груды мертвых, этот человек, на краю братской могилы, чтобы, едва заживут раны, снова вступить в бой, и еще раз, теперь уже на Дунае, проявил высокую доблесть и отвагу, за что и был удостоен звания Героя.

На суровом боевом пути дивизии не раз случалось, что воин, с которым его товарищи давно уже простились, будто воскресал из мертвых, разыскивал свой полк и, восторженно встреченный изумленными друзьями, занимал опять место в строю. Так велика была у наших солдат жажда победы над ненавистным врагом, что временами невольно верилось, будто и сама смерть отступает перед ними.

Но вернемся в боевые порядки дивизии, к воинам, о ратных делах которых я веду рассказ.

Вечер… Опушка леса. У широкой просеки вдоль дороги в окопах залегли бойцы. Это взвод роты противотанковых ружей, где командиром младший лейтенант Москвин. Вот он встает передо мной, стройный безусый паренек, четко докладывает об отражении в течение дня двух танковых атак противника. Спрашиваю о настроении.

Лейтенант выше вскидывает голову:

— Только смерть может прервать действия бойцов моего взвода. Ни один вражеский танк здесь не пройдет…

Я иду дальше, выхожу на обширную поляну. Откуда-то с фланга

постукивает пулемет противника, и пули шаркают по обнаженным ветвям деревьев.

Передо мной минометный расчет. Докладывает рядовой Шахоркин:

— Три часа назад, товарищ полковник, мы вывели из строя два вражеских пулемета и уничтожили их расчеты…

Я присаживаюсь в окопе среди солдат. Разговор идет непосредственный, дружеский.

Шахоркин рассказывает увлеченно:

— Ну, наше дело маленькое: засекли две пулеметные точки и — прямо по целям. Только тряпье полетело, товарищ полковник. А вот заместитель политрука 1-й пуль роты товарищ Колошин — тот совсем молодец… Сегодня он лично уничтожил десять фашистов. Наши ребята даже трупы пересчитывали: ровно десять! Значит, недаром Колошин член нашего комсомольского бюро.

Другой молоденький солдат заметил:

— Да и Гармаш молодец. Трех фашистов подцепил из винтовки. И младший лейтенант Москвин…

— А что Москвин? Я только с ним беседовал. Он ничего особенного не рассказал.

— Этот не скажет. Он о себе стесняется говорить… Днем на его участке немцы два раза танками атаковали. Расчет Москвина подбил два танка… Но в эти танки фашистские автоматчики забрались, строчат и строчат… Москвин подполз к танкам на расстояние в сто метров и заставил автоматчиков замолчать.

В тот вечер в помощь подразделениям полков мы ввели роты автоматчиков и взводы разведки. Это были отличные воины, уже имевшие богатый боевой опыт, и их появление на поле боя вызвало исключительный подъем в сражавшихся частях.

Ночью комиссар Сергей Зубков пригласил меня в соседний дом, где перед рейдом в тыл врага собрались разведчики.

Мы вышли на улицу. В небе ярко горело сброшенное вражеским самолетом «паникадило». Ветер гнал его вдоль фронта, и зеленые отсветы ракеты зловеще пламенели на обрывках туч. Было очень тихо, так бывает, пожалуй, только перед боем, а утром, мы знали, снова грянет бой.

В полуразрушенном домике, в тесной каморке, прямо на полу вокруг табурета, который заменял письменный стол, сидели солдаты. За этим «столом», поджав под себя ноги, расположился заместитель политрука группы разведчиков Семен Беляков. Перед ним лежала

аккуратная стопочка исписанной бумаги…

Мы вошли, и Беляков, заметив нас, первый вскочил на ноги, но комиссар сказал:

— Сидите, товарищи… — и запросто уселся рядом с Беляковым. — Итак, вы просили прийти к вам? Что здесь у вас?

— Собрание, товарищ комиссар… Перед боем товарищи попросили меня провести комсомольское собрание. На повестке дня только один вопрос: заявления моих бойцов о вступлении в партию. Мы знаем, товарищ комиссар, что времени у нас мало: быть может, в бою мы будем через час, через два… Но товарищи хотят идти на ратный подвиг коммунистами.

Сергей Николаевич взял со стола четвертушку бумаги, прочитал вслух:

— Заявление комсомольца Андрея Тарасовича Охотникова: «Хочу идти в предстоящий бой коммунистом. Буду уничтожать фашистских гадов, как подобает коммунисту…»

Он взял следующий листок:

— Заявление Петра Демьяновича Осадчего: «В моем родном городе Кременчуге немецкие изверги расстреляли моих родных. Я поклялся мстить и уже уничтожил четырнадцать фашистов. Прошу принять меня в партию и обещаю быть верным ее сыном, сражаться против ненавистного врага до последней капли крови…»

Еще один листок.

— Заявление бойца Стратона Тимофеевича Дерябина: «Прошу принять меня в ряды нашей славной Коммунистической партии, которая является опорой и надеждой Родины. Ухожу в бой, считая себя коммунистом…»

Их было здесь десять человек. Комиссар зачитал девять заявлений. Семен Беляков недавно был принят в партию без кандидатского стажа: он доказал в бою, что достоин звания коммуниста.

Не знаю почему, но отдельные эпизоды нашей фронтовой жизни волновали меня особенно глубоко. Казалось бы, многое пережито и ничем уже не затронешь, не удивишь. И вдруг неизъяснимая, торжественная радость наполнила сердце…

Я хотел бы, чтобы в эти минуты здесь был художник; он запомнил бы и положил на холст эту волнующую картину: каморка в полуразрушенной снарядами крестьянской хате, окно занавешено шинелью, трепетный огонек мерцает над плошкой на табурете… Уже седеющий полковой комиссар держит в руке тетрадочную четвертушку бумаги. Во взгляде его доброта и нежность, и рука слегка

дрожит… А лица молодых солдат, глаза их полны решимости и сознания самой важной в жизни минуты! Какая кристальная чистота человеческой души и ясная вера в бессмертие дела Ленина, какая преданность Родине и отвага!

Право, хотелось расцеловать этих славных ребят, сказать им: партия верит вам и гордится вами.

А утром мне донесли, что группа разведчиков Белякова в перелеске за линией фронта столкнулась с ротой немецких автоматчиков. Несмотря на неравенство сил, десять разведчиков приняли бой и уничтожили свыше тридцати фашистов. Они заставили вражескую роту отступить и вернулись с трофеями.

Вернулись, но не все… Трое остались на поле боя. И я невольно думал: кто же из них не вернулся? Тот, синеглазый и кудрявый, у которого родные погибли в Кременчуге? Или улыбчивый, смуглый паренек, гордо заявивший, что он из Донбасса?.. Что ж, юные герои-коммунисты, это война. И наша задача — мстить за вас, пока мы не растопчем фашистскую гадину.

…К полудню мы все-таки вышибли гитлеровцев из деревни Кут и захватили гаубицу и две пушки. Первыми туда ворвались разведчики: они уничтожили четыре десятка немцев и захватили станковый пулемет. Особенно отличился разведчик Иван Москалев: он вскочил в немецкий блиндаж, скосил автоматной очередью офицера и двух солдат и принес их документы и оружие.

Я прибыл в Кут в самый разгар боя. В течение короткого времени гитлеровцы два раза предпринимали яростные контратаки, пытаясь вернуть утраченные рубежи. Не вышло! Наш 32-й гвардейский артиллерийский полк шквалом огня отбросил наступавших.

Кут мы отбили, но передвигаться по этой деревне можно было только с большими предосторожностями. Два вражеских дзота, расположенные за ее западной окраиной, простреливали улицу пулеметным огнем. Эти два дзота могли обойтись нам слишком дорого, и нужно было во что бы то ни стало ликвидировать их.

Я спросил у командира группы разведчиков Сойбельмана, как ему нравятся эти две огневые точки врага?

— Никак не нравятся, товарищ полковник… Мы уже два раза пытались к ним подобраться, но безуспешно. Правда, вызвались добровольцы, но жаль мне напрасно терять людей.

— Кто эти добровольцы?

— Четыре летчика. Штрафники.

— Значит, они желают подвигом искупить вину?

— Они уже искупили ее, товарищ полковник. Позавчера все четверо отличились в бою, и командование полка подготовило материал о снятии с них судимости. Между прочим, они здесь, неподалеку. Если желаете, я их позову.

— Зовите…

Через несколько минут в дом, где я находился с адъютантом, вошли четверо бравых солдат, статных и подтянутых, с автоматами на груди. Запомнились мне Николай Павленок и Петр Подбражник, оба русые, кареглазые, очень похожие друг на друга, как близнецы. От них веяло молодостью, здоровьем и физической силой. Впрочем, и двое других — Павел Бажинов и Николай Самонов — тоже выглядели бравыми бойцами.

— Мне передали, что вы добровольно вызвались уничтожить вражеские дзоты?

— Они ответили дружно, как слаженный хор:

— Так точно, товарищ полковник! — и одновременно все четверо улыбнулись.

Я невольно подумал: отличные бойцы! — достал пачку папирос, раскрыл, предложил им:

— Закуривайте.

Николай Павленок вскинул руку, но тотчас же опустил.

— Высокая честь, товарищ полковник. Мы — штрафники.

— Уж ладно. Закуривайте. Не все же время вам быть штрафниками.

Они осторожно взяли из коробки по папиросе.

— Как же вы думаете уничтожить дзоты?

— Очень даже просто, товарищ полковник, — живо ответил чернявый Бажинов, — Мы их подорвем. Можете наблюдать: подползем, и комар носа не подточит!..

— Что ж, в таком случае желаю успеха!

Я и адъютант взобрались на чердак дома, выглянули в слуховое окно. Все поле вокруг, огороды, перелески, дальний изгиб дороги — все дымилось от снарядных разрывов. Через взгорок, что за изгибом дороги, тяжело перекатывалась шестерка немецких танков, занимая исходную позицию. Совсем близко, за темными зарослями кустарника, в конце огородов, вставали и ложились зеленоватые фигуры.

Первый вражеский дзот я различил сразу: он был построен у самой дороги, за упавшим плетнем. В черном пятне амбразуры вспыхивали и гасли искры. Немецкий пулеметчик вел огонь по улице села.

Второй дзот оказался еще ближе, на огороде. Возле него ползали,

видимо, поправляя что-то, двое немецких солдат.

Но наших пластунов я не видел. Куда же они девались? Параллельно дороге крутой излучиной вился обрывистый глинистый овражек: он был наилучшим подходом к первому дзоту… Почему же они не избрали этот подход?

У меня не было времени ждать развязки; нужно было побывать в дивизионах 32-го гвардейского артиллерийского полка.

Минут через двадцать я прибыл во второй дивизион, где командиром был капитан Мачулян, а комиссаром политрук Сокирко.

Вся площадь, занятая батареями дивизиона, была изрыта и перепахана бомбами, щели укрытия полузасыпаны, дубовая рощица неподалеку скошена, словно ураганом. Но капитан Мачулян был весел:

— Вы очень кстати прибыли! Мы только что с дальнего расстояния разбили фашистский танк… Вот, пожалуйста, бинокль. Смотрите за изгиб дороги… Прямое попадание! Случай, конечно, редкий, но признак очень хороший.

Вражеский танк с крестом на броне тяжело осунулся в глубокий кювет. Башня его была перекошена, гусеница отлетела в сторону.

— Крепко вы его, ребята… Молодцы! Но смотрите на взгорок: там движется не менее роты противника…

Мачулян пристально посмотрел в бинокль. Прозвучали слова команды, и орудия грянули по указанному квадрату. Еще залп… Гитлеровцы метались на откосе в поисках укрытия, а снаряды ложились так густо, что живому существу на той малой площади, конечно, не уцелеть.

На батарею позвонили. Спрашивали меня. Я взял трубку. Докладывал политрук Сойбельман:

— Товарищ полковник… — радостно кричал он. — Оба вражеских дзота взорваны. Они почти одновременно взлетели на воздух. Ну, что за четверка, товарищ полковник. Ведь правда же молодцы?!

— Передайте им мою благодарность, товарищ политрук.

Из первого дивизиона этого же полка, где командиром был капитан Криклий, в штаб полка доложили, что прямым попаданием разгромлен вражеский блиндаж с двумя пулеметными точками. Позже мы узнали, что противник, стремясь отомстить артиллеристам Криклия, скрытно двинул к его позициям до сотни автоматчиков. Гитлеровцы были вовремя замечены и после трех огневых налетов нашей артиллерии оставили на поле боя свыше 70 убитых солдат и офицеров.

Однако и после этого враг не угомонился. Он выбросил в обход

дивизиона еще группу автоматчиков в 30 человек. И эта группа была замечена: ее встретила рота автоматчиков нашего 42-го гвардейского полка. Все 30 фашистов остались на поле боя.

Во второй половине дня из штаба 38-й армии поступило боевое распоряжение перейти на занимаемом дивизией участке к жесткой обороне.

Итак, на какое-то время на нашем участке фронта ожидалось затишье. Было более чем сомнительно, чтобы гитлеровцы решились наступать в самый разгар весенней распутицы. Наша разведка доносила, что немцы строят дзоты, тщательно маскируя их, роют глубокие траншеи, минируют танкопроходимые места, словом, устраиваются, по-видимому, надолго.

Временное затишье не сулило отдыха и нам. Мы тоже принялись строить дзоты, оборудовать удобные площадки и укрытия для противотанковой артиллерии, минировать места вероятных танковых атак, собирать переправочные средства и сосредоточивать их у переправ через Северский Донец, проводить тактические занятия.

День 22 марта 1942 года был для дивизии радостным днем. Радио донесло из Москвы краткие строки Указа Президиума Верховного Совета СССР:

«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию орденом Ленина».

Нужно было видеть, с каким энтузиазмом встретил личный состав дивизии эту волнующую весть.

Опаленные огнем, овеянные пороховым дымом нескончаемых кровопролитных боев, сжимая в руках испытанное оружие, воины замерли в строю, слушая слова указа. Орден Ленина, прикрепленный к гвардейскому знамени дивизии, звал нас на новые подвиги во имя Родины, и все мы знали, что эти подвиги нам было положено свершить в предстоявшей битве за Харьков.

— Опытные воины, — сказал я гвардейцам, — начинают ковать победу задолго до начала боя. Нам наверняка придется противостоять танковому натиску врага. Поэтому пусть дни краткого затишья на передовой станут для нас днями напряженной, настойчивой учебы, уроками уничтожения живой силы и техники, особенно танков противника… В оперативное подчинение штаба нашей дивизии прибыла 90-я танковая бригада. Что ж, давайте, друзья, «проутюжим» друг друга, давайте испытаем, что значит лежать в траншее под

танком, пропустить его над собой, чтобы потом подняться и сжечь его, и продолжать бой… В этих учениях мы окончательно одолеем танкобоязнь и в грядущих сражениях докажем, что действительно достойны ордена Ленина, самого светлого, самого родного символа, который отныне сияет на нашем гвардейском знамени.

С этого дня начались напряженные, тщательно организованные учения. Нужно сказать, они увлекли бойцов. Командир 90-й танковой бригады подполковник Михаил Малышев уже умел большой опыт по ликвидации среди солдат и офицеров так называемой «танкобоязни». Конечно, он был прав, когда говорил, что хорошо обученному подразделению танки не страшны. Если боец находится в глубокой траншее или в отдельном глубоком окопе, вражеский танк не доберется до него.

Однако было недостаточно доказывать истину только словами. Нужно было, чтобы солдаты и офицеры убедились в этом на опыте.

Пожалуй, читатель может здесь заметить, что я отвлекаю его внимание второстепенными делами дивизии, так называемыми буднями ее, которые менее интересны, чем боевые дела.

Нет, мы считали учения по борьбе с вражескими танками делом первостепенной важности, а дальнейшие события показали, как много мы выиграли, предварительно «обкатав» бойцов.

Правда, и среди наших офицеров нашлись такие, что сочли эту «обкатку» только опасной игрой. Я понимал их скептические усмешки, но не хотел читать нотаций. Пример — великое дело: я сам лег под танк…

Ясно, что мое самочувствие нельзя было назвать отличным, когда над узким, глубоким окопом, в котором я находился, залязгали гусеницы стальной громадины, и эта задымленная, гремящая махина, нависла над головой. Но через несколько секунд после того, как танк прокатился над окопом, я встал и открыл «огонь» по нему из противотанкового ружья.

Да, пример — великая сила: теперь солдаты и офицеры стремились поскорее пройти «крещение» под танком.

Мы оборудовали по всем правилам взводный узел обороны, посадили в него стрелковый взвод, усилив его одной 45-миллиметровой пушкой и тремя противотанковыми орудиями. Танки с наступающей ротой прошли через боевой порядок взвода. У нас не было ни одного ЧП, и в целом взвод действовал отлично.

Я спросил у группы бойцов, как они чувствовали себя под танками?

Рослый веселый украинец ответил с мягкой лукавинкой:

— Правду скажу вам, товаришу полковник, гірше, ніж у тещі на печі. Прет на тебя такая силища! Да еще ревет, как сто пар волов… Так и думалось мне: прощайся с жизнью, Омелько! Сейчас навалится, раздавит; и кричать бесполезно, никто тебя не услышит, никто не поможет… Ну, а как только перекатились танки — откуда и смелость взялась?! И на душе радостно: здоровенько були, Омельку!

Солдаты смеялись; стройный, красивый чернобровый узбек сказал:

— Нехорошо, товарищ полковник, что много пыли!

Я тоже невольно засмеялся:

— Наверное, придется оборудовать в траншеях вентиляторы?.. Или попросить танкистов противника, чтобы не пылили?

Боец-узбек оказался веселым человеком: он громко захохотал, показав ослепительно белые зубы:

— Пускай, товарищ полковник, пылят! — И погладил ствол ПТР, — Мы «дождиком» их… «дождиком»… Просто я человек аккуратный и не люблю ни грязи, ни пыли.

…К 23 апреля мы получили хорошее пополнение: 19 маршевых рот; одну — истребителей танков и 18 стрелковых, 7 из них были гвардейские.

Возможно, читатель спросит: какая разница, ведь люди есть люди? Конечно, так. Однако гвардейские роты комплектовались исключительно из бойцов-гвардейцев и направлялись в гвардейские полки. Мы знали, что гвардейская рота надежна, как броневая сталь.

Из кого же комплектовались маршевые роты? Здесь были люди разных возрастов, профессий, званий. Одни, покидая родные села и города, шли на восток, так как не желали оставаться в оккупации, в большинстве эти беженцы не имели военной подготовки. Другие — воины — возвращались из госпиталей. Третьи — отставшие от своих частей: многие из них прошли без оружия сотни километров, разыскивая часть, а потом явились на сборный пункт и заявили о своем желании сражаться в любых частях. Четвертые — их было очень много — солдаты и офицеры, вышедшие из окружения. Наконец, пятая категория людей — ответственные партийные и советские работники, которые оставались на своих постах до прихода гитлеровцев. Маршевые роты требовали дополнительного обучения, но сражались они хорошо.

…Весенняя распутница доставила нам много забот. Дивизия занимала оборону западнее реки Северский Донец. Река эта в верхнем течении совсем неглубокая, но когда она вскрылась, нам пришлось

разобрать низководные мосты и перейти на паромные переправы. Пропускная способность паромов оказалась малой, и дивизия стала испытывать недостаток даже в основных видах снабжения.

«Пробки» образовались не только на переправах, но и на дорогах. Машины буксовали в непролазной грязи, являясь мишенями для вражеской авиации, и были дни, когда мы не получали ни грамма продовольствия.

Нужно было что-то предпринимать: выйти из создавшегося положения собственными силами. Комиссар Зубков предложил создать отряды из физически сильных молодых людей и направить их пешим порядком за продовольствием.

До ближайшего продфуражного пункта было около сорока километров. Это — расстояние нормального суточного перехода. Но если учесть, что почти вся дорога по низине превратилась в сплошное болото и что людям предстояло возвращаться с грузом, задание выглядело непростым.

Мы вызвали в штаб наших интендантов: Василия Игнатова, Юрия Андрийца, Николая Чеверду. Я спросил Игнатова:

— Что будем делать, товарищ дивизионный интендант?

— С транспортом беда, товарищ полковник, — ответил он, порывисто вздыхая.

— А разве все виды доставки использованы?

— Машины, повозки… Как будто все.

— А плечи?..

Он не улыбнулся:

— Мы готовы отправиться хоть сейчас…

— Именно об этом речь.

— Но снабдить целую дивизию?

— Вот потому мы и дадим вам троим в помощь целый батальон.

Лица наших интендантов просияли:

— Завтра мы вернемся с продовольствием!

…Это лишь страничка фронтового дневника: эпизод неприметный и как будто малосущественный. Но тот, кому доводилось мерзнуть в окопах, в холодной грязи, мокнуть под зябкими весенними дождями, часами выстаивать на пронзительном ветру, знает, что значит, вдобавок ко всем этим невзгодам, остаться еще и без куска хлеба.

Группы бойцов, руководимые Игнатовым, Андрийцом и Чевердой, совершили подвиг: они прошли за тридцать шесть часов по болотам в два конца восемьдесят километров и доставили продовольствие.

Первой возвратилась группа Юрия Андрийца. Он шел впереди,

высокий и черный, забрызганный грязью до самых плеч, и нес за спиной крепко пристегнутый мешок. Ему помогли отстегнуть ношу.

Он покачнулся и тяжело опустился на завалинку дома. Позже я узнал, что он один доставил воинам три пуда муки.

…Наша разведка доносила, что противостоящие нам соединения противника, силою в две пехотных и одну танковую дивизию, продолжали укреплять оборону, имея ближайшие резервы в районах Терновая, Непокрытая, Веселое. За последние дни был отмечен подход подкреплений немецкой пехоты и танков в районы Варваровка,Байрак, Купьеваха… Значит, немцы тоже готовились к наступлению?

В конце апреля 13-я гвардейская дивизия перешла в подчинение командующего 28-й армией генерал-лейтенанта Рябышева Дмитрия Ивановича.

Первый боевой приказ Рябышева, полученный мною, ориентировал нас на устройство обороны с таким расчетом, чтобы войска без перегруппировки могли перейти в решительное наступление.

Обстановка на фронте. Планы немецких генералов. Совещание в штабе фронта. Подготовка к наступлению. Начало битвы.

Апрель 1942 года… Командование Юго-Западного направления получило указание Верховного Главнокомандования о подготовке наступления на харьковском направлении.

Действия войск Юго-Западного фронта должны были сорвать далеко идущие наступательные замыслы врага. Нашим войскам предстояло нанести удары по сходящимся направлениям: один из барвенковского выступа, другой из района Волчанска в общем направлении на Харьков.

Пока мы напряженно готовились к наступлению, немецко-фашистское командование тоже не дремало. Оно готовило операцию с целью «срезать» барвенковский выступ советских войск и захватить плацдарм на левом берегу реки Северский Донец.

Сейчас нам известны планы, которые немецкий генералитет вынашивал в те дни, и небезынтересно заглянуть в «признания» уцелевших помощников Гитлера.

Битый фашистский «полководец», бывший начальник главного разведывательного управления генерального гитлеровского штаба сухопутных сил Курт фон Типпельскирх, в своем сочинении «История второй мировой войны» пишет:

«Когда в 1942 г. весенняя распутица заставила временно

прекратить операции, перед Гитлером встал серьезный вопрос, как он должен дальше вести войну против Советского Союза. О переходе к обороне нечего было и думать — такой переход только опроверг бы все прежние громогласные заверения о том, что война против Советского Союза уже выиграна. Если бы немцы перешли к обороне, то сразу исчезли бы все перспективы выиграть войну…»

«Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению. Он понес тяжелые потери не только летом 1941 года, но и во время зимнего наступления, в котором приняли участие крупные массы войск. Но все это не могло сломить стойкость Красной Армии…

Исходя из такой оценки противника, был разработан план: нанести летом 1942 г. русской армии сокрушительный удар на юге, уничтожить там крупные силы и захватом важнейших районов настолько экономически ослабить страну, чтобы русские в течение длительного времени были лишены возможности вести активные боевые действия. Если бы Советский Союз потерял необходимую ему для ведения войны нефть на Кавказе и богатые сельскохозяйственные области восточной Украины до нижнего течения Волги, то американская помощь, возможно, не смогла бы возместить этих потерь. Но решающее значение такая стратегия, преследующая в первую очередь экономические цели, могла приобрести только в том случае, если бы Советский Союз использовал большое количество войск для упорной обороны и при этом потерял их».

Как видим, фашистские главари хотели ни много ни мало — уничтожить Советскую Армию. Именно здесь, на Юго-Западном фронте, они намечали главную часть операции.

Ликвидировать изюм-барвенковский выступ советских войск немцы рассчитывали двумя ударами: силами своей 6-й армии из района Балаклеи на юг и силами армейской группы «Клейст» из района Славянск — Краматорск на северо-запад.

Мы знали, что противник готовится к какой-то серьезной операции, однако его планы не были вполне ясны.

9 мая вместе с другими командирами я был вызван в штаб Юго-Западного фронта на совещание для уточнения боевой задачи в предстоящей операции.

Нашей 28-й армии и смежным с нею флангам 21-й и 58-й армий предстояло нанести удар из района юго-западнее Волчанска, прорвать оборону противника и, стремительно развивая наступление, расширяя прорыв, охватить Харьков с севера и северо-запада. Ударные

группировки 21-й и 38-й армий должны были обеспечить флангинашей армии, ведя наступление на северо-запад и юго-запад.

С барвенковского выступа главный удар должна была нанести 6-я армия генерал-лейтенанта А. М. Городнянского и армейская группа генерала Л. В. Бобкина. 6-я армия, усиленная двумя танковыми корпусами, имела задачу прорвать оборону противника и наступать на Харьков с юга навстречу нашей 28-й армии.

Командующий Юго-Западным фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко в те дни, на совещании в Купянске, подробно остановился на задачах каждой армии, участвующей в Харьковской операции.

Перед 28-й армией была поставлена задача прорвать оборону фашистов на фронте Избицкое — высота 196,8 и, овладев районом Терновая — Байрак — Купьеваха, к исходу третьего дня наступления выйти на рубеж Журавлевка — высота 204,4 — Липцы — Борщевое — Ключики.

Маршал указал задачу и нашей 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Нам предстояло прорвать оборону противника на фронте Купьеваха — Драгуновка, овладеть районом Перемога — Рогачевка и к исходу дня выйти на рубеж хутор Красный — высота 194,5. К исходу второго дня мы должны были овладеть высотами 197,2 и 201,2.

В тот день от командующего 28-й армией генерала Рябышева я узнал, что нашим соседом слева будет 226-я стрелковая дивизия генерала Горбатова, справа — 244-я стрелковая дивизия полковника Истомина.

Нашей дивизии поручалась почетная роль: сражаться в составе главной группировки армии и первой нанести удар по вражеской обороне на этом участке фронта.

Вечером 9 мая я возвращался в штаб дивизии, в Петровское. Дорогой невольно вспомнился «грязевой поход» Игнатова, Андрийца и Чеверды: как они сумели в короткий срок одолеть эти топи? Даже теперь, в мае, после дождей черноземная грязь была совершенно непроходимой: машина перемолола тонны грязи, прежде чем удалось добраться до Петровского. Навстречу мне выбежал грузный веселый богатырь — полковник Барбин.

— С прибытием из мокрого рейса!

Я заранее знал, что этот человек обязательно обронит какую-нибудь шутку. Деловитый и организованный, он отличался одной потешной погрешностью: с его языка то и дело срывались веселые, подчас неуместные прибаутки и пословицы. Явившись ко мне на

первый доклад, он неожиданно гаркнул:

— Едят их мухи!.. Настало время, дадим же мы фрицам парку, только без пива!

Я удивленно взглянул на него:

— Где вы находитесь, полковник?

Он тут же четко доложил все по порядку.

Вскоре нас связало чувство, похожее на дружбу: этот офицер отлично знал свое дело.

12 мая начальник артиллерии Барбин разбудил меня в 4 часа утра. Ему не спалось. Я понимал: в дивизии он был новым человеком, а от его артиллеристов зависело очень многое. Личный состав он не успел хорошо изучить и поэтому беспокоился за исход артиллерийской подготовки. Да и меня беспокоили всяческие заботы. Как полки займут исходное положение для наступления? Не нарушена ли маскировка? Не разгадал ли противник наши планы? Казалось, все организационные мероприятия были проведены обстоятельно, и все же сердце тревожилось: не упущено ли что-нибудь?

За 11 месяцев войны мы впервые так тщательно по-настоящему готовили наступательную операцию, в ее подготовке приняло участие командование армии и фронта.

До начала наступления у меня еще было время, и я связался с командирами полков. Они доложили, что личный состав завтракает и дополучает боеприпасы; офицеры-артиллеристы находятся на передовых наблюдательных пунктах в готовности управлять огнем.

Командир 90-й танковой бригады Малышев сообщил, что материальная часть в исправности и танкисты горят желанием выполнить приказ с честью.

В пять часов утра я связался с командующим армией генералом Рябышевым и сообщил ему о готовности личного состава дивизии к наступлению.

— Очень хорошо, — отозвался Дмитрий Иванович. — Обратите особое внимание артиллеристов на необходимость уничтожения и подавления целей противника и на одновременную атаку пехоты и танков.

Затем я позвонил моему соседу слева генералу Александру Васильевичу Горбатову. От удачных действий его дивизии зависел и наш успех. Ключевыми позициями на пути к Харькову мы считали два крупных населенных пункта: Перемога и Непокрытая. Оба они расположенына дорожном направлении. Следовательно, наша основная задача заключались в том, чтобы сломить сопротивление

противника в этих двух пунктах и открыть путь на. Харьков.

Чувствовалось, что Александр Васильевич был в хорошем настроении, он, как обычно, предложил мне при встрече сыграть с ним в шахматы. С шахматами он не расставался ни при каких обстоятельствах, и они кочевали с ним всегда.

Как-то особенно медленно тянулись минуты в ожидании начала артиллерийской подготовки. Я успел переговорить со всеми командирами полков и даже с дивизионным врачом, который сообщил мне, что все передовые медицинские пункты и медсанбат развернуты и готовы к приему раненых; медсестры с запасом медикаментов и бинтов находятся в траншеях рядом с бойцами и тоже ждут сигнала к атаке.

Вскоре дивизионный инженер Тувский доложил, что его саперные отделения проделали проходы в наших минных полях и ждут сигнала, чтобы приняться за минные заграждения противника.

Повар Виктор наконец не выдержал, взмолился:

— Товарищ полковник, мины минами, а пельмени пельменями! Они ведь из сырой картошки приготовлены, и если сейчас не дать им хода — все пропало…

Как всегда, мы завтракали вместе: Зубков, Барбин, Борисов и я. Виктор налил нам по сто граммов, положенные наркомом. Я знал, что сейчас опять услышу от Борисова давно знакомую «молитву». Человек трезвый и строгий к себе, наркомовскую дозу он принимал только после длинной и красноречивой преамбулы. Другие молча выпьют и сразу же за еду, а Владимир Александрович осторожно поднимет стакан, прищурит глаза и начнет со вздохом:

— До чего же ты прозрачна и светла, стало быть, как божья водичка, вкусна и приятна, и особенно в эти тяжелые военные дни. Выпьешь этот полустаканчик, и словно бы кровь разогреется.

Крякнет, покачает головой, понюхает кусочек хлеба и заключит мечтательно:

— До чего же она хороша!..

Я давно уже привык к этим церемониям Борисова, но Барбин (вот уж был любитель прибауток!) восхищенно разводил руками и от души смеялся.

Невольно подумалось, что если бы присутствовал здесь кто-либо посторонний, он, наверное, решил бы, что четверо хороших приятелей безмятежно завтракают в мирной обстановке.

Но эта безмятежность была только внешней: каждый из нас испытывал то огромное нервное и психологическое напряжение,

которое человек испытывает только в решающие минуты жизни.

Минут за двадцать до начала артиллерийской подготовки Борисов ушел на КП. Я с группой командиров направился на наблюдательный пункт.

Утро было необычно ясное и тихое, и небо на востоке все гуще наливалось золотистой зарей. После дождей, которые прошли недавно, верхний слой земли уже просох, и от него веяло свежестью и запахом меда.

Под кустом орешника, в низких зарослях свежей травы я заметил фиалку. Наклонился и осторожно сорвал нежный ясно-голубой цветок, положил его на ладонь и показал товарищам.

Комиссар мечтательно улыбнулся:

— Моя женушка очень любит фиалки…

Хрупкие, густо окрашенные лепестки цветочка были похожи на крылышки мотылька: словно живой, вздрагивал он на ладони, ласковый, безмятежный вестник, весны.

Я подумал, через десять минут вся эта долина закачается от грохота снарядов, но… ничего не попишешь: крови литься, а цветам цвести.

С наблюдательного пункта открывался широкий простор: глубокие долины и овраги, леса и рощи, высоты и черные полосы проселочных дорог. Справа от нас простиралась разлогая Балка-Яндела, прозванная «долиной смерти» (она простреливалась с обеих сторон), еще дальше виднелся курган, а юго-западнее большим темным квадратом чернела роща.

По горизонту четко вырисовывалась крутая высота, обозначенная на карте: ÷ 2,6. Это был ключ всей обороны противника. Сначала мы решили нанести главный удар прямо по этой высоте, однако два дня назад, после того как была проведена тщательная рекогносцировка, от первоначального решения отказались. Удобных подступов к высоте не было, и борьба за нее могла стать длительной, а это задержало бы продвижение нашего левого фланга.

Поэтому я решил использовать выступ моего левого фланга в юго-восточной части села Драгуновки, в направлении села Гордиенко, в обход высоты ÷ 2,6 с юга.

Ровно в шесть часов утра загремела, застонала, оглушительно заревела наша реактивная артиллерия. Высота ÷ 2,6 заволоклась черным облаком дыма и пыли. В этом плотном, подвижном облаке замелькали изломанные молнии разрывов. И снова рев урагана наполнил долину: полк реактивной артиллерии произвел второй залп.

Еще не смолкло тяжкое эхо, еще катилось оно по яругам и долам, а воздух уже вибрировал от гула авиационных моторов: это эскадрильи наших бомбардировщиков и штурмовиков заходили на позиции противника.

— Смотрите, Александр Ильич! — восторженно закричал Барбин. — Как точно ложатся наши снаряды на высоте… И Купьеваха пылает от мин реактивной артиллерии…

— Не спешите хвалиться, как бы не свалиться, — сказал я ему. — Вот когда пехота-матушка вместе с танками пойдет в атаку и не встретит со стороны противника огневого сопротивления, тогда и скажем «гоп»!..

Близко послышался чей-то взволнованный голос:

— Ну, держитесь, сволочи!.. Сейчас мы на вас наденем смирительные рубашки.

Комиссар Зубков порывисто схватил меня повыше локтя:

— Гляньте, Александр Ильич… Как здорово работают наши ПЕ-2 и штурмовики! Как они обрабатывают Перемогу и Непокрытую! Наверное, жарковато сейчас фрицам!

Знакомый басовитый голос Барбина выговорил раздельно:

— Едят их мухи!.. Вот и парок, без пива…

До начала атаки оставалось десять минут. Отзвонили последние телефонные звонки: командиры полков доложили о готовности войск к атаке.

Начало битвы… Истекает последняя минута. Гул самолетов отдалился, и замерла, притихла земля. Ветка клена над моим плечом тоже замерла и не шелохнется.

По всему фронту в сторону немцев взмывает серия красных ракет. Радисты четко передают условный сигнал, цифру 777. Это — начало атаки.

Наши танки в атаке. Трофеи. Мы освобождаем села. Снова оборона. Полк Трофимова в окружении. Мы удержали оборону.

Из просторной долины к нам на наблюдательный пункт доносится тяжкий рокот и скрежет металла. Свежий весенний воздух как будто усиливает все звуки: слышно, как лязгают гусеницы и дробным барабанным громом гремит земля. Танкисты Малышева ведут машины на повышенных скоростях. Окутанные синеватым дымом, танки стремительно несутся к позициям противника; за ними, поднявшись из окопов в рост, с криком «ура!» ускоренным шагом движется пехота…

Крик перекатывается, то глохнет, то доносится снова непрерывным, протяжным «а-а-а», и в нем отчетливо различимы интонации ярости и гнева.

В эти минуты многие вопросы не давали мне покоя. Будут ли подавлены нашей артиллерией все огневые точки противника? Сможет ли пехота с танками сделать бросок в первую траншею и уничтожить там гитлеровцев, которые остались в живых, пока они еще не опомнились от артиллерийских разрывов? Как наши саперы справились с задачей, проделаны ли проходы в минных полях противника и не будут ли наши танки подрываться перед немецким передним краем? Этот вопрос меня особенно волновал: было исключительно важно, чтобы саперы и танкисты точно договорились о местах проходов.

Пять наших могучих танков КВ, с посаженным на них десантом, сделав у дороги крутой разворот, ринулись на артиллерийские позиции противника, расположенные в районе Драгуновки. Завязался огневой бой… Десантники посыпались с танков, растянулись цепью, залегли…

Танки почти одновременно остановились. Грянули их пушки. И снова на предельной скорости мощные машины двинулись на огневые позиции врага.

Десантная рота неотрывно следовала за танками. Падали отдельные бойцы, падали, ползли, поднимались. Другие лежали неподвижно. Однако атака продолжалась, и вот командирский танк первым ворвался на позицию вражеской батареи.

Со стороны гитлеровцев выстрелы слышались все реже. Наконец они и совсем прекратились. Значит, подумал я, вражеская батарея подавлена. Теперь танки с десантом должны двинуться к северу, в тыл высоты.

Несколько позже Малышев рассказал подробности этой атаки. После нашей артиллерийской подготовки и бомбового удара у гитлеровцев на этом участке обороны все же осталось четыре орудия. Пушки наших КВ, ведя огонь прямой наводкой, заставили батарею противника замолчать. Командир роты, ворвавшись на батарею, раздавил вражеские орудия гусеницами танка, а десантники уничтожили их расчеты.

Воспользовавшись этим успехом танкистов, командир стрелковой роты 42-го гвардейского стрелкового полка Болотов принял правильное решение и поднял свою роту в атаку на хутор Драгуновка в тот момент, когда фашисты начали откатываться. Ведя на бегу огонь из стрелкового оружия, рота ворвалась в хутор, уничтожила прислугу

двух минометов, одной пушки и до взвода пехоты врага.

Наступление дивизии развивалось строго по плану. Однако законы войны таковы, что успех не приходит без огорчений. Подчас какой-то малый недосмотр, неточная договоренность между взаимодействующими подразделениями приводит к ненужным потерям.

Когда наши саперы проделали проходы в минном поле противника и обозначили их клочьями развернутой марли, для танкистов эти обозначения оказались недостаточно заметными. Наши малые танки не нашли проходов и двинулись прямо по минному полю. Восемь танков подорвалось на минах и три из них сгорели. Все же остальные машины пробились через минное поле и атаковали огневую точку противника.

В масштабах сражения, которое развертывалось здесь, на подступах к Харькову, это был лишь малый эпизод, однако и его следовало запомнить и сделать выводы.

Немцы упорно сопротивлялись на всем протяжении фронта армии. Позже пленные фашистские офицеры говорили, что они и мысли не допускали, чтобы нам удалось прорвать их оборону. Огневые точки противника, подавленные нашей артиллерией, оживали и вели огонь по нашей наступающей пехоте.

Теперь наши офицеры и солдаты на фактах убеждались, что труд, затраченный нами еще при подготовке наступательной операции, не был напрасным; именно потому, что наши пехотинцы умело взаимодействовали с танковыми экипажами и артиллерийскими расчетами, нам удавалось быстро продвигаться. Танки давили гусеницами пулеметные точки врага, а пехота, следуя за машинами вплотную, расстреливала отступающих фашистов.

Ровно через час после начала атаки полки майора Самчука и полковника Елина, действуя в первом эшелоне дивизии, сломили сопротивление немецкой обороны.

В штаб к Владимиру Борисову и ко мне на наблюдательный пункт стали поступать радостные вести. Командир 42-го гвардейского стрелкового полка полковник Елин доносил, что его гвардейцы захватили хутор Драгуновку и успешно продвигаются с танками вперед, имея большие трофеи.

Впрочем, с наблюдательного пункта мне была видна вся картина боя, и я уже знал, что Драгуновка нами взята.

Еще Павел Иванович Елин сообщал, что командир 4-й стрелковой роты Иван Чекалдин совершил глубокий маневр: он обошел

Драгуновку одним взводом и захватил склад боеприпасов. Два его взвода при поддержке пулеметчиков атаковали четырехорудийную батарею противотанковых пушек, уничтожили 18 фашистов и таким образом открыли своим танкистам путь на Харьков.

Несмотря на эти дерзкие действия Чекалдина, только два бойца его роты были легко ранены.

Отлично действовали и гвардейцы 5-й роты старшего лейтенанта Павла Станислава: они уничтожили расчеты двух противотанковых пушек.

Голос Елина звенел от радостного возбуждения:

— Александр Ильич… Сейчас я имею десять совершенно исправных немецких противотанковых пушек и столько боеприпасов к ним, что на всю летнюю кампанию хватит!

Я поблагодарил гвардейцев за умелые боевые действия и приказал немедленно использовать против врага все трофейное оружие — пушки, минометы, пулеметы, винтовки.

Сражение разгоралось. Все заволок плотный и едкий дым. В этом всклокоченном синем дыму то и дело вздымались вихри снарядных разрывов. Неумолчно трещали пулеметы. Наши танкисты и пехотинцы уверенно двигались вперед.

Около часа дня майор Самчук сообщил, что гвардейцы его полка полностью очистили от фашистов населенный пункт Купьеваху.

Я тут же приказал ему ввести в бой второй эшелон полка и наступать вместе с танкистами в направлении Перемоги.

Не скрою, впервые за долгие одиннадцать месяцев войны так полно и глубоко испытывал я острую, волнующую радость. Вглядываясь в лица своих ближайших помощников, видел, что и они захвачены общим радостным порывом.

В нетерпении сжимая кулаки, комиссар Зубков чуть слышно шептал:

— Вперед… Только вперед и как можно быстрее!..

Он обратился ко мне:

— Разрешите, товарищ полковник, отправиться в один из полков и оказать командиру помощь, чтобы быть готовым к отражению контратак противника… Все может случиться: увлекутся ребята атакой, забудут о втором эшелоне, отстанет артиллерия, и это может повредить отличному началу боя.

— Что ж, Сергей Николаевич, вы правы. Нужно направить политработников в полки, чтобы они своим присутствием напоминали о постоянной бдительности гвардейцев. Дела развертываются неплохо…. Идите в полк.

Я позвонил Борисову и приказал готовить к вводу в бой полк Филиппа Алексеевича Трофимова.

Теперь перед нами была единственная задача: идти вперед, не давать врагу опомниться, бить его непрерывно. Быстро наращивая силы из глубины боевого порядка дивизии, мы могли стремительно развивать успех полков первого эшелона и решительно двигаться на Харьков.

Немцы пытались контратаковать. Поддержанный танками, их

батальон 515-го пехотного полка двинулся в психическую атаку. Наши воины успели отрыть глубокие щели, пропустили танки врага и отсекли от них пехоту. Этот батальон был почти полностью уничтожен. Из 1-го батальона 164-го немецкого полка ушли только жалкие остатки. Большие потери понес и 1-й батальон 211-го немецкого полка.

К вечеру дивизия успешно выполнила поставленную перед нею задачу. Наши потери были невелики: 90 человек убитых и раненых. Большинство танков, подбитых противником в этом бою, были быстро отремонтированы и через день-два вступили в строй. На этом участке фронта гитлеровцы были разгромлены. Мы взяли в плен более 80 солдат и офицеров врага, захватили 43 орудия, 15 минометов, 8 ручных пулеметов, 7 раций, 3 больших склада с боеприпасами, 2 склада с вещевым имуществом, 40 лошадей и другое.

В этот день были освобождены населенные пункты Купьеваха, Драгуновка, Перемога, Гордиенко и захвачено много важных в тактическом отношении высот.

День догорел, и теплый синий вечер спустился на изрытую снарядами землю. Мы шли с комиссаром по притихшему полю боя, обходя глубокие воронки и еще не убранные трупы. Где-то близко послышался говор и смех. За кузовом разбитой немецкой рации разговаривали солдаты.

— Так как же вышло, — спрашивал простуженный голос, — как получилось, что немцы схватили его и не убили?

Другой басовитый голос ответил невозмутимо:

— Э, братец, на войне всякое бывает…

— Ну, молодчина Шевцов! — подхватил третий собеседник. — Я, знаешь, и не подумал бы, что он так ловок…

Мы подошли к солдатам, они поспешно вскочили с каких-то ящиков, по-видимому, недавно принадлежавших хозяйству рации.

Поздоровались, и комиссар спросил:

— Чем же так отличился Шевцов и кто он?..

Худенький быстроглазый солдат, с лицом пятнисто-серым от пыли, бойко ответил:

— Наш это Шевцов, товарищ полковой комиссар, рядовой он 42-го гвардейского стрелкового полка… Зовут Алексеем Титычем.

— Ну, и что же он совершил?

— Ловко от фрицев вывернулся! Паренек он не то чтобы сильный, даже можно сказать нежный на вид, а сумел постоять за себя и оборониться. Два фашиста подкрались к нему и хотели взять живым.

Вывернулся они прикладом обоим черепа проломил… Тут разрывом снаряда руку нашему Шевцову оторвало. Отстегнул он ремень, накрепко повыше кисти обрубок этот затянул и сам к санитарам добрался. Встретил я его, хотел поддержать: нижу, полосу крови за собой оставляет… Нет, говорит, возвращайся, ты нужен в бою. Ну, я, конечно, послушался.

(Комиссар записал фамилию гвардейца Шевцова, Позже он навестил его в медсанбате и с удивлением рассказал мне о необычной стойкости духа простого сельского паренька).

Солдаты выглядели бодро, даже весело. Я спросил:

— А денек, товарищи, был жаркий… Утомились?

— Конечно, товарищ полковник, — ответил старший из них, — труд был велик! Однако лучше уж десять раз утомиться, да наступать, чем каждый день с родными селами прощаться.

Какие-то секунды он колебался, потом спросил решительно:

— Товарищ полковник… Наши ребята говорят, что с высоты 212,3, за которую мы завтра будем драться, Харьков видать… Это правда?

— Да, теперь мы очень близко от Харькова.

— Ух, и не терпится же, товарищ полковник! Там, говорят, есть дом — всем домам дом: Госпромом называется. И жалко, ежели не поспеем, ежели гады успеют его подорвать.

Единая мысль безраздельно владела бойцами дивизии: скорее дойти до Харькова, сломить отчаянное сопротивление врага, железной метлой вымести фашистскую нечисть из славного рабочего города.

Зная, что с утра 13 мая мы возобновим наступление на Харьков, я приказал ночью организовать разведку. Судя по данным, полученным от пленных, гитлеровцы расценивали наше наступление как операцию, предпринятую только с целью улучшения оборонительных позиций. По крайней мере, немецкое командование не сочло нужным подбросить покрепления тем войскам, которые противостояли нам в районах населенных пунктов Красный и Рязановка.

Утром, после огневого артиллерийского налета, части дивизии перешли в наступление. 34-й гвардейский полк атаковал поселок Красный и после трудного боя захватил у гитлеровцев 11 исправных орудий. Следуя вместе с танками, наши пехотинцы ворвались в населенный пункт Петровское и очистили его от врага.

— Дело идет, Александр Ильич! — кричал по телефону Борисов. — Орлы нашего 42-го полка уже влетели в село Рязановку и выколачивают из фрицев, пыль.

События развивались стремительно. Право, я не ожидал, что

дивизия выполнит поставленную ей задачу уже к 12 часам дня! Я связался с командующим 28-й армией Рябышевым и доложил, что мы вышли на заданный рубеж, захватив у противника 38 орудий разных калибров, 4 склада с боеприпасами, два склада с вещевым имуществом, несколько тысяч снарядов и много патронов. Кроме 74 немецких солдат и офицеров, в плен к нам попали и холуи гитлеровцев — полицаи.

— Хорошо, Родимцев, — сказал Рябышев. — Ваша дивизия действовала отлично и раньше других выполнила задачу. А теперь вам нужно временно закрепиться на достигнутом рубеже.

Я несколько опешил:

— Опять закрепляться? Но ведь дорога на Харьков открыта!

— Понимаю, Родимцев, — помолчав, сказал командующий. — Мне тоже не терпится. Но обстановка складывается так, что приходится закрепляться. За два дня боев вы продвинулись на 30 километров вперед. Хорошо… А теперь следует осмотреться, подтянуть резервы, разобраться в обстановке. В общем, крепись, казак!..

— Вернее — закрепляйся, казак?..

Рябышев засмеялся:

— Закрепляйся и крепись!

Вспомнилось недавнее совещание в Купянске. Как уверены были мы в скором освобождении Харькова. А теперь, когда появилась возможность войти в город, бить гитлеровцев, пока они охвачены паникой, как говорится, в хвост и в гриву, нам приказывают временно закрепиться на достигнутом рубеже!

В эти минуты из вражеского тыла возвратилась наша конная разведка. Разгоряченный и взволнованный, в помещение штаба вбежал командир кавэскадрона Алексей Лукашов:

— Разрешите, товарищ полковник…

— Жду вас с нетерпением. Докладывайте.

Глаза его блестели, руки нервно подергивались:

— Мы побывали за фронтом, в населенных пунктах Черкасские Тишки, Циркуны, Большая Даниловка…

— Очень хорошо. Далеко забрались…

Он жадно вдохнул воздух, почти закричал:

— Товарищ полковник… Мы побывали в Харькове!.. Да, на его окраине!

Я внимательно взглянул на Лукашова: нет, не шутит.

— Так что же, товарищ полковник, чего вы медлите?! Кроме

полицаев, наспех поставленных немцами на дорогах, в этих селах противника нет! А полицаи, как только завидели нас, кто куда во все лопатки… Нужно идти в Харьков немедля. Город фактически наш!..

— Спокойно, Лукашов. Вы беседовали с харьковчанами?

— Да, товарищ полковник…

Я подробно расспросил Лукашова о его рейде и предложил ему и его конникам отдохнуть. Он посмотрел на меня изумленно:

— То есть? Почему… отдохнуть?

— Потому, что вы устали с дороги.

Он вытянулся, козырнул, злой и разочарованный, и, громко стуча каблуками, вышел из домика.

Как хорошо я понимал его! Но что еще я мог ему сказать? Я снова позвонил Рябышеву. Он выслушал меня, поблагодарил.

— Распоряжение остается в силе. Закрепляйтесь.

Через три часа я узнал, что наш сосед слева — 226-ястрелковая дивизия, которой командовал генерал Горбатов, отбила первые танковые контратаки противника… Сначала гитлеровцы бросили с юга на одну из высот, обороняемых дивизией Горбатова, 8 танков в сопровождении пехоты… Едва эта атака захлебнулась, как немцы двинули с запада 20 танков… Встреченные огнем противотанковых орудий и ружей, они потеряли здесь 15 машин… Захваченные в плен гитлеровцы показали, что на нашем участке фронта противник развернул свои 3-ю и 23-ю танковые дивизии.

«Нет, горячиться не следует, — подумал я. — Вырываться вперед без оглядки — дело иногда простое, но зачастую непоправимое».

Мы приступили к закреплению занятых позиций.

С большим разочарованием, с горечью гвардейцы узнали о переходе к обороне. Снова окопы, бомбежки, огневые налеты вражеской артиллерии, бои за каждую малую высоту. То ли дело прорваться на оперативный простор, преследовать противника, навязывать ему бои и, главное, сознавать, что каждый твой шаг вперед возвращает родине исконные земли ее, села, города!

Еще бы не понимать мне солдата, если такие думы тревожили и мою душу. Но командование фронтом знало побольше нас. Значит, были причины задержаться на только что отвоеванных рубежах. Очевидно, немцы подбросили свежие силы, и нам предстояло эти силы перемолоть. Так или иначе: приказ есть приказ и дело дивизии выполнять поставленную ей задачу.

С утра 14 мая количество вражеских самолетов над нашими боевыми порядками значительно возросло. Под ударами авиации и

танков противника наша соседка, 226-я стрелковая дивизия, после упорных боев оставила населенный пункт Непокрытая. До нас доносился гул бомбежки. Но вот бомбардировщики врага повисли и над нами. Я услышал пронзительный, нарастающий свист. Бомба зарывается в землю неподалеку от наблюдательного пункта, но не взрывается. Почему?

Случайность это или, быть может, где-то на западе, в самой Германии, есть у нас безвестные друзья? Впрочем, возможно, это лишь дело случая. Бомбы ложатся несколько впереди наших окопов, застилая долину черной пеленой.

В наших боевых порядках ни малейшего признака паники. К этим «сеансам» мы давно уже привыкли. Еще под Киевом, под Конотопом, на Сейме, в Тиме. Атаку вражеских танков гвардейцы отбили без особого труда.

Пока противник вгрызался в оборону наших соседей слева, 244-я стрелковая дивизия, соседка справа, даже перешла в наступление. Она выбила фашистов с трех важных высот, и ее разведка ворвалась в населенный пункт Русские Тишки.

При этом известии мне стало весело. Смеялись Зубков и Борисов.

— Представляю, — говорил комиссар, — как бесятся сейчас немецкие штабники! Будто в детской побасенке: нос вытащил — хвост застрял; хвост вытащил — нос застрял.

Мне нравились эти обстрелянные офицеры: война — войной, а шутка — шуткой. Однако немцы что-то задумали всерьез. Снова они бомбят наши 34-й и 42-й полки. По-видимому, гитлеровцам очень жаль своих складов, которые они недавно оставили нам, — самолеты стараются разбомбить эти склады.

Я вижу, как из-за высотки выкатываются танки противника. Насчитываю 20 танков. Развернувшись в неглубокой лощине, они движутся от Новоалександровки на Петровское. За танками, почти вплотную, следует вражеская пехота. Издали зеленые фигурки кажутся всполошенно-суетливыми. Наши снаряды рвутся меж танками, и вот две машины застывают на месте.

Но и гвардейцам 34-го полка, где командиром Трофимов, нелегко. Пять вражеских танков одновременно выкатываются на батарею 45-миллиметровых орудий. Падают, сраженные пулеметными очередями, наши артиллеристы. Три пушки раздавлены. Их расчеты погибли. 1-й батальон 34-го полка медленно отходит на скаты Петровского.

Противник снова бросает в бой авиацию. Бомбы рвутся в полосе обороны 1-го батальона. Самолеты снижаются и ведут пушечный

огонь. Еще 12 немецких танков атакуют гвардейцев Трофимова. Но из урочища Комашного выкатываются наши КВ. Завязывается танковый бой: броня — против брони, мотор — против мотора… Я вижу: немцы пятятся. Танков у них больше, но наши машины неизмеримо мощнее. И эта яростная атака противника отбита.

По телефону мне сообщают, что дивизия получает усиление: дивизион противотанковых орудий и 22-й противотанковый батальон 38-й стрелковой дивизии.

Повторяю командирам полков задачу на жестокую и крепкую оборону. С целью лучшего управления подразделениями приказываю все пункты управления придвинуть ближе к войскам. Мой наблюдательный пункт тоже переносится ближе к переднему краю, в южную часть селения Перемога, на одну из небольших высот.

Это новое место очень удобно для наблюдения и руководства боем, но соорудить здесь блиндажи трудновато: перед нами овраг с довольно крутыми склонами, иссеченными трещинами оползней.

Впрочем, для сооружения надежных блиндажей сейчас не было времени. Саперы быстро поставили два небольших навеса, которые могли укрыть от солнца и несильного дождя, но уж ни в коем случае не от пуль или осколков.

Однако я был доволен: навесы неплохо маскировали нас от вражеской авиации.

Штаб полка Елина был расположен прямо в боевых порядках, в лесу, юго-восточнее села Петровского. В этом же лесу расположился и командный пункт артиллерийского полка майора Клягина; более половины его пушек стояли на прямой наводке. Штаб Трофимова находился в лесу, восточнее Петровского.

Вместе со мной на наблюдательном пункте находились комиссар дивизии Зубков, начальник артиллерии Барбин, офицер оперативного отдела Потапов, заместитель по строевой части Сигида.

При каждом моем помощнике были офицеры-конники, и на наблюдательном пункте собралось довольно-таки много народа. Вражеский самолет-разведчик (бойцы называли его «рамой» или «костылем») кружил над нами на малой высоте, и летчик заметил людей на склоне оврага… А через несколько минут мы уже прижимались к земле, и над нами вихрилась пыль и свистели осколки.

От нашего ветхого навеса остались только изломанные жерди да хворост, разбросанный по всему оврагу. Не менее двадцати минут шестерка вражеских штурмовиков бомбила овраг и сыпала пулеметными очередями, а когда гул самолетов стал удаляться, я

услышал веселый голос Барбина:

— Едят их мухи… и в овраге не дают спокойно покурить!..

Потерь у нас было мало; только два бойца получили легкие осколочные ранения.

Немецкая авиация в этот день с каждым часом становилась все активнее. Если с утра самолеты противника кружили над нами группами в три-шесть машин, то теперь над нашими боевыми порядками непрерывно висели 12–18 самолетов. Повторялась старая история, та самая «чертова карусель», которую мы испытали еще в лесах под Киевом. Но теперь одновременно с бомбовым ударом немцы наносили и танковый удар. На участке, где оборону держали подразделения полковника Елина, артиллеристы отбили четыре танковые атаки.

Два танка противника были подбиты из противотанковых ружей, а две роты пехоты противника рассеяны.

Мы тоже потеряли два танка Т-34 от бомб врага. К вечеру, видя, что «коса нашла на камень», немцы прекратили атаки.

Как ни яростен был натиск противника, но мне думалось, его действия носили характер силовой разведки. От пленных гитлеровцев нам уже было известно, что в боях пока участвовали только отдельные полки 3-й и 22-й немецких танковых дивизий. Очевидно, решающий удар по нашим войскам немецкое командование намеревалось нанести на следующий день.

Сколько бы не довелось пережить нам за истекший день, но, как говорится, голод не тетка. Находясь с утра и до вечера то в окопах, то на наблюдательных пунктах, мы изголодались до изнеможения, а в запасе у нас не было при себе ни корки хлеба.

Сегодня наш повар Виктор Антипов не торопился. С завтраком он вообще не прибыл. Обед пропустил… По телефону сообщили, что Виктор решил выехать к нам по окончанию «работы» немецкой авиации в наших тылах.

— Ничего себе кормилец… — угрюмо басил Барбин. — И что это он с таким уважением относится к «работе» немецких летчиков? Едят их мухи, я уж на березовый пень все время поглядываю: вот возьму и съем!..

Но Виктор все же появился. Я взглянул на него и удивился: куда девалась неизменная бодрость этого девятнадцатилетнего паренька? Пришел он пешком, измученный, бледный, брови строго нахмурены, во взгляде тоска.

— Что с тобой, кормилец? — спросил Барбин. — Почему завтрак,

обед и ужин решил воедино соединить?.

Он досадливо махнул рукой:

— Эх, товарищ полковник!..

— Да что случилось?

— Мальчика моего нет.

— Хорошая лошадка… Где же она?

— Пала от пули изверга…

Виктор смахнул слезу:

— Фашистский «ас» ее расстрелял. А я принес вам только второе. Первое тоже погибло в пути.

— Ну, расскажи подробней, — сказал я. — Значит, выдержал атаку?

До крайности возмущенный и опечаленный, Виктор поведал нам, гремя посудой, как два вражеских истребителя накинулись на него в пути.

— Ну, понимаю, — говорил он запальчиво, а Барбин сочувствовал и поддакивал ему, — да, понимаю: вез бы я, скажем, боеприпасы… Тогда, конечно, другое дело. А ведь я доставлял всего-навсего простой обед! И что же вы думаете? Сделали разворот и давай пикировать на мою повозку. Свалился я с повозки, ползком добрался до кювета… Пулеметная очередь только ж-ж-жах над головой! Ничего, пронесло. Поднимаюсь, вижу: Мальчик мой будто изваяние стоит. Ни единая пуля его не затронула. Погладил я Мальчика, приласкал, оглянулся на повозку: батюшки-светы! Бак мой пробит, и суп из него булькает вовсю!.. Четыре дыры, и из каждой суп булькает… Быстро разорвал я полотенце, дыры позатыкал. В сердце такая злость-вьюга! А пока я эти дыры ликвидировал и не заметил, как один самолет возвратился и опять пошел курсом прямо на меня… Мальчик теперь уже не устоял на месте: как рванул полным галопом по выбоинам, через пни — бидоны, термосы, хлеб, ложки, вилки — все по траве рассыпалось. Фашист-паршивец два раза на повозку заходил, а Мальчик мой все мчался и мчался. Но вот грянула пулеметная очередь, и Мальчик мой упал… Подбежал я к нему, зову: Мальчик!.. Вижу — мертв. Верите, товарищ полковник, впервые за всю войну я заплакал…. Но, плачь не плачь, горю не поможешь. Собрал я все, что осталось, и пошел к вам.

Он глубоко, порывисто вздохнул:

— Будь они трижды прокляты, анафемы, лошадей, и тех убивают, подлецы. Пока я жив, буду мстить им, драконам, без жалости и пощады!..

Барбин уже не смеялся. Хмурясь, торопливо съел свою порцию и

принялся звонить по телефону командиру артиллерийского полка Клягину.

Рано утром мне донесли, что из Непокрытой на Харьков замечен отход автомашин противника. Я сразу же позвонил командиру 90-й танковой бригады и приказал атакой на Михайловку отрезать противнику пути отхода. Пять танков КВ с десантной ротой через двадцать минут выступили на выполнение задания.

Вскоре мне донесли, что в районе южнее Михайловки-1 противник сосредоточил большое количество танков. Это заставило меня призадуматься. Не окажется ли наша танковая рота перед превосходящими силами врага?

Связаться с командиром роты по радио не удалось. Рация роты не ответила. Оставалось единственное: подождать и снова попытаться установить связь.

А утро 15 мая было на редкость ясное, тихое, безмятежное, и птицы — неужели и они привыкли к бомбежкам? — еще затемно начали в лесу свой разноголосый концерт.

Вспомнилось Подмосковье довоенных лет, выезды с товарищами-офицерами на рыбную ловлю, торжественные, затененные дубравы, дремотная тишь реки… Право, если бы не «костыль», назойливо висевший в небе, можно было бы подумать, что и бомбежки, и атаки, и стоны раненых, и горькая гарь пожаров — все это лишь тяжелый сон.

Нет, это была жестокая действительность. Начальник штаба Борисов докладывал, что и в районе юго-западнее Перемоги замечено большое скопление немецких танков.

— «Парижане»… — говорил он с усмешкой. — Представьте, 23-я немецкая танковая дивизия, оказывается, прибыла сюда прямо из Парижа. Отъелись, мордатые, на французских хлебах, вылакали несусветное количество вина, отдыхали, резвились, и вдруг приказ: на Восточный фронт!

— Я уверен, — заметил Зубков, — что у нас хватит силенки сломить и этих «парижан»… В том, что немцы собираются наступать, сомневаться не приходится. Недаром же они бросили сюда столько танков.

— Будем драться насмерть, комиссар. Пускай бы они прибыли даже с Марса!..

Я решил побывать в полку Ивана Павловича Елина. Этот полк, отбивая танковые атаки врага, понес значительные потери. Хотелось узнать и состояние боевого духа бойцов, и как они готовят оборону.

В полку господствовали спокойствие и деловитость. Люди

сосредоточенно трудились, каждый на своем участке. Рота противотанковых ружей отрывала отдельные глубокие щели для бойцов-одиночек… Я одобрил эти действия командира роты. В моей боевой практике, еще в Испании, имелся опыт такой борьбы. В одиночный окоп садился пулеметчик и расстреливал фашистов в упор. Жизнь его зависела от первого точного выстрела врага, от попадания гранаты или снаряда. В эти колодцы спускались люди с железными нервами, безраздельно преданные своему делу.

— В моей роте — все такие, — уверенно сказал командир.

— И все же воин должен накрепко уяснить: если он не струсит — уничтожит танк, если струсит — его уничтожат автоматчики.

— Товарищ полковник, — улыбнулся Елин, — наши гвардейцы прошли не только учебную «обкатку» танками. Они уже «обкатаны» и танками врага!..

Около полудня в штаб дивизии явился молодой энергичный полковник, командир 57-й танковой бригады. Он четко доложил, что бригада передана в оперативное подчинение командования 13-й гвардейской дивизии, сообщил о боевом составе бригады и попросил ознакомить его с обстановкой.

Чувствовалось, что этот командир знал войну, главным образом, по рассказам и очеркам в газетах, но, тем не менее, прибытие его бригады было для нас великой радостью. Особенно отрадно было услышать, что в составе бригады имеется 10 танков КВ… В течение одиннадцати месяцев войны мы не знали случая, чтобы немецкая пушка пробила броню этого танка. Бывало, что танк КВ имел 90–100 вмятин от попаданий вражеских снарядов, однако продолжал ходить в бой.

Нашу беседу с полковником прервал звонок командира полка Ивана Самчука. Он сообщал, что немцы подтягивают к переднему краю танки и пехоту. С его наблюдательного пункта было видно, как войска противника передвигаются от Непокрытой и сосредоточиваются в балках. «Я верю нашим наблюдателям-артиллеристам, — говорил Самчук. — Они насчитали здесь более ста вражеских танков и бронетранспортеров!»

— Как вы приготовились к отражению танковой атаки? — спросил я.

Голос Ивана Аникеевича звучал спокойно, уверенно:

— Все командиры подразделений предупреждены. Противотанковым средствам и особенно артиллеристам поставлена задача на отражение танковой атаки.

— Усильте командирскую систему наблюдения за поведением

противника.

Он откликнулся бодро:

— Есть!

— Итак, товарищ полковник, — сказал я командиру бригады, — все мы, конечно, искренне рады вашему прибытию. С вашими танками КВ дивизия становится намного сильнее прежнего. Направляйтесь в свою бригаду и занимайте указанный вам исходный рубеж. Время не: ждет: противник собирается атаковать.

Он усмехнулся — рослый, самоуверенный, молодой:

— Пускай попробуют…

— Они уже пробовали.

— Сегодня мои КВ себя покажут.

— Желаю успеха, полковник!..

По-разному складываются на войне судьбы людей: один пройдет огонь и воду, останется живым под танком врага, выйдет из любого боя без царапины; другой, едва лишь ступит на передовую, — и, смотришь, уже сражен.

Молодого командира 57-й я видел в первый и в последний раз: когда он возвращался к своим танкистам, фашистская авиация сделала очередной налет. Смертельно раненный, он успел отдать боевое распоряжение своему начальнику штаба и даже начертил на карте слабеющей рукой стрелу контрудара своим КВ…

Командир 34-го гвардейского стрелкового полка Трофимов сообщал, что на его участке, в лесу, восточнее Петровского, нет никаких признаков перемещения сил противника. Он спрашивал разрешения собрать командиров и комиссаров батальонов на совещание, чтобы обсудить действия личного состава в прошедших боях и поставить задачи по организации обороны.

— В отношении совещания, Филипп Алексеевич, нужно повременить, — сказал я. — А задачи по организации обороны поставить немедленно.

По-разному планировали в это утро свои дела командиры полков: Самчук готовился отразить танковую атаку противника; Елин с нетерпением ждал сообщения десантной роты, брошенной с пятеркой КВ на перехват отходившей части врага; спокойный Трофимов готовился… к совещанию.

Эти настроения целиком, конечно, зависели от обстановки на разных участках фронта. Мне и самому временами думалось: а предпримут ли немцы атаку именно сегодня? Обычно перед началом активных действий их разведчик, «костыль», непрерывно кружил над

нашими позициями. А сегодня он показался с утра, повисел над передним краем и скрылся. По-видимому, гитлеровцы еще не закончили перегруппировку.

Однако, как мы поняли позже, немцы пытались нас обмануть. Они убрали свой «костыль», их артиллерия притихла, прекратилась даже винтовочная стрельба. Где-то в расположении наших соседей смолкли глухие раскаты бомбежки. И удивительная, ясная тишина встала над передним краем, над молодыми рощами, над изрытыми и стесанными высотами, над черными пепелищамидеревень, над Балкой-Янделой, прозванной «долиной смерти», где из-под глинистых обрывов кровоточили родники…

Ровно в 13.30 на боевые порядки нашей артиллерии, на зарывшийся в землю полк майора Самчука пушки и минометы противника обрушили ураганный шквал огня. Почти одновременно с началом необычно мощной артиллерийской подготовки в небе появилось несколько шестерок бомбардировщиков Ю-88. Пожалуй, только под Киевом и Конотопом мы испытывали такой мощный бомбовый удар…

Возможно, фашисты засекли местонахождения моего наблюдательного пункта? Самолеты неторопливо разворачивались над нами и сбрасывали свой смертоносный груз.

— Отбиваю атаку танков! — прокричал в телефонную трубку Самчук. — Их более полусотни… Наши гвардейцы…

Трубка смолкла. Земля качнулась под моими ногами, и трубка с невероятной силой вырвалась из руки. Вокруг стало темно, и спазма перехватила мне горло. Я упал, над головой с треском обломилась балка, что-то тяжелое ударило в плечо. С трудом поднялся на ноги. Вокруг с оглушающим грохотом рвались бомбы. Пыль, взбитая разрывом фугаски, медленно оседала над развороченным блиндажом, и, осмотревшись в полутьме, я увидел под грудой бревен чью-то руку. На руке — часы. Большая секундная стрелка равномерно двигалась по фосфорическому циферблату. Да ведь это же мой комиссар Сергей Николаевич!.. Я быстро отбросил бревна, встряхнул его за плечи.

— Сергей Николаевич… Жив?..

Он медленно приподнялся на колено, пошатываясь, встал.

— А где полковник Барбин? — спросил хрипло. — Тоже, наверно, засыпан… Эй, товарищ Барбин!

В углу блиндажа кто-то завозился, и знакомый басовитый голос произнес раздельно:

— Едять их мухи!.. Ей-богу, контузили, дьяволы… Помогите,

товарищи, скинуть пять кубометров дров…

В блиндаж вбежали два санитара. Я указал им на угол, где пыхтел и отдувался Барбин, а сам опять схватил трубку телефона. Земля тряслась от разрывов бомб и снарядов. Трубка молчала… Вбежал лейтенант-связист:

— Товарищ полковник… Вся проводная связь порвана авиацией противника. С командирами полков можно связаться только по радио…

— Нужно немедленно восстановить связь.

— Все офицеры связи, кроме меня, выбыли из строя… Четверо убиты. Остальные ранены. Но я, товарищ полковник, сделаю все…

— Действуйте…

Пыль осела, и передо мною открылась картина боя. Зеленая танковая лавина противника устремилась со стороны Михайловки на Петровское. В этом соединении было не менее 60 танков, а за ними на транспортерах следовала мотопехота. Транспортеров было очень много (позже наблюдатели уточнили — не менее трех полков). За ними двигались мелкие группы танков.

Натиск такой армады нам еще не приходилось отражать. Устоят ли гвардейцы?.. Больно ныло ушибленное плечо, но мысль, как всегда в решающие минуты, работала спокойно и ясно. Все же молодец лейтенант-связист: каким-то кружным путем он соединил меня по телефону с командиром 39-го полка Самчуком.

— Гвардейцы стоят насмерть, — как-то особенно торжественно произнес Самчук. — Мы несем большие потери. Много убитых… Танки утюжат наши окопы, но ни один гвардеец не отошел. Мы отобьем и эту атаку, товарищ полковник!..

Замысел гитлеровцев был понятен: они хотели вернуть недавно утерянные опорные пункты Рязановку, Красный, Перемогу и Гордиенко и отбросить части нашей дивизии за речку Бабку.

Бой длился уже свыше двух часов, авиация противника снова и снова бомбила наши боевые порядки, но гвардейцы, используя все свои противотанковые средства и 82-миллиметровые минометы, отбрасывали противника от своих позиций.

Группе немецких танков удалось ворваться на высоту 194,5, и здесь она высадила десант. 30 танков этой группы ринулись в обход урочища Перекопского с запада и столкнулись с гвардейцами нашего 32-го артиллерийского полка. Дело дошло до стрельбы в упор, и два наших орудия, вместе с их расчетами, были раздавлены танками. Но фашисты потеряли здесь 8 машин и повернули в обход урочища

теперь уже с юга.

Попытки немцев подавить другие батареи батальона в районе урочища Круглик были отбиты огнем батарей.

Вторая группа немецких танков в 30 машин атаковала третий батальон нашего 42-го полка. Немцы пытались прорвать оборону по краю урочища Комашного с ходу, но были отбиты. Они вызвали авиацию, и вражеские штурмовики принялись бомбить и обстреливать позиции батальона. Спешившись, мотопехота противника пошла за танками в атаку. Пулеметный и автоматный огонь гвардейцев вскоре прижал ее к земле. Опять бой с танками. Артиллеристы вели огонь в упор и уничтожили десять танков противника.

Гитлеровское командование было уверено в подавляющем превосходстве своих сил и не считалось с потерями. Оно бросило на 42-й гвардейский полк третью группу танков в 60 машин, но навстречу этой лавине ринулись танки нашей 90-й танковой бригады. Два стальных потока схлестнулись, грянули пушки, зарокотали пулеметы. Авиация противника кружила над полем боя, уже не сбрасывая бомб. В этой яростной схватке мощных механизмов, в смерчах пыли и дыма не было возможности различить, где наши танки, где немецкие…

До десятка фашистских танков ворвались в расположение наших батарей. Снова гвардейцы расстреливали вражеские машины в упор, и противник потерял здесь разбитыми и сожженными несколько танков, но все орудия обороны, кроме одного, 45-миллиметрового, были раздавлены, и гвардейская рота, занимавшая район трех курганов, расходуя последние боеприпасы, отошла в урочище Комашное. Ни танкам, ни пехоте врага ворваться в этот лес не удалось.

Убедившись, что сломить сопротивление 42-го гвардейского стрелкового полка невозможно, немцы повернули к северу и атаковали в открытом поле второй батальон 34-го полка соседей и батарею нашего 32-го гвардейского полка… Видя, как пространство между рощами внутри расположения нашей дивизии постепенно заполнялось мотопехотой противника, я приказал Барбину дать несколько артиллерийских залпов по этому участку. Он передал команду на батареи, и сотня снарядов рассеяла скопление фашистов.

Фашистское командование все еще пыталось найти слабину в линиях нашей обороны. Ему не удалось окружить и уничтожить в открытом поле наши батальоны: ведя тяжелый бой с танками врага, гвардейцы отошли в лес. Тогда, понимая бесплодность своих атак, немцы стали перегруппировывать две танковых дивизии, нацеливая их на участок обороны полка Ивана Павловича Елина. Начальник штаба

Борисов сразу же сообщил об этом командиру 57-й танковой бригады, которая находилась в лесу, в расположении 42-го полка.

Вскоре гитлеровцы возобновили наступление, теперь уже силами двух танковых дивизий.

Над боевыми порядками полка Елина появилось необычное авиационное соединение противника — сто самолетов… Грозная картина, но уже через несколько минут два вражеских бомбардировщика, охваченные огнем, спикировали и врезались в землю перед нашими окопами.

Как видно, немецкие летчики сразу поняли, что когда в небе тесно — пуле и снаряду легче найти цель. Самолеты стали рассредоточиваться, но еще один из них загорелся и, разваливаясь в воздухе, рухнул за урочищем Должик…

Полковник Елин доложил мне, что против его полка движутся 80 танков и до двух батальонов противника.

Вслед за ним Клягин сообщил Барбину, что его артиллеристы подбили 28 фашистских танков, однако авиация противника вывела из строя почти все артиллерийские расчеты, и остались только четыре пушки, которые еще могли вести огонь.

Было о чем призадуматься в такой обстановке и при таких сообщениях! Вдруг немецкие бомбардировщики снова пошли на наш наблюдательный пункт. Земля затряслась от разрывов бомб и снарядов. Передавать распоряжения стало невозможно. Я едва расслышал в телефонной трубке голос начальника штаба 57-й танковой бригады. Он передавал, что командир бригады убит, а комиссар тяжело ранен. Восемь танков горели, подожженные авиацией врага, и начальник штаба спрашивал, что ему делать.

Я мог ответить только одно:

— Драться и не пропустить танки противника в глубину обороны.

Но, по-видимому, он уже потерял управление: вскоре оставшиеся танки 57-й стали отходить.

Сначала мы не поняли: чьи это танки? Мелькнула мысль: что, если противник прорвался на Перемогу, в тылы Самчука?.. Сердце мое похолодело. Если боевые порядки не смогли сдержать танкового удара, значит, случилось страшное, то, чего я так опасался.

Я кликнул коновода Михайлюка, — он всегда находился неподалеку от меня с моим Малышкой.

— Коня!.. Быстрее…

Через минуту мой вороной рысак уже нес меня крутыми откосами и перелесками в расположение полка Самчука.

Улицу села Перемоги, сплошь исковерканную разрывами снарядов и бомб, застилал густой дым пожаров. Никто, конечно, не тушил огня: нашим гвардейцам было не до этого. Шел бой… Вокруг, будто под сводами огромного котельного цеха, где резко стучат пневматические молотки и свищет автоген, разноголосо били пушки и сыпали очередями пулеметы. Низко надо мной прогудел снаряд и врезался в обгорелую стену дома. Куски земли и камни, взнесенные взрывом, запрыгали под ногами Малышки, и он помчался еще быстрей.

Как видно, вражеский пулеметчик сумел подобраться к нашему переднему краю довольно близко. Он простреливал дорогу. Я почувствовал, как на моей голове встрепенулась пилотка: пуля прошила ее над затылком…

Говорят, в минуты смертельной опасности человек, будто заново, мгновенно переживает всю свою жизнь. О себе не могу сказать этого: почему-то вдруг вспомнился наш Барбин. Что сказал бы он при таком близком «знакомстве» с вражеским пулеметчиком? Наверняка пробасил бы: «Едят их мухи, пилотку попортили, шельмы!..» Мне стало веселее при этой мысли. Как это важно, если боевой товарищ не теряется ни в какой беде!..

Штаб полка я нашел без особого труда, так как уже успел побывать здесь ранее. Он помещался в одном из крестьянских дворов под навесом, сделанным над погребом.

Майор Самчук, запыленный, в изорванной гимнастерке, выбежал мне навстречу и стал была докладывать о ходе боя, но я прервал его:

— Танки… Вы видели группу танков, что движется на ваши тылы?

Лицо его побелело:

— Откуда?.. Слева?..

— Да.

Он усмехнулся, тряхнул головой:

— Да ведь это отходят наши, из 57-й бригады!..

— Кто дал приказ на отход?

Самчук передернул плечами:

— Наверное, их командир…

У меня отлегло от сердца.

— Пошлите офицера. Остановить танки и направить в бой. Подавить пулеметы врага перед вашей обороной.

Самчук браво козырнул:

— Есть…

Шестерка немецких бомбардировщиков медленно двигалась над селом, прямо над нашими головами. Было отчетливо видно, как

продолговатые предметы отделяются от самолетов и летят вниз. Быть может, в первые дни войны такая картина могла бы внести смятение в нашу оборону. А теперь каждый солдат знал: если бомбы отделились от самолета прямо над боевым порядком — значит, упадут они где-то впереди, по направлению движения самолета.

Фашисты снова и снова пытались разбомбить свои склады с боеприпасами, захваченными нами в боях за Перемогу. Что ж, можно было понять их обозленность: снаряды и мины, сделанные где-то на заводах Рура немецкими мастерами, теперь громили немецких вояк!

Из штаба Ивана Аникеевича Самчука я попытался связаться с другими полками. Это не удалось, да и понятно: при таком артиллерийском обстреле проводная связь была порвана снарядами и бомбами.

Я крепко пожал Самчуку руку, слегка обнял его за плечи:

— Держись, Ваня… Бей, Ваня, фашистов по-гвардейски! А в прочность обороны твоего полка я верю!

Умница мой Малышка, с места рванул галопом и через несколько минут донес меня на мой наблюдательный пункт.

Обстановка на нашем участке фронта складывалась довольно тяжелая. Гвардейцы дрались отчаянно и беззаветно, сдерживая натиск превосходящих сил противника. С утра и до этого часа они подбили 43 вражеских танка.

Машины чернели на поле боя в разных положениях, то вздымаясь над окопом, то повиснув на кромке оврага, то зарывшись у дороги в кювет.

Особенно ожесточенный бой шел в районе расположения полка Ивана Павловича Елина. Я решил побывать и в этом полку. Примерно к 16 часам дуэль между нашими и фашистскими танкистами перед обороной полка Самчука стала стихать: не достигнув никаких результатов, немцы отказались от лобовых атак… Но гвардейцы Елина с огромным напряжением сил отбивали повторные атаки их танков и мотопехоты.

Ивана Павловича я встретил в центре села Перемога. Он шел со своим комиссаром Олегом Кокушкиным на новый командный пункт, восточнее этого населенного пункта.

— Нет, братцы, — сказал я им, — место вашего командного пункта следует расположить в северной части Перемоги. Во-первых, удобнее руководить подразделениями. Во-вторых, Самчуку не будет «скучно»: он будет чувствовать ваше плечо, и вы на него в трудную минуту сможете опереться…

Елин посмотрел на меня:

— А ведь это верно, Александр Ильич!..

У меня не было ни минуты времени, чтобы вдаваться в подробности обстановки и обсуждать их сейчас. Я знал, что полк Филиппа Алексеевича ведет неравный и очень тяжелый бой.

Славный Малышка будто понимал мои заботы: только я тронул повод, он помчал на наблюдательный пункт.

Встретил меня полковник Барбин. Обычно спокойный, уравновешенный, сейчас он был заметно взволнован:

— Товарищ полковник… Основная группировка противника, обойдя правый фланг артиллерийского полка Клягина, двинулась в направлении населенного пункта Терновая. Таким образом, полк Трофимова с двумя артиллерийскими батареями отрезан от частей дивизии. Связи с полком нет…

Я вбежал в блиндаж, схватил телефонную трубку… Будто пытаясь помешать, рядом с блиндажом разорвался артиллерийский снаряд. Меня осыпала глина и пыль, и то ли камешек, то ли комок земли больно ударил по руке. Ответил мне начальник связи дивизии Костюрин.

— Да, товарищ полковник, связь вашего наблюдательного пункта с полками восстановлена, кроме полка Трофимова…

— Именно с ним необходимо связаться. И связаться немедленно. А сейчас дайте Борисова…

Владимир Александрович доложил, что 57-я танковая бригада вместе с 90-й танковой бригадой ведут бой. Он сказал, что только что ему звонил командующий армией и требовал принять все меры, чтобы не пропустить фашистские танки через боевые порядки дивизии.

— Мы это и делаем, Владимир Александрович!.. Танки врага пройдут только через трупы гвардейцев…

— Зачем же так мрачно, Александр Ильич? Гвардейцы будут жить!..

Снова позвонил Костюрин. Он сообщил, что пять наших танков КВ с ротой десантников, посланные еще утром на перехват отходившей части противника, не вернулись. Посланный к ним для связи танк Т-34 тоже не вернулся. Наш летчик-наблюдатель видел, что в тылу противника, на дороге от Михайловки-1 шел танковый бой. Много танков горело… Очевидно, наши отважные танкисты и десант погибли в неравном бою.

Наш разговор с Костюриным прервал офицер связи:

— Товарищ полковник, к нам бежит радистка Кулешова. Значит,

что-то случилось.

Я оглянулся: открытой поляной, поминутно «кланяясь» разрывам снарядов и мин, бежала девушка… Вот она упала, вся осыпанная землей, поднялась, снова упала.

— Товарищ полковник, — хрипло выговорила она, пересиливая одышку, — связь с 34-м гвардейским полком восстановлена. Радиосвязь… Примите радиограмму от товарища Трофимова…

Я взял из ее рук смятый клочок бумаги, прочитал:

«Гвардейцы и штаб полка в окружении. Ведем лесной бой с противником… Прошу разрешения на отход. Трофимов».

Я сунул радиограмму в карман, подбежал к радиостанции, взял микрофонную трубку, нажал кнопку.

— У аппарата Родимцев… Как слышите?

Знакомый голос отозвался устало:

— Слышу хорошо. У аппарата Трофимов…

Он повторил те самые сведения, которые я уже знал из радиограммы.

— Послушайте, Филипп Алексеевич, — прервал я его, — ведь вы бывалый командир, а затеваете непозволительные вещи! Что значит отходить? Это значит облегчить задачу врага: вот, мы вышли из лесу, стреляйте! Нет, ни в коем случае отходить нельзя, нужно использовать все, до последнего патрона. Только сегодня вечером я дам команду на отход…

— Автоматчики противника в пятидесяти метрах от штаба полка… Офицеры штаба ведут бой…

Радиосвязь прекратилась. Я попытался снова связаться с Трофимовым, но его позывной не отвечал.

Невероятной тяжестью усталость легла на мои плечи. Я тихонько отпустил кнопку, положил на столик микрофон, посмотрел на девчат-радисток. Казалось, они ждали какого-то моего слова. Я ничего не сказал им и вышел из машины.

Неторопливо шагая на свой наблюдательный пункт, я думал о том, что происходило в эти минуты в полку и в штабе Трофимова. Возможно, положение действительно безвыходное, и он был вынужден бросить микрофонную трубку и схватить автомат?.. Много дум пронеслось у меня в эти минуты. Однако я отлично знал Филиппа Алексеевича Трофимова как офицера высокой отваги, коммуниста, человека, не ведающего страха в борьбе, знал его комиссара Данилова, начальника штаба Попова и других офицеров полка и воинов, которые еще в боях за Тим и под городом Щигры, находясь в исключительно

сложной обстановке, никогда не терялись. Как тягостно было сознавать, что в эти решающие минуты я не имел возможности оказать им какую-нибудь помощь!.. Оставалась единственная надежда, что с наступлением темной весенней ночи остатки 34-го гвардейского полка смогут относительно спокойно выйти из леса…

Я не ошибся. Гвардейцы Трофимова устояли. Уже перед вечером я приказал танкистам 90-й танковой бригады и нашей десантной роте автоматчиков прорваться в расположение полка Трофимова и помочь ему выйти из леса на рубеж речки Бабки.

Этого удара фашисты, конечно, не ожидали. В сумерки полк Трофимова, ведя напряженный бой с мотопехотой противника, вышел из окружения и занял оборону по реке Бабке.

…В этих своих записях я стараюсь поменьше останавливаться на своих личных переживаниях. Конечно, я мог бы описать, как в течение всего дня вокруг моего наблюдательного пункта, вокруг штаба (да и только ли вокруг!) рвались вражеские снаряды и мины, как поднимались мы — я и штабные работники, — засыпанные землей, после разрывов бомб и снова руководили боем, как вражеские танки, выкатясь перед нами на высотку, вели по нас пулеметный и пушечный огонь…

Все это, быть может, интересно, однако менее значительно, чем те события, которые происходили на фронте дивизии. Поэтому основное внимание я уделяю действиям наших полков, батальонов, рот, отважным советским воинам.

К вечеру все атаки фашистов были отбиты. На участке фронта, который занимала дивизия, врагу не удалось прорваться через наши боевые порядки. Я понимаю изумление пленного офицера немецких танковых войск. Стоя передо мной в блиндаже, он лаконично отвечал на вопросы:

— О, когда мы стояли в Париже, нам о Советской Армии рассказывали совсем другое…

— Что именно?..

— Что вы готовы бежать при виде немецкого танка.

— В чем вы сами убедились?

— Русские совершенно не боятся танков. Мы «утюжили» ваших солдат, а они поднимались из окопов и расстреливали нашу пехоту, уничтожали наши танки.

— Во Франции было легче?

— О, это был курорт, а не война.

— Какое настроение ваших «парижских» танкистов?

— Вы сами понимаете. Я офицер, танкист… Я слушал лекции самого Гейнца Гудериана. После этих трехдневных боев я не могу сказать, чтобы настроение наших танкистов было приподнятым.

Впрочем, я и сам отлично знал, что в этих боях под Харьковом хваленые гитлеровские танкисты окончательно утратили свою амбицию.

К вечеру противник поуспокоился. Прекратился огонь артиллерии. Смолкли пулеметы. Только где-то далеко, в расположении наших соседей слева, глухо погромыхивала канонада.

Я шел полем боя, ведя на поводу своего верного Малышку, и на окраине Перемоги встретил комиссара Зубкова.

— Откуда, Сергей Николаевич?..

Он был чем-то взволнован:

— Был в полку Самчука…

Мы пошли рядом, оп взял меня под руку:

— Послушайте, Александр Ильич… Вы знаете, чем занимаются сейчас гвардейцы первого батальона?… Нет, вы не поверите! Сегодня этот батальон потерял половину личного состава. Он вел тяжелый бой в течение четырех часов и отбил все танковые атаки врага… Но я побывал в блиндажах, в окопах… Вы не поверите… Знаете, чем заняты сейчас, после ужина, бойцы?..

— Что ж, дело обычное: спят, пишут письма…

— Нет! Пойдемте, и вы убедитесь. Иначе еще скажете, что это я сам сочинил…

— А все же скажите.

Зубков удивленно улыбнулся:

— Они разучивают песню… Да, песню! И я записал ее слова.

— Не может быть…

Глаза его блеснули:

— Слово коммуниста!.. У них есть трофейный аккордеон, и, уверяю вас, вы вскоре услышите эту песню.

Свою боевую дорогу
Мы с честью сумели пройти.
Их было, гвардейцев, немного,
Но стоит один десяти.

Как били врагов окаянных,
Как клали их тысячи в ряд,
Под Киевом помнят курганы,
Под Курском сады говорят.

Мы мужеством нашим гордимся,
Ведет нас в решительный бой
Любимый полковник Родимцев,
Советских республик герой.

Весной возвращаются птицы,
Земля полыхает в боях.
Нам тоже дано, возвратиться

С победой в родные края…

Над Харьковом клик журавлиный,
И чайки летят над Днепром.
Гвардейцев встречай, Украина,
Тебе мы свободу несем!..[2]

— Песня, пожалуй, хорошая, — сказал я Зубкову. — Только фамилию мою следует выбросить.

Он усмехнулся:

— Тут я не правомочен. Об этом надо попросить солдат….

Но я подумал, что для меня, одного из неприметных офицеров нашей великой Советской Армии, ведущейсражения на необозримом фронте от полярной тундры до черноморских берегов, эта песня, быть может, и есть самая высокая награда…

Ночью мы получили приказ о планомерном отходе. Битва за Украину продолжалась. Нас ждали очередные жаркие сражения и великая битва у Волги.

К Харьковскому сражению внимание читателя здесь привлечено не случайно. Это сражение имело огромные последствия для развития всей летней кампании 1942 года.

В боях под Харьковом наша гвардейская дивизия встала гранитной стеной перед фашистскими танковыми соединениями.

На тех трудных рубежах войны, беззаветно сражаясь за землю родной Советской Украины, воины дивизии испытали радость первых значительных побед, а затем, после приказа закрепиться, чувство глубокого огорчения.

Мы знали поставленную задачу и ревностно выполняли ее; радовались занятым рубежам, селам, отвоеванным у врага, сожженным и разбитым танкам противника и, главное, ощутимой близости взятия большого промышленного города, ставшего нашей мечтой.

За три дня кровопролитных боев мы продвинулись в направлении Харькова на 25–30 километров, уничтожив многие сотни гитлеровцев, десятки их танков, орудий, пулеметов и другой поенной техники. Но это была лишь частица операции.

Правда, войска 6-й немецкой армии, противостоявшей нам, оказались в весьма затруднительном положении. Неспроста командующий группой фашистских армий «Юг» просил верховное командование о помощи: перебросить три-четыре дивизии из армейской группы «Клейст», чтобы ликвидировать прорыв южнее Харькова. Именно в это время, примерно к 14–15 мая, для наших войск

сложились выгодные условия, чтобы ввести в бой подвижные соединения, которые завершили бы окружение противника в районе Харькова.

Теперь, спустя двадцать лет, это понятно. А тогда командование Юго-Западного фронта, располагая данными (оказавшимися неверными) разведывательного отдела штаба, будто в районе Змиева враг накапливает крупные танковые силы, не ввело спешно в бой наши танковые корпуса, и противник успел подтянуть резервы, организовать оборону.

На волчанское направление подошли три дивизии противника (две танковые и пехотная). Войскам 28-й армии генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева, а также правому флангу 38-й армии, под командованием генерал-майора К. С. Москаленко, пришлось вести ожесточенные бои на недавно захваченных рубежах.

А когда 17 мая командование Юго-Западного фронта ввело в бой 21-й танковый корпус, противник уже успел перегруппировать свои войска. Соотношение сил резко изменилось.

Отрывочно доходили до нас тревожные, подчас противоречивые сведения о положении 9-й и 57-й армий, сражавшихся против армейской группы «Клейст», которая начала наступление из района Славянск — Краматорск. В группу входили 17-я и 1-я немецкие танковые армии, имевшие 26 пехотных, 4 моторизованных, 3 танковые и 2 кавалерийские дивизии, поддержанные сотнями боевых самолетов. Сила огромная, и две наши армии, истощенные в боях, не смогли противостоять этому контрудару.

В первый день наступления, 17 мая, войскам группы «Клейст» удалось прорвать оборону 9-й армии. За двое суток противник продвинулся на север на 40–50 километров и западнее Изюма достиг Северского Донца. Наступление этой группы на север, вдоль Северского Донца, грозило окружением наших войск на барвенковском плацдарме. Нужны были экстренные и решительные меры, чтобы остановить врага и стабилизировать положение на правом крыле Южного фронта. Вот вкратце та сложная обстановка, которая вынуждала Военный совет Юго-Западного направления принять решение о прекращении наступления на Харьков.

Приняв это решение, Военный совет рассчитывал быстро перегруппировать войска и, создав мощную группу, остановить и отбросить наступавшего противника.

19 мая, когда группа «Клейст» нанесла тяжелое поражение 9-й армии, прорвала ее оборону и вышла на основные коммуникации

наших войск, главнокомандующий Юго-Западным фронтом отдал приказ о прекращении наступления на Харьков. Ставка это решение утвердила.

Но теперь, в окружении, на барвенковском выступе сложилось крайне тяжелое положение. Здесь пали смертью героев многие замечательные воины. Среди них — командующий 57-й армией генерал-лейтенант К. П. Подлас, заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, командующий 6-й армией генерал-лейтенант А. Я. Городинский, командующий армейской группой генерал-майор Л. В. Бобкин.

В связи с неудачным исходом Харьковской операции войскам Юго-Западного направления в конце мая была поставлена задача прочно закрепиться на занимаемом рубеже и не допустить развития наступления противника из района Харькова на восток.

Загадочнее затишье. Генерал Рябышев. Дивизия на марше. Атака в Ульяновке. Драгоценный трофей. Дивизия живет.

Итак, большая, волнующая надежда, которой в течение всех этих напряженных дней и ночей жили бойцы и офицеры дивизии, надежда, ставшая уверенностью, что мы еще в этих боях освободим наш рабочий Харьков, не оправдалась. Мы видели Харьков с высоток, недавно отбитых у врага, а наша разведка успела побывать на его юго-западной окраине и захватить в домах десяток фашистов.

Харьковчане рассказывали разведчикам, что немецкие чиновники — гестапо, комендатура, полиция — в панике грузили награбленное барахло и готовились к бегству.

Эх, как хотелось нашим воинам перехватить этих прохвостов и воздать, как говорит украинская пословица, «катюзі по заслугі»! Однако Военному совету Юго-Западного направления обстановка была, конечно, виднее, чем штабу дивизии, а мы помнили свой воинский долг — свято выполнять приказы высшего командования.

После ожесточенных боев в районе Ольховатки дивизия заняла оборону на рубеже Комиссарово — Рубленое — Озерное. Мы ждали нового натиска противника, готовые драться за каждый метр земли, однако в течение целых суток фашисты перед фронтом нашей обороны никакой активности не проявляли.

Казалась такой непривычной тишина на переднем крае, лишь изредка прерываемая перестрелкой да гулом вражеского самолета-разведчика.

Впрочем, не только это странное затишье тревожило штабных

офицеров и меня. Борисов пытался связаться с нашими соседями слева и справа, но безуспешно. Вскоре с флангов дивизии доложили, что соседей у нас нет. Как видно, их потеснил ночью противник, а мы, удерживая рубеж, оказались на выступе, в отрыве от фронта.

Что теперь затевало фашистское командование? Быть может, оно скрыто подтягивало силы, чтобы еще раз попытаться подавить нас, если не умением, то числом?

Пользуясь неожиданным перерывом в боях, мы отводили небольшие подразделения в тыл, где солдаты могли почистить оружие, починить обмундирование, постирать портянки, искупаться в пруду. Для них это был праздник: ведь столько дней подряд им привелось жариться под нещадным июньским солнцем, зарываться в землю в открытой степи, ходить в атаки подчас без глотка воды.

И, право, чудо свершалось незамедлительно, в тыл медленно брели измученные, запыленные, апатичные люди, а через три-четыре часа отдыха у пруда к нам словно бы прибывало новое пополнение, воины возвращались в боевые порядки вымытые, выбритые, бодрые, помолодевшие.

Ранним утром 29 июня ко мне прибыл командир 42-го полка Елин, и, лишь взглянув на него, я понял, что у Павла Ивановича есть важные сведения.

Полковник был заметно озадачен: он сообщил, что перед фронтом обороны его полка противник оставил лишь небольшое прикрытие, а основные силы отвел в тыл.

Естественно, у меня сразу же возникло решение: приказать Елину сейчас же перейти всеми силами полка в наступление. По-видимому, именно такого приказа он и ждал, и мне было понятно его нетерпение.

— Подходящий случай, товарищ комдив, — сказал он, — прорваться одним ударом в тылы противника и, двигаясь на восток, громить фашистов сколько угодно.

— Конечно, Павел Иванович, — согласился я, — рейд по тылам врага — дело соблазнительное. Но мы не уточнили положение противника перед фронтом дивизии.

Не ожидая распоряжения, Борисов уже звонил в полки. По его лицу я понял, какие он получил ответы: значительных сил противника поблизости действительно не было.

— Скажите, полковник, — спросил я у Елина, — вы верите, чтобы в такой обстановке фашистское командование вдруг стало отводить войска?

Он покачал головой:

— Уверен, что они заняты перегруппировкой.

— Учтите, ни справа, ни слева соседей у нашей дивизии нет, а самолеты противника сбрасывают бомбы далеко в тылу у нас. Вы понимаете, что это значит?

Он прикусил губу, нахмурил лохматые брови:

— Ясно, что мы находимся в тылу у врага. Что затевают фашисты, тоже ясно: они хотят высвободить силы, окружить нас плотнее и уничтожить.

— Но для этого им нужно время и наше «согласие» ждать?

Елин невесело усмехнулся:

— А сейчас-то мы… ждем?

— Нет, мы не теряем времени. Мы успели привести себя в порядок и уточнить обстановку. Вскоре обещал прибыть наш командарм, генерал-лейтенант Рябышев…

Я не успел закончить фразу, как под окном загудел мотор машины, и генерал Рябышев, запыленный и обветренный, стремительно шагнул через порог.

— Докладывайте обстановку, — он крепко пожал нам руки и устало опустился на табурет. — Похоже, что дивизия оказалась в глубоком тылу противника?

Я доложил генералу, что дела обстояли именно так. Он мельком взглянул на карту и отодвинул ее. В облике его не было и тени растерянности.

— Что ж, на войне всякое случается, — спокойно сказал Рябышев и еле приметно чему-то усмехнулся. — И не наступали, и оказались во вражеском тылу! Да, фашистское командование создало для наступления мощные группировки, и удар немцев с юго-востока оказался для нас неожиданным. А теперь нам придется повернуться всем фронтом с харьковского направления на юго-восток и драться со всей решимостью.

Он резко прошел по комнате из угла в угол, остановился у стола, снял и тут же положил на место трубку телефона.

— Противнику выгоден каждый час нашего бездействия. Расчет понятен: разъединять наши войска, окружать и бить поочередно. Но мы и сами с усами: сейчас же организуем контратаку одним полком, в бой введем 39-й гвардейский стрелковый. В случае удачи — в наступление переходит вся дивизия. Вот перед вами высоты 220,5 и 233,4 — взять их и на случай, если здесь появится противник, оставить небольшое прикрытие. Если противник не появится, создайте небольшой арьергард и поверните строго на восток по тылам немцев.

Он снова усмехнулся краями губ:

— Немцы наверняка подумают, что это подходят свои: вот и лупасьте их и в хвост и в гриву!

Рябышев достал платок, вытер запыленное лицо:

— Быть может, у вас есть другие планы? Вижу, что есть. Слушаю.

— Мне думается, товарищ командующий, — сказал я, — что лучше не контратаковать и не захватывать эти высоты. Зачем нам продвигаться в расположение противника, если мы и так в глубоком тылу у него? Я предлагаю повернуть полк Самчука на восток, а вместе с ним и вторые эшелоны других полков, оставить небольшое прикрытие и к вечеру ударить по тылам немцев с выходом к своим.

— То есть, не предпринимать немедленной атаки?

— Я думаю, что значительных результатов она все равно не даст.

Командующий задумался. Я понимал его невеселые мысли: армия почти в окружении, ее дивизии разобщены, руководить войсками в этих условиях было, по сути дела, невозможно. Однако и теперь, находясь в расположении врага, Рябышев думал о том, как нанести ему наиболее чувствительные потери.

— Выполняйте мое решение, — сказал он коротко, сухо простился, и через минуту машина умчала его.

Я снял трубку телефона и приказал ввести в бой за высоты 220,5 и 233,4 второй эшелон.

Время летело неуловимо, хозяйские ходики на стене уже пробили двенадцать, и я понимал, что в ближайшие часы могла решиться судьба нашей славной дивизии.

Сейчас это просто сказать: судьба дивизии. А ведь речь шла о тысячах людей, которых бесчисленные испытания фронта сроднили в одну огромную семью, и человек в этой боевой семье ценился по степени отваги, по душевной своей чистоте, по готовности отдать за Родину и жизнь, и кровь по капле. Среди наших воинов было множество раненых, и мы не могли оставлять их в пути. Мы отдавали им лучшее питание, лучшие повозки и машины и все время надежно охраняли их. Бросок по тылу противника, который теперь нам предстояло совершить, это был бы бросок вместе с нашими лазаретами на колесах.

Однако, мысленно планируя операцию, я видел много трудностей, казалось бы, неразрешимых. Если бы мы решились отходить без боя, значит, вдоль проселочной дороги, ведущей на восток, выстроились бы десятки машин, танки, артиллерия, повозки, подразделения частей.

Воздушная разведка противника немедленно заметила бы

движение колонны и подала сигнал своей авиации и танкам. У нас почти не было зенитных средств, кроме счетверенных станковых пулеметов, и нечем было драться против танков противника: четыре орудия да несколько ПТР при массовой танковой атаке противника в счет, конечно, не шли.

Почти весь запас снарядов, патронов, гранат мы израсходовали в предыдущих боях, и бензин не только у шоферов, но и у танкистов был на исходе. Тем не менее, решение командующего оставалось для нас законом, и мы должны были выполнять его.

Я приказал созвать всех штабных офицеров, а пока они собирались, из штаба армии по рации было получено новое распоряжение. Борисов прочитал его вслух:

«Командиру 13-й гвардейской ордена Ленина дивизии. Оставить небольшое прикрытие, пополнить полки первого эшелона и ударом по тылам противника разгромить его наступающие части, захватить выгодный рубеж и удерживать его до темноты».

Я невольно подумал: успел ли генерал-лейтенант Рябышев доехать до штаба? Вероятно, не успел — ведь этим новым распоряжением отменялась атака на высоты 220,5 и 233,4!

Снова зазвонил телефон: комполка Самчук докладывал Борисову, что обе высоты уже взяты с боем.

— Передайте Самчуку: приостановить наступление.

В небольшой комнате крестьянского домика уже собрались офицеры штаба: инженер дивизии Тувский, начальник политотдела Марченко, начальник артиллерии Барбин, начальник оперативного отдела Потапов и другие. Все были сосредоточенны, молчаливы — ни обычной шутки, ни улыбки.

— Получен приказ на отход, — сказал я, понимая, что эта новость уже не была для них неожиданной, — Но приказ необычный, и для его выполнения следует проявить исключительную организованность и оперативность.

Я прочитал приказ, в в комнате как будто стало еще тише.

— Да, — глубоко вздохнул Потапов, — приказывать легко, но выполнять… Выполнять очень трудно!

— Тем более мы приложим всю энергию, чтобы с боями выйти к своим.

После короткого совещания было решено, что при наших ограниченных возможностях мы сможем создать только два усиленных батальона с тремя танками при каждом. Командиры полков должны были направить в эти батальоны лучших воинов-

коммунистов, людей испытанных и волевых. Каждый батальон получал по батарее дивизионной артиллерии и большое количество боеприпасов. Для легко раненных солдат мы оставляли по пять-десять патронов, а у тяжелораненых решили отобрать оружие.

К предвечернему времени боевой порядок дивизии был построен, и небольшая разведывательная группа, которую возглавил начальник нашей разведки Владимир Бакай, двинулась в путь. Надо сказать, что бойцы этой группы отлично знали местность и действовали уверенно.

Вслед за разведкой потянулись на повозках и на машинах полковые тылы; в основном это был наш лазарет на колесах. За обозом с госпитальным имуществом и ранеными шли остатки боевых частей. Штаб со знаменем дивизии двигался за 42-м гвардейским стрелковым полком, а 39-й гвардейский стрелковый полк был, таким образом, прикрывающим.

Два усиленных батальона продвигались параллельно нашей колонне, слева и справа, в направлении движения противника. Даже отсюда, с близкого проселка, они были почти неразличимы в синеве летней ночи.

Уступив машину медсестре и двум раненым солдатам, я шел со штабом 42-го полка, и в эти долгие часы ночного похода меня не покидало чувство удивления. Оно было понятно: в этом раздольном краю мы дрались временами за каждый метр пространства, за каждую высотку и мало-мальски выгодный рубеж, а вот сейчас в расположении противника смело и открыто совершала марш целая дивизия, и никто не вставал на ее пути.

Все же любая смена обстановки на фронте таит в себе возможности неожиданных действий: немцы, конечно, не предполагали, чтобы наша дивизия предприняла этот марш. У тех высот, которые недавно с боем были взяты полком Самчука, гитлеровцы теперь наверняка накапливали силы. А небольшое прикрытие, оставленное Самчуком, уже снялось с позиций и двигалось в нашем арьергарде. Каково будет изумление немцев, когда они увидят на высотах только отстрелянные гильзы да окурки!

Значит, неожиданность теперь была для нас решающим фактором успеха: оценив соотношение сил, мы моглиизбежать боя или навязывать противнику его. Опыт недавних сражений показывал, что гитлеровцы предпочитали воевать днем, а по ночам спали, пьянствовали, объедались трофейной курятиной и свининой, готовили посылки из награбленного имущества. Здесь, в населенных пунктах, отдаленных от передовой, они, пожалуй, чувствовали себя спокойно.

Тем с большей уверенностью думал я о нашей контратаке, которую мы, конечно, должны были предпринять, если бы встретили противника.

Не встретить его было бы чудом: войска противника лишь недавно прошли этой дорогой и находились где-то очень близко от нас.

А ночь была на редкость ясная, тихая, пахнущая спелой рожью, пылью дороги, дыханием томленых трав. По дальнему горизонту временами вспыхивали зарницы, быть может, отблески дальних пожаров, и в зыбком их свете загорались и гасли волны хлебов.

Сколько прошли мы степных дорог от Южного Буга до Северского Донца, и всегда эти бескрайние хлеба, радость родной земли, щедрая награда земледельцу, были для нас неотступным, живым упреком, горечью без меры и границ. Молча шагали солдаты измятыми травами обочин, и сполохи света гневно блестели на стали их касок и штыков.

Я понимал это суровое молчание сердцем: нет, нам было недостаточно выйти из вражеского тыла без потерь. Мы должны были нанести потери противнику, проучить его, чтобы не торопился торжествовать победу, да так проучить, чтобы он запомнил этот урок.

Впереди наших усиленных батальонов шли головные походные заставы. Какой из них доведется первой встретиться с врагом? Усиленным батальоном 42-го гвардейского стрелкового полка командовал мужественный офицер Александр Данилович Харитонов, которого я хорошо знал по прежним боевым делам и верил в его находчивость и отвагу.

По моим расчетам головная походная застава Харитонова уже должна была приблизиться к селу Ульяновка, где наверняка находились войска противника, но никаких донесений от комбата не поступало. Вскоре со стороны Ульяновки донеслась ружейно-пулеметная стрельба. Значит, Харитонов предпринял контратаку.

Только под утро я узнал подробности событий, которые произошли в селе Ульяновка в ту ночь. На окраине села наши разведчики встретили местных ребят, и, с радостью узнав своих, ребята сообщили, что в Ульяновку под вечер прибыли 32 немецкие машины. Двенадцать были заняты солдатами, а на двадцати гитлеровцы доставили какой-то груз. Теперь они отдыхали, расположившись в здании школы и в ближайших к ней домах, а перед школой дежурили три автоматчика.

Харитонов быстро прикинул силы противника: если в каждой машине прибыло 20 фашистов, значит, вместе с офицерами и шоферами их было около трехсот человек. Решение могло быть только одно: внезапная ночная атака.

Сельские ребята сами вызвались проводить бойцов садами и огородами к школе и к автоколонне.

На каждую машину Харитонов выделил по три бойца, а к школе направил отборную группу из разведки. Атака началась через несколько минут, но гитлеровцы, оказывается, не спали. Они открыли из окон школы автоматный огонь и пытались обороняться у автоколонны. Машины были загружены горючим, и оно вспыхнуло при первых разрывах гранат, но нашим бойцам важно было не только разгромить врага, но и спасти бензин — он был теперь для дивизии самым драгоценным из трофеев.

Схватка у автоколонны вскоре перешла в рукопашную, и еще около полубатальона солдат противника перестало существовать. Группу офицеров, укрывшихся в здании школы, наши бойцы добили гранатами. Но отстоять от огня им удалось только три машины, которые и были доставлены в 42-й гвардейский стрелковый полк.

Все же для нас это была большая радость! Теперь мы имели возможность полностью заправить машины артиллерийского полка и противотанкового артиллерийского дивизиона. Значит, несмотря на отрыв от фронта и на все потери в многодневных боях, дивизия жила, еще являла грозную силу, и ей предстояли большие дела.

Печальный путь. Следы зверя. Дашенька. Генерал Горбатов. Встреча с двумя комдивами. Схватка в Нехаевке. Рыжий ефрейтор. Танковая колонна. В лесу.

Степь. Зной. Пыль… Кажется бесконечной наша дорога мимо безмолвных, словно вымерших сел, среди нескошенных нив, изрытых воронками бомб и снарядов.

Мы движемся на восток. Тоскуют родные поля. Уже закончился июнь, и солнце жжет беспощадно. В негромких разговорах солдат все чаще слышится слово «Дон», и в этом слове звучит надежда.

Неужели мы остановимся только на Дону? Впереди еще бескрайние просторы степей, на которых смогли бы уместиться целые европейские государства.

В пути умирают наши раненые. Мы молча хороним их у дороги. Солдаты проходят мимо свежей могилы, и кто-то роняет на нее золотисто-жаркие полевые цветы.

Многих мы не досчитываемся в колонне дивизии. Сегодня 1 июля. Из перелеска вышла небольшая группа усталых бойцов. Это остатки усиленного батальона нашего 34-го гвардейского стрелкового полка. Среди них есть раненые. Батальон был атакован танками противника,

и наши воины сражались до последней гранаты. Те из них, кто уцелел в неравном бою, пробирались мелкими группами на восток в надежде отыскать родную дивизию. Какие испытания ждали их на опасном пути, если в окрестных селах уже расположились гитлеровцы?

С утра нас три раза бомбили вражеские самолеты, и мы не сомневались, что они прилетят снова. Было до боли обидно, что в дивизии нет таких необходимых теперь зенитных орудий, и мы отбивались только групповым огнем.

Однако молчаливая, серая от пыли колонна двигалась размеренно, без малейших задержек и остановок, и когда с высокого пригорка перед нами открылся зеленый хуторок с вербами над овалом пруда, лица солдат заметно просветлели — наконец-то их ждал отдых!

Но чем ближе скрытые в зелени садов строения хуторка, тем отчетливее следы пожаров и разрушений: как видно, здесь уже побывали гитлеровцы. На плотине, у пруда, я еще издали заметил большую пеструю груду тряпья. Над нею тяжело кружил ворон.

Навстречу движению колонны от хуторка мчался во весь опор всадник. Поравнявшись со мной, он вздыбил коня и спрыгнул на землю. Только теперь я узнал командира конной разведки Лукашова. Но таким взволнованным я видел лихого кавалериста впервые: брови его изломились, губы побелели, поднесенная к козырьку рука тряслась.

— Товарищ комдив… — Он задыхался и, казалось, не находил слов. — Они убили всех… Женщины, дети — все убиты.

— Спокойно, Лукашов. Вы были в этом хуторе?

Он с трудом пересилил спазму, стиснувшую горло:

— Так точно, я только оттуда. Это птицеферма колхоза, который здесь же, в шести километрах. Гитлеровцы прибыли сюда вчера утром и пробыли три часа. Они расстреляли все население хутора, а многих прикончили тесаками. Я заходил в дом бригадира: там в люльке лежит грудной ребенок, а в груди у него — нож…

Теперь я понял, что на плотине виднелась не груда тряпья, это были трупы расстрелянных. Я не ошибся. И хотя мне доводилось видеть много смертей, страшная картина расправы, учиненной гитлеровцами над десятком семей хуторка, навсегда, врезалась в память.

Мы не могли напиться здесь воды: единственный колодец был завален трупами расстрелянных. В пруду плавало множество дохлых уток и кур. Как видно, фашистам не понадобилась вся добыча, и часть ее они выбросили в воду.

Я шел единственной пустынной улочкой хутора, охваченный злой и тяжкой думой. Как же могло случиться, что немцы, давшие миру великих мыслителей, поэтов, музыкантов; нация, чью культуру мы, советские люди, с уважением и глубоким интересом изучали с детских лет, что эта нация вдруг осквернила себя, свою историю, свое имя бессмысленными и дикими преступлениями?

Разве крестьянский ребенок в скромной деревянной колыбели представлял какую-то опасность для буйной немецкой солдатни? А ведь возглавляли эту солдатню офицеры, лощеные франты, которых я видывал и в мирное время на парадах, на трибуне для военных атташе в Москве, — они щеголяли изысканностью манер! Как правило, теперь, оказавшись у нас в плену, они говорили о гуманности, эти кровавые псы. Но воины дивизии видели сейчас черные дела оккупантов, и немая, неистовая ярость клокотала в сердцах наших бойцов.

Я присел на скамейку под тенью клена и не заметил в раздумье, как ко мне приблизилась группа солдат.

— Разрешите, товарищ комдив…

Я вздрогнул: передо мной стояли четверо бойцов и старенькая седая женщина. Два бойца бережно поддерживали ее под локти.

— Эта старушка единственная осталась на хуторе, — доложил молоденький боец. — Мы привели ее к вам: она говорит, что хочет видеть главного командира.

Я встал, усадил старушку на скамью, и она вдруг схватила мои руки и, уронив голову, зарыдала. Я сделал знак солдату, и тот снял с пояса флягу, поднес женщине воды. Она пила жадно, не отрываясь, а потом вытерла рукавом глаза, снова судорожно схватила и затрясла мои руки:

— Ты видел, сынок? Ты все видел?.. Они не пожалели даже наших малюток, носили их на штыках!

— Ас чего приключилось, мамаша? Вы расскажите по порядку, а я слово в слово все передам воинам: мы будем беспощадно мстить!

— Слушай, сынок, ты видишь, что земля и небо красные от крови? Это моего сына Федора, дочери Настеньки, маленькой Дарочки, внучки, кровь… И крыльцо нашей хаты в крови: хата сгорела, сожгли анафемы, а кровь так и осталась, ее не тронул огонь…

Старушка временами заговаривалась, и в широко открытых, немигающих глазах ее тенью мелькало безумие.

— Рыжий Ганс… Это он верховодил. Здоровенный, рыжий, как медведь, небритый, в огромных ботинках. Сначала они переловили

всех уток и кур, передушили, порезали, а потом стали отбирать получше. Половину выбросили в ставок. Рыжий ругался и кричал, что он, мол, любит жирную птицу. Потом он стал бродить по хатам, бить стекла и ломать мебель… В домике дедушки Цымбалюка, нашего старого бригадира, рыжий увидел Дашу. Красавица девушка — что очи, что брови, что русая коса! Ганс ее за руку: мол, идем со мной! Дашенька вырвалась, бросилась к двери, а этот рыжий пес успел схватить ее за косу. Дедушка Цымбалюк дома находился — стал на колени, плачет и просит, мол, отпусти внучку, не мучь, не позорь. И другие немцы сюда сбежались: хохочут, хватаются за бока. Дашенька белкой извернулась и зубами в руку этому разбойнику впилась. Взвизгнув, он ударил ее по лицу, а потом ногами стал топтать, тяжкими, огромными ботинками. Все это на дворе случилось, а дедушка Цымбалюк недавно тут цепом рожь молотил. Увидел он, что гибнет его любимая внучка, славная Дашенька-краса, поднялся на ноги, цеп схватил и того рыжего Ганса-собаку прямо по башке. Гад сразу зашелся, посинел, длинные ноги вытянул… а потом и начался погром. Дедушку всего ножами искололи, Дашу подняли на штыки и в колодец сбросили, женщин, детишек — всех до одного порешили. И мне бы теперь на плотине лежать или в колодце, да так случилось, что свет в моих глазах помрачился, и, видно, за мертвую меня приняли, кровососы… Сыночек мой, главный командир, кровь, она голос имеет, она кричит!..

— Мы слышим этот голос, мамаша, — сказал я старушке. — Слышим!

Мы похоронили погибших в братской могиле у пруда, под старыми вербами, задумчиво склонившимися у дороги, и последней почестью им прогремели три ружейных залпа. Я смотрел на лица бойцов — они словно окаменели, и в глазах их уже не было усталости, только всплески ярости, как отражение огня.

…И опять дорога, дорога… Жаркий ветер колышет зрелые колосья. Ворон медленно вырисовывает над нами витую спираль. Сколько же еще мы будем отходить? Этот вопрос я читаю во взглядах солдат, слышу в их голосах, даже в молчании. «Мы будем отходить до приказа, — отвечаю я самому себе. — Да, до приказа. А потом — стоять насмерть!»

Кто-то трясет меня за плечо. Я открываю глаза. Моя лошадка Воронок еле перебирает ногами. Рядом со мной едет командир кавэскадрона Лукашов. Он наклоняется, заглядывает мне в лицо, говорит озабоченно:

— Товарищ комдив, право, вам нужно отдохнуть. Трое суток… ведь вы трое суток не спали!

Ночью в сумрачном полусожженном поселке меня вдруг будит странно знакомый голос. Я вскакиваю с охапки сена, осматриваюсь по сторонам и снова слышу этот неотступный голос, донесшийся с дальнего хуторка:

«…Кровь, она голос имеет, она кричит!»

Вопреки всем усилиям гитлеровцев окружить нас и уничтожить, дивизия вышла из глубокого тыла противника и соединилась со своими войсками.

Однако наш отход не прекращался. С короткими боями отходили наши соседи — 226-я стрелковая дивизия генерала Горбатова, 15-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Василенко, 169-я стрелковая дивизия генерала Рогачевского. Как и у нас, у соседей не хватало ни боеприпасов, ни горючего. А сводки были тягостны и грозны: отходила не только наша 28-я армия, но и 38-я, отходил весь Юго-Западный фронт.

С генерал-майором Александром Васильевичем Горбатовым я встретился случайно в задымленной знойной степи. Он ехал в потрепанной легковой машине, пестрой от пулевых и осколочных пробоин. Неподалеку отсюда, сдерживая натиск мотопехоты противника, вели бой подразделения нашего 42-го гвардейского стрелкового полка.

Генерал узнал меня издали, вышел из машины, помахал рукой. Мы много раз встречались и раньше, и наши войска, постоянно имея локтевую связь, не раз оказывали друг другу боевую поддержку. Я пришпорил коня, осадил его перед машиной, спешился, и мы крепко обнялись. Впервые я заметил на висках генерала седину.

— Не спрашиваю, Александр Ильич, как дела. Знаю, что вы успешно вышли из тыла врага. Это, брат, здорово! Но обстановка на фронте крайне напряженная… Скажи, у тебя найдется хотя бы немного боеприпасов?

— Я сам, Александр Васильевич, хотел у тебя просить…

— А бензин?

— Мы вынуждены уничтожать машины.

Он глубоко вздохнул и засмотрелся на степь, по которой прямо от передовой медленно брело на восток усталое стадо.

— А колхозники все гонят стада. Фашистские летчики ради развлечения расстреливают с воздуха коров, лошадей, овец. Охотятся, дряни, за пастухами. Мне бы сейчас, Александр Ильич, немного

боеприпасов, и мы бы эту назойливую шваль осадили. Так хочется дать им настоящий бой на прощанье…

Я не понял Горбатова и переспросил:

— Почему же… на прощанье? Мы с ними встретимся еще не раз!

Горбатов тряхнул головой, стиснул зубы:

— Ну, это конечно! И еще так будем гнать их, что пыль встанет столбом. А сказал я «на прощанье» потому, что сегодня с дивизией расстаюсь. Во фронт отзывают. Жаль расставаться, крепко я с нею сроднился, может быть, самую горькую пору здесь пережил.

Новость для меня была сверхнеожиданной: я уважал и ценил этого простого, сердечного человека, опытного командира, который личным мужеством, находчивостью и выдержкой заслужил любовь солдат. А выдержку Горбатову приходилось проявлять постоянно: с начала войны мы почти все время дрались против превосходящих сил врага. И столько раз в тяжелой, казалось бы, безвыходной обстановке, лично руководя боем и являя пример полного презрения к опасности, он поднимал на подвиги бойцов!

— Лучше бы ты не сообщал мне, Александр Васильевич, этой «приятной» новости, — сказал я. — Сам понимаешь, не с каждым соседом жаль расставаться.

Он положил мне руку на плечо.

— И все-таки верится, друг: мы встретимся при иных обстоятельствах. А вся эта лавина техники: танки, самолеты, бронетранспортеры, бесчисленные машины врага — все станет грудой металла и пойдет, на переплавку в наши мартены. Я говорю тебе: крепись! Я и себе это говорю, дружище…

Вскоре мы простились. Из-за пригорка в двух километрах от нас, вздымая смерчи пыли, снова выкатились вражеские танки. Они шли развернутым строем, и мне было отчетливо видно, как передовая машина замерла над овражком, попятилась и задымилась.

— Молодчина! — сказал я солдату, которого не знал и не мог узнать. — Только одна эта машина — что капля в море!

— Что верно, то верно, товарищ комдив, — неожиданно и совсем близко прозвучал знакомый голос. Я обернулся: передо мной с автоматом в руках, усталый и потный, стоял Борисов.

У меня мелькнула тревожная догадка: быть может, танки противника прорвались к нашему штабу?

— Почему вы здесь? Где штаб?

Борисов смахнул рукавом со лба капли пота, взял под руку автомат.

— Штабным офицерам пришлось отбиваться. Но не беспокойтесь: штаб отошел дальше на восток. Правда, есть раненые, однако это не беда, могло быть и похуже.

Он достал из-под гимнастерки и подал мне аккуратно свернутый лист бумаги. Эго было боевое распоряжение из штаба 28-й армии: командующий приказывал нам занять Колосково и прочно прикрыть направление Лавы — Колосково с задачей не допустить переправы танков противника в районе Дронова.

Бумажка выпала из моих рук, и Борисов тотчас ее поднял.

— Мы этого не сможем сделать, товарищ комдив. Противник бросил против нас целую танковую армаду. Танки вклиниваются в наши боевые порядки, отрезают полк от полка и батальон от батальона. Соседи отходят, и если мы попытаемся закрепиться, уничтожения нам не миновать.

Я невольно еще раз задумался над этой исключительно сложной обстановкой. В составе 28-й армии наша дивизия сражалась около пяти месяцев. Во взаимодействии с другими дивизиями мы успешно наступали и уничтожали отборные силы врага. Бои на подступах к Харькову, у Старого Оскола и Ольховатки стоили гитлеровцам многих тысяч солдат. Танковые соединения противника потерпели в этих боях невосполнимый урон. И всегда решения командующего армией генерал-лейтенанта Рябышева были правильны и дальновидны. Но сейчас он, по-видимому, не знал об истинном положении на поле боя, а дела ухудшались с часу на час: силы дивизии таяли, и не только снаряды, даже патроны были у бойцов на счету.

Авиация противника не давала нам покоя, самолеты гонялись за каждой машиной и за отдельными бойцами. Вражеские парашютисты, выброшенные в нашем тылу, учиняли поджоги и сеяли панику. Танковые колонны гитлеровцев отсекали нам пути отхода и навязывали неравные бои. Право, это было чудо, что наши измученные, израненные бойцы и офицеры находили в себе силы снова и снова отражать яростный натиск врага.

Вместе с Борисовым я возвратился в штаб, и мы избрали новый рубеж обороны. Мне удалось связаться по радио со штабом армии и сообщить о положении дел. А ночью, когда мы вели бой на новом рубеже, из штаба армии поступило распоряжение: дивизии отойти за реку Валуй и сосредоточиться в районе Репный, Ромашково, Кондобарово в резерве армии.

Казалось, теперь нас ждал отдых. Столько месяцев дивизия не выходила из боев! Эти месяцы могли бы вместить в себя многие годы,

и в наших батальонах неспроста знали по фамилиям и по ратным делам ветеранов Киева и Конотопа. А все же сообщение, что мы идем в резерв, звучало странно. Нет, не то было время, чтобы думать об отдыхе, когда вражеские механизированные полчища двигались на Дон!

Но и выполнить этот приказ было непросто. Разобщенные танковыми клиньями противника, наши подразделения шли отдельными направлениями. Управлять в таких условиях войсками стало невозможно. Поэтому связь штаба с частями нам пришлось возложить на кавалерийский эскадрон, в составе которого еще насчитывалось до ста сабель.

Конники Лукашова все были ребята как на подбор: отличные кавалеристы и смельчаки. Одиночные всадники не раз прорывались к нашим подразделениям через цепь вражеской пехоты, уходили от погони танков и автомашин, кружили, будто издеваясь, перед колоннами противника, нарочно вызывали на себя огонь, чтобы командиры полков знали, где движется враг.

Штаб дивизии отходил самостоятельной колонной. Была она невелика и военной техники в излишке не имела: шесть автомашин да шесть пулеметов. С кавэскадроном, разведротой и комендантским взводом колонна насчитывала 250 человек. Однако теперь в поредевшем составе дивизии и мы представляли определенную силу, пожалуй, не меньшую, чем любой наш полк.

Утром 8 июля, отбиваясь огнем зенитных пулеметов от атак одиночных «мессершмиттов», мы вошли в село Нехаевка, что в восемнадцати километрах восточнее Валуек. Здесь уже находились какие-то наши подразделения. Решив, проверить, кто именно остановился в селе, я вошел в ближайший двор, распахнул дверь дома и невольно застыл на пороге: из-за стола навстречу мне одновременно поднялись командир 269-й стрелковой дивизии генерал-майор Рогачевский и полковник Истомин — он командовал 224-й стрелковой дивизией.

Мы поздоровались и некоторое время молчали. В другое время такая встреча была бы большой общей радостью, но к этому дню мы испытали так много огорчений и невзгод, что было не до приветствий. Молчание становилось тягостным, и я спросил:

— Значит, отходим вместе? Если у нас будет хотя бы малая передышка, к вечеру мы создадим боеспособную часть.

Рогачевский наклонил голову.

— Попробуем. Только у меня нет боеприпасов, а с голыми руками

против танков не пойдешь. Как мы еще деремся, и сам удивляюсь, по два, по три патрона на солдата, и все же мы сдерживаем врага.

Истомин встал, встряхнулся, до хруста расправил плечи.

— Ну, кажется, немного отдышался. Я думаю, у нас есть какое-то время, и нужно дать возможность людям искупаться: гимнастерки от соли, как цинковое железо, блестят. Кстати, здесь отличный пруд, чистый и глубокий. Признаться, такое счастье чудилось мне уже несколько дней.

Мы вышли из домика, миновали вишневый сад, и перед нами сквозь осоку заплескался широкий, весь в бликах солнца, простор водохранилища. Солдаты бежали к воде, на бегу сбрасывая гимнастерки; торопливо ковыляли раненые, кто-то бултыхнулся с берега в нижнем белье — впервые за эти дни я слышал крики радости.

— Передайте по колонне, — сказал я связному, — пусть бойцы и офицеры группами, поочередно идут к пруду.

Боец с веселым криком бросился через сад, а я присел на корень вербы и стал раздеваться. Но едва я снял гимнастерку, как с берега послышался заливистый свист, условный сигнал наших конников. Прямо над кручей всадник вздыбил коня, метнулся через широкую канаву, проскользнул под низкими ветвями вербы и спрыгнул передо мной на землю. Это был вездесущий Алексей Григорьевич Лукашов. Тяжело переводя дыхание, он доложил:

— Немецкая мотоколонна входит головой на северную окраину Нехаевки!

Я быстро набросил гимнастерку.

— Сколько машин?

— Около тридцати. Все машины крытые. Есть ли в них солдаты противника, установить не удалось.

— Сейчас же передайте приказ командиру комендантского взвода старшему лейтенанту Бирюкову: выставить автомашины с зенитными пулеметами вдоль улицы и встретить колонну противника огнем. Разведроте прикрыть наш отход из Нехаевки.

Лукашов лихо вскочил на коня и ринулся прямо в густую листву сада. Этот мой короткий разговор с командиром кавэскадрона слышали два-три бойца, и мне не пришлось подавать команду, — в течение минуты все были на берегу, наспех одевались, подхватывали винтовки и бежали в свои подразделения. Возвращаясь из сада, я расслышал где-то неподалеку зычный голос Истомина.

Через минуту я увидел полковника на углу дома — он сам устанавливал станковый пулемет, а солдат, припав на колено, уже

разматывал ленту.

Бой грянул тотчас же — я еще не успел миновать дом, как по деревьям, по стенам, по заборам зачиркали пули, зазвенели разбитые стекла, коротко загремели разрывы гранат.

Я выбежал в соседний переулок и увидел немецкую автоколонну: передние машины уже были охвачены огнем и дымом, из-под их брезентовых покрытий беспорядочно вываливались солдаты. Некоторые из них неподвижно лежали на земле, другие ползли, третьи, прячась за машинами, строчили из автоматов.

Скорее инстинктивно, чем намеренно, я выхватил пистолет. Теперь мне было ясно: немцев здесь не менее батальона. Отлично вооруженные, они, по-видимому, перебрасывались на какой-то близкий отсюда участок фронта и были в боевой готовности. Все же такая встреча в Нехаевке для них была неожиданной: пока они пытались занять круговую оборону, их нещадно косили наши пулеметчики.

Нельзя сказать, чтобы в увлечении неожиданным боем я утратил всякую осмотрительность. Но, как видно, в такие минуты всего не заметишь и не учтешь. Передо мной у перекошенного забора зашевелился бурьян, и здоровенный ефрейтор, рыжий и скуластый, стремительно поднявшись с земли, вскинул автомат.

Удивительно запоминаются эти напряженные секунды, неуловимо быстрые и в то же время четкие, холодно-ясные и неповторимые. Теперь все зависело лишь от того, кто первый из нас сделает движение и успеет выстрелить. По выражению скуластого, небритого лица мне было понятно состояние здоровяка-ефрейтора. Он был зол и рад: еще бы, перед ним был советский полковник, а такая добыча сулила многое. Впрочем, я не собирался становиться добычей и первый выстрелил. Пуля сразила его наповал, и я тут же подхватил немецкий автомат. Нужно было отходить, но как же отказать себе в соблазне выпустить очередь по фашистам у машин, тем более, что они находились так близко!

Патроны в моем трофейном автомате вскоре кончились, и я выбросил его. У ефрейтора оказались две гранаты, я взял их на всякий случай.

Кто-то мелькнул за углом сарая, показался и спрятался, и я приготовил гранату. В селе еще яростнее громыхал бой, и уже горели три или четыре дома. А тот, кто прятался за сараем, вдруг назвал меня по имени. Я узнал голос: Лукашов! Опять наш вездесущий наездник разыскал меня, даже в бою.

— Скорее, товарищ комдив, — торопил он, — ваша лошадь за этой усадьбой!

Наша колонна успела выйти из села и остановилась в лесу, на раздорожье. Мы догнали ее через несколько минут. Ко мне подбежал комиссар Зубков и передал донесение разведчиков. Они сообщили, что из соседнего села Большие Липяги движется на запад смешанная колонна — танки и бронетранспортеры, всего два десятка машин.

Сообщение было неожиданным и радостным, — по тону Зубкова я понял, что это наши машины.

— Отлично, комиссар! Мы немедленно свяжемся сними, и они помогут нам добить бандитов, что очутились в Нехаевке.

Однако у меня тут же мелькнуло сомнение:

— А вдруг, комиссар, наши разведчики ошиблись? Вдруг это немецкая танковая колонна?

Он усмехнулся, покачал головой:

— Разведчики точно установили: танки наши!

— Все равно мы задержимся в лесу. Нужно еще раз уточнить, что это за колонна? Если мы рискнем выйти из леса, возможно, это будет наш последний риск.

Комиссар, казалось, был огорчен. Впрочем, конник, примчавшийся из Нехаевки, принес приятную весть: немцы удирали из села на уцелевших машинах, удирали, даже не подобрав раненых. Значит, крепким орешком оказались для фашистов штабы наших трех дивизий! И снова у меня мелькнула мысль, что, возможно, танковая колонна, замеченная нашими разведчиками, шла на помощь гитлеровцам, атакованным нами в Нехаевке. Ее могли вызвать по рации, и теперь она спешила нанести удар.

Я сообщил Зубкову, Борисову, Барбину и другим офицерам штаба направление нашего отхода в район села Вейделевки, на случай, если танки окажутся немецкими, а их атаке, это было ясно, мы не могли противостоять.

Как много может стоить ошибка разведчиков! Об этом я подумал через минуту, когда начальник оперативного отделения капитан Потапов доложил, что танки действительно оказались фашистскими. В этом теперь не приходилось сомневаться: колонна развертывалась перед лесом и принимала боевой порядок.

Минута — время почти незаметное, а сейчас нам была дорога каждая секунда. Как было условлено, Борисов возглавил разведроту и комендантский взвод: они погрузились на машины и двинулись на виду у противника своим маршрутом на восток.

Пять вражеских танков сразу же повернули за ними и открыли огонь. Но машины Борисова вскоре скрылись за пригорком.

Офицер оперативного отделения Колесник возглавил вторую, пешую группу. Сборы тоже были недолги: через две-три минуты поляна опустела.

Со мной остались только конники — два десятка бойцов и офицеров. Мы отходили последними; танки противника уже громыхали на опушке леса; ломаясь, трещал молодой дубняк; снаряд срезал над нами вершину сосны, и она, качаясь, повисла над нашей тропинкой.

Так и штабная колонна оказалась разделенной на три группы, и мы теперь ничего не знали ни о судьбе отряда Борисова, ни о Колеснике и его бойцах.

Время было за полдень, а в лесу стоял сумрак, и чем дальше в чащу, тем гуще кустарник и неприметней тропа.

Кратчайший путь к излучине Дона теперь помогла нам избрать единственная карта, которая сохранилась у Сергея Зубкова. Он берег ее как память: с нею в минувшем, 1941 году он выходил из окружения в Белоруссии. Старая карта как нельзя больше пригодилась. Дон был уже близко, но мы не знали, что и на этом небольшом отрезке пути нас ожидали новые опасности и невзгоды.

В глубине леса мы сделали передышку у ручья. Вода в нем была густая и красная. Мы пили эту густую, терпкую воду, и она запекалась на губах, как кровь.

Степь Донская… Солдатские думы. Сноватанки. Гаврюша-герой. Встреча в степи. Трудная переправа. Рядовой Калугин. Гвардейцы собираются. Город у Волги. Мамаевкурган.

Лес оборвался резко, и на опушке мы придержали коней. Впереди лежала пустынная степь, иссеченная балками, заиленными колдобинами, глинистыми оврагами. Вокруг только марево зноя над блеклыми травами, над бронзовыми хлебами — спокойный и мирный придонской пейзаж.

Был пятый час дня, и все мы очень устали: как-то не верилось, что еще сегодня мы подходили к Нехаевке, отбивались от «мессеров», провели бой с вражеской автоколонной, ускользнули из ловушки, которую готовил нам противник, бросив к Нехаевке танки.

Сверившись с картой, Зубков сказал:

— Движемся, братцы, точно по маршруту. Сейчас мы в шести километрах от Западной Вейделевки. Если там нет противника — подкрепимся и вскоре будем на Дону.

Кто-то из офицеров заметил, что танковая колонна противника, возможно, двинулась в обход леса и, в таком случае, обязательно будет в Западной Вейделевке.

Я думал об отряде Борисова — где он сейчас? Где штабные группы Истомина и Рогачевского? На этот участок фронта немцы, по-видимому, бросили очень много мотопехоты, самолетов и танков; вот и теперь, едва мы выбрались на опушку, над нами на малой высоте пронесся «мессершмитт». Заметил ли он нас? Если заметил, конечно, сообщит танкистам. Ну что ж, в этой степи было достаточно оврагов, через которые танкам не пройти. Я кивнул товарищам:

— Трогай…

Усталые кони заметно оживились в раздолье степи и поминутно тянулись к желтым соцветиям буркуна. Мы ехали не спеша, давая лошадям перехватить то пырея на кромках оврагов, то сладких стеблей буркуна, поили их у черных колдобин.

Есть особая прелесть в Донской степи, в цветущих, тронутых маревом просторах: с высоток на все четыре стороны открывается величественный край, как будто созданный для богатырей, для удали и силы. Этому привольному краю не впервые видеть грозные военные походы, бег конницы, пыльные вихри атак. Но кто из нас могподумать, что наши ратные пути пролягут в этих извечно русских, овеянных славой степях?

Комиссар ехал рядом со мной, он был задумчив и грустен. Пот черной струйкой стекал по его запыленной щеке, на губах запеклась ломкая корка. Вороной конь его прихрамывал, видимо, засек ногу, и Сергей Николаевич (он не был кавалеристом) неловко раскачивался в седле.

— Так вот и кланяюсь все время степи, — сказал он с невеселой усмешкой. — Что, Александр Ильич, думаешь: остановимся на Дону?

— Думаю, что дальше отходить нам некуда.

— Значит, должно свершиться чудо: мы сдержим всю эту механизированную махину, отбросим ее и двинемся на запад?

— Очевидно, где-то произойдет решающее сражение.

Он оживился:

— Верно! Оно обязательно должно произойти. И это будет битва, какой еще не знала военная история: битва тысяч танков, орудий, пулеметов, самолетов, и в ней будут участвовать сотни тысяч людей.

— Сейчас мы можем только гадать об этом, Сергей Николаевич. Сила страны — невообразимая силища — стиснута до отказа, как пружина. И когда она распрямится, будет изумлен весь мир.

Он встряхнул головой:

— Я запомню твои слова. Уверен, так думают и многие солдаты. А те, которым не до анализа мировой обстановки, сердцем чуют, что близится желанный час. Чутье солдата — это, брат, замечательный барометр! Сколько мы отступали и сколько тяжких страданий перенесли, а солдат верит в победу, верит непоколебимо, как в то, что будет утро, а потом настанет день. Значит, сильна Советская власть — она в крови у народа, и нету сил, способных уничтожить ее или покорить.

А в группе солдат, ехавшей вслед за нами, шел разговор о том, что наболело, что каждый день поминали соленым словом и в боях, и на отдыхе, — шел разговор о втором фронте.

Пожилой солдат, чубатый и рыжеусый, говорил:

— Я бы этому господину Черчиллю соли на хвост не сыпал, — кислоты ему, трепачу, плеснул бы! Эх, братцы, доведись мне с ним встретиться…

Кто-то приглушенно хохотнул и спросил деловито:

— И что ты ему сказал бы?

— Не торгуй, сказал бы, правдою — больше выгоды будет!

Молоденький бойкий солдатик заговорил запальчиво:

— Ты к совести его, Гаврюша, не стучись: там, где у другого совесть, — у него хитрость. Да и американские дружки только похваляются, а хвастать — не косить, спина не болит. Ты кровью исходишь, чтобы общее дело боронить, а дружки-американцы банки с тушенкой подсчитывают. Наши им жизни, брат, нипочем, они еще за каждый кусок колбасы тройную плату потребуют!

— Зато Черчилль их куда как хвалит…

— В хваленой капусте много гнилых кочанов! Дело-то ведь ясное — за нашей спиной стакнулись: мол, пускай Иван кровью своей землю удобряет, а мы, толстосумы, урожай придем собирать. В общем-то, братцы, верно пословица говорит, что змея меняет шкуру — не меняет натуру.

Сергей Николаевич тихонько смеялся:

— А наши ребята, пожалуй, могли бы написать американцам да англичанам крепкое письмецо! Право, если бы от меня зависело, я разрешил бы.

Увлеченные разговором, мы миновали голые, выжженные высотки,

и впереди, в двух километрах, уже виднелись в зелени садов белые домики Западной Вейделевки. Почуяв жилье, лошади пошли живее, но где-то близко, словно под нами, под землей, вдруг зародился смутный, прерывистый гул…

Сначала я подумал: самолеты. Нет. Небо было чистое от края и до края, а гул нарастал все отчетливей. Привстав на стременах, я оглянулся: над склоном высотки, что была от нас метрах в двухстах, взлетели пыльные смерчи. Танки!

Я обернулся к отряду:

— Врассыпную!.. Обойти Западную Вейделевку и держать направление на Нововаславль…

Три танка одновременно выметнулись из-за склона и, идя на предельных скоростях, сразу же открыли пулеметный огонь. Замысел танкистов был ясен каждому — подавить нас гусеницами и расстрелять из пулеметов. И они легко расправились бы с нашей малочисленной, почти безоружной группой, если бы… Теперь я подумал об этом, как о редкостном счастье, — если бы не такая — изрезанная оврагами — степь…

Команду повторять не приходилось,— конница рассыпалась по степи во все стороны; мой Воронок, чуя опасность, птицей пронесся над яругой, перелетел через кусты терновника, промчался по зарослям бурьяна. Зубков оказался несколько впереди меня, но его конь вдруг шарахнулся в сторону, покачнулся и рухнул наземь. Комиссар успел спрыгнуть в самую последнюю секунду. Воронок промчался дальше, и я с трудом удержал его над обрывом оврага, черно распахнутым в зарослях трав.

«Возвратиться к Сергею Николаевичу… Успею ли?..» Ревя моторами, три танка метались по степи, и от ливня пуль, как от бурана, в воздухе вихрилась сбитая трава.

Я видел, как падали наши бойцы, как падали и пытались встать, и бились в последних конвульсиях лошади. Чубатый рыжеусый солдат, тот самый, что недавно вел беседу о втором фронте, встал из бурьяна, глядя на своего сраженного коня. Я успел ему крикнуть:

— Близко овраг… Поторопись!

Оглянувшись, я увидел в его руках гранаты. Да, удивительно запоминаются подробности этих считанных секунд. Гранаты солдат держал на уровне груди, а вокруг вихрилась трава, и было в его облике, в плечистой фигуре, освещенной предзакатным солнцем, невозмутимое, деловитое спокойствие.

Будто в кино, этот кадр сменился другим: комиссар Зубков

приподнялся из буркуна, махнул мне рукой, размазал на потном лице полоску пыли:

— Уходи, Александр Ильич… Успеешь!

— Не ранен?

— Нет… но уходи!

— Вот что: не мудри. Берись за луку и становись на стремя. До обрыва сотня метров — дотянем!

Трудно было комиссару, не имея опыта джигитовки, сунуть в стремя ногу, удержаться за луку седла, но теперь нам было не до образцов кавалерийского искусства. Послушный Воронок будто понимал, что нам все равно не расстаться, и пошел мягкой рысью, осторожно неся двоих.

Я спешился у самого обрыва. Пулеметная очередь просвистела над нами, как ветер. Комиссар сделал шаг и покатился по глинистому откосу. Умный конь отпрыгнул в сторону, пробежал вдоль оврага, отыскал понадежнее склон и легко сбежал на каменистое русло. Я задержался на кромке лишь на какие-то секунды. Где-то оченьблизко дважды грянули гранаты. Надрывно взвыл танковый мотор. Снова залился длинной очередью пулемет.

Я понял: чубатый солдат сделал свое дело — он бросился с гранатами под танк.

Уже вечерело, и вражеские танкисты прекратили преследование. Кто-то из бойцов доложил, что один вражеский танк подбит.

— Если они попытаются взять его на буксир, — сказал я солдату, — отличная минута, чтобы перебить этих псов! Передай бойцам: человек пять — ко мне.

Он козырнул — «Есть!» — и бросился вниз по оврагу. Комиссар отчаянно карабкался по крутизне откоса, ухватился за корень, приподнялся, выглянул в степь.

— Нет, Александр Ильич, эти прохвосты осторожны. Они подобрали экипаж, а машину бросили. Вон как торопятся!

Мы выбрались из оврага и подошли к покинутому танку. Он был совершенно цел, и только оборванная гусеница валялась в сторонке, в бурьяне. А из-под машины высунулась и застыла темная, жилистая рука. На пальце блестело золотое колечко…

— Гаврюша… — тихо произнес кто-то из солдат. — Так ты, сердечный, до батюшки Дона и не дошел!

Мы собрали в степи убитых товарищей и похоронили их на высотке. Солнце уже зашло, и в небе медленно гасли густые багровые отблески заката. За черной извилиной оврага, густо чадя, горел

фашистский танк. Сняв фуражки, солдаты молча стояли у свежего холмика земли, и великое безмолвие степи было как клятва сердца, которой не нужно ни вздохов, ни слов.

А жизнь, безграничная, неумирающая, удивительная жизнь, оказывается, припасла нам и радости. Из ложбин, из буераков к нашей маленькой группе конников присоединилось шестеро, десять… двадцать кавалеристов! Это был уже отряд!

Я подсчитал наше оружие: пять автоматов, девять винтовок, четыре пистолета и два нагана, три гранаты. Подсчитал даже патроны: их оказалось около сотни. Что ж, все-таки мы не с голыми руками. Кончатся патроны — вытащим сабли, в случае встречи с разведкой противника мы ему еще покажем кузькину мать!

Право, с того часа нам везло. В Нововаславле войск противника не оказалось. И хотя в первом окраинном домике нам долго не открывали, но когда услышали русскую речь, с криками радости распахнули двери. Старик-хозяин, кряжистый донской казак, с рубленым шрамом от виска до подбородка, в длинной белой рубахе, босой, вскинул руки и крепко обнял на пороге бойца:

— Сынки мои родные… Все вижу, не спрашиваю, сам воевал…

Он бросился к соседям, и окна домов сразу же засветились. Казачки несли нам хлеб, кувшины с молоком, тащили корзины яиц и вишен. А пятеро молодых казаков уже седлали коней; у них, у степняков, нашлись самодельные седла; наскоро прощались они с родными и спрашивали у бойцов оружие. Никто из них не просил, мол, возьмите с собой: они знали свое место в строю, и позже я ставил их в пример, этих лихих рубак и наездников. Мы смыли с себя степную пыль, покормили коней, подкрепились и за полночь двинулись в дальнейший путь в надежде встретиться с двумя другими нашими группами.

А на рассвете, когда вдали меж взгорками узкой стальной полоской блеснул и засветился Дон, наш разведчик, примчавшийся во весь опор, крикнул:

— Впереди мотоколонна… Они принимают боевой порядок!

— Есть танки?

— Только машины. Они укрылись за высоткой.

Я оглянулся на степь: здесь простиралась гладкая, слегка всхолмленная равнина, выбитая скотом «толока», где ни укрыться, ни залечь.

Солнце уже выкатывалось из-за дальнего леса, и отсюда, с проселка, мне было видно, как, развернувшись цепью, без единого

выстрела, явно рассчитывая на внезапность атаки, бежало, залегало, снова поднималось немногочисленное войско, стремясь охватить нас с флангов.

— Отличная выучка, — где-то близко шепнул Зубков. — Вишь, как идут, черти!..

— Мы принимаем бой, — сказал я комиссару. — Их не более полусотни.

И обернулся к отряду:

— Внимание… Атака на левый фланг врага!

Блеснули сабли, вскинулись винтовки, — три десяткаконников грянули «ура!», и, уже пуская Воронка на полный полевой галоп, я с горечью подумал, что в такие атаки, почти без оружия, только с пистолетом в руке, мне еще никогда не доводилось ходить.

Но на левом фланге противника, с которым мы быстро сближались, произошло что-то непонятное. Солдаты вскакивали с земли, прыгали и размахивали руками. По-прежнему ни единого выстрела не раздалось из цепи. Нет, я не поверил своему слуху: оттуда, со стороны противника, несся ликующий крик. А потом я расслышал голос комиссара:

— Наши!.. Ей-богу, наши!.. Отряд Борисова… Ну, счастье, Александр Ильич!

А конники и пехота уже смешались, и знакомые воины висли на стременах наших кавалеристов, смеялись, кричали, плакали от счастья, а мне в ту минуту невольно подумалось, что никогда еще такого завершения атаки не видывала эта донская степь.

Я спрыгнул с коня и сразу же очутился в могучих объятиях Борисова.

— Ну, кто ожидал, товарищ комдив?! Атака… Последняя атака! Мы дорого решили отдать свою жизнь и каждый патрон берегли до сближения, чтобы без промаха… наверняка!

Другой, черный от пыли здоровяк, жадно схватил мои руки:

— Ну, едят те мухи, чудеса! Штаб дивизии жив… Даже в полном порядке. Значит, жива дивизия, Александр Ильич!.. Всем чертям наперекор жива!

Это был полковник Барбин.

…Все переправы на Дону были уничтожены авиацией противника. Эскадрильи вражеских самолетов непрерывно висели над рекой. Одиночные бойцы переправлялись на бревнах, на бочках, на резиновых камерах, на кое-как связанных плотиках. Эти жалкие плотики непрерывно курсировали от берега к берегу, перевозя оружие

и раненых, а на одном я заметил даже противотанковое орудие.

У противоположного берега несуразный паромчик перевернулся, но солдаты вытащили орудие на руках.

Южнее станицы Мигулинской нашим саперам все же удалось соорудить паромную переправу. Паром был невелик, лишь на одну машину, но наша колонна сразу же двинулась к переправе. Неизменный весельчак Барбин покрикивал на шоферов:

— Не спеши, коза: все волки твои будут! Да не создавайте вы, братцы, толкучки на берегу — не будь тороплив, а будь расторопен!

Восемь наших машин с продовольствием и четырьмя десятками раненых бойцов успели достичь противоположного берега, когда неподалеку, на высотке, загромыхали танки врага. Вокруг парома закипела, забурлила вода, высокая волна плеснула под колеса машины. Шофер и два солдата бросились к берегу вплавь, а фашисты принялись поливать их из пулеметов. Эти трое ребят были отличные пловцы, и можно было поверить в их особое счастье — они, как говорится, вышли из воды сухими, без единой царапины, хотя над ними пронесся шквал пулеметного огня.

Да, вопреки всем невзгодам мы испытывали в этот трудный день и радость. После того как минувшим вечером наш отряд соединился с колонной Борисова, в которой не было никаких потерь, а потом, уже на подходе к Дону, к нам примкнула и пешая группа Колесника, снова, без оглядки на пережитое, верилось в удачу, и она временами улыбалась нам.

Разве не радость для командира — находчивость и сноровка бойца, который вдруг, в самую нужную минуту находит выход из положения, и ему за это, право, следовало бы тут же — самый высокий орден на грудь. Рядовой Калугин из нашей автороты, скромный, неприметный солдат, обеспечил переправу трех десятков машин. Где разыскал он в камышах затопленную моторную лодку? Как смог один вытащить огромную лодку на берег, откачать воду, выбросить ил, исправить мотор, и все это в течение каких-то суток?

Пятнадцать машин нашей дивизии были переправлены на левый берег дотемна, а ночью Калугин перевез и штабные машины 169-й стрелковой дивизии генерала Рогачевского!

Еще одна радость: начальник связи дивизии Костюрин соединил меня по телефону с командующим 28-й армией генералом Крюченкиным, Это было событие! Если есть командующий армией, значит, он держит связь со штабом фронта. Значит, есть и готовится к сражениям новый, у города на Волге, фронт!

А генерал Крюченкин говорил со мной спокойно и деловито, словно уже твердо знал неприступный рубеж нашей обороны.

— Основная задача, — сказал он, — как можно быстрее переправить людей и материальную часть на восточный берег Дона. Ваша дивизия, товарищ Родимцев, выводится в резерв и сосредоточивается в районе Четвершанки и хутора Ленинского. Собирайте людей, приводите все в порядок. Этой ночью ваша колонна будет переправляться у станицы Вешенской вслед за автомашинами штаба армии…

Через час я уже был в своей колонне. Заметно приободренный, Борисов сообщил мне, что на левый берег с войсками соседних частей переправилось около сотни наших солдат и офицеров, а с ними и семь машин.

— Дня три-четыре, товарищ командир, — и наши гвардейцы все соберутся!

— Отлично, Владимир Александрович! Как видно, тринадцатой нашей в огне не гореть, в воде не тонуть, жить и сражаться! Но я запомню названный тобой срок: три дня. Как только перейдем на левый берег, всех офицеров штаба и политотдела — на поиски людей.

Мне и сейчас приятно назвать эту цифру: через два дня, когда мы уже находились на восточном берегу Дона, верный своей пунктуальности Борисов доложил:

— Собрано 666 бойцов и офицеров, 162 винтовки, 26 автоматов, 5 станковых пулеметов, 11 ручных пулеметов, 3 орудия, 199 противотанковых ружей и 53 автомашины.

Я знал, что это были в большинстве своем тылы полков и дивизии. Боевые части, а с ними и командование полков, неожиданно сталкиваясь с противником, еще сражались на западном берегу Дона. И верилось, крепко верилось, что они еще придут. И мы не ошиблись в своей уверенности.

От переправ, из полевых лазаретов, из тылов врага, чудом прорвавшись через его боевые порядки и переплыв Дон, бесчисленными ручейками под гвардейское знамя дивизии стекались ее живые силы — ветераны битв за Киев и Харьков и героического степного похода к этим последним рубежам.

…Итак, целый день настоящего, спокойного отдыха в безмятежно-тихом хуторке. Непривычны и тишина, и чистая постель, и заботливо поданный обед, и даже салфетки на столе…

Конечно, мы знаем, что это ненадолго — и ясное небо над нами, и яркие гвоздики за окном. Пожалуй, утомительное занятие сидеть три

часа у окошка, смотреть на бегущие облака и время от времени говорить самому себе: я отдыхаю…

Но вот у самого домика загудела машина. Я выглянул в окно. Право, еще одно чудо: у ворот остановилась моя «эмка»! Я не видел ее после боев у Харькова, да и не надеялся увидеть. Молодцы наши водители: не бросили машину — привели!

Я вышел из дома и, словно живое существо, долго осматривал потрепанную «эмку», и каждая пробоина, каждый шрам на ее кузове, на дверцах, на багажнике, на капоте были для меня как памятные записи.

Бравый молодой водитель докладывал с гордостью:

— Машина — что надо, товарищ комдив! Мотор и ходовая часть в самом благополучном состоянии. А что касается пулевых и осколочных пробоин…

— Сколько их, вы посчитали?

— Ровно сто двадцать две, товарищ комдив!

И все же эта избитая, изрешеченная пулями машина была мне сейчас дороже любой другой.

— Приготовьтесь к поездке в город, — сказал я водителю, — выезжаем в девятнадцать часов.

…Сталинград — легендарная твердыня обороны революции в решающий год гражданской войны. Он показался нам шумным, цветистым, праздничным. Быть может, мы успели отвыкнуть от обстановки мирных городов, а ведь здесь еще не знали ни огневых налетов артиллерии, ни танковых атак.

Ночью, проезжая мимо Мамаева кургана, водитель притормозил машину. Он был из волжан, любил этот огромный город и хотел нам все здесь показать.

Вместе с комиссаром я взошел на вершину кургана. Под синим куполом ночи смутно угадывались контуры дальних строений.

Словно дыхание города, плыл, колебался размеренный гул, светляками вспыхивали и тотчас гасли на дорогах фары машин, где-то неподалеку перекликались паровозы, и с Волги, будто в ответ им, доносились басовитые гудки кораблей.

Не верилось, что фронт уже близко, что движется он неотвратимой лавиной огня и металла и что, возможно, этот чудесный мирный город станет средоточием и решающим перевалом невиданной в истории войны. И кому было знать в тот ясный синий вечер, что нашей тринадцатой гвардейской тоже доведется сражаться за каждый квартал, дом, этаж и за каждый камень этой славной волжской

твердыни, непоколебимо стоять на ее сплошь пропитанной кровью земле, драться непрерывно недели и месяцы и здесь, на Мамаевом кургане, замкнуть на плен или гибель бесчисленное множество фашистских вояк!

Но мы не знали своей судьбы. Мы стояли и смотрели на притихший город и, я был уверен в этом, оба думали об одном — о жизни и смерти. Тот, кто сражался за Родину и не раз смотрел опасности в глаза, знает, как проста и ясна эта дума солдата-коммуниста: умереть ради Родины — значит жить. И нет никакого предела желанию победы. Нет личного. Есть только Родина, Партия, Долг.

Так, еще не зная своей судьбы, мы стояли в тот вечер на главном рубеже войны. Время великой битвы на Волге приближалось.

Дорогие письма. Страницы великой битвы. Мы готовимся к наступлению.

Едва лишь главы этих воспоминаний были опубликованы в периодической печати, как почтальону дома, в котором я живу, добавилось беспокойства.

Письма шли потоком, подчас из таких уголков страны, что мне с трудом удавалось отыскивать их на подробной карте.

Мне дороги эти письма друзей-однополчан, воинов 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады, 13-й гвардейской дивизии, 32-го гвардейского стрелкового корпуса, которым я командовал на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Я понимаю, что не мое умение рассказывать побудило их взяться за перо, — я мало озабочен эффектами стиля или сюжета — в пережитом меня привлекает живая, нередко трагическая, поучительная и героическая правда жизни, записанная кровью и датами наших великих побед.

А друзья-однополчане хотели бы дополнить мою книгу своими воспоминаниями, именами героев, о которых, ввиду обилия материала, я не упомянул, боевыми эпизодами и примерами высокой воинской отваги наших бойцов и офицеров, которые мною не были забыты. Я тоже сожалею, что на страницах одной книги нет возможности полностью восстановить все памятные события того сурового времени.

Издавна верный правилу не оставлять ни одного письма без ответа, я оказался в затруднительном положении. Как же ответить всем?

Так у меня родилась мысль — распределить письма по сходству

заданных в них вопросов и написать эти заключительные главы.

Участники великой битвы на Волге, битвы, в которой 13-я гвардейская дивизия сражалась на решающих рубежах, спрашивают: почему я обхожу молчанием ратную эпопею волжского города-героя?

Но во вступительной части моих записок сказано, что речь здесь идет о первом, наиболее тяжелом для нас периоде войны, когда наши воины беззаветно сражались за Советскую Украину. Мы отходили, стиснув зубы, всем сердцем веря, что скоро вернемся на просторы родной Украины, что война подошла к своему историческому рубежу и должна окончательно, бесповоротно решиться ее судьба, и решить ее должно было наше оружие.

В обожженном, разрушенном Сталинграде наши воины стояли насмерть. Все пережитое нами до этой поры было лишь прелюдией великой битвы на Волге. Как участник этого величайшего в истории сражения с первого дня его и до полного разгрома гитлеровцев, я считаю своим долгом хотя бы кратко рассказать о дальнейших боевых делах 13-й гвардейской дивизии.

Горечь вынужденного отхода и утрат, дикий произвол и зверства немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории зажгли сердца наших воинов священной ненавистью к врагу. Наша армия и народ слились в единую, неодолимую силу. Подобно исполинской пружине, эта сила сжималась до того момента, когда, обеспечив резервы, снабдив их новым отечественным вооружением, развернув свежие дивизии, Родина сказала: «Ни шагу назад!»

В районе Камышина — Николаевской мы наконец-то получили возможность отдохнуть. И каким непривычным показалось нам это степное затишье после непрерывных бросков, маршей, тревог, встречных боев, бомбежек! Впрочем, мы знали, что эта тишина обманчива: именно здесь, у великой русской реки, уже начинала развертываться невиданная доселе битва.

Дивизия пополнялась свежими силами и вооружением. Напряженно шла боевая учеба. Уже через три недели мы были готовы к выступлению и ждали боевого приказа, но Ставка не торопилась. Было нетрудно понять, что наша армия накапливала силы для решающей операции.

Читателю следует вспомнить военную обстановку того времени, далеко идущие замыслы врага. Фашистское командование было намерено быстро разгромить наши войска на южном крыле советско-германского фронта, захватить Баку с его нефтяными промыслами и

богатейшие сельскохозяйственные районы Дона, Кубани, Северного Кавказа. Гитлеровцы надеялись таким образом обеспечить себе базу для продолжения войны.

Бесноватый фюрер планировал занять твердыню на Волге 25 июля, Саратов — 10 августа, Куйбышев — 15 августа, Арзамас—10 сентября, Баку — 25 сентября 1942 года. Выход немецко-фашистских армий к Волге создал бы угрозу разрыва советского фронта, потери коммуникаций, связывающих центральные районы страны с Кавказом.

По своему стратегическому значению битва на Волге должна была оказать и действительно оказала решающее влияние на исход борьбы сражающихся сторон в 1942–1943 гг.

Готовясь к наступлению на этом участке фронта, гитлеровское командование значительно усилило свои войска. К концу июня здесь находилось свыше трети всех пехотных и кавалерийских дивизий и больше половины танковых и моторизованных частей противника, то есть почти половина всех его войск, выставленных на советско-германском фронте.

Противнику противостояли наши войска Брянского, Юго-Западного, Южного и Северокавказского фронтов. К началу битвы обе воюющие стороны располагали крупными силами и средствами для решающих боев.

28 июня, начав летнее наступление, противник нанес мощные удары на Воронеж и Кантемировку и добился значительных успехов.

В середине июля крупная вражеская группировка вышла в большую излучину Дона, в район, ограниченныйнаселенными пунктами Боковская, Морозовой, Миллерово, Кантемировка.

Над Нижним Поволжьем и Северным Кавказом нависла грозная опасность. В создавшейся обстановке Ставка Верховного Главнокомандования приняла меры для упрочения обороны на подступах к Волге и Северному Кавказу. Для организации отпора врагу в Нижнем Поволжье 12 июля 1942 года был создан новый фронт; его возглавил Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Войска фронта должны были занять и прочно оборонять рубеж по левому берегу Дона от Павловска до Клетской и далее по линии Клетская, Суровикино, Суворовский, Верхне-Курмоярская. Одновременно были развернуты работы по созданию четырех оборонительных, рубежей между Доном и Волгой. Одним из них был обвод, проходящий непосредственно по окраинам города.

Количественное соотношение сил сторон в большой излучине Дона на участке Клетская — Суворовский сложилось в пользу противника.

Лишь авиационные силы врага насчитывали здесь 1200 самолетов.

На первом этапе битвы в оборонительном сражении, которое продолжалось с 17 июля по 18 ноября 1942 года, усилия советских войск были направлены на истощение главной вражеской группировки с тем, чтобы остановить ее наступление и создать благоприятные условия для последующего перехода в контрнаступление.

Последняя встреча с Машенькой. Начало наступления. Горячий денек. Харьковщина — Днепр. Висла — Одер. Знамя над Эльбой. Прага.

В первые месяцы войны, быть может, бои, какие мы теперь вели, показались бы особенно ожесточенными. Но война давно уже стала для нас бытом, и ежедневные атаки, схватки с танками противника, отражение налетов его авиации, овладение важными высотами — все это было лишь вступлением к событиям, которым предстояло здесь разыграться. Это хорошо понимали и наши офицеры, и солдаты.

Полку Андрея Константиновича Щура за последние часы пришлось выдержать особенно сильный натиск вражеских танков. После битвы на Волге его гвардейцы, пожалуй, впервые вступили в единоборство с такой мощной колонной вражеского танкового соединения. А ведь нельзя было забывать, что у Андрея Константиновича сражались не только герои Волжской битвы, но и новички.

Улучив время, я выехал с командного пункта корпуса в этот полк. Противник вел беспокоящий огонь, и два снаряда разорвались неподалеку от нашей машины. Это не нарушило, впрочем, мирного вида полей. Время было за полдень, и на бескрайней долине, меж густой зеленью садов, приветливо белели домики селений, а в деревеньке, через которую мы проезжали, рослые яблони роняли прямо на дорогу золотистые плоды.

За деревенькой, в рощице, мы встретили группу солдат. Они неторопливо шагали по дороге, по-видимому направляясь в тыл. Шофер Андрей Нестеренко остановил машину, и я спросил:

— Какой части?

Бойцы переглянулись, сделали серьезный вид, но никто не ответил. Я вышел из машины.

— Почему же вы молчите? Может, не знаете свою часть?

Из-за нестройной шеренги вдруг выбежала девушка с тяжелой санитарной сумкой через плечо, щелкнула каблуками, четко доложила:

— Товарищ генерал, эти молодые солдаты только что прибыли в

наш дивизион. Они еще не приняли присягу и не получили оружия.

Я узнал Машеньку. Да, это была она, отважная разведчица и санитарка, Машенька из Мышеловки! Резко повернувшись к группе солдат, Машенька заговорила строго:

— Перед вами командир 32-го гвардейского корпуса, генерал Александр Ильич Родимцев, с которым мы вместе прошли от Киева до Волги, шесть месяцев дрались за город-герой, а теперь лупасим фашистов на Ворскле. Тогда мы вынуждены были отходить, а теперь наступаем и не отойдем ни на шаг…

Я прервал ее:

— Погоди, Машенька, разве мы только отходили?

Она порывисто вздохнула:

— Да, товарищ генерал, было такое… Но мы остановили фашистов у Волги, отбросили, побили, бьем и будем бить, пока не очистим землю от этой мрази.

— Похоже, — заметил я, — что тебе поручено провести политзанятия с молодыми бойцами? Дело хорошее, но скажи мне, где находится командный пункт вашего полка?

Она немного смутилась:

— Товарищ генерал, наш помполит говорит, что нужно просвещать солдат при каждой возможности.

Нет, она нисколько не изменилась в суровых испытаниях войны, бойкая Машенька из Мышеловки, разве только повзрослела и стала строже.

— И еще доложу вам, товарищ генерал, что я теперь не в полку, а в артиллерийском дивизионе, которым командует гвардии майор Розанов Иван Григорьевич.

— Ну, хорошо, что сообщила имя и отчество товарища Розанова.

Машенька улыбнулась, довольная похвалой!

— Разрешите, товарищ генерал, чтобы вы не блуждали, я провожу вас к майору Розанову. Это недалеко: машиной минут пятнадцать, а солдаты подождут меня здесь.

— А сколько же ты будешь идти обратно?

— Тоже пятнадцать минут, напрямик, через овраг.

— Хорошо, дочка, — согласился я. — Уговорила… Садись в машину и рассказывай, каковы дела в дивизионе.

Машенька ловко вскочила в машину, присела на заднем сиденье между адъютантом и штабным офицером, указала шоферу на боковую тропу.

— Езжайте прямо по косогору, здесь мы быстро окажемся на

основной дороге. А касательно дел в дивизионе, так скажу вам прямо, товарищ генерал, дела хороши. Недавно мы получили хорошее пополнение: все ребята 19–20 лет, и, сразу видно, отличные будут солдаты. Кроме того, мы получили четыре пушки, совсем новенькие, только с завода. Для нас это был приятный сюрприз!

Я невольно подумал, что другая девушка ее возраста, пожалуй, радовалась бы не таким обновам, а Машенька жила боевыми делами своей части, и вое ее помыслы, все интересы были отданы великой всенародной борьбе.

— Жаль, — продолжала она озабоченно, — что наши новенькие бойцы слабовато знают материальную часть орудий. Однако майор Розанов сказал, что мы их успеем обучить, пока стоим в тылу. Я тоже уверена, что успеем… Но, товарищ водитель, остановите машину. Дальше, к оврагу, вам придется пройти пешком. Майор запретил пропускать машины, чтобы противник не обнаружил наш командный пункт.

Легко и неслышно она выскользнула из машины, сделала четкий поворот к нам, поднесла руку к пилотке:

— Извините, что дальше не сопровождаю. У меня ведь специальное задание товарища майора. Вот, если он увидит меня здесь, пиши пропало.

Я поблагодарил Машеньку, а она еще с минуту стояла «смирно», пока машина не отдалилась метров на сорок. Потом помахала нам рукой:

— Счастливого пути, товарищи.

Через несколько дней я еще дважды встретился с Машенькой из Мышеловки. Это были последние встречи. Воин непоколебимого мужества, ветеран 13-й гвардейской, человек кристально чистой души, через несколько дней она погибла в бою против фашистских танков, успев бросить в них гранату.

Капитан Шевченко сказал шоферу, что на КП дивизиона мы проедем машиной, и сержант Нестеренко уверенно повел наш «виллис» по крутому склону, среди кустарника и пней. Но из кустов перед машиной неожиданно вырос автоматчик и приказал остановиться. Шевченко сошел на землю, объяснил часовому, кто едет и куда. Стройный молодой паренек покачал головой и сказал:

— Машину не пропущу.

Капитан даже озлился:

— Да кто вам дал право задерживать командира корпуса?!

Часовой был спокоен, сдержан:

— Я задерживаю не командира корпуса, а машину. Для немецких разведчиков безразлично, чья это машина. Но если они заметят ее здесь, значит, дело понятное: в овраге кто-то обитает.

Я сошел с «виллиса», подошел к часовому, который хотя и приветствовал меня, как это положено, однако сохранял непреклонное выражение лица.

— Молодец, солдат! — от души сказал я этому славному парню. — Вы правильно несете службу. А капитану придется извиниться перед вами за резкий тон…

Шевченко смущенно улыбнулся и крепко пожал часовому руку.

Майор Розанов был молод, легок в движениях, энергичен и соблюдал безукоризненную выправку. Гладко выбритый, с коротко подстриженными усиками, с белоснежным подворотничком, он, казалось, только что прибыл откуда-то из тыла, где успел хорошо отдохнуть. Но я знал, что в течение двух недель, с 11 по 25 июля, его дивизион непрерывно находился в боях, уничтожил 12 танков, 10 бронемашин и до двухсот фашистских солдат и офицеров.

Тут я невольно подумал, что если бы этого геройского командира изобразили в кинофильме, режиссер обязательно снабдил бы его изорванной пулями, грязной гимнастеркой, бинтами на руке и на голове и уж, конечно, заставил бы выразить на лице каменную непреклонность.

А Розанов был весел, улыбчив, несколько застенчив и без единой царапины, даже без пылинки на гимнастерке! Отлично выглядели и его солдаты — они заслужили эту передышку и теперь чинили обмундирование, ремонтировали тягачи, мылись в овраге у криниц, чистили пушки.

Было отрадно видеть образцовый порядок в дивизионе, порядок не показной, не «для начальства». Розанов не знал, что мы навестим его в этот день. Значит, мы научились воевать, вжились в войну, если этих солдат и офицеров с переднего края хоть сейчас можно было строить для парада.

В полку товарища Щура мне в этот день так и не удалось побывать: Иван Аникеевич Самчук передал, что из штаба 5-й гвардейской армии получено боевое распоряжение. Я поспешил в штаб. Уже темнело, когда мы прибыли на свой командный пункт, через два часа нам предстояло начать наступление с задачей прорвать линию обороны противника и выйти на рубеж Драгунское — Стрелецкое.

Здесь уместно напомнить, что, готовясь к наступлению, войска 5-й гвардейской армии с 26 июля по 1 августа усиленно занимались

боевой подготовкой. Командиры полков и батальонов заранее знали, с каким танковым батальоном или ротой они будут наступать. В составе корпуса действовала 93-я танковая бригада и 154-й самоходно-артиллерийский полк, располагавший 50 танками и 12 самоходно-артиллерийскими установками.

И снова перед 13-й гвардейской была поставлена ответственная задача: ей предстояло наступать на главном направлении корпуса, прорвать первую линию обороны противника, уничтожить его противостоящие части и вклиниться в основную оборонительную полосу.

Итак, в эти напряженные дни все было подчинено основной задаче — прорыву главной полосы обороны гитлеровцев, чтобы сразу же ввести в образовавшуюся брешь 1-ю танковую армию.

Вот почему в ночь с 1 на 2 августа начштаба корпуса Самчук со своими офицерами, командующий артиллерией Барбин со своими артиллеристами, — начальник инженерных войск Тувский, инструкторы и агитаторы политотдела находились в 13-й и 97-й гвардейских дивизиях. Они занимали исходное положение для наступления.

3 августа в 4 часа 30 минут командиры всех степеней сверили свои часы, а еще через 20 минут полковник Барбин спросил разрешения связаться с командирами артиллерийских частей, чтобы подать сигнал к началу артподготовки.

В пять часов утра в небе загудели краснозвездные самолеты, и от залпов артиллерии вздрогнула, закачалась земля. В 7 часов 55 минут наши танки и пехота двинулись в атаку. В первой траншее противника завязался ожесточенный бой. Как и следовало ожидать, наиболее сильное сопротивление противник оказал в полосе наступления 13-й гвардейской дивизии. Здесь гитлеровцы даже попытались контратаковать 34-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал полковник Дмитрий Иванович Панихин. Но, прикрывшись одним батальоном справа, полк продолжал продвигаться вперед.

Отлично действовал его сосед — 39-й гвардейский полк Андрея Константиновича Щура. Одним решительным натиском он сломил ожесточенное сопротивление врага, овладел первой траншеей и после короткого артиллерийского налета завязал бой за вторую позицию.

Тем временем на участке 97-й гвардейской стрелковой дивизии танки и пехота противника двинулись в атаку из Пушкарного, намереваясь вклиниться в наши боевые порядки. Дивизия отбила контратаку и стала развиватьнаступление в направлении населенных

пунктов Степное — Домнин. Наши соседи справа — 23-й гвардейский стрелковый корпус — продвинулись вперед и уже вели бой за Казацкое. Сосед слева — 33-й гвардейский корпус — успел овладеть важным рубежом — Яхонтов, высота 222,7.

Тщательно разработанная операция развивалась строго по плану, и хотя в этой полосе гитлеровцы заранее пристреляли каждый метр пространства, укрываясь за надежными укреплениями и располагая большими силами танков, артиллерии, авиации, — они не могли остановить натиска наших войск.

В первой половине дня 3 августа по решению генерала Катукова 200-я танковая бригада 6-го танкового корпуса и 49-я танковая бригада 8-го механизированного корпуса, действуя на рубеже Новоалександровка — Задельное, обогнали пехоту генерала Бакланова и полковника Анциферова и стали стремительно развивать прорыв.

В 14.30 на рубеже Драгунское — Лог Степной на глубине в 6–7 километров от переднего края обороны гитлеровцев в прорыв вошли главные силы 1-й танковой армии.

Да, это был горячий денек! Еще вчера в своей очередной радиопередаче по фронту гитлеровцы заверяли и клялись, что не отступят с линии своей обороны ни на шаг, что эта линия будет навеки вписана в историю. А сейчас они отползали километр за километром, и поле боя было усеяно их подбитыми орудиями, танками, автомашинами, трупами.

О долгожданный час! Мы не только устояли против мощной группировки противника, мы били его, как говорится, и в хвост и в гриву и не давали ни минуты передышки. Успешно наступала 13-я гвардейская, наступал весь корпус, вся армия, весь фронт.

Уже в первый день наступления войска нашего корпуса, тесно взаимодействуя с частями 1-й танковой армии, прорвали на своем участке фронта сильно укрепленную оборонительную линию противника, разгромили его противостоящие силы и продвинулись от 8 до 14 км.

Героем этого памятного дня снова была 13-я гвардейская дивизия. Она прорвала первую и вторую полосы вражеской обороны, продвинулась на 15 километров, взяла много пленных и трофеи. Свыше 30 исправных орудий, захваченных у врага, 21 миномет, 22 пулемета, 14 противотанковых орудий и два склада с боеприпасами оказались в хозяйских руках. Наши артиллеристы, минометчики, пулеметчики тут же развернули трофейную техникуи, так как боеприпасов к ней было достаточно, ударили по врагу.

Я довольно подробно останавливаюсь на сражениях в районе Обояни потому, что в кампании 1943 года они были для нас серьезным испытанием. Мы имели богатый опыт в организации обороны, в тягчайших условиях осуществляли отход, сохраняя боеспособность, научились драться в уличных боях, искусно строили в осажденном городе опорные пункты и узлы сопротивления.

Но, по сути дела, мы не имели практики в подготовке и организации наступательной операции, да еще такой грандиозной, как эта, с участием огромного количества артиллерии, танков, авиации.

В этот день, 3 августа 1943 года, мы держали суровый экзамен и выдержали его. Правда, противник еще переходил в контратаки и пытался отбить утраченные позиции. На этот участок фронта он дополнительно подтянул значительные танковые силы и большое количество мотопехоты. Теперь мы знали, что перед фронтом корпуса действовало 400 танков дивизии «Адольф Гитлер», до 300 машин танковой дивизии «Райх» и отдельная группа до 100 танков. Но, хотя наше наступление началось при значительном превосходстве противника в танках, нельзя было не видеть, что перед нами уже не те фашистские зазнайки, с которыми мы дрались у Киева, у Конотопа, у Харькова, у Тима, у Щигров. Гитлеровцев словно подменили. Прежнюю браваду и спесь они оставили под Сталинградом, а воинственный выкрик «хайль» заменили растерянным «капут» и при случае стали сдаваться в плен десятками, даже сотнями.

В числе пленных, которых мы захватили под Обоянью, оказались офицеры 19-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Шмидта. Страшась ответственности за злодеяния, учиненные над мирным населением района, этот битый вояка в панике покончил с собой.

В наступлении боевой путь 13-й гвардейской словно бы повторялся. Но теперь мы шли на запад, занимая памятные высоты, рубежи, освобождая села, города. В этих селах и городах люди хранили память о наших воинах, помнили их фамилии, имена. Однако многих ветеранов дивизии уже не было в живых, как и многих наших друзей, что остались за линией фронта.

Сколько волнующих встреч, сколько слез радости и гнева! Сколько рук, жадно протянутых к оружию, сколько просьб — робких, настойчивых, клятвенно-страстных: «Дайте оружие… Возьмите в строй!»

Мы не могли взять столько добровольцев, да и здесь, в тылах, нужны были трудолюбивые руки, чтобы восстанавливать промышленность, сельское хозяйство, разбирать руины, заново

строить города.

Развивая наступление, мы вскоре вышли на земли Харьковщины.

В августе войска корпуса освободили города Золочев, Богодухов, Решетиловку, и в конце сентября севернее Кременчуга перед нами заискрилась, заплескалась широкая стремнина Днепра.

Это был трудный путь с почти непрерывными ожесточенными боями, в которых наши испытанные гвардейцы проявляли массовый героизм, а отдельные примеры их самоотверженности и отваги были поистине легендарны. Однако, чтобы сколько-нибудь полно восстановить события тех дней, следует создать, быть может, не одну волнующую книгу, а я на этих заключительных страницах лишь отвечаю читателям на их вопрос о дальнейшей боевой судьбе нашей 13-й гвардейской.

Больших усилий стоило нам форсирование Днепра, так как мелкие рукава и сыпучие пески левого берега затрудняли подвоз боеприпасов. Владея высотами вдоль Днепра, немецкое командование пыталось любой ценой удержать за собой правый берег. На острове Каска, куда наши подразделения ворвались с ходу, гитлеровцы предприняли десятки контратак, однако были сброшены в реку.

В эти дни над полем боя владычествовала наша артиллерия. Она не давала противнику передышки. Снаряды «катюш» выкорчевывали фашистов из укрытий, из самых глубоких щелей и из самых надежных блиндажей.

Мощные атаки нашей пехоты заставляли врага откатываться все дальше на запад.

Знаменка, Александрия… Кировоград… В этих боях потери гитлеровцев все возрастали. Только в сражении за Кировоград противник потерял 3608 человек убитыми.

Теперь, когда мы приближались к местам, где наша 5-я воздушно-десантная бригада получила первое боевое крещение, ветераны 13-й гвардейской все чаще вспоминали 11 июля 1941 года. Кто из нас мог бы предвидеть, какой огромный путь предстояло нам одолеть и сколько провести сражений, прежде чем мы вернемся в знакомый тихий степной городок!

22 марта 1944 года части нашего корпуса освободили его. До боли памятны были мне эти улицы, площади, сады, здание школы, скамеечки у заборов, где ясными летними вечерами вели нескончаемые, неторопливые беседы старики, где молодежь пела и танцевала. Да, до боли все это было знакомо, а теперь вспоминалось, как сон. Школа разрушена, многие дома сожжены, ветер раскачивал трупы повешенных партизан…

Я выбираю свободные минуты и разыскиваю домик, в котором когда-то размещался штаб бригады. Здания вокруг сожжены, но этот домик уцелел, и в палисаднике по-прежнему зеленели молодые тополя и клены.

Вхожу в палисадник, стучу в филенчатую дверь, но мне никто не откликается. Домик необитаем… Когда я открываю дверь и, миновав коридорчик, вхожу в знакомую комнату, мне уже чудится, будто я отлучался на какие-то часы. Нет, не просто было снова переступить этот порог: к нему привел долгий и трудный путь, и если мы уходили на восток с тоской и горечью в сердце, — теперь мы познали высокую радость наступления, заслуженное торжество побед.

4 августа 1944 года части 32-го гвардейского корпуса вошли в соприкосновение с противником в районе Сандомира. Бои за Висленский плацдарм, как известно, были продолжительными и носили исключительно ожесточенный характер. К моменту прибытия нашей армии на Вислу гитлеровское командование предприняло отчаянную попытку отсечь на левом берегу реки переправившиеся войска 1-го Украинского фронта и восстановить свою оборону. Особую опасность представляла группировка врага, наносившая удар из района Мелец. Для ее разгрома и была введена в бой 5-я гвардейская армия.

Прекратив наступление и не успев произвести перегруппировку сил для защиты своего фланга с востока, гитлеровцы перешли к обороне. Мы знали, что фашистское командование расценивало Вислу как важнейший оборонительный рубеж и потому бросило сюда большое количество танков, бронетранспортеров, артиллерии, штурмовой и бомбардировочной авиации.

То и дело вражеские танки предпринимали контратаки, но их попытки вклиниться в наши боевые порядки разбивались о стойкую оборону. Массированный огонь нашей артиллерии и стрелкового оружия отсекал вражескую пехоту от танков, и гитлеровцы торопились окопаться.

Словно затравленный зверь, исступленно билось и металось воинство фюрера на этом рубеже, снова и снова пыталось наносить удары в разных направлениях, бросая в контрнаступление на узком участке фронта по 60–70 танков. Фашистское командование не щадило десантов автоматчиков, которые неизбежно гибли в бесплодных и бессмысленных атаках.

В ходе битвы за Вислу не только генералы фюрера, но и его рядовые солдаты могли убедиться в неизбежности своего позорного конца.

Начиная с 12 января 1945 года наш корпус вел непрерывные наступательные бои на пространстве от Висленского плацдарма до реки Одер. Не давая противнику возможности закрепиться на промежуточных рубежах, вынуждая его к поспешному отходу, наши части к исходу 22 января вышли к Одеру, где завязали упорные бои за овладение предмостными укреплениями и на восточном берегу.

Особенно яростное сопротивление отборные войска СС (как видно, фюрер берег их до критического момента) оказали нам в районе Тиргартена (восточнее Олау), однако решительными действиями нашей пехоты и артиллерии они были выбиты из укреплений и отошли на западный берег Одера, взорвав за собой мост в районе Олау.

Не замедляя наступления, наш корпус развернул бои за города Крейцбург и Констандт, крупные узлы железных и шоссейных дорог. Противник, по-видимому, долго укреплял Крейцбург: город был окружен глубоким противотанковым рвом, подступы к нему прикрывались долговременными сооружениями.

Но гвардейцам теперь не были страшны ни доты противника, ни минные поля, ни противотанковые рвы, ни хитроумные заграждения. Советский гвардеец научился воевать, обходить коварные ловушки, подрывать дотыи дзоты, врываться на плечах противника в немецкие города, сокрушать самые неприступные его позиции.

И я снова обращаюсь к 13-й гвардейской. До последнего рубежа победы — до Эльбы — она со славой пронесла свое продымленное, пробитое пулями знамя.

В районе Клетвиц ее подразделения захватили в лесах группы фашистских солдат и офицеров 10-й танковой дивизии «Фрунсберг», 21-й танковой дивизии, дивизии СС из охраны фюрера, зенитного полка «Герман Геринг», различных частей фольксштурма и др. Эти отпетые головорезы готовились к диверсиям в тылу наших войск.

Последние конвульсии врага, сопровождаемые волчьим воем Геббельса по радио, не могли, конечно, предотвратить или замедлить

неизбежное: Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков близилась к победоносному завершению. Штурмуя последние узлы сопротивления противника, освобождая от фашистов все новые населенные пункты, воины корпуса с каждым часом приближались к последнему рубежу.

24 апреля наше гвардейское знамя затрепетало над Эльбой. На западном берегу реки, в районе города Торгау, мы встретились с войсками 1-й американской армии. Фашистские войска были рассечены на две изолированные группировки. Теперь уже никто во всем мире не сомневался, что они обречены.

Однако боевой путь 32-го гвардейского стрелкового корпуса еще не был завершен. Выполняя приказ командования, мы двинулись на Дрезден. После двухдневных ожесточенных боев 7 мая 1945 года город был занят нашими войсками. 9 мая корпус вошел в Судетскую область и после коротких боев освободил города Теплице и Шанов. В этот день радио донесло до нас весть о полной безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

А 10 мая передовые отряды — танки и мотопехота 13-й гвардейской ордена Ленина, Краснознаменной дивизии — вошли в столицу Чехословакии — златоглавую Прагу.

Не следует думать, читатель, что, рассказывая о боевых действиях 13-й гвардейской и 32-го гвардейского стрелкового корпуса, я хочу подчеркнуть исключительность их подвигов. Наше соединение было лишь небольшой частицей могучих Советских Вооруженных Сил, и оно внесло свой скромный вклад в дело великой победы.

Этот вклад — девять тысяч километров военных дорог, пройденных нами с тяжелыми, кровопролитными сражениями; десятки освобожденных от фашистской нечисти городов Родины, а также Польши, Германии и Чехословакии. Это горы смертоносного металла — разбитых и сожженных фашистских танков, бронетранспортеров, пулеметов, минометов, пушек, отправленных нами в мартеновские цехи, чтобы из орудий смерти они превратились в орудия труда. Это — горькие утраты молодых жизней; прощание с верными друзьями, до конца исполнившими свой воинский долг, и священная, неискоренимая, вечная ненависть к фашизму — во имя радости на земле.

Когда в древней и всегда юной Праге нас обнимали, осыпали цветами и поцелуями наши чехословацкие друзья, оглядываясь на пройденный путь, как пахарь оглядывается на трудную, политую потом ниву, мы, воины, помнили, какой ценой далась нам эта радость.

За взгорьями, неподалеку от Праги, еще погромыхивали орудия. Ветер доносил знакомую дробь пулеметов. На белокрылом облаке, что задержалось над горой, поблескивали отсветы пожара. Это наши воины добивали банду эсэсовцев, которая не признала капитуляцию и пыталась укрыться в лесах. Я смотрел на восток, на сполохи пожара, и мне они казались заревом плавки, а вспышки трассирующих пуль — волнистыми всплесками автогена. В памяти всплывали слова солдата, прозвучавшие с дощатой трибуны на площади у Волги:

— Мы возродим наши села и города. Они поднимутся из пепла еще прекраснее, чем были. Мы распашем наши земли, обожженные войной, удобрим их, согреем хозяйскими руками и вырастим небывалые урожаи… Мы построим гиганты-заводы и электростанции. Это будет решающая победа коммунизма.

Теперь наши воины отчетливо видели за далями еще не взятых в то время хозяйственных рубежей наш трудовой, наш победный день — светлый и радостный день грядущего.

Давно отгремели сражения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

В послевоенный период советский народ показал новый пример героизма, восстановив в кратчайший срок разрушенное войной народное хозяйство. Наша Родина достигла невиданного расцвета экономики, науки, техники и культуры.

Социализм превратился в решающий фактор мирового развития. Соотношение реальных сил в мире сейчас таково, что мы, советские люди, опираясь на мощь братского содружества социалистических стран, не страшимся угроз любых империалистических заговорщиков.

Но империалистическая реакция не рассталась со злобными замыслами новых военных авантюр. Еще окончательно не устранена опасность ядерного конфликта, еще не погасли на планете очаги войны.

Мы, советские люди, бдительны и спокойны. Нам не страшны ни трубные призывы натовских мальбруков, ни их военные маневры, ни скрежет зубовный, временами доносящийся из-за стен Пентагона.

Да, мы бдительны и спокойны. Оглядываясь на пройденные фронтовые дороги, мы испытываем чувство радостной гордости за нашу великую и прекрасную Советскую Родину. Мы, советские люди, отстояли мир. Но мы не почили на лаврах. Нет, мы на страже. Мирный творческий труд нашего народа охраняют испытанные в боях, преданные партии Ленина, не знающие страха в борьбе с врагом, —

твои, Отечество, сыны.

СЛОВО О СОЛДАТЕ

…Шестидесятые годы порадовали меня большой и увлекательной совместной работой с дважды Героем Советского Союза генерал-полковником А. И. Родимцевым над подготовкой к изданию его мемуаров «Твои, Отечество, сыны».

Человек удивительной судьбы, он не любил о себе говорить, отшучивался: «Моя биография поместится на одной странице: родился восьмого марта девятьсот пятого года в бедняцкой семье в селе Шарлык на Оренбуржье. С отрочества — пастух. С юности — солдат, в армии — с двадцать седьмого и, видимо, навсегда».

Но боевые награды говорили сами за себя: две Золотых Звезды Героя Советского Союза, три ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, орден Богдана Хмельницкого I степени, два ордена Суворова II степени, орден Кутузова II степени, два ордена Красной Звезды, медали, а также награды социалистических стран.

В 1936 году Александр Ильич Родимцев встал в боевые ряды воинов-интернационалистов, чтобы вместе с трудовым испанским народом отстоять от фашистских мятежников молодую Республику. На обожженных полях Испании впервые довелось Родимцеву вплотную сойтись в боях с кровавыми фашистскими извергами. Он видел, как без оглядки бежало шумное воинство Муссолини — «Черные перья», «Черные стрелы» и прочая черная братия. Наблюдал чванливых гитлеровских вояк: они проводили в Испании «репетицию» грядущей большой войны. Там же, в Испании, — в Уэске, Гвадалахаре, Мадриде Александру Ильичу посчастливилось встретить прекрасных и мужественных людей: Долорес Ибаррури, ее сына Рубена, легендарного Матэ Залку — генерала Лукача, писателя Эрнеста Хемингуэя, немецкого литератора Людвига Ренна, незабвенного Михаила Кольцова и многих других, кто служил примером бескорыстия, свободолюбия и отваги. Великую Отечественную войну Герой Советского Союза полковник Родимцев встретил, располагая значительным боевым опытом и знаниями, позднее усовершенствованными в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Дальше были опаленные огнем Великой Отечественной — Киев, Сталинград, Полтава, Кировоград, плацдарм на Одере… Освобождением Праги завершился славный боевой путь генерала-коммуниста, дважды Героя Советского Союза Родимцева.

Когда я перечитываю воспоминания Александра Ильича, перед глазами невольно возникает старенькая, потрепанная записная книжка. Сколько раз нам доводилось листать ее странички, поблекшие от солнца и ветра, меченные пылинками дорог и брызгами дождя. Пронесенная в кармане гимнастерки командира 5-й воздушно-десантной бригады многие сотни километров, через десятки сражений от Киева до Сталинграда, она хранит памятные даты, названия сел и деревень, железнодорожных станций, урочищ, высот и, конечно же, дорогие сердцу солдата имена.

Помнится, просматривая торопливые записи, датированные сентябрем 1941 года, я с трудом разобрал три резких отрывочных строки:

«…В жизни есть минуты невыразимо глубокого значения. О, славная, добрая мать-Украина! Я — русский. Но твои страдания — это мои страдания, и твои раны — мои раны».

Через десятилетия, с волнением всматриваясь в потускневшие строки, Александр Ильич задумчиво вспоминал:

— Есть в степи, под Бурынью, большой курган. У подножия, в траве, — межевой столбик. Значит, на запад и на юг — Украина; на север и восток — Россия.

Вереницей тянулись через поля женщины, старики, дети… Фронт приближался, люди уходили от фашиста. Молчаливое шествие народа Украины под защиту братской Руси…

Он бережно сложил записную книжку, крепко зажал ее в ладонях:

— Три строчки… а в памяти та незабываемая картина. Степь… И курган. Я видел, как седой старец припал к родной земле, и сознание горькой личной вины нестерпимо обожгло сердце. Тогда я и записал эти слова.

Мы стояли на новеньком шоссе перед зеленой стеной Голосеевского леса. Перед нами, если смотреть в сторону Днепра, открывалась бескрайняя даль полей и перелесков. Он легонько тронул меня за плечо:

— Тот, кто прошел дорогами войны, поймет солдатскую печаль и горечь. Мы отходили на восток. Цеплялись за каждый рубеж, за каждую мало-мальски удобную позицию. Мы дрались против танков и мотопехоты. Вырывались из «клещей», хоронили товарищей, снова занимали оборону и поднимались в контратаки. У меня в бригаде были русские и украинцы, грузины и белорусы, татары, узбеки, молдаване, но для всех нас, таких разных, Украина была доброй матерью, и тот старик у кургана был наш родной отец, а его печаль и боль были

нашей общей печалью и болью.

В процессе работы над эпизодами, посвященными героической обороне Киева, — а в той незабываемой эпопее 5-я воздушно-десантная бригада занимала один из ответственных рубежей, — следовало уточнить, где именно находился КП бригады Родимцева. Добравшись к окраине Киева, мы остановили машину и взошли на крутой взгорок у Голосеевского леса.

— Какие перемены! — удивился Родимцев, осматриваясь по сторонам. — Не было этой улицы, не было шоссе…

— Послевоенный Киев, Александр Ильич, быстро растет и хорошеет.

Он согласно кивнул.

— Убеждаюсь наглядно. Тогда под ногами здесь путался непролазный кустарник… и все-таки узнаю высотку, на которой был мой командный пункт: вот за этими воротами, на усадьбе.

Он указал на молодой майский сад в белом кипении цветущих яблонь, не ведая, как знакомы и дороги были мне и тот ухоженный сад, и зеленая калитка, и светлая аллейка, ведущая к домику в глубине усадьбы.

У ворот Александр Ильич остановился:

— А позволят ли хозяева нам, незнакомцам, войти?

Я ответил уверенно:

— Позволят! — и приоткрыл калитку.

Он взглянул на меня внимательно:

— Похоже, вы здесь бывали?

— Еще сколько раз!

— И что же вас сюда приводило?

— Поэзия…

Мы несколько замешкались у входа.

— Ну, — шутливо и озабоченно обронил Родимцев, — загадочный вариант!

На аллейке послышались шаги, и я поспешил внестиясность:

— Никакой загадочности, Александр Ильич. Здесь живет и работает Депутат Верховного Совета СССР, поэт-академик Максим Фадеевич Рыльский.

Александр Ильич лишь успел удивиться:

— Подумать — какое совпадение!.. — Калитка распахнулась настежь, и бодрый, веселый, в белой вышитой сорочке, в сандалиях на босу ногу, Рыльский шагнул нам навстречу, удивленно вскинул брови:

— Гостям почет — хозяину честь…

Я отрекомендовал Максиму Фадеевичу генерала. Пожимая нам руки, Рыльский улыбнулся:

— Вашу визитную карточку, Александр Ильич, могу заполнить и сам. Итак, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Родимцев, в прошлом воин-доброволец испанской республиканской армии, сподвижник Листера и Модесто, затем участник многих сражений Великой Отечественной войны, командир легендарной Тринадцатой гвардейской дивизии в огневые месяцы обороны Сталинграда, командир корпуса в пору нашего генерального наступления, а ныне командарм.

— Я, правду сказать, не ожидал… — смутился Родимцев, — Извините за неожиданный визит. Но, поскольку здесь, на вашей нынешней усадьбе, находился КП Пятой воздушно-десантной бригады…

Рыльский всплеснул руками:

— Вот оно что!.. Да, здесь была довольно глубокая выемка, возможно, большой окоп… Когда строили дом, землекопы ее засыпали. Теперь на том месте — красавица-яблоня.

Мы сидели на просторной веранде, и хрупкая ветка цветущего дерева осторожно тянулась к нам через перила.

Вспоминали о войне, говорили о книгах, посвященных военной теме, и тихий, задумчивый Рыльский размеренно прочитал нам «Слово о Матери-Родине».

— Подумать только, — в раздумье сказал Александр Ильич, — в горячие дни обороны Киева на этой изрытой снарядами высотке располагался командный пункт бригады воздушных десантников. А теперь — нет, я не преувеличиваю — здесь КП украинской советской поэзии.

Помнится, рассказав эпизод о героической гибели бесстрашной разведчицы из своей бригады, Родимцев заметил:

— Есть немало книг, написанных военачальниками, и книг о военачальниках. Но я не знаю книги, которую написал бы генерал о простом рядовом солдате. — И уточнил! — Да, о конкретном рядовом солдате.

Помолчав, усмехнулся:

— Быть может, солдату слишком много чести? — И тряхнул головой. — Нет, не соглашусь. Вся слава наших побед, во-первых и прежде всего — это солдатская слава.

Рыльский согласно кивнул и спросил:

— И вы, Александр Ильич, задумали книгу о солдате?

— Да. В Пятой воздушно-десантной, а затем в Тринадцатой гвардейской у меня был солдат, перед которым мне хотелось встать по стойке «смирно» и взять под козырек. Я знал многих отважнейших воинов и понимаю, что это значит — совершить подвиг. Тот солдат совершал подвиги, как самые обычные дела, а военное счастье сопутствовало ему, как оно сопутствует людям исключительно смелым. Я поражался отваге того солдата, тем более, что речь идет о женщине, вернее, о девушке, почти девочке: ее фамилия — Боровиченко, но в бригаде ее звали «Машенька из Мышеловки». Школьница, комсомолка, человек кристально чистой души, исполненный лютой ненависти к врагу. В битве на Курской дуге, отражая танковую атаку противника, Мария Боровиченко пала смертью храбрых.

Родимцев бережно прикоснулся пальцами к цветущей ветке.

— Некоторые полагают, что генералу со своего КП действий отдельного солдата не разглядеть. Это неверно: генерал тоже был солдатом, и для обоих слова присяги есть мера жизни и высший закон. Именно потому, что мне были видны и остались памятными дела отдельных солдат, следует сказать о них благодарное слово. Этого слова заслуживает и Машенька из Мышеловки.

Он сложил на перилах натруженные руки, светлые, зоркие глаза смотрели мечтательно:

— Доведется выйти на отдых — засяду за письменный стол. Столько записей, писем, набросков, документов — ведь это же волнующие страницы истории, и жаль, если они утратятся и будут забыты добрые имена.

Рыльский медленно встал у перил и мягко коснулся ладонью его руки:

— Так хочется пожелать вам, Александр Ильич, успехов и на творческом «поле боя».

…Книга «Машенька из Мышеловки» — рассказ прославленного генерала о простом солдате — вскоре увидела свет. Указом Президиума Верховного Совета СССР Марии Боровиченко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Улица в предместье Киева, на которой жила в довоенную пору Маша, теперь носит ее имя. У школы № 122, в которой она училась, — воздвигнут памятник.

Таков долг благодарности генерала простому отважному солдату. А сколько еще славных имен и сколько волнующих эпизодов донесли до нас боевые мемуары Александра Родимцева, изданные отдельными книгами: «Под небом Испании», «Волонтеры свободы», «Гвардейцы

стояли насмерть», «Твои, Отечество, сыны»!

В последние годы жизни Александр Ильич сосредоточенно работал над новой книгой воспоминаний «От Сталинграда до Праги». Тщательно собирал материалы, вел переписку с товарищами по оружию, просматривал подшивки фронтовых и армейских газет, перечитывал боевые донесения и сводки, изучал необходимую литературу — у него были большие и увлекательные планы.

Литературная творческая работа захватывала его всецело. Неожиданно обрывая начатый разговор, он тянулся к тетради, раскрывал ее и, найдя нужную страницу, тут же углублялся в чтение. Случалось, поспешно брал карандаш и резко правил или вычеркивал фразу и снова читал…

Как-то, будучи в Москве, я поднимался по лестнице к квартире Родимцевых. Навстречу мне, тяжело опираясь на палку, спускался немолодой мужчина. На лацкане пиджака алел гвардейский значок.

— К Александру Ильичу? — обратился он ко мне неожиданно. — Насчет подмоги? Да вы не стесняйтесь, я ведь тоже фронтовик: не видел Александра Ильича после Праги. И можете такое представить? Ни малейшей перемены! Как был солдатским батей — таким и остался.

Да, чуткость, отзывчивость к солдату, к человеку всегда отличали Александра Ильича Родимцева, Депутата Верховных Советов СССР, РСФСР и Украинской ССР.

В Киеве, в Доме офицеров, на встрече ветеранов 13-й гвардейской дивизии, глядя на воинов, испытанных в боях, он шепнул мне тихонько:

— Сколько боевых орденов! Думаю, если бы каждый из этих славных парней написал о себе, за что получил награду, — вышла бы интереснейшая книга!

Позже мы вернулись к этому разговору.

— Подтекст ордена, — сказал я, — событие, которое в нем вковано. Это хорошая идея, Александр Ильич, создать о воинах Тринадцатой гвардейской такую книгу.

Он прошелся по комнате из угла в угол:

— Почему только о Тринадцатой гвардейской! И другие отлично воевали. В общем, следует подумать: мысль о подтексте ордена, расшифровке этого подтекста, интересна.

Он любил добрую беседу, хлесткую шутку, острое словцо, меткую поговорку, веселую песню. С ними было легче солдату в дальних и трудных походах от Днепра до Волги и от Волги до Одера и Эльбы.

…Время печатает свой шаг, проходят годы, а книги генерала Родимцева — коммуниста, воина, героя — живут, они доносят до читателя огневые этапы Великой Отечественной войны, дорогие образы беззаветных защитников Родины, учат высокому советскому патриотизму. Как в той памятной записной книжке, мне видятся на их страницах пылинки фронтовых дорог, следы капель дождя далекого сорок первого и высвеченные огнем военной грозы лица соратников, пронесенные через десятки сражений в сердце, в памяти воина-коммуниста и запечатленные в его воспоминаниях.

ПЕТР СЕВЕРОВ

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com
Оставить отзыв о книге
Все книги автора

Примечания

1

Текст песни написал поэт-фронтовик Евгений Долматовский.

2

Текст Гр. Скульского.